

Пол и гендер в науках о человеке и обществе

**Материалы работы по проекту
«Интеграция гендерных исследований
в преподавание базовых
социально-гуманитарных дисциплин
высшей школы»**

Под редакцией В. Успенской

УДК 316.3
ББК 60.54
П 50

Пол и гендер в науках о человеке и обществе / Под ред.
В. Успенской. — Тверь: Феминист-Пресс, 2005. — 384 с.

Издание включает в себя доклады, представленные на научной конференции «Пол и гендер в науках о человеке и обществе» (26-27 мая 2003 г., Тверской госуниверситет), а также другие материалы работы по проекту «*Интеграция гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы*», который осуществлялся Тверским Центром женской истории и гендерных исследований в 2001-2003 году: переводы текстов зарубежных авторов об опыте трансформации учебных программ по общественным и гуманитарным наукам на основе включения женских и гендерных исследований в систему высшего образования; материалы гендерной ревизии учебных пособий, результаты социологического исследования «Гендерный климат в университетском пространстве», библиографию.

Издание книги осуществляется на средства гранта
№ 995-1320-2 Фонда Форда.

Редакционный совет:
В.И.Успенская (отв. ред.)
Н.Н.Козлова
С.В.Рассадин
Г.А.Успенский

- © Феминист-Пресс, 2005
- © В.И. Успенская, Составление, редакция, 2005
- © Авторы статей, 2005
- © Отмеченные в содержании знаком * фамилии,
перевод на русский язык, 2005

Содержание

Предисловие: Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы	5
Раздел 1. Пол и гендер в науках о человеке и обществе: доклады на научной конференции в ТвГУ 27–28 мая 2003 г.	
<i>И.И. Юкина, С-Петербург</i> Гендерное образование в России: состояние вопроса	9
<i>О.В. Шнырова, Иваново</i> Женская история в России	15
<i>Н.Л. Пушкарева, Москва</i> Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках	19
<i>И.С. Клецина, Санкт-Петербург</i> Интеграция гендерной проблематики в систему психологического знания	44
<i>Н.Н. Козлова, Тверь</i> Женщина является совершенно несоциальной или опыт гендерного анализа российской учебной литературы по социологии	71
<i>Н.Н. Козлова, Тверь</i> Гендерная ревизия учебных пособий по социологии	94
<i>Д. Ю. Бородин, Тверь</i> Преподавание истории с позиции гендерного подхода: критический анализ вузовских учебников	120
<i>И.А. Фролова, Тверь</i> Гендерная проблематика в учебных пособиях по культурологии	134
<i>А. В. Бородина, Тверь</i> Некоторые результаты анализа учебников по правоведению	141
<i>Е.Н. Строганова, Тверь</i> Категория «гендер» в изучении истории русской литературы	151
<i>В.И. Успенская, Тверь</i> Феминистская критика современного социологического знания	159
<i>Е.Д. Емельянова, Москва</i> Гендер в советской историографии	177
<i>Н.И. Павлова, Тверь</i> Опыт гендерной рефлексии (по материалам сборников «Пол. Гендер. Культура»)	187

Раздел 2. Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы: материалы работы по проекту	
<i>В.И. Успенская, Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин</i> Итоги гендерной ревизии учебных пособий	197
<i>В.И. Успенская, Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин, Ю.А. Монахова, А.М. Нагимова, Т.А. Полякова</i> Гендерный климат в университетском пространстве	214
<i>В. И. Успенская</i> Институализация женских и гендерных исследований в общественных и гуманитарных науках: материалы к библиографии	236
<i>В. И. Успенская</i> Избранная литература по гендерной проблематике к курсу общей социологии	243
<i>В. И. Успенская</i> Женские и гендерные исследования в истории: материалы к библиографии	254
<i>Н.Н. Козлова</i> Избранная литература по гендерным исследованиям в политических науках: материалы к библиографии	258
Раздел 3. Феминистская критика современного социального знания	
<i>Марсия Миллман, Розабет Мосс Кантер</i> Введение к книге «Другой голос: феминистские взгляды на общественную жизнь и социальные науки». Перевела А. Бородина*	263
<i>Маргарет Л. Андерсен</i> Изменение учебной программы высшего образования. Перевела Е. Лучинина*	274
<i>Дороти Смит</i> Женская перспектива как радикальная критика социологии. Перевела А. Бородина*	319
<i>Джоан Уоллах Скотт</i> Женская история и переписывание истории. Перевела А. Бородина*	339
<i>Джоан Келли</i> Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин. Перевели Е. Лучинина*, В. Успенская*	357
Приложение	
Центр женской истории и гендерных исследований в Тверском Государственном университете	377
Центр изучения и пропаганды женского творчества (Тверская региональная общественная организация)	380

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРЕПОДАВАНИЕ БАЗОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Исследовательский проект Тверского Центра женской истории и гендерных исследований, 2001–2003 гг.

Проект являлся частью основной работы Центра по развитию женских и гендерных исследований в ТвГУ (разработка авторских курсов, обеспечение их учебно-методическими материалами, включение курсов в официальное расписание университета, гендерное просвещение общественности города, издательские программы)¹.

В 2001–2003 гг. к этим задачам прибавилась еще одна: *гендерная ревизия учебных пособий*, а также переработка заинтересованными преподавателями своих базовых курсов на основе гендерного подхода. Цель работы трансформация учебных программ на основе интеграции гендерного подхода в преподавание базовых дисциплин социально-гуманитарного блока.

Объектом исследования являлись базовые курсы по социальным и гуманитарным дисциплинам (история, социология, политология, философия, культурология).

В результате работы по проекту в течение 2001–2003г.г. была собрана база данных (программы и учебные пособия по философии, истории, политологии и социологии, культурологии) для гендерного анализа; разработана и представлена схема гендерного анализа учебников; подготовлены материалы к библиографии по женским и гендерным исследованиям в социологии, политологии, социологии истории; проведена серия методологических семинаров для преподавателей, заинтересованных в разработке гендерно инклюзивных курсов и переработки своих ба-

---

¹ См. о Тверском Центре женской истории и гендерных исследований и его научно-образовательных и издательских проектах в приложении и на сайте: <http://tvergenderstudies.ru>

зовых курсов с учетом гендерной переспективы. Первые результаты гендерной ревизии программ и учебников были представлены в виде докладов на проектных семинарах Тверского Центра в течение 2001–2003 гг., на научной конференции в ТвГУ 26–27 мая 2003 г., а также на конференциях и Летних школах, проведенных в России за этот период, на семинарах МЦГИ в 2004 г.

В рамках проекта проведено также социологическое исследование *«Гендерный климат в университетском пространстве»*; осуществлена апробация обновленных курсов; разработан ряд программ авторских курсов по женской и гендерной проблематике; изданы материалы к библиографии; выпущен компакт-диск с материалами работы по проекту.

Руководитель проекта В.И.Успенская и его координаторы Н.Н. Козлова и С.В. Рассадин благодарны известным российским ученым и преподавателям курсов по женским и гендерным исследованиям: Н.Л. Пушкаревой, Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, Е.Д. Емельяновой, И.С. Клещиной, О.В. Шныровой, И.И.Юкиной за их творческое участие в проекте тверского центра, а также за их презентации для преподавателей и аспирантов тверских вузов в течение 2002–2003 гг. и на итоговой научной конференции «Пол и гендер в науках о человеке и обществе», Тверь, 26–27 мая 2003 г.

Финансовая и материальная поддержка проекта:

Фонд Форда

Женская Сетевая программа ИОО (Фонд Сороса, Россия)

Министерство образования РФ

Тверской государственный университет

В.Успенская

Раздел 1

**Пол и гендер в науках о человеке и
обществе: доклады на научной
конференции в ТвГУ**

26–27 мая 2003 г

И.И. Юкина, С-Петербург

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

В последние десять лет гендерная проблематика медленно, но неуклонно входит в учебный процесс и систему высшего образования России. Лидерами этого процесса в России в свое время стали провинциальные университеты. Так, в Ивановском и Тверском государственных университетах впервые были введены курсы по феминологии и истории женщин, созданы первые структуры в виде кафедры феминологии в Ивановском университете и Центра женской истории и гендерных исследований в Тверском. Конечно, в значительной мере эти нововведения оказались возможными благодаря статусным позициям приверженцев гендерного образования в своих университетах, но и роль академических женских общественных организаций, поддерживавших разработку и чтение гендерно ориентированных курсов нельзя недооценивать.

В первую очередь это были гендерные центры, работающие в университетах и научных институтах и имеющие статус общественных организаций, как это произошло, например, в Петрозаводском государственном университете, или другие женские академические организации, вроде Женской гуманитарной коллегии им. А.П.Философовой, которая с 1993 г. и по сию пору действует в Невском институте языка и культуры и объединяет женщин-сотрудниц высшей школы и академических институтов.

Сегодня процесс институционализации гендерных исследований в системе высшей школы вышел на принципиально иной уровень. Курсы по гендерной проблематике читаются в столичных университетах, появились гендерные центры и другие подразделения, занимающиеся гендерной проблематикой и в структуре самих университетов. Например, лаборатории развития гендерного образования в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова или лаборатория по гендерной психологии в Российском государственном педагогическом универ-

ситете им. А.И.Герцена, появился гендерный центр в Санкт-Петербургском государственном университете, кафедра гендерных исследований в Невском институте языка и культуры (СПб).

Курсы по гендерной проблематике читаются уже не только ознакомительные — «Введение в гендерные исследования» и в рамках курсов по выбору, но идет процесс спецификации вузов по определенным направлениям гендерных исследований. Так, РГПУ им. А.И.Герцена развивает направление гендерной психологии. Невский институт языка и культуры — гендерных исследований в русской истории и культуре, Европейский университет в СПб — гендерных исследований в политологии и социологии.

Усилиями приверженцев гендерных исследований в стандарт высшего образования страны был введен курс «Феминология» по специальности социальная работа, переименованный сейчас в курс «Феминология и гендерология».

Причинами такого явного и видимого успеха стали, с одной стороны, осознанная политика «гендерного сообщества» по институционализации гендерных исследований в высшей школе как исследовательской и преподавательской практик. В последние десять лет обсуждение механизмов введения гендерных курсов, обмен опытом по решению, связанных с этим процессом проблем — постоянная тема на многочисленных конференциях, семинарах и в летних школах. А с другой стороны, очень значима роль международных фондов, деятельность которых была направлена на поддержание гендерных исследований, публикацию их результатов, издание первых учебных пособий, что в свою очередь способствовало оформлению самого научного «гендерного» сообщества.

Но, наряду с этими успехами в развитии гендерного образования сегодня существует ряд серьезных нерешенных проблем. Эти проблемы можно обозначить как проблемы двух типов.

1. Организационные проблемы, то есть проблемы «вписания» гендерных курсов в государственный стандарт по подготовке специалистов разного профиля, как в виде обязательных курсов, так и курсов по выбору, которые в свою очередь подразделяются на федеральные, то есть обязательные к предложению студентам и региональные — отданные на усмотрение самих учебных заведений. К организационным проблемам относится

также оформление специализированных гендерных курсов (гендерная психология, женская и гендерная история и т.д.) как дополнительного профессионального образования.

2. Проблема содержания курсов и качества преподавания.

Обе проблемы связаны между собой самым тесным и непосредственным образом. Если на первой стадии введения гендерных исследований в образовательный процесс, который начался с общих курсов, в рамках которых студентов познакомили с новой областью знания, то эти первые курсы читались приверженцами и энтузиастами гендерного подхода, проводящих собственные исследования и проблема качества преподавания не вставала. Очевидно, но, тем не менее, стоит лишний раз подчеркнуть, что гендерные исследования должны опережать развитие преподавательской практики, если мы хотим получить качественный результат. Может быть, именно поэтому качество первых гендерных курсов было высоким, не смотря даже на то, что методического обеспечения этих учебных курсов не было.

Издание программ учебных курсов, курсов лекций, хрестоматий — все это достижения последнего времени, в то время как гендерные курсы читаются уже почти 10 лет. В последние годы опубликован ряд учебных пособий. Это курс лекций «Теория и методология гендерных исследований» под редакцией О.Ворониной, Москва, 2001; учебные пособия «Феминология» Е.М. Зуйковой и Р.И. Еруслановой, Москва, 2001 и пособие и хрестоматия «Введение в гендерные исследования» под редакцией И. Жеребкиной, Харьков-СПб, 2001; хрестоматия «Феминизм и гендерные исследования» под редакцией В.Успенской, Тверь, 1999; хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований», ответственный редактор О.Воронина, Москва 2000, «Антология гендерной теории» под редакцией Е.Гаповой и А.Усмановой, Минск, 2000 и «Хрестоматия феминистских текстов» под редакцией Е.Здравомысловой и А.Темкиной, СПб., 2000.

В большинстве своем эти пособия изданы при поддержке зарубежных фондов — Женской сетевой программы Института Открытое Общество (фонд Сорса) и Фонда Дж. и К. МакАртуров. И все эти пособия не имеют грифа Министерства высшего образования РФ.

Чтение первых университетских курсов по гендерной проблематике энтузиастами гендерных исследований людьми ув-

леченными и профессиональными, высоко поставили планку преподавания гендерной проблематики. Так, например, в сфере истории О.А.Хасбулатова (Ивановский государственный университет) и В.И.Успенская (Тверской государственный университет) своими исследованиями во многом определили подходы к изучению истории женщин и своей организационной деятельностью обозначили центры развития истории женщин в стране. Рост числа их учеников и последователей формирует в этих университетах научные школы нового направления в отечественной историографии.

Эта ситуация — спецификации гендерных исследований в различных научных центрах, преимущественно университетах, имеет тенденцию по всей стране. Гендерные исследования развиваются как специализированные научные отрасли (гендерная история, гендерная социология) и соответственно им разрабатываются специализированные гендерные курсы. Одновременно с этим, в государственный стандарт усилиями того же научного гендерного сообщества введен обязательный курс «Феминология и гендерология» для студентов, обучающихся по специальности социальная работа. Вследствие этого резко расширился корпус преподавателей, призванных в обязательном порядке читать этот курс. Встала проблема качества преподавания, обеспечения учебного процесса методическими материалами во всероссийском масштабе. При разработке своих курсов преподаватели столкнулись с трудностями, вызванных отсутствием методического обеспечения этого обязательного к прочтению курса, а также отсутствием широкой научной рефлексии по поводу познавательного статуса гендерных исследований как нового направления в науке и гендерного подхода как метода научного познания, и по поводу целесообразности введения этого нового направления в учебную программу.

Косвенным подтверждением неактуальности гендерного знания для администрации и «негендерного» профессорско-преподавательского корпуса служит отсутствие учебных пособий по гендерной тематике, имеющих гриф Министерства образования РФ и адаптированных к специальностям, по которым ведется подготовка студентов. Без методического обеспечения практически невозможно в массовом масштабе качественно разрабатывать и читать курсы лекций, в то же время эта ситу-

ация рождает сомнения в необходимости введения такого курса в программу.

Как известно, методическое обеспечение учебной дисциплины должно включать в себя опубликованную программу курса, учебное пособие и хрестоматию, и методические пособия по проведению практических и семинарских занятий. Программ курсов уже опубликовано довольно много. Проблема с учебными пособиями стоит довольно остро, так как существующие учебники, с одной стороны, не имеют грифа Министерство образования РФ, а с другой изданы небольшими (для всероссийского распространения) тиражами. Интересно, что условием получения грифа Минобразования является не только лицензирование и положительное заключения учебно-методического объединения (УМО), но и договор с издательством на тиражирование учебника. Похоже, что без помощи фондов эту проблему также не решить. Что касается методических пособий по проведению занятий, то их еще нет.

Другая составляющая проблемы качества преподавания относится к чтению специализированных курсов по гендерной проблематике. Так, И.С.Клецина в своей статье «Качество преподавания как одна из проблем гендерного образования» обращает внимание на неразработанность с точки зрения научных критериев тех областей гендерного знания, на основе и в рамках которых формируются новые учебные дисциплины. Любая новая область знания проходит в своем становлении через формулирование своего предмета, определение статуса нового знания и его места в рамках сложившихся научных дисциплин, определение методологии научного познания, формирование понятийного аппарата, методов теоретического и эмпирического исследования, накопление эмпирической и фактологической базы¹.

Не пройдя этот путь, не решив все вышеперечисленные задачи, не стоит ожидать качественного развития этих гендерных дисциплин и, соответственно, их преподавания.

---

¹ Клецина И.С. Качество преподавания как одна из проблем гендерного образования. // Гендерные исследования и гендерное образование в системе высшей школы. Иваново, 2002, с. 5-6.

Следует отметить опять-таки отсутствие какой-либо научной рефлексии по поводу формирования этих новых направлений/отраслей гендерного знания, к примеру, женской и гендерной истории или гендерной педагогики. Что вполне закономерно, так как именно отсутствие рефлексии и ведет к тому результату, что мы имеем — к не разработанности сфер гендерного знания с позиций научных критериев. Вся эта ситуация не создает возможностей для решения проблем институционализации и качества преподавания гендерных отраслей знания. Поэтому вполне естественной выглядит ситуация слабого развития этих направлений и довольно низкого уровня преподавания соответствующих им курсов. Что касается методического обеспечения, то здесь ситуация находится в той же степени не разработанности, что и в отношении обязательного к чтению курса феминологии.

Отдельной проблемой стоит вопрос о названии этих новых научных дисциплин. По моему мнению, термин «феминология» не корректен и не передает социального аспекта, а стало быть, и сути этой дисциплины. Термин «гендерология» тоже вызывает возражения у многих специалистов.

Ситуация усложняется тем, что гендерные исследования, безусловно, идеологизированная отрасль знания, методологической основой которой выступает феминистская теория. Собственно сам гендерный подход, заявляемый как постановка вопроса и метод во всех гендерных дисциплинах — есть не что иное, как рассмотрение любых социальных процессов и явлений с позиций гендерной стратификации. Поэтому нельзя не согласиться с советом, данным И.С.Клециной в уже упомянутой статье, что, прежде всего, преподавателю важно определиться в своих собственных взглядах, прежде чем начинать преподавание гендерных курсов. Декларация своих взглядов и своего личного опыта, не осмысленного критически, вряд ли кому интересна. Традиционно-стереотипные представления и установки преподавателя сведут на нет инновационный и познавательный потенциал курса и дискредитирует его.

Таким образом, решение проблем методологического обеспечения гендерных курсов и качества их преподавания — новый барьер на пути институционализации гендерного образования в системе высшей школы России и преодоление его — задача на ближайшее время.

О.В. Шнырова, Иваново

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ В РОССИИ

Гендерные исследования в России как научное направление появились в начале 90-х гг. XX в. Сейчас они уже достаточно развиты. Доминирование в течение длительного времени марксистской методологии привело к методологическому отставанию исторической науки, возникновению большого количества лакун в истории, в том числе в области социальной истории и истории культуры. Нельзя сказать, что в советской исторической литературе не появлялось работ о женщинах, но в основном они были посвящены позитивным изменениям в статусе женщины после Октябрьской революции и рассматривали ее как мать и труженицу. Превознося ее активное участие в общественной жизни и трудовой деятельности, они, тем не менее, исходили из биодетерминистского подхода. Как было верно отмечено Joan Huber in «Theory of Gender Stratification» «положение женщин в обществе относительно мужчин в народных демократиях Восточной Европы и в демократиях Запада практически не имеет различий».

Понятие «гендер» было до начала 90-х годов неизвестно в российском научном сообществе, и до сих пор оно не является распространенным. Феминизм рассматривался в Советском Союзе как буржуазное течение, и поэтому все, что с ним связывалось, считалось недостойным изучения. Отсюда как отсутствие работ по истории непролетарского женского движения, так и отказ от использования феминистской методологии. В российской исторической науке до сих пор методологическим каноном является позитивистский подход, критикующийся феминистскими теоретиками как основывающийся на особенностях мужского мышления и поэтому обеспечивающий его доминирование. Узкая специализация, до сих пор существующая в гуманитарных науках, в том числе и в истории приводит к тому,

что междисциплинарные исследования до сих пор являются достаточно редкими.

В исторической науке историков, занимающихся междисциплинарными исследованиями, иногда упрекают в ненаучности. Постмодернистский подход, на котором базируются во многом гендерные исследования, его противники упрекают в антиисторизме, что также не способствует их принятию в исторических и некоторых других гуманитарных дисциплинах, для которых этот принцип важен. Женская проблематика второстепенная. По-прежнему историки, так же, как и социологи, рассматривают женщин либо в качестве жен и матерей, либо в качестве проституток при изучении социальных девиаций. Поэтому самым развитым направлением в женской истории является история семьи, и в последнее время достаточно большое количество работ выходит по истории проституции. Еще одним достаточно активно развивающимся направлением является история женского движения, представляемая как направление истории социальных и политических движений и использующая их методологию. Такие популярные и хорошо разработанные в западной женской истории проблемы как история телесности, сексуальности, культурных репрезентаций гендера в российской женской истории практически отсутствуют.

Свою тормозящую роль здесь играет консервативность академической науки, активно сопротивляющейся новшествам. Невладение гендерной теорией и методологией. Проведение биодетерминистского подхода под маркой гендерного. Отсутствие финансирования: гендерные исследования в целом финансируются западными фондами, история нет. Неразбериха в архивах. Отсутствие тематических путеводителей.

Женская история развивается в основном не на исторических факультетах классических университетов, а на гуманитарных кафедрах технических вузов, либо в недавно созданных учебных заведениях (кафедра социологии гендерных отношений Невского института языка и культуры в Санкт-Петербурге, гуманитарный факультет Костромского технического университета и т.д.)

Однако, несмотря на все вышеперечисленные трудности, гендерные исследования постепенно завоевывают свое место в

российской науке, и их развитие, на мой взгляд, имеет неплохую перспективу, в том числе и в исторической науке. Собственно, в медиэвистике, особенно в сфере изучения истории ментальности, частной жизни, микроистории, где продуктивно используется постструктуралистская методология, гендерная проблематика прижилась уже давно и имеет признанный статус.

Мне кажется, что неплохие перспективы развития гендерных исследований в российской гуманитарной науке обусловлены и особенностями ее развития. До недавнего времени основополагающей для нее была марксистская методология. Известна достаточно тесная связь отдельных направлений феминизма с марксизмом. Радикальный феминизм достаточно активно использует марксистскую теорию для объяснения причин и механизмов подчинения женщин. С другой стороны, марксистское направление в исторической науке время от времени обращалось к истории женщин, рассматривая ее как часть социальной истории либо как рабочей истории (Прайс Р. Конец социальной и рабочей истории? //Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.94) Интеллектуальный кризис, постигший в конце 80-х гг. в связи с кризисом марксизма российскую гуманитарную науку, заставляет ее представителей искать новую проблематику и новые методологические подходы для ее разработки. В этой связи гендерная проблематика достаточно хорошо вписывается в социальные науки, в том числе и в историю.

Отношение к феминистской методологии в студенческой среде: преподаваемые на историческом факультете курсы «Мужчина и женщина в XIX в.: брак, любовь, сексуальность» и «История сексуальности в Европе XIX в.» являются самыми посещаемым на факультете, причем почти половину слушателей составляют молодые мужчины. При этом в рамках этого спецкурса не вызывает сопротивления рассказ о подходах и трактовках проблем, предлагаемых феминистской теорией. Феминистская критика воспринимается спокойно, если она не маркирована как таковая.

В настоящее время многие исследователи предпочитают причислять себя к специалистам в области гендерной, а не женской истории. Точно также гендерные исследования более популяр-

ны, чем женские, в других гуманитарных дисциплинах. Это связано не только с тем, что женские и гендерные исследования в России стали развиваться практически одновременно, но и с негативным восприятием феминистского дискурса в российском обществе и академической среде. Гендерные исследования далеко не всегда маркируются как феминистские, что обеспечивает их более нейтральное восприятие. Эти же обстоятельства приводят к тому, что среди исследований в области женской истории в России нет работ мизоандринной направленности.

Основные центры развития женской и гендерной истории: Тверской государственный университет, где действует Центр женской истории и гендерных исследований, Ивановский государственный университет Центр гендерных исследований, Институт Всеобщей Истории Академии Наук, выпускающий альманах гендерной истории «Адам и Ева», Костромской технической университет. Здесь сложились школы и научные направления. Есть плодотворно работающие исследователи в области женской истории в Москве (Н.Л.Пушкарева), в Петербурге (И.Юкина), в Омске (Н.Быкова). Однако особенно в провинции многие историки рассматривают женскую историю с традиционных позиций и подходов, иногда с позиций биодетерминизма.

Н.Л.Пушкарева, Москва

ПРЕДМЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ

Что такое «гендерная история»? Задайте этот вопрос на Исторических факультетах университетов, и Вы услышите, что речь идет об «исследованиях истории полов». Так ли все просто? Если мы просмотрим новейшие сборники и монографии (изданные на русском языке), где упоминается это понятие, может возникнуть впечатление, что речь идет о еще более узком понимании «гендерной истории» как истории «женской», поскольку в разделы по гендерной истории обычно попадают работы по истории женского движения и образования, участию выдающихся женщин в делах управления государствами, дипломатии, внешней политике.

Если же «гендерная история» (этнология, археология) это всего лишь «добавление» женщин в общую ткань исторического повествования, тогда зачем необходимо употребление нерусского слова, термина, который подчас не всем понятен? Ведь проблемы пола изучались гуманитарными науками (в том числе этнографами) не один век. Существует ли «гендерная история» как особое направление в исследованиях прошлого? В чем его суть и значение? Каков предмет анализа этого направления в науке? Каково содержание гендерного подхода (как суммы методов и приемов исследовательской работы) в истории?

Первый этап в складывании гендерного подхода в исторических науках и рождение women's studies

Первым этапом в складывании гендерного подхода в исторических науках **было рождение women's studies. Социально-политическими предпосылками** этого процесса явились 1) «студенческая революция 1968 г.», поставившая под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения; 2) оживление феминизма — так называемая его «вторая волна» и 3) сексуальная революция, позволившая открыто говорить о проблемах пола.

Общенаучными предпосылками рождения women's studies были 1) кризис марксистской парадигмы, в том числе в объяснении причин угнетенного социального положения женщин; 2) релятивизация биологического детерминизма и эссенциализма. Немалое значение сыграла и 3) модернистская концепция научных революций, представившая всю теорию познания в виде стратегии «придавания статуса научности» уже существующим или возникающим убеждениям и верованиям.

Без структурного функционализма, теорий социального конструирования, драматургического интеракционизма, этнометодологии немислимо представить рождение «женских исследований» в социологии конца 60-хначала 70-х гг. Модернистские взгляды в психологии подготовили создание подобного направления в исследовании психических процессов, включив в себя особое внимание к субъективному и стремление типизировать индивидуальное, дав основание движению за так называемый «гуманистический потенциал», за право каждого человека быть самой собой, самоактуализовываться, сопротивляться давлению сред.

Рождение women's studies относится к концу 60-х гг. Взлет неофеминизма оказал огромное влияние на интеллектуальную сферу во всех странах мира, не обошел он и историков. Первый спецкурс по истории «женского движения» был прочитан в Сиэтле в 1965 г., а первые спецкурсы по «женской теме» — в университетах Вашингтона, Портленда, Ричмонда, Сакраменто в 1969 г. Но всем им не «везло» с популяризацией проблематики. Перелом наступил тогда, когда исследовательница из Корнелльского университета **Шейла Тобиас** предложила обобщающее название для таких исследований Female Studies. Возглавленная ею команда преподавателей социальных наук в 1970 г. прочла в указанном университете междисциплинарный курс «Женская персональность» («Female Personality»), на который записалось и сдало зачетный экзамен более 400 студентов. Одновременно, в том же 1970 г., в университете Сан-Диего была учреждена специальная междисциплинарная программа обучения студентов и та же Ш.Тобиас организовала специальное издание «Female Studies».

Развернулись дебаты о названии.

Ученым-феминисткам название «Female Studies» казалось слишком биологизированным, они предложили заменить его на

«Feminist Studies». Но и это название было отвергнуто на этот раз по причине идеологизированности (поскольку не все желающие примкнуть числили себя феминистами). Большинство университетов, создавших «женские программы», приняли наименование «Women (или Women's) Studies» — т.е. «женские исследования» как исследования, т.е. 1) написанные на «женскую тему» и 2) чаще всего самими женщинами.

В 1975 г. Нин Коч (Nynne Koch) сконструировала термин «феминология», которым часто пользуются специалисты в России. Главные отличия «женских исследований» как научного направления от всех предшествующих исследований социально-половых ролей, этнографии, психологии и социологии пола заключались в том, что они были:

- ориентированы на *критику наук*,
- на *критику общества*,
- *связаны с женским движением*,
- находились на *пересечении научных дисциплин*.

Вопрос, который сейчас кажется риторическим, «Есть ли у женщин своя история?» — четверть века тому назад звучал вполне конкретно и требовал конкретного ответа. О спорности «всеобщности» всем привычной всеобщей истории заговорили практически одновременно исследовательницы-историки в разных странах, но, пожалуй, лишь американки решились сразу заострить проблему и призвать ученых «не только возвращать женщин истории, но и историю — женщинам», рассказав всем о мировой истории женского социального опыта.

Второй этап — рождение исторической феминологии

Не удивительно, что в среде историков на появление нового направления откликнулись прежде всего ученые-феминистки. Они принялись изучать изменения опосредованной полом действительности «в пространстве» и «во времени» (то есть с учетом географической, этно-культурной и хронологической составляющей). Так сформировался *предмет исторической феминологии*. *Это «женщины в истории», это история изменений их социального статуса и функциональных ролей, это «женская история» — история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.*

Предпосылки рождения исторической феминологии

1. Формированию «женской истории» как особой субдисциплины в системе исторических наук благоприятствовал ряд обстоятельств. Прежде всего к ней пришли те, кто изучал *проблемы массовых движений*. Многие специалисты в области women's studies вышли из исследователей рабочего, крестьянского движений, в которых (в отличие от истории партий и тайных обществ) всегда присутствовали оба пола.

2. С другой стороны, возникновение «женской истории» было поддержано *медиевистами*. Расширение числа источников, диверсификация прежних итогов изучения, устаревание методов анализа превратили медиевистику и историю раннего Нового времени в «испытательный полигон» новейших аналитических экспериментов.

3. Огромное значение для рождения исторической феминологии имело и резко *возросшее значение исторической антропологии*, без которой не могла бы родиться так называемая «*новая социальная история*», объединившая все исследования жизни людей, не сводимые к «чистой» экономике, дипломатии, событийной военной или политической истории. Самостоятельными направлениями изучения стали «история повседневности», «история детства», «история сексуальности», «старости» или, скажем, «вдовства» т.п. Без «истории женщин» здесь было, конечно, не обойтись.

4. Самостоятельной и самоценной частью «социальной истории» стала *историческая демография*, пережившая в конце XX в. буквально второе рождение. Выводы историков-демографов, обратившихся впервые (благодаря включению в методы исторического исследования математических приемов обработки массовых источников, прежде всего городских кадастров и церковных метрических книг) к изучению демографической ситуации эпохи Средневековья, позволили выделить феномен, до этого не учитывавшийся исследователями. Речь идет об устойчивом дефиците лиц женского пола практически во всех социальных и возрастных группах, но в особенности в детском и зрелом возрасте. Почему она возникла, какие следствия имела? Все эти и многие другие вопросы предстояло решить, обратившись непосредственно к «истории женщин».

5. *История повседневности и частной жизни* сделала предмет изучения в отличие от традиционной этнографии не просто вещи, не только материальные формы существования человека, но «обычаи, формы и практики» повседневного быта, прежде всего отношения людей и вещей, людей к вещам и явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», формировавшийся в зависимости от форм его деятельности и самовыражения.

6. К середине 80-х гг., когда социальная история уступила пальму первенства *истории культурной и интеллектуальной*, особое значение приобрела историческая и социальная психология, возникла так называемая «психоистория», история чувств (эмоций), в научный оборот оказался «вброшен» новый термин «история ментальностей», история представлений и образов (имагология).

«История ментальностей» неизбежно подвела исследователей к выводу о необходимости изучения разных «историй», в частности историй переживаний и чувств не только победителей во всех смыслах, но и побежденных, маргиналов больных, заключенных, гомосексуалистов, беспомощных стариков, нищих и люмпенов, всех ранее забытых, так сказать, «не-героев» прошлого. Интерес к не-героям, к «рядовым» исторического прошлого заставил сопоставить (и обнаружить различия) в духовном мире и ценностях мужчин и женщин.

7. Помимо перечисленных факторов, общий научный и историко-политический контекст характеризовался *начинающимися процессами глобализации* рынков, капиталов, техники, работы, науки, т.е. в рассматриваемые 70-е гг. еще только намечались тенденции, властно заявившие о себе в настоящее время. В этих условиях вопрос о сохранении всего специфичного национального, культурного, конфессионального становился для многих ученых моральным императивом. Свой голос протеста против универсализации истории высказали феминистки, наглядно показавшие, что всеобщая история на самом деле такой не является.

Что касается *основных направлений исторической феминологии на Западе*, то их можно выделить, по крайней мере, три.

Первое направление представлено работами тех, кто старается показать в своих трудах присутствие **постепенного прогресс-**

са, «нарастания положительных достижений» в истории женщин. При этом некоторые из приверженцев такой точки зрения считают, что прогресс в женской истории тесно связан, коррелирует с процессами экономической модернизации общества, другие же склонны закладывать в основу положительных изменений в социальном статусе женщин трансформации эмоционально-ментального фона развития истории человечества.

Второе направление в изучении истории женщин — это изучение истории **меняющихся представлений** о женщинах, их месте и роли в обществе без попыток дать им оценку (вели ли эти изменения к «лучшему» или к «худшему», поскольку это все понятия «метафизические»).

Третье направление — скептическое или гиперкритическое. Мужчины исследователи, особенно в Германии и Австрии, склонны оценивать статус всех женщин во все эпохи как «непривилегированный», возможности самореализации женщин как «узкие», явления самостоятельной хозяйственной деятельности как «чрезвычайно редкие». Само европейское общество «всегда было и остается обществом господства мужчин», считают они. Искать свидетельства прогрессивных изменений дело, конечно, благородное, однако вплоть до событий XX столетия исследователю вряд ли удастся доказать, что те или иные социальные изменения принесли женщинам более «добра», чем «зла».

Рассмотрим, чего же **достигла «историческая феминология»** в западной историографии. Этапы ее развития могут быть представлены так:

Конец 1960-х — начало 1970-х гг. — этап признания «невидимости» женщин в истории и сексистской однобокости наших знаний о прошлом.

Начало 1970-х — середина 1970-х — этап комплементарного развития, стремление создать новые исследования, в том числе анализирующие прошлое, дополнив их именами ранее «потерянных» женщин, дать им право голоса, оживить этих «спящих красавиц» знаниями об их повседневности.

Середина 1970-х — конец 1970-х — этап сближения истории и феминистской идеологии, восприятия историками феминистской идеи, восприятия женщин как подчиненной группы, рассмотрения их как «проблемы, аномалии или отсутствия».

С начала 1980-х по настоящее время — разделение «женских исследований в истории» на два течения, каждое из которых считает себя первым и главным.

Одно представлено попытками изучать женщин в истории и историю женщин, опираясь на такие понятия, как женский опыт, женское сообщество, женская идентичность, женское видение мира и т.п. Излишне говорить, что это направление представлено в основном женщинами-исследовательницами или же исследователями, разделяющими идеи феминизма. Другое представлено настоятельными попытками откеститься от феминизма и создать исследования о женщинах, в том числе об истории женщин, претендующие на полную объективность, «незаданность», свободу от идеологического давления (ведь феминизм это идеология и политика).

Попытаемся теперь определить основные успехи «истории женщин» как направления в изучении прошлого, равноправного с историей университетов, историей городов, историей общественных движений и проч.

1. История женщин *«вернула женщин»* (в том числе и прежде всего выдающихся, хотя, впрочем, не только их одних!) общим курсам истории, а историю женщинам.

2. Историко-феминистические исследования доказали, что полученное ранее *«единое и полное»* знание о прошлом таковым не является, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины — ведь они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с мужской. «История как таковая уже никогда не сможет быть прежней...»

3. Вывод о существовании в доиндустриальных обществах *двух соединяющихся сфер, или доменов существования*, — сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Феминисты доказали, что сферы эти были не «сепаратными», а «соединяющимися» и равно значимыми для функционирования доиндустриального и раннеиндустриального общества как целостного организма.

4. Исследуя проблему «двух соединяющихся сфер», феминисты обратили особое внимание не столько на отношения полов, не на их взаимодополнение (как это делала традиционная наука, прежде всего этнографическая), а на их *различия*. Феми-

нологи *внесли важный вклад в подрыв традиционного стереотипа о «природном» предназначении женщины* (вынашивание детей, продолжение рода, ответственность за семью и домашний очаг), показали, как оторваться от традиционного противопоставления (прикрывающегося идеей дополнения) «природного», (женского) и «культурного» (мужского), «частного» (женского) «публичного» (мужского). Историческая феминология придала иной смысл изучению истории повседневности и некоторых сюжетов исторической этнологии (истории семьи, быта), поскольку еще раз *убедила в историчности разделения социальной жизни на публичную и приватную сферы*.

5. «Женская история» *«разрушила многие проявления мужского мифотворчества в социальной истории»*. Феминологи поставили под сомнение оценку важнейших эпох и процессов в мировой истории.

Исследования по интеллектуальной истории показали, как в европейской науке XIX в. родился миф о существовании в прошлом «власти женщин», матриархата как социальной системы. Феминологи, изучавшие эпоху средневековья и Нового времени, доказали: «прогрессивность» многих процессов и явлений античной цивилизации, эпохи Ренессанса, великих буржуазных революций *выглядит таковой только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье*. «Демократическая афинская цивилизация» предполагала содержание женщин в гинекеях (женских полловинах домов)... Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, вспомогательной, а в области культурной «одомашнивание» жен буржуа. Кроме того, именно на эпоху Возрождения пришлись и «охота на ведьм», и самые одиозные процессы над теми, кто был обвинен в ведовстве... Да и славные буржуазные революции не торопились распространить на женщин лозунг «Свобода, равенство, братство!».

6. Новые темы: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», «история вынашивания детей и родовспоможения», «история подкидывания детей и отказа от них».

7. Особой темой, рожденной исторической феминологией, стала тема *истории* (и иконографии, изображений) *женского тела*, его языка и его образов.

8. Исследования повседневности, ментальностей, частной жизни, сексуальности, выполненные историками-феминологами, показали ранее малоизученную сторону этих научных сюжетов, а именно *как люди* или «экторы» (действующие лица, от англ. *actor*) истории, *могут стать из «творцов» ее «жертвами»*.

9. Феминологи французской школы *замахнулись на внесение корректив в хронологию прогресса*. Во всяком случае, в общепризнанные исторические эпохи (античность, Средневековье, Новое время и т.д.) «женская история» внесла свою внутреннюю периодизацию.

Чтобы объяснить существование конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта у женщин разных социальных категорий, феминологи ввели фактор *различия полов и в традиционный социально-классовый анализ*.

10. Историческая феминология *ввела новое измерение в социально-экономическую историю*, родив такие темы, как «феминизация бедности», «феминность безработицы», «политическая экономия домашней работы», «история женского труда», заставив признать категорию «пол» одним из структурообразующих экономических принципов.

11. Исследование истории феминистских идей позволило феминологам *реабилитировать феминизм как политику*, в основе которой лежит принцип свободы выбора. Оно заставило признать феминистскую идею *личностного становления женщины* как основу ее эмансипации и эмансипации общества от стереотипов.

12. Женщины-историки все чаще сами приходили к *феминизму*, стараясь найти и находя *историческое обоснование этому социальному движению и направлению развития общественной мысли*. То есть, результатом рождения исторической феминологии (как и *women's studies* вообще) было пробуждение социального женского самосознания, и прежде всего у самих женщин-ученых, связавших свои творческие судьбы с изучением самих себя и статуса своих предшественниц.

13. История женщин своим появлением *заставила и мужчин задуматься над отсутствием «их собственной истории»*, заставила стать видимыми и их. Методические трудности реконструкции «истории маскулинности» оказались даже большими, чем трудности «истории женственности», поскольку мужчины, в отличие от женщин, считались той «непроблематизированной

нормой», которую не стоило и описывать (она подразумевалась). «Мужские истории», историческая андрология испытали те же сложности признания и тот же скептицизм, что и историческая феминология.

От женских исследований к гендерным

Новый этап в развитии «женских исследований», в том числе в истории, связан с новой сменой парадигм в начале 80-х гг. Именно тогда идеи противостояния как в мировой политике, так и в науке — стали уступать место идеям терпимости и допущения за другим права на существование. Границы наук стали расплывчатыми, идея интегративных, междисциплинарных, интернациональных исследований обретала все большую популярность.

Новая общеполитическая и общенаучная ситуация заставила феминисток конца XX в. задуматься, как создать *равенство возможностей*, «не меняясь местами», не пытаясь заявлять: «Кто был ничем тот станет всем», как *сохранить различия без жертв* со стороны одного из полов. Назовем такой подход «реформы вместо революции». Не случайно указанные поиски привели к ликвидации в большинстве стран «островного положения» феминисток, их сепаратизма и отделенности, поскольку целый ряд ученых понял перспективность заимствований, рецепций, «присвоения» методов гендерной экспертизы разными социальными науками, в том числе и историей.

Результат долгожданной встречи гендерной концепции с историей иллюстрирует творчество американки **Джоан Скотт**. В своей статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» она предложила видеть в «социальном поле или гендере первичный способ определения властных отношений». Для его изучения она считала необходимым подвергнуть «гендерной экспертизе» 4 группы социально-исторических «подсистем»:

- a) комплекс символов и образов, характеризующих «мужчину» и «женщину» в культуре (ср.: *гендерные стереотипы*);
- b) комплекс норм — религиозных, педагогических, научных, правовых, политических (ср.: *гендерные нормы*);
- c) проблему самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности (ср.: *гендерная идентичность*);
- d) социальные *институты*, которые участвуют в формировании гендера (семья, система родства, домохозяйство, рынок

рабочей силы, система образования, государственное устройство) и т.д.

Публикации Дж. Скотт способствовали преодолению раскола между традиционной («мужской») и новой («женской») историей. В центре внимания гендерологов оказались таким образом не только нормы, стереотипы и индентичности, касающиеся мужчин или женщин, но и *важнейшие институты социального контроля*, регулирующие неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в масштабах всего общества, класса, группы и т.д. Историк-гендеролог — в отличие от психоаналитика и зачастую социолога — придает особое значение не просто анализу гендерных стереотипов, норм, идентичностей, но характеристике того общего социокультурного и историко-культурного **контекста**, в условиях которого и складывается та или иная иерархия полов. Поэтому он неизбежно на первый план выдвигает такие вопросы как соотношение между социальной и гендерной иерархией, социальной и гендерной мифологией, социальной и гендерной историей.

Первыми о новых перспективах заговорили коллеги и соотечественницы Дж. Скотт — американские женщины-историки Герда Лернер, Джоан Келли, Натали Земон Дэвис. В связи с этим встал вопрос о *наименовании направления*, вызвавший немалые споры, не утихающие по сей день.

Часть американских феминологов, уже не первый год чувствующавших свою обособленность в ученом мире, проявили готовность поступиться дефинициями и *сменить вывеску «женская история» на наименование «гендерная история»*. Тем самым, считали они, можно преодолеть маргинальность положения исторической феминологии в системе исторических наук. Наименование «гендерная история» было явно более спокойным и «корректным», академически респектабельным; менее идеологичным (не связанным явно с феминистской теорией и феминистскими задачами) и даже «нейтрализующим феминистскую агенду», столь ярко проявившуюся в феминологии.

Умело почувствовав конъюнктуру — опасность объявления своих штудий открытой феминистскими в противовес академически респектабельным «гендерным», многие из историков заявили о смене познавательных ориентаций. Чтобы избежать нападок, «женские исследования» и «женскую историю» обя-

вили лишь этапом, переходным феноменом, который был необходим для процесса осознания и доведения до признания (научной и вообще широкой общественностью) *значимости исследований истории отношений полов*. Для этого было предложено во всех работах, даже в тех, что были посвящены исключительно женщинам, всемерно учитывать «мужской фактор», иметь его в виду, чтобы «уничтожить половинчатость науки о полах».

Готовность поступаться принципами, отказываясь от решения «женскими исследованиями» последовательно феминистских задач, расширила социальную базу нового исторического направления. Среди исследователей «истории полов» стали постепенно появляться мужчины, которые ранее иронично смотрели на развитие женских исследований со стороны. Появление мужчин в исследовательских группах помогло развернуться широкой дискуссии по поводу определения понятия «пол», содержания понятий «мужественность» и «женственность» в разные исторические эпохи, выяснить, как эти концепты пересекаются с другими дискурсивно созданными идентичностями — классом, поколением, возрастом, вероисповеданием, региональной и этнической принадлежностью.

Но даже эти новоявленные гендерологи чаще всего не были готовы к истинной междисциплинарности, применению новых, предложенных пограничными, но все же «не своими» науками психологией, философией, социологией методов и подходов исследования. Тем не менее, чтобы не выглядеть ретроgrадами и «осовременить» заголовки своих работ, они, разрабатывавшие совершенно традиционную «этнографию пола» или «историю женщин», стали именовать свои работы «гендерными исследованиями в истории». «Присвоение» гендерной концепции историческим знанием поставило многих перед дилеммой: можно ли быть гендерологом, не разделяя феминистских убеждений? Не секрет, что к ответу на этот вопрос ни тогда, ни сейчас многие оказались не готовы.

1. **Одни** соглашались с тем, что гендерными исследованиями в истории можно заниматься и без всякой оглядки на феминизм. Они утверждают, что тем самым можно наконец-то отойти от «неприятной назойливости женщин и женских исследований, которые... навязаны нам женским движением» (можно угадать с первого раза, какого пола автор этого высказывания).

Есть сторонники «разведения» феминизма и гендерологии «по разным углам» и среди молодых историков в России. «Факт численного превалирования женщин среди гендерологов объясняется бытующим еще *неверным* отождествлением интереса к гендерным вопросам и принадлежностью к феминистскому движению», — пишет в «Вестнике МГУ. Серия история» Екатерина Николаевна Цимбаева. Она считает, что «ни конференции по гендеру, ни научная литература в данной области не имеют «феминистского уклона»». Такую позицию, к сожалению, разделяют немало редакций научных журналов.

2. **Другие** и их все-таки большинство в мировом научном сообществе, изучающем историю женщин — полагают, что стать «полноценным и полнокровным» гендерологом можно лишь будучи феминистом (-кой), а это значит:

- только признавая отсутствие всякой «естественности» и «взаимодополнительности» в якобы природой предопределенном разделении полов;
- только соглашаясь видеть во всех отношениях полов социокультурные конструкторы;
- только анализируя в них механизмы иерархизации, создания условий для господства одних над другими.

Буря споров о соотношении феминизма, феминологии и гендерной истории в большей степени затронула Новый Свет. «Старушка-Европа», менее «пострадавшая» от радикального феминистского движения, не без иронии смотрела на «перегибы» феминисток в Соединенных Штатах. Она оказалась более толерантной к «вторжению» мужчин и «men's studies» в исследования истории полов. Гендерные центры и лаборатории довольно комфортно разместились в европейских академических институтах и университетах. Европейские сторонницы развития гендерной истории поставили задачу не столько и не просто «устранить половинчатость прежней науки о полах» (этим занималась феминология, все время «добавлявшая» женские имена в мужскую историю), но *отказаться от рассмотрения «женской истории» как «особого случая» всеобщей истории, иными словами, написать новую всеобщую историю.*

В центре ее должна была встать не просто фиксация «фактора пола», но *анализ рождения самого механизма иерархизации* (т.е. отношений между мужчинами и женщинами как отношений власти и подчинения, иерархии).

Некоторые аспекты социальных (и именно гендерных) взаимодействий нашли отражение уже в ранних гендерных исследованиях. Их авторы пытались:

- сравнить отношение мужчин и женщин к одному и тому же вопросу (скажем, к возрасту вступления в брак или повторной женитьбе/замужеству со вдовыми);
- рассмотреть неодинаковые последствия для мужчин и женщин одних и тех же социальных явлений и трансформаций;
- изучить гендерный аспект понятия «цехового единства» (и в связи с этим — «мужской солидарности», вытеснившей женщин из цехового производства в раннее Новое время);
- проанализировать разное понимание «чести», которое для женщин имело всецело гендерное звучание, а для мужчин — определялось еще и массой общечеловеческих «свойств» — храбростью, верностью, добросовестностью, профессиональным мастерством.

Феминистская перспектива означала радикально новый взгляд на научную деятельность, на любую из гуманитарных наук, в частности на историю. Официальная, традиционная, «прошлая» наука развилась при специфических обстоятельствах господства мужчин, превалирования *их* взгляда на мир, насильственного внедрения *их* системы ценностей. Полученное ими за несколько веков знание о прошлом представлено как мы все уже не раз замечали — в терминах «научной объективности». Тем, кто работает с источниками, особенно ясно, что это существующее знание отражает реальность неадекватно, в нем не представлены интересы такой подчиненной группы общества, как женщины, не выявлен их опыт, перспективы и интересы. Интересы иных подчиненных групп нищих, умалишенных, сексуальных меньшинств — тоже требуют детального изучения, их прошлое тоже особое, «другое»...

Замечу, что далеко не все историки-феминистки перешли в стан гендерологов и нацелены сейчас на непременно двустороннее (с мужской и с женской стороны) рассмотрение прошлого.

Стойко настроенные против засилья «мужской истории» историки радикальной феминистской ориентации, развернули широкие дебаты о возможных потерях на пути превращений «женских исследований» в «гендерные». Среди таких возможных потерь назывались:

- потенциальное скатывание гендерных исследований (как исследований обоих полов) к очередным обоснованиям «естественности» и взаимной дополнительности полов во все времена и у всех народов,
- стирание грани между традиционной этнологией, социологией, психологией пола и новой наукой гендерологией;
- возможность «забывания» и даже стремления опровергнуть «особость» женского опыта и женских интересов, а в случае, если мужчины-исследователи почувствуют себя в гендерных исследованиях, «как дома», так и вовсе наводнения этого «дома» книжками и статьями по истории мужской идентичности и геев (поскольку в численном отношении мужчин-историков больше, чем женщин, и довольно трудно представить себе мужчину-исследователя традиционной сексуальной ориентации, решившего написать историю лесбиянства; с другой стороны, и текстов, оставленных женщинами, во всей истории человечества несравненно меньше, чем созданных мужчинами).

Американский историк-феминолог и гендеролог Линда Гордон, опубликовавшая свою статью в сборнике, сформированном Терезой де Лауретис, настаивала: «Женская история — это не просто что-то «отличное» от общепринятой истории; это явление критическое, направленное против «мужской истории». Гендерная же история того и гляди могла позволить женщинам вновь проявить готовность быть «невидимыми» в декларируемом равенстве освещения истории обоих полов, сразу вновь «раствориться». Кроме того, гендерная история при ее огромной толерантности к разным концепциям по сути дела «смазывала» значение изучения истоков социально-полового неравенства: декларируя задачу поиска ответа на вопрос, *как* функционирует поло-гендерная система, она заранее отмежевывалась от задачи дать ответ на вопрос «Почему сохраняется неравенство?»

Абсолютное большинство историков-феминологов, в том числе и в нашей стране, называющее себя специалистами по «гендерной истории», остаются обычными исследователями

истории полов. Но общенаучный контекст, в котором им приходится сейчас трудиться, изменился. Я имею в виду кризис «историзма». Осознание относительности знаний и представлений о прошлом является основой для рецепции исторической наукой философских теорий, объединяемых общим термином «постструктурализм».

Что внес постструктурализм и постмодернизм в гуманитарное знание?

Во-первых, новая парадигма выдвинула на первый план *категории «дискретности»* в противовес категории *«непрерывности»* в истории знания.

Во-вторых, они внесли *изменение соотношения категорий «вещь-отношение» в пользу «отношений»* — еще одно общее завоевание эпохи постмодерна (от констатации факта угнетенности женщин феминологи пришли к изучению истоков и *механизмов угнетения*).

В-третьих, они узаконили теорию воздействия познающего субъекта на объект познания (теперь уже не кажется странным утверждение о том, что женщина, изучающая «свою» историю, напишет ее иначе, чем мужчина).

В-четвертых, постмодернизм является *постэмпиризмом* потому что на смену «царствам фактов» и логико-дедуктивному методу пришли *модели теоретического объяснения*. История стала сближаться с литературой и философией, отказавшись от чистого функционализма.

В-пятых, вместе с постмодернизмом пришла *ликвидация иерархии «важности» исследовательских проблем*.

В-шестых, постструктурализм принес признание факта *полицентричности окружающего мира*. Вместо идеи обобщения и тождества постструктурализм поставил во главу угла идею *различия и множественности*, показав опасность выстраивания исследований по принципу бинарных оппозиций *женское/мужское, частное/ публичное, индивидуальное/коллективное, прогрессивное/регрессивное, положительное / отрицательное*. Постмодернисты ввели в научный дискурс понятие *«другие истории»* (other histories). В историческом знании стали быстро множиться новые направления, в том числе возникла так называемая *«устная история»* (oral history), не похожая на историю «записанную» и не сводимую к ней. «Женская история» оказалась

обладающей массой точек соприкосновения с «устной историей», поскольку как и устная позволяла «найти голос» всем «исчезнувшим, молчащим и противящимся».

Еще одним — **седьмым** — изменением в науках о прошлом стало движение от текста к контексту, внимание к тому, *что опосредует и окружает событие* (от физической реальности окружающей среды, т.е. ландшафта, до имплицитно присущих тому или иному человеку страстей или предпочтений).

Постструктурализм и это **в-восьмых** — поставил в центр внимания субъекта истории. В условиях радикальной реорганизации межличностных связей, о которой как характернейшей черте нашего времени конца 90-х гг. неоднократно говорили социологи, и прежде всего британский социальный теоретик Э. Гидденс, неизмеримо *выросла ценность интимности*. Трансформации интимного и частного стали исследовать как оказывающие преобразующее воздействие на социальные институты как целое. Вместо некой «социальной истории культуры» стала изучаться «культурная история социального», и к этой культурной истории социального прямо относилась *история эмоций, история переживаний тех или иных социальных событий*, история интимного и субъективного восприятия. Напомню, что «интимное» и «частное» в отличие от «коллективного» и «публичного» были как раз женскими доменами. Женская история оказалась востребована «новой культурной историей», а оказавшись проблематизированной ею.

Иными словами, на рубеже тысячелетий историки-гендерологи вполне вписались в постмодернистскую парадигму. Оказавшиеся открытыми многим теоретическим течениям, гендерные исследования в истории были тем объединяющим контекстом, который подтверждал полицентричность окружающего мира, плюральность типов мышления, множественность методов и подходов, с помощью которых можно познавать и прошлое, и настоящее.

Гендерная история: предмет и значение

Теории деконструктивистов и постмодернистов были тем необходимым этапом, который превратил комплекс методик сопредельных наук (методы гендерной экспертизы, гендерного

анализа социальных явлений, гендерной психологии и лингвистики) в завершенную концепцию.

Модернистские и структуралистские теории, которые сопро-вождали рождение исторической феминологии, оказались не «свергнутыми», но «потесненными». Начало интенсивного применения в исторических науках гендерной экспертизы текстов относится к 90-м гг. и совпадает с появлением новых когнитивных принципов всех *sciences de l'homme*:

1. Вместо «структур большой длительности» интерес ученых обратился к конкретным судьбам обычных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографических штудий, напичканных цифрами и графиками, стали публиковаться историко-литературные эссе, авторы которых размышляли о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории.

2. Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) — стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов.

3. Изменилось и отношение к «социальному полу», гендеру: категория принадлежности к нему, наравне с принадлежностью к определенному этносу (расе) и классу (социальной страте), стала одним из критериев идентификации общего гендер, этнос и класс в некоторых западных работах именуют «святой троицей».

4. Наконец, без интереса к языку и внеязыковым дискурсам трудно было бы представить и огромное количество работ по культурной и интеллектуальной истории, которые заставили сместить центр исторического повествования с вопроса «Что было?» на вопрос «Как записано?», с вопроса о реалиях на вопрос об опосредованиях (agency) и опосредователях реалий.

Все эти перемены и позволили сформироваться и развиться действительно *гендерной истории*, которая была призвана объединить *историю сексуальности, историю гомосексуальности, историческую феминологию и историческую андрологию*. Объединение это не формальное, поэтому я бы предложила употреблять словосочетание «**гендерный подход в исследованиях исторических явлений**» и иметь в виду именно его, говоря о «гендерной истории».

Предмет гендерной истории это:

1) *история складывания и функционирования системы отношений и взаимодействий, стратифицирующей общество по признаку пола;*

2) *история представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка.*

Говоря о предмете гендерной истории стоит, вероятно, еще раз подчеркнуть, что речь идет не просто о «*поле в истории*», не только об истории взаимоотношений между полами, но и об изучении иерархий — как в обществе, так и внутри каждого из полов.

Одна из известных американских социологов-феминисток Дороти Смит, развивая концепцию феминистской социологии, сформулировала главную ее особенность — положение инсайдера (*insidera*), так как феминистская социология ориентирована на познание общества *изнутри*. Применение этого подхода к истории заставляет также изучать *механизмы формирования и функционирования* в большей степени, нежели фиксировать присутствие тех или иных связей, отношений, взаимодействий между полами и внутри каждого из полов.

«Суммаризирующего» определения гендерной истории не встретишь в чистом виде ни в одной работе по истории полов.

Ута Фреверт (Германия) полагает, что «гендерная история это проблема того, как общества прошлого и живущие в них мужчины и женщины относились к дифференциации полов, как они описывали эту дифференциацию, какое значение они ей придавали» (иными словами, гендерная история — это история представлений).

Несколько усложненно лексически, но по сути так же определила содержание и суть гендерного направления в истории *болгарская исследовательница Людмила Йорданова*: «Гендерная история это не история мужчин и женщин или их взаимоотношений, но история констелляций (т.е. схем, конструкций, взаиморасположения, дословно *констелляция* расположение звезд) тех атрибутивов («определителей» или существенных признаков), которые ассоциируются как две эссенциальные формы существования человеческих индивидов» (т.е. гендерная история — это история схем, составленных из существенных признаков мужского и женского в разные эпохи).

Есть и такое определение: «Женская история изучала историю женских жизней, гендерная историоризировала сами понятия «женщина», «мужчина», «гей».

В условиях постмодернистского поворота к изучению не столько реальности, сколько представлений о ней, гендерологи во всех дисциплинах стали образовывать меритократическое общество (меритос достоинство, кратос власть) с присущей ему элитарностью. Эта элитарность сопровождается подчас полным отрывом теоретиков от практического женского движения.

Теперь несколько слов о методах получения научного знания историками-гендерологами. Большинство из них заимствованы из психологии и социологии:

1) этнографический метод включенного наблюдения (когда исследователь, анализируя то или иное явление, одновременно ведет наблюдение за рассказчиком и за самим собой иными словами «инсайдерство», позиционирование себя внутри исследуемого явления);

2) качественная методология в ущерб формально-количественному описанию, типичному для андроцентричной официальной науки;

3) отказ от «дизайна объективности» (Д.Смит) в пользу исследований, наполненных чувствами, переживаниями и сопереживаниями;

4) огромное внимание к авторским интерпретациям тех или иных событий или явлений в их жизни;

5) перемещение от субъектов к дискурсу, от конкретных событий к «фону», который их создавал и опосредовал;

6) использование всех способов «коллективной совместной работы» в противовес маскулинистской историографии, в которой господствует конкуренция и стремление навязать свою точку зрения и «создать собственную научную теорию, с которой все должны соглашаться».

Перспективы гендерной экспертизы социальных явлений (историографическая ситуация последнего десятилетия)

Подходы и методы, «притянутые» гендерной историей из иных гуманитарных наук, сформировали за последнее десятилетие законченную систему гендерной экспертизы социально-исторических явлений.

Значимость гендерного подхода в истории в тех вопросах, которые он позволяет поставить перед источниками, и тех перспективах, которые ответы на эти вопросы открывают перед исследователями прошлого.

Стоит сказать несколько слов об общенаучном контексте институционализации гендерной проблематики в науках, изучающих прошлое в России. В отличие от социологии, где и в советский период было признано наличие двух отраслей «социальных проблем женщин» и «социологии пола и сексуальности», в исторических науках ситуация была совсем иной.

«Женская тема» в истории, если и существовала, то в связи с изучением освободительного движения.

Этнология касалась «женского вопроса» лишь в связи с исследованием форм семейной организации и семейных (брачных, родильных) обрядов.

История же сексуальности считалась чем-то слишком специальным и была отдана на откуп историкам медицины, которые тоже ею не занимались.

Так что процесс институционализации гендерной истории и методов гендерной экспертизы социальных явлений в науках о прошлом вынужден пройти в России значительно более долгий путь, чем суждено было пройти гендерной социологии и психологии.

Гендерная история (гендерная экспертиза социально-исторических явлений) «не равна» исторической феминологии, не сводится к ней. Гендерная история ставит во главу угла не исследование мужского и женского социального опыта, а анализ репрезентаций и дискурсов, смыслов и значений, которыми наделяются те или иные связи или явления, она пишет поэтому *новую историю полов*. Она заставляет *исследовать множественность социальных связей* в их историческом и культурологическом срезе, *не упуская* при их рассмотрении *фактора пола* и гендерного взаимодействия. Джоан Скотт именуется главное направление исследований гендерной истории как «историоризацию различий».

Использование гендерной методологии в истории позволяет *переосмыслить важнейшие понятия*: периодизация, власть, социальная структура, имущество, социальные символы. Периодизация гендерной истории заставляет переосмыслить сложившиеся хронологические схемы в истории традиционной.

Власть при анализе ее с помощью гендерной концепции оказывается «распыленной» повсюду, неформальной, непредсказуемой, требующей комплексности рассмотрения. Социальная структура при гендерном подходе и с учетом исторической изменчивости требует многомерного подхода, а не простого вписывания женщин в уже известные и описанные элементы этой конструкции.

Распространенность фигурок женских божеств, держащих в руках различные культовые предметы-символы социального влияния, говорит о значительности формальной власти женщин в данной социальной структуре. Напротив, распространение символов женской пассивности, в том числе в иконографии женщин с детьми на руках, как это типично для раннесредневековой Европы, свидетельствует об ином типе социального поведения. Однако связи символов и поведения могут быть куда менее примитивными. Например, образ Богородицы и житийные клеймы, рассказывающие о том, как она воспитывала сына, одновременно отражали и формировали представления о том, что является символами частной сферы (купание, еда, забота как общее понятие) в противовес сфере публичной. При этом и понятия частного/публичного, и природного/культурного были и остаются довольно изменчивыми.

Гендерный подход и гендерная концепция помогают анализировать прошлое, тематизировать и концептуализировать его проблемы с четкой *ориентацией на решение современных задач* (например, о путях маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах). При этом гендерная методология помогает преодолеть узость отдельных самостоятельных «историй» — историй женщин, мужчин, гомосексуалистов, — поскольку функция ее не комплементарная (дополнительная), не компенсирующая (нехватку чего-либо), не пересматривающая (старые представления, старые подходы все это были функции феминологии), а именно *синтезирующая*.

Объемность видения, которую дает гендерологу дихотомичность метода как такового (каждое явление или событие глазами и мужчин, и женщин) *позволяет сочетать «ретроспективный» подход, - т.е. изучение становления «настоящего» в прошлом, со ставшим модным «проспективным», предполагающим условное движение от прошлого к настоящему через анализ потенци-*

альных возможностей, исторического выбора, считая будущее как бы неопределенным, «открытым».

Российские женщины получили избирательные права весной—летом 1917 г., в эпоху буржуазно-демократических преобразований, что позволяет гендерологу очертить примерные перспективы подходов к решению «женского вопроса» Временным правительством и сопоставить их с политикой большевиков, которая стала реальностью спустя неполный год.

Гендерный подход в изучении прошлого позволяет анализировать соотношение микро- и макроконтекстов и изучать *«философию альтернативности»* (например, такую возможность если продолжать тему женских избирательных прав в России дает изучение жизненного пути одной из ключевых фигур кадетской партии Анны Тырковой в соотнесении с судьбами других лидеров из числа конституционных демократов).

Вылечивая субъект науки от «пораженности сексизмом», основой которого является андроцентричная картина мира, гендерологи показывают, как освобождение от подобного «налета» (проблематизация тех жизненных ценностей, которые ранее считались не главными, но всегда были женскими эмоциональная близость и дружелюбность людей, семейные, житейские ценности) способствует *получению более объективного знания*.

Гендерная история дает возможность *обнаружить непривычное в привычном* (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархатном обществе), позволяет *понять конструирование иерархий как взаимодействие*, а не односторонний процесс.

Гендерный подход к анализу социально-исторических явлений помогает *концептуализировать индивидуальные дискурсы* и идентичности, поскольку требует постоянного учета того, к какому полу приписан тот или иной «эктор». («Забывали» ли известные нам деятели прошлого и настоящего, к какому полу они принадлежат? Когда им приходилось акцентировать свою половую принадлежность, а когда затушевывать?).

Гендерная история позволяет тематизировать важнейшие аспекты *коллективных идентичностей* (например, рассмотреть то, как «люди науки» формировали общественное мнение, а наука — отнюдь не научные стереотипы в отношении женщин или сексуальных меньшинств).

Умение применять гендерно-чувствительные методики при анализе исторических явлений убеждает в том, что «молчаливому большинству» (женщинам и сексуальным меньшинствам) «было, что сказать». Оно заставляет задуматься над вопросом, *что значило быть мужчиной, женщиной, непризнаваемым бисексуалом или гомосексуалистом в разные исторические эпохи* какие проявления и свидетельства их статуса, опыта, профессионального самовыражения, социальных «ритуалов», самосознания и самоосознания (т.е. идентичностей) могут быть рассмотрены.

Гендерный подход к проблеме записывания, фиксации увиденного заставляет скрупулезно анализировать *особенности мужского и женского «письма»* (*écriture masculine et écriture féminine*). Причем гендерологи нового поколения ставят задачу изучения проявлений через это письмо *механизмов* воспроизводства гендерных стереотипов.

Помимо назревшей задачи *сопоставления мужской и женской системы ценностей*, их непохожести, стоит обратить внимание на удачный опыт привлечения гендерологами для подобных штудий не только литературно-художественных произведений высокой значимости, но и малоинтересных истинному ценителю слова любительских и «шаблонных» текстов. Однако ж именно в них зафиксированы характерные для данного времени способы понимания мира, обыденные понятия, некие общие «фреймы» опыта, без которых трудно «вчувствоваться» в жизнь других, к тому же живших задолго до нас.

Возникновение гендерной истории означало выделение в «отдельные «производства» тем, которые ранее считались просто «историей нравов» (сексуальность, гомосексуализм). Владение гендерной методологией позволяет *обнаружить «локусы» этих тем в других тематических комплексах* (например, изучать особенности гомосексуального дискурса в дружбе или еретических движениях).

Анализ механизмов «признания» и готовности говорить о себе — как они представлены в мужских и женских дискурсах — еще одна тема современных специалистов по гендерной истории, знакомых с постструктуралистскими теориями.

Речь идет о таком понимании феномена признания», каким он виделся М.Фуко в его «Истории сексуальности»: «Признание это речевой ритуал, выполняемый при определенных

властных отношениях». М.Фуко первым обратил внимание на то, что после 1215 года (Латранский конгресс) христианин стал «человеком признающимся» — в практику его повседневности была введена исповедь. Эволюция исповедных практик до автобиографических признаний, предназначенных для обнаружения, — особая тема его философских размышлений о «признающей субъективности».

Традиционные культурные стратегии вынуждали женщин как носительниц определенного строения тела к постоянному признанию (например, женщин на процессах ведьм всегда допрашивали обнаженными — это можно видеть на литографиях того времени). Женское тело заставляли все время «признаваться» — в том числе (см. Каролин Байнум) и через аскетизм, те его особые формы лишений, которые использовались именно женщинами «иссекновением сосцев» и иными телесными практиками. Женщину во все времена приучали терпеть насилие не только в экстремальных ситуациях (монастырь, инквизиционные пытки), но и через воспитание, вынуждающее их все время «выговаривать подсознательное» воспитателям, проговаривать то, что наполняло содержанием женские «душу» и «сознание», их «я», признавать свою вину, несовершенство.

При смещении центра изучения эго-документов в сторону анализа влияния социальных катаклизмов на жизнь человека, зазвучал вопрос о том, какова степень индивидуальной независимости человека от требований общества, насколько принадлежность к определенному полу дает большую или меньшую свободу.

Иными словами, изучая гендерную историю, женщины—историки ищут ответ на собственные размышления «о времени и о себе», о своем месте в мире и нужности проводимых ими исследований. Разговор о гендерной истории и о гендерной методологии в науках о прошлом можно вести бесконечно — столь широки их возможности. Ведь речь идет не о реконструкции какой-то части или страницы общечеловеческого прошлого (такое понятие применимо к «рабочей истории», «городской истории», «истории детства» и т.п.), а о действительно глубоком и многостороннем видении жизни ушедших эпох, *новой всеобщей истории*.

И.С. Клецина, Санкт-Петербург

ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СИСТЕМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Гендерные исследования область теоретического знания, которая сориентирована на анализ различий/сходства полов и проблем неравенства в системе межполовых отношений. Представители различных научных дисциплин и теоретических школ в русле гендерно-ориентированного знания изучают всевозможные аспекты взаимодействия мужчин и женщин: в системе общественных и межличностных отношений, в сфере семьи и профессиональной деятельности, в детском возрасте и в зрелости и т.д. В соответствии с основополагающим положением гендерной концепции существующие социальные и социально-психологические различия между полами и особенности межполовых отношений рассматриваются как следствие культурно-исторического процесса и развития общества.

Гендерные исследования, как новое междисциплинарное направление в системе научного знания, в нашей стране начинает свое развитие в 90-е гг. предыдущего столетия. В настоящее время в области гендерных исследований определилась тенденция автономизации гендерной проблематики в рамках отдельных наук. Оставаясь междисциплинарной областью знания, гендерные исследования стали развиваться как специализированные научные отрасли, такие как, гендерная история, гендерная социология, гендерная психология и др.

В данной статье мы рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся процесса формирования гендерного направления в системе психологического знания, попытаемся определить характерные особенности интеграционного процесса гендерной проблематики в **психологию**. Для нас важно рассмотреть следующие вопросы:

— Каковы научные предпосылки возникновения гендерной проблематики в психологии?

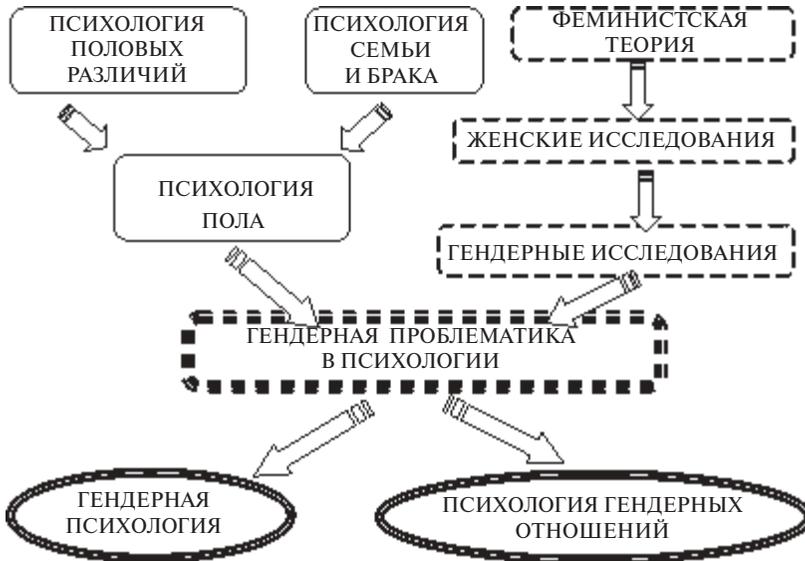
— В чем заключается специфика изучения гендерных проблем в психологической науке?

— По каким направлениям развиваются гендерные исследования в психологии?

Анализ процесса включения гендерных исследований в психологию мы начнем с рассмотрения предпосылок возникновения гендерной проблематики в психологической сфере научного знания.

Научные предпосылки возникновения гендерной проблематики в психологии

Исследования гендерных проблем в психологии приобрели статус новой и теоретически обоснованной области знания благодаря институционализации таких научных и образовательных направлений, как женские и гендерные исследования. В схематическом изображении общая логика развития гендерных исследований в психологии представлена на рисунке *Развитие гендерной проблематики в психологии*:

В верхней части рисунка обозначены те области научного знания, которые выступают как предпосылки возникновения и раз-

вития гендерного направления в психологии. В правой верхней части рисунка выделены **гендерно-ориентированные области знания, а в левой — психологические области знания. Феминистская теория, женские и гендерные исследования** собственно гендерные предпосылки возникновения и развития гендерного направления в психологии, а такие отрасли научного знания, как **психология половых различий, психология семьи и брака и психология пола**, представляют собой психологические предпосылки включения гендерной проблематики в психологию. Кратко остановимся на самых общих характеристиках основных предпосылок развития гендерных исследований в психологической науке.

Феминистская теория — это обобщенная сложная система воззрений на социальную жизнь и человеческий опыт, предусматривающая в качестве отправной точки **приоритет женщин**. Эта теория сфокусирована на женщинах. Сфокусированность на женщинах выражается в трех аспектах:

Во-первых, основным «объектом» изучения становятся ситуации и трудности, с которыми сталкиваются женщины в обществе.

Во-вторых, эта теория рассматривает женщин в качестве важнейших «субъектов», т. е. стремится смотреть на мир, исходя из специфической женской позиции роли женщины в социальном мире.

В-третьих, феминизм как теория выступает с критикой от имени женщин и действует в их интересах, стремясь создать для них лучший мир (Ритцер, 2002).

Женские исследования (Women's Studies) сфера научного знания и образовательные программы, основная цель которых заключалась в том, чтобы компенсировать отсутствие женской точки зрения в содержании учебных программ традиционных университетских курсов, а также способствовать развитию нового взгляда на роль и статус женщин в современной общественной жизни. Женские исследования это научное исследование «женского вопроса» с точки зрения женщин. Предметом этих исследований является собственно женский опыт, специфика женского вообще, осмысление способов мужского господства и женского угнетения в обществе. Женские исследования как академическая дисциплина уходит корнями в феминизм первой волны, в феминистскую критику традиционной науки и высшего образования (Ярская-Смирнова, 2001).

Появление в образовательных структурах программ по *гендерным исследованиям* (Gender Studies) явилось логическим продолжением развития Women's Studies. Гендерные исследования — это междисциплинарная исследовательская и образовательная программа, получившая широкое распространение в западных университетах и колледжах начиная с 80-х гг. и по настоящее время. Опирается данная программа на новую научную парадигму — концепцию гендерного подхода, в основе которой лежит понимание гендера как социально сконструированного отношения неравенства по признаку пола.

Таким образом, женские и гендерные исследования являются образовательной и научно-исследовательской сферами, в которых, как правило, акцентируется внимание на ограниченности методологии, методов и результатов традиционной науки о человеке, анализируются гендерные отношения в различных сферах социальной жизни, отрицается идея биодетерминизма в объяснении различий между людьми разного пола в связи с особенностями их поведения в обществе¹.

В группе психологических научных предпосылок возникновения и развития гендерных исследований в психологии ведущую роль играет психология пола. **Психология пола** это та область научного знания, которая объединяет фрагментарные и разрозненные исследования, посвященные изучению проблем пола и межполовых отношений. Предметная область психологии пола не имеет четких границ, она включает изучение таких проблем, как психологические различия между людьми разного пола, социальная полоролевая дифференциация и стратификация, культурные стереотипы маскулинности и фемининности, особенности социализации мальчиков и девочек, мужчин и женщин, психологическая идентификация личности как представителя определенного пола, особенности сексуального поведения. Психология пола в основном развивалась на стыке таких сфер знания, как **психология половых различий** и **психология**

---

¹ Подробнее о роли теоретического феминизма в формировании женских и гендерных исследований, о развитии гендерных исследований см.: (Воронина О.А., 2000; 2002), (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 1999; 2002), (Темкина А.А., 1997), (Хоф Р., 1999), (Ярская-Смирнова Е.Р., 2001).

семьи и брака. Психологические аспекты взаимоотношений между людьми разного пола привлекали представителей из других, непсихологических областей научного знания, поэтому исследования, которые можно отнести к психологии пола, встречаются в работах социологов, этнографов, педагогов, сексологов, клинических психологов и др.

Другими словами, психология пола изучает то, каким образом психологические характеристики личности опосредуют физические различия между мужчинами и женщинами и как это отражается на поведении и отношениях представителей мужского и женского пола ².

Специфика изучения гендерных проблем в психологической науке

В отечественной психологии весьма распространенной является ситуация, при которой сущность гендерной проблематики трактуется не совсем адекватно. Для многих специалистов-психологов гендерное направление не рассматривается как научная новация, а выступает как новое название традиционного знания, развиваемого в психологии пола. Гендерное направление отождествляется с традиционным пониманием особенностей поведения и полоспецифичных характеристик мужчин и женщин, как проявлений, обусловленных биологическими особенностями их организма.

Отечественные специалисты в области гендерных исследований Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, анализируя ситуацию развития гендерного научного направления в нашей стране, утверждают, что «становлению гендерных исследований препятствуют *«интеллектуальный климат эссенциализма и биологического детерминизма, который сменяет в российском общественном дискурсе официальные декларации о всемогуществе государственного конструирования советского человека (мужчины и женщины)»* (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2002. с.43).

Для сферы научного психологического знания данный интеллектуальный климат скорее типичное, чем эксклюзивное явление. Так, например, организаторы Ананьевских чтений, ко-

---

² Подробнее об особенностях становления и оформления гендерной проблематики в психологии под влиянием психологии пола см.: (Клецина И.С., 2001, 2003).

торые ежегодно проводятся на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета, при формировании сборника материалов, присланных на конференцию, тезисы сообщений по гендерной тематике поместили в раздел, который называется «Психология наука о человеке как биологическом виде». Данный факт наглядно подтверждает распространенность мнения о том, что термины «гендер» и «пол» полностью отождествляются, а биологический детерминизм рассматривается как универсальный принцип, используемый при интерпретации поведения личности. Еще аналогичный пример: в книге Р.Бэрон, Д.Бирн, Б.Джонсон «Социальная психология: ключевые идеи» (2003) в главе «Пол как ключевой аспект личности» термин «гендер» переводится на русский язык как понятие «пол». Нередко также мы сталкиваемся с тем, что психологи под гендерным анализом понимают распределение данных по полу в стандартных исследованиях, а выявленные различия между полами называют гендерными.

Ориентируясь на основную задачу данного текста, обратимся к выделению тех специфических особенностей гендерного направления в психологии, которые демонстрируют принципиальные отличия гендерных исследований в психологии от исследований, типичных для отрасли знания «психология пола». Анализируя пути интеграции гендерной проблематики в систему психологического знания, сосредоточим свои усилия на обосновании того, что гендерная проблематика в психологии это новое теоретическое направление, а не просто обновленное название отрасли знания «психология пола. Для этого ответим на вопрос: «Чем отличается изучение гендерных проблем в психологической науке от изучения сходных проблем в психологии пола?».

Мы считаем, что отличия гендерной проблематики в психологии от психологии пола определяются прежде всего различными **методологическими основаниями. Во-первых**, это иные **научные парадигмы** изучения проблем пола и межполовых отношений, **во-вторых**, различные **модели психологического пола**, используемые для описания характеристик и особенностей поведения личности как представителя определенного пола. Рассмотрим эти принципиальные различия.

Методологическим основанием психологии пола является **бидетерминистская парадигма**, а гендерные исследования в психологии базируются на **социально-конструктивистской парадигме**.

В соответствии с биодетерминистским принципом рассмотрения явлений гендерные характеристики человека определяются биологическими, природными факторами. Биодетерминизм восходит к идее детерминизма вообще, как учению о связи и взаимообусловленности явлений действительности, где большую роль играли законы природы. В концепции биодетерминизма природные факторы рассматриваются как неизменные и их следствия трактуются в жестко консервативном ключе.

Ярким примером биодетерминистской концепции является эволюционная теория **В.А.Геодакяна**. Согласно этой теории процесс самопроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Женские особи олицетворяют как постоянную «память», а мужские оперативную, временную «память» вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных и случайных генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками.

Из этого следует вывод, что мужчины творцы и созидатели, а женщины консерваторы, их задача сохранять то, что создано мужчинами, поэтому ситуация гендерного неравенства должна восприниматься как закономерный и не подлежащий изменению факт социальной жизни.

В гендерно ориентированных работах теория В.А.Геодакяна является объектом критики. Как подчеркивает И.С.Кон (2002) ее считают редукционистской (поскольку сложные формы мужского и женского поведения сводятся к биологическому императиву), сексистской (гендерные характеристики сводятся к половым), антиисторической (гендерные свойства выглядят везде и всюду более или менее одинаковыми) и политически консервативной (она часто используется для идеологического обоснования и оправдания гендерного неравенства и мужского господства).

К числу биодетерминистских концепций может быть отнесена и теория половых ролей, предложенная **Т.Парсонсом** в каче-

стве иллюстрации к общетеоретическим построениям структурного функционализма. Рассматривая изменения, которые произошли с американской семьей к середине прошлого столетия, Т. Парсонс считает **базисными функциями семьи**:

- социализацию детей,
- стабилизацию личности взрослых членов семьи.

Механизмом, обеспечивающим равновесие и стабильность любой социальной системы, и семьи в том числе, является, по его мнению, функциональное разделение сфер деятельности, или дифференциация ролей. Поскольку для существования любой социальной системы необходимо выполнение инструментальной и экспрессивной функций, то и в семье эти функции тоже должны быть реализованы. **Инструментальная функция** обеспечивает отношения системы в данном случае семьи с внешним миром, дает возможность получить средства к существованию. **Экспрессивная функция** это поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня напряженности членов союза. Т. Парсонс утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие властности и жесткости), и экспрессивные (предполагающие мягкость и умение погасить конфликт) функции. Именно поэтому, заявляет он, разделение этих ролей глубоко функционально и существует во всех системах социального взаимодействия.

Далее Т. Парсонс, как подчеркивает О.А. Воронина (2001), делает естественный для традиционного биодетерминистского сознания вывод: роль инструментального лидера в семье всегда принадлежит мужчине, а роль экспрессивного лидера женщине. Объясняется это тем, что рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку. «Первичность отношений матери к ребенку ведет к тому, что мужчина, устраненный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном, инструментальном направлении» (цит. по: Воронина О.А., 2001. С. 43). Профессиональная деятельность мужчины имеет чрезвычайное значение для семьи не только потому, что является источником средств существования, но и потому, что величина дохода и престижность работы мужчины определяют социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом. Для жен-

щин основным является статус жены, матери и личности, ответственной за домашнее хозяйство. Социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины ее подчиненную роль. Такое распределение ролей объявляется Т. Парсонсом глубоко функциональным, поскольку в системе устраняется возможность разрушительного для семьи соревнования между супругами за власть, статус и престиж.

В концепции Т. Парсонса обосновывается целесообразность принципа взаимодополнительности мужских и женских ролей, однако, как подчеркивает И. С. Кон, «феминистская критика показала, что в основе дихотомии инструментальности и экспрессивности, при всей ее эмпирической и житейской убедительности, лежат не столько природные половые различия, сколько социальные нормы, следование которым стесняет индивидуальное саморазвитие и самовыражение женщин и мужчин» (Кон И. С., 2002. С. 204).

Биодетерминистские концепции предлагают обоснование существующих традиционных моделей гендерных отношений, но в то же время они обладают ограниченными интерпретационными возможностями при анализе форм гендерных отношений, появляющихся в новых социокультурных условиях, а также при объяснении таких особенностей гендерной идентичности личности, как транссексуализм, гермафродитизм и другие ее не стандартные формы проявлений.

Появление в 80-х гг. прошлого века гендерных исследований как междисциплинарной исследовательской практики способствовало разработке новых теоретических конструкций, противостоящих биодетерминистским теориям при объяснении широкого спектра гендерных проблем вообще и гендерного неравенства в том числе. **Социально-конструктивистская парадигма** приобрела статус основной методологии в гендерных исследованиях. В «Энциклопедии феминизма» социальный конструктивизм определяется в самом общем виде как «представления, что статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеют биологического происхождения, а, скорее, являются способом интерпретации биологического, легитимным в данном обществе» (Tuttle L., 1986. P. 305).

Современные исследователи гендерных проблем в своих научных изысканиях опираются на **теорию социального конструирования гендера**. В рамках этой теории **гендер понимается как организованная модель социальных отношений** между мужчинами и женщинами, которая определяет характер их отношений не только в межличностном взаимодействии, но и в основных социальных институтах общества. Положение о том, что отношения между полами социально сконструированы, основано на отрицании биологического детерминизма. Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано и поэтому считается естественным и нормальным. Тем самым они критикуют внеисторизм и эссенциализм (сущностную неизменность) сложившихся отношений между полами и социальными группами, различающимися по биологическим признакам (Здравомыслова Е., Темкина А., 2001).

Теория социального конструирования гендера **базируется** на следующих **постулатах**: 1) гендер конструируется социализацией, разделением труда, системой гендерных ролей, семьями, средствами массовой информации; 2) гендер конструируется (строится) и самими индивидами на уровне их сознания, принятия и интериоризации заданных обществом норм и ролей.

Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды конструируют гендерные различия и обусловленные ими системы господства и властвования. Проявлять гендерные характеристики — означает создавать различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами, различия, которые не являются естественными, сущностными или биологическими. Гендерная принадлежность индивида это то, что человек демонстрирует постоянно в ситуации взаимодействия с другими людьми.

Социальный конструктивизм оппонирует здравому смыслу биологического детерминизма. На уровне обыденного сознания тезис «Анатомия это судьба» является незыблемым постулатом. В отличие от биологического детерминизма социальный конструктивизм постулирует, что половые роли сконструированы, и отстаивает парадоксальный для эссенциалистов тезис: и муж-

чины, и женщины создаются, ими не рождаются. Утверждается, что не существует ни женской, ни мужской сущности: биология не есть судьба ни для мужчины, ни для женщины. Все мужское и женское создано в разных контекстах, имеет разные лица и наполнено различным содержанием опыта и смысла (Здравомыслова Е., Темкина А., 2001).

Из данных рассуждений следует, что признание конструирования гендера как общественных отношений властного взаимодействия ставит вопрос об изменении данных отношений: то, что встроено в социальный порядок, может быть не только проанализировано, но также подвержено сомнению и пересмотру. Изменение гендерного стратификационного порядка будет способствовать изменению характера деятельности мужчин и женщин и создавать большие возможности для их личностной самореализации в разных сферах жизнедеятельности.

Второе принципиальное отличие гендерной проблематики в психологии от традиционного подхода к изучению психологии пола определяется использованием иной **модели психологического пола**, применяемой для описания характеристик социального поведения мужчин и женщин:

— **в традиционных исследованиях психологический пол индивида это биполярный конструктор;**

— **в гендерно ориентированных исследованиях психологический пол индивида это мультифакторный конструктор.**

Обратимся сначала к анализу понятия «психологический пол». **Психологический пол** понимается как совокупность наиболее значимых характеристик личности, используемых в качестве отличительных черт при различении мужского и женского пола. Психологический пол — это комплекс социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины (Психология: Словарь, 1990. С. 280).

Термин «психологический пол» в основном используется отечественными специалистами, занимающимися изучением проблем психологии пола и межполовых отношений, в зарубежной научной литературе смысловое содержание этого понятия находит отражение в категории «гендерная идентичность».

Гендерная идентичность одна из подструктур социальной идентичности личности, которая характеризует индивида с точ-

ки зрения его принадлежности к группе людей, выделяемой на основе общих половых признаков. Гендерная идентичность чаще всего понимается как осознание и переживание индивидом принадлежности к определенному полу (Словарь гендерных терминов, 2002. С.31).

В самом общем виде термины «психологический пол» и «гендерная идентичность» могут быть рассмотрены как синонимы. В современной литературе гендерной направленности в основном используется понятие «гендерная идентичность», а не термин «психологический пол».

Содержательная составляющая и психологического пола и гендерной идентичности, как правило, раскрывается через категории «**маскулинность**» (**мужественность**) и «**фемининность**» (**женственность**). «Гендерная идентичность — осознание себя, связанным с культурными определениями мужественности и женственности» (Большой толковый социологический словарь. 1999. С.110). Маскулинность и фемининность — полоспецифичные характеристики личности, они выступают как базовые категории при анализе гендерной идентичности и психологического пола.

Маскулинность обозначает совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин (Кон И.С., 2002. С.197). **Фемининность** — совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих женщинам, в отличие от мужчин.

Таким образом, психологический пол включает как личностные свойства, так и особенности поведения, соответствующие определенному полу индивида. Теперь обратимся к анализу концепций психологического пола.

Биполярная модель психологического пола

Биполярность психологического пола заключается в том, что все полоспецифичные характеристики, присущие индивиду определенного пола и проявляющиеся в его поведении, расположены на одной шкале с двумя полюсами. При этом большая выраженность маскулинности автоматически означает меньшую фемининность, и наоборот, т.е. совокупность характеристик половой идентичности должна строго соответствовать определенному полу. Другими словами, мужчины должны обладать мас-

кулиной идентичностью, а женщины фемининной. Маскулинность и фемининность как научные конструкты специфически проявляются в психодиагностической процедуре: если мужчина имеет высокие показатели по шкале маскулинности, то его показатели по фемининным качествам должны быть низкими, а у женщин при высокой фемининности должны быть низкие показатели по маскулинным качествам личности.

Маскулинность и фемининность — диаметрально противоположные и взаимоисключающие наборы черт. Маскулинность однозначно отождествляется с активно-творческим, культурным началом в личности индивида, а фемининность с пассивно-репродуктивным, природным началом.

Предполагалось, что выраженность маскулинных черт для мужчины и фемининных черт для женщины должны отражать их наибольшую психологическую адаптированность, однако эмпирические исследования успешности социального поведения не подтверждали эту жесткую биполярную описательную модель идентичности личности. Биполярная модель психологического пола в силу своей упрощенности и схематичности продемонстрировала свои ограниченные возможности как теоретического конструкта.

Мультифакторная модель психологического пола

Гендерный подход к исследованию психологических проблем пола опирается на понимание гендерной идентичности как **мультифакторного конструкта**. Данный теоретический подход, используемый для исследования проблем гендерной идентичности, можно встретить в работах Джудит Спенс (Spence J.T., 1993) Ричарда Костнера и Дженифер Аубе (Koestner R., Aube J., 1995). В отечественной литературе об этом пишет И.С.Кон (2002) в своей работе, посвященной мужским исследованиям и изучению маскулинности.

Основное отличие мультифакторной модели психологического пола от биполярной модели заключается в том, что психологический пол уже рассматривается не просто как набор полярнопротивоположных черт маскулинности или фемининности, а как более сложноорганизованный конструкт. В рамках данной концепции предполагается, что психологический пол личности кроме **маскулинных и фемининных свойств** включает также и другие характеристики гендерной направленности: **ген-**

дерные представления, стереотипы, интересы, установки полоролевого поведения. Все эти составляющие гендерной идентичности сложно взаимосвязаны между собой, например, гендерные стереотипы, присущие личности, могут не коррелировать с ее гендерными поведенческими установками, а комплекс имеющихся у индивидов фемининных или маскулинных черт может находиться в обратной связи с полоспецифичными интересами. Гендерная идентичность при этом предстает как многоуровневая, сложноорганизованная структура, включающая основную (базовый) и периферические комплексы характеристик.

Индивидуальная концепция маскулинности или фемининности закладывается в раннем детстве и остается неизменной в течение жизни. У большинства людей гендерная идентичность соответствует биологическому полу. Лежащее в основе чувство принадлежности к мужскому или женскому полу соединяет основные компоненты психологического пола. Если глобальная гендерная идентичность будет сохраняться неизменной в течение жизни, то ценности, черты личности, полоролевое поведение меняются вследствие возрастных изменений или пережитого жизненного опыта (Koestner R., Aube J., 1995).

Гендерная идентичность как мультифакторный конструкт состоит из множества составляющих, нежестко связанных между собой, причем каждая из гендерных характеристик может иметь свою историю развития. Маскулинные или фемининные характеристики не являются чем-то самодовлеющим, они органически переплетаются с другими компонентами социальной идентичности личности: этнической, классовой, профессиональной, конфессиональной и др.

При мультифакторном подходе в процессе изучения проблем гендерной идентичности и ее составляющих использование одно- или двухшкальных опросников для измерения степени выраженности маскулинных и фемининных характеристик личности не может способствовать решению актуальных исследовательских задач.

В таблице приводятся сравнительные описания двух анализируемых моделей психологического пола. Анализ современных работ, посвященных изучению проблем психологического пола и гендерной идентичности (М.В.Буракова (2000); Г.Е.Введенский (2003); С.Н.Ениколопов, Н.В.Дворянчиков (2001); И.С.Кон

(2002), позволил выделить перечень параметров, необходимых для более детального сравнения биполярной и мультифакторной моделей психологического пола.

Сравнительная характеристика двух моделей психологического пола личности: биполярной и мультифакторной

№	Параметры	Биполярная модель	Мультифакторная модель
1	Количество типов психологического пола	Объектом изучения являются два психологических пола: мужской и женский	Объектом изучения являются не два, а существенно большее количество идентичностей, например пять: мужская, женская, транссексуальная, гомосексуальная, лесбийская
2	Содержательные составляющие психологического пола личности	Черты маскулинной идентичности: активность, целеустремленность, выраженность творческого потенциала, агрессивность, доминантность, инструментальный стиль деятельности и др. Черты фемининной идентичности: эмоциональность, нежность, любовь к детям, экспрессивный стиль деятельности и др.	Идентичность личности независимо от половой принадлежности может сочетать в себе разные свойства и качества личности: активность и эмоциональность, целеустремленность в делах и направленность на других людей, забота о них, склонность к лидерству и дружелюбие и т.п. Например, женщина может демонстрировать маскулинное поведение и проявлять фемининные интересы и ценности
3	Основные детерминирующие факторы	Преимущественно биологические факторы: маскулинные и фемининные характеристики предопределены полом индивида, они универсальны	Преимущественно социокультурные факторы: характеристики идентичности формируются в процессе гендерной социализации, они не универсальны, а существуют в определенном социокультурном контексте (социальный класс, этничность, место и время проживания)
4	Устойчивость во времени	Характеристики психологического пола личности не изменяются	Неизменной остается базовая идентичность – принадлежность к определенному полу, другие характеристики гендерной идентичности могут изменяться под воздействием фактора времени и условий жизнедеятельности

Продолжение таблицы

№	Параметры	Биполярная модель	Мультифакторная модель
5	Характер соотношенности маскулинных и фемининных качеств в структуре психологического пола	Характеристики двух психологических типов противоположны, находятся в оппозиции, взаимоисключают друг друга	Маскулинные и фемининные характеристики существуют как независимые конструируемые
6	Степень согласованности компонентов в структуре психологического пола	Все составляющие психологического пола согласованы и непротиворечивы (например, ценность семьи для женщины отражается в проявлениях заботы о членах семьи)	Гендерная идентичность не представляет собой монолитную структуру, ее компоненты могут быть рассогласованными и внутренне противоречивыми (например, женщина может иметь выраженную направленность и на семейную, и на профессиональную самореализацию)
7	Степень нормативности конструируемых маскулинности-фемининности	Маскулинность и фемининность - нормативные эталоны. Каждое отступление от норматива рассматривается как патология или шаг по направлению к ней	Традиционные представления о маскулинности и фемининности не являются нормативными эталонами. Отступление от норматива маскулинности или фемининности не рассматривается как патология
8	Отношение к нетрадиционным формам сексуальной ориентации	Осуждение и запрет негетеросексуальных форм влечения и поведения	Принятие как существующий факт. Не осуждение, но и не пропагандирование негетеросексуальных форм влечения и поведения
9	Психологическая адаптированность личности	Выраженность маскулинных черт для мужчины и фемининных черт для женщины отражает наибольшую психологическую их адаптированность	Индивиды, обладающие выраженными характеристиками, строго соответствующими их полу, демонстрируют высокий уровень психологической адаптированности

Из таблицы видно, что в биполярной модели маскулинность и фемининность биологически predetermined, неизменны, существуют как взаимоисключающие наборы психологических и

социально-психологических черт, противопоставляемых друг другу в рамках нормативных конструктов для мужчин и женщин. В мультифакторной модели психологического пола принятие гендерной идентичности как дихотомичной структуры сменяется пониманием ее, как множественного образования личности.

Дихотомия модели маскулинность / фемининность в мультифакторной модели уступает место интегративному комплексу социально-психологических особенностей, отражающих специфику личности как представителя определенного пола, а конструкты «маскулинность» и «фемининность» выступают как независимые измерения. Психологический пол в биполярной модели представлен как нечто единое и объективно данное, в мультифакторной как подвижная и изменчивая множественность, как продукт социума и культуры, производная существующей в конкретном обществе системы гендерных представлений и ожиданий. Традиционные представления о маскулинности-фемининности, являющиеся нормативными эталонами в биполярной модели, в мультифакторной модели таковыми уже не являются. Маскулинность и фемининность описывают и анализируют поведение и особенности идентичности мужчин и женщин не вообще, а в определенной конкретной стране, общине, социальной среде, культурном контексте. Поскольку маскулинность и фемининность, как и сами мужчины и женщины, а также характерные для них стили жизни, неоднородны, многомерны и множественны, стереотипы «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» имеют смысл только в определенной системе взаимосвязанных социальных представлений (Кон И.С., 2002).

В психологической литературе, кроме биполярной и мультифакторной моделей психологического пола, представлено описание и **андрогинной модели** гендерной идентичности (Vem S.L., 1975; Ениколопов С.Н, Дворянчиков Н.В, 2001 и др.). Андрогиния ключевое понятие концепции андрогинии, разработанной психологом Сандрой Бэм. Андрогиния используется для обозначения людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества (Психология: Словарь, 1990. С. 21).

В соответствии с концепцией андрогинии в маскулинной идентичности мужчин могут присутствовать и фемининные характеристики, а фемининная идентичность женщин может включать и маскулинные черты. Эта концепция позволяет преодолеть обыденно понятное и не подвергаемое сомнению суждение, что существует только два пола. Аналитические рассуждения в рамках андрогинной модели позволяют говорить о четырех конструкциях психологического пола (о четырех типах половой идентичности): маскулинный, фемининный, андрогинный, недифференцированный.

Социальное поведение андрогинной личности рассматривалось как более адаптивное, чем поведение ярко маскулинных мужчин или фемининных женщин.

Повсеместного признания и широкого распространения в отечественной психологии андрогинная концепция не получила, исследователи психологии пола (особенно клинические психологи) рассматривают идентичность, строго соответствующую полу, как залог успешной социальной адаптации и психического здоровья личности (например, см.: Каган В.Е., 1991). Биполярная модель половой идентичности в настоящее время является доминирующей в исследованиях специалистов психологии пола, а в массовом сознании нормативные мужские и женские свойства по-прежнему выглядят альтернативными и взаимодополнительными.

Мы рассматриваем андрогинную модель психологического пола как переходную модель от биполярной к мультифакторной модели, позволяющей более полно описать гендерную идентичность современной личности.

Итак, главное отличие нового гендерного направления в психологии от традиционного изучения проблем пола заключается в том, что теоретические положения **социального конструкционизма и мультифакторная модель психологического пола** выступают как методологические основания изучения гендерных проблем.

Выделенные на уровне методологии отличия гендерного направления в системе психологического знания от традиционного направления в рамках психологии пола ориентируют нас на формулировку новых целей при проведении психологических исследований.

Представляется, что в рамках гендерного подхода в психологии по сравнению в психологией пола, приоритетными должны стать такие направления психологических исследований, как

— не просто изучение психологических различий между полами, а анализ социокультурных факторов и условий, порождающих эти различия;

— изучение не различий (психология пола), а сходства в психологических характеристиках и особенностях поведения мужчин и женщин;

— не изучение полоролевых стереотипов, а изучение продуктивных стратегий и тактик поведения мужчин и женщин в плане преодоления традиционных гендерных стереотипов;

— не изучение особенностей самореализации мужчин и женщин в полоспецифичных сферах деятельности, а изучение личностных предпосылок успешной самореализации мужчин и женщин в неполоспецифичных сферах деятельности (например, женщин в профессиональной сфере, а мужчин в семейной);

— изучение партнерских, а не патриархатных моделей отношений мужчин и женщин.

Направления развития гендерных исследований в психологии

Современное состояние гендерной проблематики в отечественной психологии позволяет говорить о двух направлениях развития гендерных исследований в сфере научного психологического знания. На рисунке эти направления обозначены, как «Гендерная психология» и «Психология гендерных отношений». Сосредоточим основное внимание на особенностях развития и становления такого направления, как «психология гендерных отношений»³.

Нам представляется, что в настоящее время более интенсивными темпами будет развиваться именно психология гендерных отношений, которая в значительной мере опирается на систему социально-психологического знания, а современная социальная психология оказалась наиболее подготовленной дисциплиной для восприятия и развития гендерной тематики и аккумулярования ключевых идей гендерных исследований. **Во-первых**, в

³ О специфике развития гендерной психологии, ее предмете, статусе, базовой методологии и других вопросах см: (Клецина И.С., 2003).

рамках социально-психологического знания существует давняя традиция изучения такой важной для гендерных исследований категории, как «отношения». **Во-вторых**, в предметную область социальной психологии включены не только отношения типа «личность-личность» и «личность-группа», но и отношения типа «группа-группа» и «личность-общество», которые занимают центральное место в проблематике гендерных исследований. **В-третьих**, в отличие от других областей психологической науки социальной психологией воспринята и активно осваивается *социально-конструктивистская парадигма*, которая является основополагающей методологией гендерно-ориентированных областей социального знания.

Психология гендерных отношений новое научное направление, возникшее в связи с актуализацией гендерной проблематики в гуманитарных и социальных науках и развивающееся в системе социально-психологического знания. Предметная область психологии гендерных отношений связана с изучением закономерностей дифференциации и иерархии личных и групповых отношений в сфере межполового взаимодействия. В данное время это направление проходит этап институционализации как исследовательская практика и учебная дисциплина в высшей школе.

Появлению и развитию психологии гендерных отношений предшествовала традиция изучения проблемы отношений вообще и межполовых отношений в рамках психологии, социальной психологии и социологии. Непосредственными **научными предпосылками** возникновения психологии гендерных отношений являются, с одной стороны, **гендерные исследования** (научно-исследовательская практика, опирающаяся на феминистскую теорию), а с другой – такие разделы психологии и социологии, как **психология пола и социология пола**. Психология гендерных отношений опирается на теоретические разработки о межполовых взаимоотношениях, представленные в трудах классиков психологической науки: А.Адлера, К. Хорни, З. Фрейда, К. Юнга; на работы психологов феминистской ориентации: N. Chodorow, R.J. Hare-Mustin, J. Marecek, R. Unger; на исследования в области психологии половых различий: С.Gilligan, J.Hyde, M.Horner, E.Массoby, С.Jacklin, В.В.Абраменковой, И.С.Кона, В.Е.Кагана, Т.А.Репиной, И.И.Лунина, Г.В.Турецкой,

Т.И. Юферевой; на работы в области гендерной психологии: S.Vem, K.Deaux, B.Lott, R.Unger, Ш.Берн; на теоретические разработки социальных психологов по проблемам психологии больших групп, межгруппового взаимодействия и межличностного общения: В.С. Агеева, Г.М.Андреевой, Г.Г.Дилигенского, В.Н.Куницыной, С. Moscovici, Н. Tajfel, J.Turner.

Основное теоретическое направление, в рамках которого развивается психология гендерных отношений, это **социально-конструктивистское направление в исследованиях гендера**. Психология гендерных отношений использует данную теорию в качестве базовой методологии. Теория социального конструкционизма К.Гергена (К.Дж.Джерджена) (1995) одна из современных социально-психологических концепций, получивших достойное признание в системе психологического знания. В своих последних публикациях к этой теории обращаются такие известные отечественные психологи, как Г.М.Андреева (2002) и В.Ф.Петренко (2002).

Основное положение теории социального конструирования гендера о том, что отношения между полами социально сконструированы, основано на отрицании биологического детерминизма. Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано, и поэтому должно считаться естественным и нормальным. Тем самым они критикуют аисторизм и эссенциализм (сущностную неизменность) сложившихся отношений между полами и гендерными группами (Лорбер Дж., Фаррелл С., 2000; Уэст К., Зиммерман Д. 2000).

Базовыми категориями психологии гендерных отношений являются понятия «гендер» и «гендерные отношения». «Гендер» понимается как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества.

Гендерные отношения это различные формы взаимосвязи людей, как представителей определенного пола, возникающие в процессе их совместной жизнедеятельности. Гендерные отно-

шения встроены в широкий социальный контекст и проявляются на разных уровнях социума, т.е. это многоуровневые отношения, существующие на макро-, мезо- и микроуровнях социальной реальности, в разных сферах жизнедеятельности людей. Другими словами, гендерные отношения это

— социально организованные отношения между полами на уровне конкретного общества;

— отношения между различными гендерными группами;

— отношения между субъектами разного пола;

— отношения индивидов к самим себе как представителям определенного пола.

Так как гендерные отношения включены в общественные, межгрупповые, межличностные отношения, они также присутствуют и в самоотношении личности. Поэтому мы можем рассматривать гендерные отношения как одну из разновидностей социально-психологических отношений. Социальная психология, исследуя гендерные отношения, реализует свои собственные перспективные тенденции развития как научной дисциплины, связанной с комплексным изучением всех основных элементов социопсихологической реальности: внутреннего мира индивида, межличностного взаимодействия в конкретной ситуации и социальной структуры общества.

В каждом из видов отношений (общественные, межгрупповые, межличностные и самоотношение) присутствуют два слоя отношений, или два аспекта: **объективный и субъективный**.

Объективный аспект это реальные отношения, в которые люди вступают в процессе своей жизнедеятельности, это система взаимодействия, контактов, связей, это реальные поступки и поведенческие паттерны; **субъективный аспект** это отражение этих отношений в виде совокупности представлений, мыслей и чувств, это оценка субъектом или субъектами самих этих взаимодействий и контактов. Эти аспекты составляют два тесно связанных слоя отношений, присутствующих в каждом из видов отношений (Гозман Л.Я., 1987; Коломинский Я.Л., 2000).

Субъективная сторона отношений будет обнаруживать себя в социально-психологических характеристиках личности или группы, которые, являясь производными от реальных межличностных или межгрупповых взаимоотношений, в то же время

будут выступать и как детерминанты этих отношений. Для каждого из видов отношений (общественные, межгрупповые, межличностные, самоотношение) можно выделить их субъективные детерминанты, в роли которых будут выступать сущностные характеристики отношений.

На **макросоциальном уровне**, где гендерные отношения анализируются в системе «личность мужчин или женщин общество, культура», «группа мужчин или женщин общество, культура», социально-психологическими детерминантами гендерных отношений будут **гендерные представления** как разновидность социальных представлений.

На **уровне взаимодействия** групп, однородных по половому признаку, где анализ гендерных отношений осуществляется в системе «группа — группа», детерминирующими (социально-психологическими) факторами межполовых отношений являются **гендерные стереотипы** как разновидность социальных стереотипов.

На **уровне** отношений между мужчинами и женщинами (**межличностные отношения**) объектом анализа являются системы «личность личность», где взаимодействующие личности имеют противоположный пол. Гендерные отношения этого уровня детерминированы **гендерными установками** как одним из видов социальных установок.

На **интраиндивидуальном (внутриличностном) уровне** объектом анализа становится **гендерная идентичность** как составляющая социальной идентичности.

Рассмотрение основных идей **социально-конструкционистского направления** в исследовании гендера позволяет нам высказать предположение о более активной роли социально-психологических характеристик человека или группы как субъектов многоуровневых отношений. Гендерные представления, стереотипы, установки и идентичность личности или группы выступают не только как детерминанты гендерных отношений, они могут играть роль строителей отношений, конструируя и создавая их определенные поведенческие модели и паттерны. Функционирующие в обществе гендерные представления, стереотипы, установки как отражение общественного сознания по поводу социальных ролей и статусов мужчин и женщин, различных аспектов их взаимодействия усваиваются индивидами как

субъектами гендерных отношений. Эти гендерные представления, стереотипы, установки начинают влиять на реальные практики межполового взаимодействия, т.е. конструировать поведенческие модели гендерных отношений.

Гендерные отношения анализируются как реальные практики и модели межполового взаимодействия, детерминированные гендерными представлениями, стереотипами, установками и отраженными в сознании субъектов. Через эти корреляты изучаемые отношения описываются и анализируются, что и позволяет раскрыть их специфику.

Основаниями конструирования гендерных отношений, характерными для всех уровней, являются: поляризация, дифференциация позиций мужчин и женщин как двух гендерных групп, явления неравенства, доминирования, власти, подчинения. Поскольку на этих явлениях сделан акцент в социально-конструктивистской парадигме, мы можем **дифференцированность** ролей и статусов мужчин и женщин, как гендерных групп и **иерархичность**, соподчиненность их позиций рассматривать как основные параметры анализа гендерных отношений.

Таким образом, выделяются два вектора измерения гендерных отношений: **горизонтальный**, где основным параметром будет **дифференциация ролей** и статусов мужчин и женщин, и **вертикальный**, который будет определяться параметром **иерархичности** позиций мужчин и женщин или гендерных групп. Причем эти параметры анализа гендерных отношений будут касаться двух сторон любого вида отношений: объективной стороны, которая представлена реальными практиками взаимодействия, и субъективной, т.е. гендерными представлениями, стереотипами, установками и социальной идентичностью мужчин и женщин или гендерных групп, в которых практики и модели взаимодействия будут проявляться и под влиянием которых будут изменяться, корректироваться, модифицироваться.

Мы представили обобщенные теоретические конструкции, позволяющие конкретизировать основные пути и способы изучения гендерных отношений в психологии. Следующий важный шаг, необходимый для развития гендерной проблематики в психологии, связан с накоплением эмпирических данных о различных аспектах проявлений гендерных отношений.

Список литературы

Андреева Г.М. В поисках новой парадигмы: традиции и стар-ты XXI века //Социальная психология в современном обществе: Учеб. пособие для вузов /Под ред. Г.М.Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002. С. 9–26.

Большой толковый социологический словарь / Под ред. Д. Джери, Дж.Джери. М., 1999. Т.1. А–О.

Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика женщины: Автореф. канд. дис.. Р/Д, 2000.

Введенский Г.Е. Половая идентичность и ее нарушения //Сексология. 2003. № 1. С. 6–15.

Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе//Общественные науки и современность. 2000. № 4.

Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований//Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций /Под ред. О.А.Вороной. М., 2001. С.13–108.

Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках//Гендерный калейдоскоп. Курс лекций /Под ред. М.М.Малышевой. М., 2002. С.8–33.

Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М., 1987.

Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995. С.51–73.

Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии//Психологический журнал, 2001, том 22, № 3. С.100–115.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России //Общественные науки и современность. 1999. № 6.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория //Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие/Под ред. И.А.Жеребкиной. Харьков:ХЦГИ, 2001; СПб., 2001. С. 147–173.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Институционализация гендерных исследований в России //Гендерный калейдоскоп. Курс лекций /Под ред. М.М.Малышевой. М., 2002. С.33–51.

Каган В.Е. Половая идентичность и развитие личности //Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева. 1991. № 4. с.25–33.

Клецина И.С. Гендерные исследования в отечественной психологии: история развития и теоретические подходы // Женщина. Образование. Демократия. Материалы 3-ей международной междисциплинарной научно-практической конференции (8-9 декабря 2000 года). Минск. 2001. С.168–177.

Клецина И.С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии//Вопросы психологии, № 1, 2003. С. 61–78.

Клецина И.С. Вместо послесловия: гендерная психология и направления ее развития// Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С.Клециной. СПб., 2003а. С. 444–470.

Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): Учебное пособие. Минск, 2000.

Кон И.С. История и теория «мужских исследований»// Гендерный калейдоскоп. Курс лекций/Под ред М.М.Мальшевой. М., 2002. С.188–248.

Лорбер Дж., Фаррелл С. Принципы гендерного конструирования//Хрестоматия феминистских текстов: Переводы /Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2000. С.187–192.

Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке// Психологический журнал, 2002. Том 23, № 3. С. 113–121.

Психология. Словарь /Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1990.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Словарь гендерных терминов /Под ред. А.А.Денисовой. М., 2002.

Темкина А.А. Женское движение как общественное движение: история и теория //Гендерные тетради /Под ред. А.А. Клецина. Выпуск I. СПб., 1997.

Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы /Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2000. С.193–219.

Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований /Пол, гендер, культура. М., 1999. С. 23–53.

Ярская Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб., 2001. С. 17–48.

Bem S.L. Androgyny vs. The tight little lives of fluffy women and chesty men // Psychology Today, 1975, September. P. 59–62.

Koestner R., Aube J. A Multifactorial Approach to the Study of Gender Characteristic // Journal of Personality 63:3, Duke University Press. September 1995. P. 681–710.

Spence J.T. Gender-related traits and gender ideology: evidence for a multifactorial theory // J. Pers. Soc. Psychol. 1993. V. 64. № 4. P. 624–635.

Tuttle L., Encyclopedia of Feminism. London, 1986.

Н. Н. Козлова, Тверь

ЖЕНЩИНА ЯВЛЯЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕСОЦИАЛЬНОЙ ИЛИ ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА РОССИЙСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СОЦИОЛОГИИ

Сакраментальная для европейской гендерной культуры установка, выраженная приведенной в названии данной статьи фразой О. Вейнингера, несмотря на прошедшие 100 лет со дня первой публикации работы последнего, очевидно, по-прежнему репрезентирует как андроцентризм социальных институтов в целом, так и социального знания в частности (1. С. 106). Трансформация системы высшего образования в РФ в последние годы в сторону интеграции с европейскими принципами вузовского образования определяет постановку актуальнейшего вопроса о гендерной толерантности научного и учебно-преподавательского дискурса отечественной высшей школы. Западные женские/гендерные/феминистские исследования обнаружили и продемонстрировали андроцентризм институтов науки и образования, осуществили гендерные экспертизы учебной литературы и провели ревизию базовых социально-гуманитарных дисциплин, устранив путем осуществления гендерной цензуры политически некорректные проявления гендерной асимметрии в учебных текстах и стимулировав включение новых курсов по проблемам пола в учебное расписание вузов. В России впервые тема гендерной дискриминации в учебных пособиях была озвучена в 1991 г., когда на русском языке вышла в свет работа А. Мишель «Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в школьных учебниках» (2). Вслед за ней стали появляться отечественные исследования дошкольной и школьной литературы (Т. Барчунова, И. С. Клецина, Л. В. Попова). В вузовском пространстве были выявлены и проанализированы проблемы гендерной асимметрии студенческого и учебно-преподавательского состава (Г. Г. Силласте, Е. Р. Ярская-Смирнова), гендерного климата в вузовской среде

(Г.Ф.Беляева, И.Д.Горшкова), возможности и ограничения процесса интеграции курсов по гендерным исследованиям в преподавание (В.И.Успенская, О.В.Шнырова, Е.А.Здравомыслова, А.А.Темкина и др.). Однако учебники и учебные пособия высшей школы до сих пор не являлись предметом детального гендерного анализа. Соответственно цель настоящей статьи видится автору в том, чтобы посредством гендерного анализа выявить гендерную сенситивность, гендерную составляющую учебной литературы по социологии для высшей школы, оценить адекватность включения в нее гендерной проблематики, определить уровень сексизма текстов и наметить пути их корректировки и/или устранения. Методика гендерного анализа ориентирует исследователей на терминологическую, текстологическую и концептуальную критику учебников и учебных пособий по различным дисциплинам. Поиск упоминаний о поле/гендере, о женщинах и мужчинах, определение контекста этих упоминаний (явные/скрытые, вынужденные/добровольные, негативные/позитивные), выявление сексизмов¹ представляют собой содержательную компоненту гендерного анализа. Прямое и опосредованное описание атрибутивных качеств человека, отсылка к образам, репрезентирующим объект, коннотация позитивных/негативных смыслов, возможная и предлагаемая верифицируемость/фальсифицируемость излагаемого материала, иллюстрации и символика, оформляющие учебный материал, в совокупности демонстрируют процесс создания и воспроизводства гендерных стереотипов, отражают традиции и культурные нормы научного сообщества.

Отбор материалов для гендерной экспертизы производился прежде всего на основе собственного опыта прочтения практически всех учебников и учебных пособий для высшей школы по социологии, которые были опубликованы в России за последние 10 лет. Автор статьи учитывала наличие в учебниках рекомендации Министерства образования РФ, их тираж, а также по-

---

¹Сексизм определяется Э.Гидденсом как «установки и убеждения, в соответствии с которым представителям одного или другого пола ложно приписываются или отрицаются определенные качества, что приводит к усилению полового неравенства» (3,с.693).

пулярность в студенческой среде (по частоте востребования изданий в библиотеке Тверского госуниверситета).

Первый шаг анализа – просмотр оглавления и глоссариев учебной литературы по социологии – уже позволяет определить, что большинство авторов не проявляет интереса к гендерной проблематике. В отличие от современных западных учебников всего лишь один учебник по социологии российских авторов «Социология» под ред. П.Д.Павленка включает тему «Социология пола и гендерных отношений» в качестве отдельной главы (4). Категорию «гендер» и разработанную в рамках гендерного подхода научную терминологию (например, «феминизация бедности», «патриархат») авторы анализируемых учебников за редким исключением не используют².

Авторы разделяют позиции биологического детерминизма, понимая «пол» прежде всего как биологическую данность. «Существует ряд человеческих качеств, которые определяются биологически, что делает невозможным изменение социальной позиции (раса, пол)», читаем в учебнике под ред. Г.В.Осипова и П.Н.Москвичева, а также находим аналогичные высказывания у других авторов³ [6, с.547]. Более развернутое представление о природе пола дает П.Д.Павленок: «Общественные или социально-демографические группы – это молодежь, женщины и мужчины... критериями выделения социально-демографических групп являются различия половые и возрастные. Не будучи сами по себе, в строгом смысле слова, различиями социальными, эти естественно-природные различия в классовых обществах могут приобретать и приобретают характер социальных различий» [4, с.141]. В подтверждение своих слов П.Д.Павленок приводит пример по данным собственного социологического исследования

---

² В учебнике В.И.Добренкова и др., встречается термин «гендерные» и определение гендера в кратком терминологическом словаре (5. С.211, 323, 563), а учебнике под ред. Г.В.Осипова и П.Н.Москвичева единожды употребляется «феминизация конторского труда» (6. С.548); в учебнике Ю.Г.Волкова и И.В.Мостовой гендерный подход представлен в теме «Возникновение общества» (7. С.151); в учебнике под ред. .А.Эффендиева в теме «Семья» (8, С.330-331).

³ «Мигрировать из мужчины в женщину невозможно» (9. С. 257); «играя роль мужчины или женщины, вы занимаете позицию, в которой ничего нельзя изменить» (10. С.182).

существенных отличий образа жизни у мужчин и у женщин, среди которых он называет продолжительность рабочего дня, размеры заработков, своеобразное проведение свободного времени и другое приводится как особенное. В то же время, отмечает он, идентичность оценок многих вопросов общественной жизни вещей и денег, потребностей ... преобладает над особенным. Это предопределяется, по его мнению, прежде всего типичными объективными условиями, в которых живут мужчины и женщины (4. С.353). Однако, отдавая биологическую дань полу, отдельные авторы в то же время признают, что «определение мужских и женских ролей субъективно и зависит от конкретного места и времени» (11. С.83; 6. С.244). Во всех учебниках пол упоминается наряду с другими статифицирующими показателями как социально значимый критерий для выделения социальной группы (9. С.182, 185; 7. С.130; 5. С.126), как основа ролевого предписания (11. С.82), как пример предписанного социального статуса (9. С.23; 7. С.225; 10. С.174), как переменная социальной мобильности (9. С.264), как критерий выделения субкультуры (11. С.50).

Отсутствие артикулированной гендерной проблематики не означает гендерной нейтральности самих учебников; гендерная проблематика в них раскрывается на примерах, исторических экскурсах или прикладных социологических исследованиях, которые учитывают фактор пола. Гендерная асимметрия выражена уже в понятийном аппарате социологии. К её категориям можно отнести термины, описывающие социальный и профессиональный состав общества, который в языке задается существительными мужского рода – журналист, учитель, солдат и т.д. В таблице «Шкала профессионального престижа» учебника А.И.Кравченко приводится только пять профессий из 50 в женском роде – секретарша, машинистка, стюардесса, домработница, горничная⁴ (9. С.211). Устоявшимися терминами в научном аппарате являются «возмужание», «юношеское развитие», термины, производные от корня «патр», «патернализм», «патриархальный», «патриархальные ценности» (9. С.286, 257, 215, 217;

---

⁴ В учебнике В.И.Добренькова и др. к указанным выше женским профессиям причисляется и санитарка (5. С.233), в учебнике С.С.Фролова – продавщица (11. С.185), в учебнике Г.А.Эфендиева – гардеробщица (8. С.114), в учебнике В.В.Касьянова и др. – медицинская сестра (10. С.186).

8. С.224; 7. С.102; 6. С.293, 415; 5. С.242), а также словосочетания проблема «отцов и детей», «традиции отцов и дедов», «братские отношения», «отец народов» (9. С.107; 8. С.133; 7. С.329).

Андроцентризм языка проявляется и в таких языковых конструкциях, в которых в паре всегда первым указывается мужчина: «мужчины и женщины», «пасынки и падчерицы», «сын и дочь», «отец и мать», «дед и баба», «юноши и девушки». Сопоставляя мужчин и женщин, авторы выбирают за эталон сравнения «мужское», если речь идет о значимом и положительном явлении общественной жизни, и женское, если предлагается обратная ситуация, например, «в целом молодые мужчины более мобильны, чем пожилые и женщины»⁵.

Поскольку языковые сексизмы с одинаковой частотой встречаются в учебниках, написанных и женщинами, и мужчинами, то можно утверждать, что авторы выступают носителями существующей гендерной культуры, традиционно-патриархатной по своей сути, и пользуются ее дискурсом.

В анализируемой учебной литературе можно выделить ряд дискурсивных стратегий, которые задают андроцентризм представленного в учебниках материала: учебники адресуются мужской аудитории, построены на мужском опыте, отождествляют понятия «человек» и «мужчина», приводят в примерах больше мужчин. «Встречаясь, мы здороваемся за руку и говорим приветствие, входя в автобус, пропускаем вперед женщин, детей и пожилых людей», «предприниматель заинтересован в вас как в клиенте, женщина как в потенциальном сексуальном партнере, продавец как в возможном покупателе», «когда у мужчин появляется достаточно много денег, то они, планируя трату, распределяют приоритеты: к примеру, детей отправить в престижную школу, жене купить стиральную машину, а любовнице украшения» (9. С.75, 90, 99). Многочисленные примеры, указанные в сноске⁶, адресованы мужской аудитории и имеют смысл

---

⁵ «Женщины, как правило, начинают работать позже мужчин (что объясняется рождением и воспитанием детей)» и др. (9. С.267; 5. С.323, 325, 467). (9. С.264).

⁶ «Многие требуют от окружающих того, чтобы их уважали как профессионала... Мало кто хочет, чтобы его уважали как... как красивого мужчину»; «безнравственно оскорблять старших, бить женщину, обижать слабого, издеваться над инвалидами» и т.д. (9. С.80, 117, 164, 165, 177).

только для читающего учебник мужчины. Отражение мужского опыта в учебниках осуществляется как прямым, так и косвенным способом. К первому типу относятся следующие высказывания: «Социологи хотят знать, почему люди ведут себя так, а не иначе, почему они образуют группы, почему идут воевать, поклоняются чему-либо, *женятся* (курсив мой Н.К.) и голосуют, т.е. все, что происходит, когда люди взаимодействуют друг с другом»⁷ (4. С.8). При косвенной маркировке пола не указываются субъекты социального действия, но подразумевается, что «забить гвоздь, погладить рубашку, сходить в магазин» это работа, основанная на гендерных характеристиках. Третья стратегия, встречающаяся в учебниках, — это классическое для традиционно-патриархатной картины мира⁸ отождествление понятий «человека» и «мужчины»: «Когда *человек* живет в хорошей квартире, *имеет жену и детей* (курсив мой. — Н.К.)...» (11. С.45) и др.⁹

И, наконец, последняя выявленная стратегия заключается в том, что авторы предпочитают в качестве примеров указывать представителей мужского пола: отцов, мужей, сыновей, мальчиков, профессионалов своего дела¹⁰.

«Православные, консерваторы, инженеры, мужчины (основные статусы) образуют реальные группы» — этот пример социального статуса в учебнике А.И.Кравченко повторяется 6 раз

---

⁷ «Руководитель и подчиненный могут спорить и ругаться... готовы подраться... но за порогом проходной они мирно беседуют о ... женщинах (9. С.298); «если кто-то говорит по-китайски, избегает тещи, не пьет молока, селится в доме своей жены» (6. С.138), и см. также (9. С.124, 126; 10. С.107; 7. С.122).

⁸ Традиционно-патриархатная картина мира - разновидность гендерной картины мира с традиционно-патриархатной доминантой сознания: представление об активной, ведущей роли мужчин и подчиненной, пассивной роли женщин в семье и обществе (12. С.20).

⁹ «Человек влюбляется в жену своего друга» (9. С.141); «в тех случаях, когда человек что называется «надломился», происходит негативная ресоциализация: мальчик из благополучной семьи становится бандитом» (9 С.128), и см. также (9. С. 91, 92, 100; 10. С.174; 11. С. 81, 84, 288; 6. С. 93, 115).

¹⁰ «Директор завода, коллега, отец» (8. С.218, 225); «мужчина, шофер такси, сторонник компартии и завсегдадай каф» (10. С.173, 174, 176, 181, 184); «быть инженером, мужчиной, мужем, русским, православным, республиканцем, бизнесменом» (5. С.57, 62, 63, 226).

(9. С.23, 26, 92, 95, 96), и всего лишь один раз встречается пример женского социального статуса быть женщиной, домохозяйкой (9. С.207). Этот факт отражает, на мой взгляд, как реальное многообразие социальных ролей мужчин, так и собственное желание авторов лишний раз подчеркнуть активность мужчин как агентов социального действия, так как приведённые в учебной литературе пояснительные примеры не всегда требуют мужского участия и позволяют приводить в пример и женщин.

Обращает на себя внимание тот факт, что мужчины в учебниках А.И.Кравченко приводятся в пример как положительные герои, очень редко встречаются их негативные образы. Анализируя контекст данных высказываний, становится очевидным, что автор разделяет понятия «мужчина» и «муж», наделяя последнего отрицательными характеристиками. «Неприятности по работе муж вымещает на жене, детях, собаке...», а «зять «терпеть не может тещу» и навязывает свое отношение сыну», пишет Кравченко (9. С.85, 94, 121). Причем характерно, что негативный облик мужу придает общение с женщинами в семье с женой либо тещей. С.С.Фролов прописывает процесс разграничения двух статусов более конкретно, акцентируя внимание на их существенных различиях: «быть мужчиной - предписываемый статус, зависящий от рождения, но быть мужем - достигаемый статус, который не вытекает автоматически из факта рождения мужчины, а зависит от мужского поведения в будущем» (11. С.86; 10. С.175). Негативные примеры мужчин встречаются и в вышеупомянутом учебнике, но здесь они перечисляются как носители девиантных ролей жестоких правителей, палачей и убийц, которые одновременно были добрыми и заботливыми мужьями и отцами (11. С.92; 10. С.189).

Женщины, как правило, упоминаются в примерах, связанных с домашней, семейной, приватной сферой в связке с пожилыми людьми и детьми¹¹.

«Женщина, пишет С.С.Фролов, может одновременно выступать в ролях жены, матери, гражданки и т.д.» (11. С.83). В доми-

---

¹¹«Маленькие детки - маленькие бедки», как сказали бы наши бабушки (7. С.163); «Пенсионеры, инвалиды и женщины имеют неравные возможности и способности к труду» (5. С.200), см. также (8. С.129; 10. С.80, 98; 5. С.541; 9. С.32, 85, 90, 165, 361).

нирующем числе приведенных примеров женщины выступают как носительницы сугубо женского опыта, как представительницы своего пола, живущие жизнью пола – беременные женщины, матери-одиночки, проститутки, домохозяйки, любовницы (11. С.43; 5. С.7). При этом дискурс описания женщин через приватную сферу (прежде всего через семью) является доминирующим. В ряде случаев для демонстрации особого положения женщин-матерей авторы прибегают к юридическому (государственному) дискурсу, ссылаясь на законодательство, регулирующее семейные отношения и связанное с уходом за детьми и опять же содержание возвращающее нас, читателей, к приватной сфере (4. С.108, 859). Маскировка женского социального опыта в учебной литературе по социологии, очевидно, связана с тем, что в ней практически не раскрывается приватная сфера, сфера воспроизводства, в рамках которой прежде всего и заняты женщины.

В учебнике А.И.Кравченко женщины выступают в большинстве примеров в негативной роли: женщина-ханжа с сексуальными проблемами, пожилая женщина в мотоциклетном шлеме с милицейскими крагами (пример в теме «Девянтное поведение»), нерадивая уборщица, учительница, которая «пытается поучать всех, кто попадает ее под руку» и т.д. (9. С.77, 102). Сексистские примеры встречаются в учебнике А.И.Кравченко при описании механизмов психологической защиты по Фрейд. В частности, он приводит в пример женщину как образец регрессии: «Регрессия – возвращение к ранним стадиям развития, позволяющее взрослому вести себя как ребёнок. Замужняя женщина, вступив в конфликт с мужем, похожий на сцену в доме родителей, когда она была маленькой, начинает плакать, ожидая получить утешение и защиту» (9. С.85). И если женщина в данном случае сравнивается с ребёнком, чем и принижается ее статус, то мужчина (отец, муж) выступает в качестве Закона, нормализующего ситуацию. Психологическая неуравновешенность женщин как их гендерная характеристика приводится в сексистском примере в учебнике Ю.Г.Волкова и И.В.Мостовой: «С момента своего рождения люди вступают в довольно плотно заселенный мир, который не всегда оказывается комфортным и «человекообразным»: в нем мало индивидуальной территории, отцы и бабушки установили свои правила господства, а мамы и бабушки невротизировали его нелепыми ожиданиями

и отжившими предрассудками» (7. С.329). В своем учебнике А.И.Кравченко приводит только один положительный пример, связанный с женщинами, сестринское движение, возникшее в период Крымской войны 1856 г.: «Это движение сестер милосердия, помогающих раненым после боя. Медицинские сестры и сестры милосердия разные вещи. Первые работают за плату, вторые бесплатно и более добросовестно. <... > Они тесно связаны с православием, регулярно ходят в церковь и смотрят на свою работу как на выполнение религиозного долга» (9. С.196-197).

Подготовка к выполнению узкого спектра социальных ролей женщин закладывается в процессе социализации. Несмотря на то, что тема «Гендерная социализация» отдельно не выделяется в учебниках, тем не менее в разделе «Социализация» во многих учебниках и учебных пособиях затрагиваются гендерные аспекты. С.С.Фролов подчеркивает, что главная и большая часть процессов социализации состоит в обучении различным видам социальных действий как женщин, так и мужчин мальчик «строит модель самолета, строит дом, изображает космонавта», военного, милиционера, «занимается спортом», «мужчина с детства готовится быть охотником, рыболовом, воином», «девочки помогают матери по хозяйству, играют в куклы» (11. С.77, 83, 89). Основную проблему гендерной социализации в современном обществе автор видит в том, что «дети мало занимаются работой по дому и девочки плохо обучаются мастерству, установкам и эмоциональному вознаграждению будущей домашней хозяйки» (11. С.90). Вполне очевидно, что описанный в учебном пособии процесс гендерной социализации предписывает разные жизненные пути мальчикам и девочкам. Кроме того, поставленные в ходе социализации масштабные задачи перед мужским полом оправдываются стремлением достичь более высокого социального статуса, а тот факт, что статус мужчин выше, чем женщин в одних учебниках констатируется авторами, в других же реконструируется по совокупности упоминаний экономического положения, политических прав мужчин, их социальных функций.

Определяя положение полов в социальной системе, А.И.Кравченко, В.В.Касьянов и др. сообщают, что «для мужчин главным чаще всего является статус, связанный с основным местом работы (директор банка, юрист, рабочий), а для женщин с мес-

тожителем (домохозяйка)» (9. С.93). Для авторов очевидно, что «коммерсанты ценятся выше сантехников или разнорабочих, мужчины в сфере производства обладают большим социальным весом, нежели женщины...», а «высокооплачиваемый банкир (далее в тексте он конкретизирован как мужчина Н.К.) скорее всего будет обладателем такого же высокого семейного ранга как человек, обеспечивающий материальный достаток семьи» (9. С.97; 10. С.177). С.С.Фролов после упоминания статуса мужчины в скобках указывает статус женщин, подчеркивая этим его вторичность (11. С.72, 163). Очевидно, этот факт вторичности социального статуса женщин может быть объяснён тем, что в патриархальных обществах он определяется по статусу отца, мужа, сына. В учебниках С.С.Фролова, В.И.Добренкова и др. указано, что «девушка, выходя замуж, будет иметь статус, отличный от прежнего, её роль изменится, и во многих отношениях она будет выглядеть как совершенно другая личность», «в значительной мере социальный ранг замужней женщины определяется статусом и мужа» (11. С.82; 5. С.463). Весьма интересен пример нисходящей мобильности в учебниках А.И.Кравченко, В.И.Добренкова и др., в котором подчеркивается смена статуса по нисходящей женщинами: «По римскому закону, свободная женщина, вышедшая замуж за раба, сама становится рабыней (9. С.267; 5. С.471). Кроме того, лифты социальной мобильности (церковь, армия, система образования, собственность и деньги, описанные П.Сорокиным) это социальные институты, преимущественно доступные мужчинам. А.И. Кравченко указывает, что «раньше некоторые должности могли занимать только мужчины, например полицейский, солдат, генерал» (9. С.94). Для повышения своего социального статуса женщины в лучшем случае могут использовать институты семьи и брака: «Неожиданное возвышение человека... - излюбленный сюжет народных сказок: хитроумный нищий становится богачом, бедный принц королем, а трудолюбивая Золушка выходит замуж за принца, повысив тем самым свой статус и престиж» (9. С.254; 11. С.300).

Приводя многочисленные примеры¹² восхождения мужчин по социальной лестнице, некоторые авторы опираются на сек-

---

¹² «На социальную мобильность в США и России наибольшее влияние оказывает не профессия и образование отца, а собственные достижения сына в обучении» (9. С.225, 259, 265, 271; 11. С.291; 5. С.461, 462).

систские дефиниции «социальной мобильности», имеющие традицию в социологии (13. С.244, 245). «Межпоколенная мобильность это изменение статуса детей относительно статуса их отцов», или «внутрипоколенная мобильность имеет место там, где один и тот же индивид, вне сравнения с отцом, на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции», утверждается в учебнике В.И.Добренкова и А.И.Кравченко (5. С.255, 460). Авторы в дальнейшем уточняют, что «мобильность женщины измеряется разницей между профессиональным статусом ее отца и мужа» (5. С. 463).

Характеризуя положение женщин в обществе, авторы прибегают к описанию их деятельности: «Однократное посещение магазина действие, но повторяющееся хождение по магазинам, ставшее чертой образа жизни женщины, её социальной ролью, это уже деятельность» (9. С.62). Указывая, что женщины в приватной сфере выполняют роль «домохозяйек», А.И.Кравченко затрудняется квалифицировать этот статус: в одном случае он определяется как статус по месту жительства, в другом как экономический, в третьем как социальный (9. С.93, 97, 207). Социально-экономическому статусу женщины А.И.Кравченко посвящает целый абзац, который я позволю себе процитировать целиком: «К традиционному экономическому статусу женщины быть домохозяйкой индустриальная эпоха добавила ещё один быть работницей. Однако старый и новый статус пришли в противоречие друг с другом. Ведь невозможно одинаково эффективно и почти одновременно выполнять обе роли. Каждая требовала массу времени и немалой квалификации. И все-таки их удалось совместить. Гораздо труднее совместить статусы-роли хорошей матери и эффективного работника, а также хорошей жены и эффективного работника. Уставшая женщина далеко не лучший сексуальный партнер. А время, нужное производству, отбирается воспитанием детей. Таким образом, новый статус «работница» пришёл в противоречие с тремя старыми: домохозяйка, мать, жена» (9. С.97-98). Из этого текста, на мой взгляд, трудно понять позицию автора. Так, с одной стороны, он утверждает, что роли удалось совместить, с другой стороны, что они пришли в противоречие. К сожалению, А.И.Кравченко не приводит в пример мужчин и то, как им удается совмещать роли работников, отцов, домохозяинов, достойных сексуальных партнёров.

Многие авторы учебников также описывают конфликт между социальными ролями: для женщины ролевой конфликт представляет всегда выбор между работой и семьей, для мужчины между призванием и профессией (11. С.81; 91, 93; 8. С.227; 10. С.183, 188; 9. С.137-138).

Статус замужней женщины, с точки зрения авторов, имеет наибольшую привлекательность как в традиционном, так и в современном обществе. С.С.Фролов полагает, что «неудачливые артисты, писатели, ...одинокие женщины, желающие иметь мужа, дом и детей, но отчаявшиеся устроить свою личную жизнь, - все они относятся к категории постоянных неудачников» (11. С.289). Причем вступление женщины в брачные отношения налагает на нее долг по обслуживанию семьи. Автор учебника задает вопрос читателям, как можно заставить женщин принять на себя тяжелую и неблагодарную домашнюю работу, и сам же на него отвечает: «Только социализировав их таким образом, чтобы они хотели иметь мужа, детей и домашнее хозяйство и чувствовали себя несчастными без них» (11. С.95). Уклонение от «домашних обязанностей» С.С.Фролов расценивает как общественно опасное деяние: «Если в условиях нашего общества женщина уходит из семьи, от мужа и ребенка, то это означает нарушение благополучия и семейных взаимосвязей» (11. С.44). Негативно оценивая женское поведение, автор применяет «двойной стандарт», разграничивая одно и то же действие (уход из дома) как допустимое и недопустимое по отношению к представителям разных полов¹³, что характерно для традиционно-патриархатной картины мира.

Соответственно красота, которую многие авторы рассматривают как главную женскую характеристику, конструируется как главный инструмент женщин для борьбы с одиночеством, для создания семьи. В частности, в учебнике С.С.Фролова женская красота упоминается 6 раз в таком контексте: «Красивая девушка

---

¹³ В текстах учебной литературы по социологии встречаются и другие примеры двойного стандарта: «нормы богемной культуры оправдывают любовные связи между женатыми мужчинами и молодыми женщинами», «в так называемых патриархальных семьях добрачный сексуальный опыт строго запрещается (по крайней мере в отношении женщин)» (11. С.110, 167).

может привлечь к себе внимание молодого человека, но может оказаться совершенно безразличной предпринимателю ... или спортивному тренеру (11. С. 54, 73, 83, 85, 115, 171). Соглашаясь с остроумным, с точки зрения С.С.Фролова, замечанием американских социологов П. Хортона и К. Ханта, что «...мальчики прежде всего заботятся о карьере, в то время как девочки поглощены «насаживанием» приманки для мужчин», он пишет: «Девушке ее родители говорят, что она хороша собой..., девушка в конечном счете, ощущает себя хорошенькой и действует как красивое создание...» (11. С.73, 83). Г.А.Эффендиев считает, что «красивая женщина всегда имеет преимущество по сравнению с остальными, ей многое прощается, а выполнение ее желаний становится для многих мужчин добровольной обязанностью» (8. С.282). В его же учебнике косвенно подчеркивается женская слабость и соответственно необходимость мужской заботы в случае, когда «один водитель подвел другого: обещал подработать на маршруте взамен его (последнему нужно было *отвезти жену к врачу*), но он забыл об этом обещании» (8. С.142). В.И.-Добреньков описывает даму, покупающую шляпку и думающую о своей сексуальной привлекательности, а также ссылается на распространение расистской идеологии в южных штатах США, которая внушает «белым женщинам глубокое отвращение к сексуальной близости с неграми» (5. С.7-8, 37). Таким образом, в текстах учебной литературы по социологии женщины описываются и как сексуальный объект, призванный привлекать внимание мужчин. В учебнике под ред. Г.В.Осипова и П.Н.Москвичева со ссылкой на данные социологических исследований приводятся в пример социальные стереотипы в изображении мужчин и женщин: «Женщины, как правило, занимают в пространстве фотосъемки положение ниже, чем мужчины, часто изображаются в ролях, которые подчеркивают их красоту, зависимость от мужчин, сексуальную привлекательность. Мужчины предстают в СМИ более властными, доминантными, агрессивными, твердыми, настойчивыми, рациональными и умными, чем женщины. Женщины более привлекательными, альтруистичными, общительными, моложавыми» (6. С.522).

Помещая мужчин в публичную, а женщин в приватную сферы, они прямо и косвенно указывают на приоритет публичной

сферы как мужской по сравнению с частной как женской. «Законодательство Спарты регулировало причёску женщины... Удивительно другое: древнее законодательство, регулировавшее *бытовые мелочи*, оказалось неспособным решить более важные вопросы: например, чётко разграничить проступок и преступление» (9. С.18). Авторы фиксируют моменты неравенства полов, которое они видят в худших условиях труда женщин и его более низкой оплате, в несправедливом распределении семейных функций, в ущемлении прав женщин, выделяют категорию «женское рабство» (9. С.186; 4. С.480). «Неравенство между мужчинами и женщинами возникло очень давно и существует и по сию пору, — считает В.И.Добреньков и др. — Разведенные или овдовевшие женщины, в отличие от одиноких мужчин, чаще становятся экономически несамостоятельными и в классовой иерархии опускаются на ступень ниже, у них меньше шансов стать руководителем или политическим лидером» (5. С.211).

Несмотря на то, что, по признанию авторов, со временем роли мужчины и женщины меняются в сторону уменьшения различий между ними, проблемы гендерного неравенства все равно остаются. А.И.Кравченко, В.И.Добреньков и др. указывает, что «более половины общего числа бедных семей в США возглавляют женщины, что достигли порога бедности или опустились ниже его женщины...» (9. С.252; 5. С.224, 418). Далее в тексте следует перечисление беднейших социальных слоев, представленных женщинами: уборщицы, санитарки, учителя, воспитатели детских садов, медицинских работников. Речь идёт, по сути, о «феминизации бедности», характерной, по данным ООН, для всех обществ. С.С. Фролов констатирует, что существует связь между признаком разделения по полу и получаемым доходом (всем известно, что большинство современных обществ мужчины получают вознаграждение за труд в среднем больше, чем женщины) (11. С.217).

Нельзя не отметить, что основным предметом анализа социальных отношений между полами авторы выбирают не макроуровень общество, а отдельные его институты, и прежде всего семью, в рамках которой женщины и мужчины выступают как жены и мужья, матери и отцы. В.В.Касьянов и др., описывая различие между матриархальными и патриархальными семьями, счи-

тают, что «роль матери в патриархальных семьях это роль «аут-сайдера», «которая сводится к рождению и воспитанию детей» и характеризуется экономической зависимостью от мужа или отца¹⁴ (10. С.123). По мнению авторов этого учебника, в традиционном обществе «профессиональные роли не отличаются от семейных, поскольку отец семьи одновременно является главой сельскохозяйственного предприятия, мать также занимается сельским хозяйством, а ребенок изучает дело рядом со своим отцом. Соответственно отец одновременно является руководителем предприятия и учителем, а сын сыном, работником и учеником» (10. С.186). Распределению властных ролей в семье уделяет внимание и А.И.Кравченко: «Защита чести и достоинства членов семьи представляет собой обязанность каждого мужчины... Проявляя заботу о семье, мужчина тем самым демонстрирует свою силу, храбрость и добродетель и все то, что высоко оценивается окружающими. <...>Защита семьи это основа её выживания, выполнение этой важной функции в традиционном обществе делает мужчину автоматически главой семьи. Не возникает споров о том, кто первый муж или жена. В результате укрепляется социально-психологическое единство семьи. В современной семье, где мужчина не имеет возможности продемонстрировать свои лидирующие функции, гораздо выше нестабильность, чем в традиционной» (9. С.137-138; 5. С.548). Для демонстрации гендерного неравенства авторы преимущественно задействуют этнографический материал и отсылают к ранним этапам развития общества, практически не указывая на присутствие данных форм неравенства в современных обществах и ограничиваясь замечаниями, что «эмансипация вносит свой вклад в разрушении иерархической организации семьи» и «мужчины, в частности, берут отпуск по уходу за ребенком» (10. С.492, 493) и т.д.¹⁵

---

¹⁴ В.И.Добренков сообщает, что в 73 % сельскохозяйственных и 87,5% папуашеских племен женщины в большинстве случаев занимают в семье низкие статусы (5. С.527), см. также: (9. С.137-138; 5.С. 548; 10. С.186).

¹⁵ «В аграрном обществе... очень легко было поддерживать мужское доминирование в семейных отношениях. Более того, только сила и мудрость отца придавали семье крепость и жизнестойкость» (11. С.111), см. также (5. С.209, 211, 213; 8. С.149).

Гендерное неравенство в рамках семьи объясняется авторами с позиций биологического детерминизма и эссенциализма¹⁶: в течение тысячелетий в каждом обществе заботой матери являлся уход за ребенком, заботой отца материальное обеспечение семьи и ее защита. Вследствие этого повсеместно возникла единообразная структура: мужчины и женщины вступали в постоянные отношения, в ходе которых достигалось наиболее эффективное развитие потомства и осуществлялась необходимая экономическая активность, базирующаяся на разделении полов. (6. С.413). Широкий спектр отцовских обязанностей предполагает, что «отец агент первичной социализации опекун, администратор, воспитатель, учитель, друг» (9. С.124; 5. С.57; 8. С.93; 7. С.139). Роль воспитателя детей предполагает, что мужчина должен воспитывать детей в духе законопослушания, уважения традиций и обычаев своего народа. Такова обязанность именно отца, а не матери (почему не матери? Н.К.) (5. С.57). На мой взгляд, обозначенная таким образом проблема отцовства призвана компенсировать сложившийся в российской гендерной культуре дефицит мужественности и депривацию этого социального института, что в принципе можно расценивать как позитивное явление. В то же время очевиден сексистский подход к проблеме материнства, так как оно упоминается гораздо реже, и, как правило, не раскрываются его подфункции, что в конечном счете не позволяет квалифицировать его как социальный феномен. Тем самым достигается эффект валоризации отцовства за счет умаления роли материнства.

Авторы считают, что в настоящее время отношения между полами меняются, т.к. «эмансипация вносит свой вклад в разрушении иерархической организации семьи» и «мужчины, в частности, берут отпуск по уходу за ребенком» (10. С.492—493). Изменения в институте семьи в учебниках указываются следующие: отказ от двойного стандарта, терпимое отношение к работе женщины вне дома, от женщины ожидается такое же активное участие в общественной жизни, как и от мужчины, женщина меньше занимается тяжелым домашним трудом и стремится быть экономически более независимой от мужчины (5. С.542—

---

¹⁶ «Эссенциализм — вера в уникальность женской сущности» (12. Р. 99).

543). Анализируя данный текст, я бы сказала, что эти изменения характеризуют не столько институт семьи, сколько гендерные конструкты. О современной семье авторы, как правило, пишут, что она эгалитарная, но, перечисляя членов семьи, они на первое место тем не менее ставят отца, затем мать (10. С.222).

В контексте признания гендерного неравенства ряд авторов делают ссылки на феминизм, упрощая его и подавая в негативном контексте. По мнению Г.А. Эфендиева, «феминистские мистификации истории оказываются сегодня модным оправданием бегства от семьи всех ее членов, апологией надвигающегося вслед за исчезновением семейного производства фактического разрушения института семьи» (8. С.331–332; 7. С.152). Автор учебника критикует феминистскую теорию в анализе двойной занятости женщин как проявление господства мужчин, обвиняя их в политизации семейной проблематики и применении и выборе неадекватной для анализа методологии, переносе методологии, разработанной для исследования общесоциального уровня, на анализ функционирования малых групп, в конечном счете он констатирует, что сама установка ученых на «демократизацию» семьи не согласуется с законами функционирования малых групп (8. С.325). Используя для характеристики феминизма стереотипные образы массового сознания, многие авторы показывают, с одной стороны, свою гендерную культуру, с другой стороны, незнание ими основ феминистской/гендерной теории. Последнее проявляется также и в том, что авторы дают представление о феминистской теории, используя эклектический, а чаще всего просто бессвязный набор концептов из феминизмов различных исторических этапов и направлений. Кроме того, в учебниках и учебных пособиях не приводятся ни имена, ни труды теоретиков феминизма ни в тексте, ни в списке литературы.

Единственным контрпримером приведенным фрагментам является глава «Социология пола и гендерных отношений» в учебнике под ред. П.Д.Павленка, которая написана В.М.Елисеевым. Глава вполне логично подразделена автором на два параграфа: «Концепция социального пола и гендерный подход в социологии» и «Становление и развитие гендерной социологии в России». Первый параграф отличает профессиональное изложение материала. Автор традиционно начинает с дефиниций гендера, представленных в энциклопедической литературе. От-

мечая идеологическую нейтральность термина «гендер» в этих изданиях, автор представляет широкий спектр толкований понятия, включая самые радикальные феминистские определения. В частности, В.М.Елисеев приводит мнение авторитетнейшего в гендерных исследованиях американского философа Джоан Скотт на природу и значение гендера. Нельзя не приветствовать и собственную позицию автора раздела, трактующего «гендер» с феминистских позиций и считающего данную интерпретацию наиболее адекватной. «Вероятно, в русском языке имеет смысл использовать «гендер» лишь в узком смысле, предполагающем феминистскую интерпретацию (гендерный подход), а не в широком смысле, когда речь идет о социополовых различиях, хотя это вопрос спорный» (4. С.261).

Безусловным достоинством этого параграфа также является то, что автор не только подробно и квалифицированно раскрывает дефиницию гендера, но и показывает его методологические возможности: «Понятие гендер может служить не только описанию различных аспектов социальной жизни, но и анализу и объяснению властных отношений в обществе» (4. С.261). В этой части параграфа несколько удивляет отсутствие имен исследователей, стоявших у истоков гендерных исследований и их последователей. Автор, указывая, что вопросы пола рассматривались в традиционной социологии, не приводит в пример авторов-социологов и их концепции Э.Дюркгейма, М.Вебера, Т.Парсонса и др. В то же время он не только называет причины необходимости появления категории «гендер» в социологии, но и подробно рассматривает их.

Отвечая на немой вопрос читателя «Что дают гендерные исследования мужчинам?», автор раскрывает негативные последствия маскулинной культуры для самих мужчин. Отношения феминистской теории и социологии В.М.Елисеев описывает как «довольно натянутые» по причине утверждения социологией мужских точек зрения на общество. Наконец, автор упоминает о направлениях в рамках феминистской науки «теория двух систем» и «теория однородности» — с их базовыми категориями «капитализм» и «патриархат». Однако, несмотря на профессиональное изложение указанных теорий, автор ограничивает рассмотрение направлений феминизма только марксистским и со-

циалистическим, не упоминая его либеральное и радикальное крыло. В итоге основной недостаток первого параграфа — это отсутствие историографической компоненты гендерных исследований. Непонятно, почему «в настоящее время феминизм остается жизненным и заметным социальным движением». Второй недостаток становится очевидным, когда переходим к анализу следующего параграфа — повторы материала по интеграции и развитию гендерных исследований в России.

Этот раздел автор начинает с анализа исследований, посвященных социальным аспектам пола, проведенных в России в конце XIX—начале XX в. Перечисляя проблемы и направления, В.М.Елисеев называет только В.М.Хвостова как ученого, осмысляющего феномен женского движения. Среди других представителей, принимавших участие в дискуссии по женскому вопросу, автор называет О.Вейнингера и его знаменитый труд «Пол и характер». Далее следует краткий очерк истории концептуализации и решения женского вопроса в советский период. Здесь мы встречаем традиционный анализ идей А.Коллонтай и В.И.Ленина, а также государственной политики в отношении женщин. Начиная с 60-х гг. Елизаров вычленяет несколько направлений исследований, которые в дальнейшем рассматривает более подробно. Исследования и работы В.Ядова, Кона, а также специалистов по семье и молодежным проблемам анализируются автором в сопровождении иллюстративных, статистических выдержек из их публикаций. Однако вне поля зрения автора остается значительный массив разработанных проблем, без которых нельзя представить современное состояние гендерных исследований. Складывается парадоксальная ситуация, когда статус гендерных исследований в интерпретации автора достаточно высок, а российская зарисовка к нему значительно урезана.

Подводя итоги, следует сказать, что представленная учебная литература по социологии, как правило, не содержит гендерной терминологии, тематики, но в то же время ее тексты являются гендерно-сенситивными. Гендерная проблематика в них раскрывается на примерах, исторических экскурсах или прикладных социологических исследованиях, которые учитывают фактор пола. Причем именно примеры задают «гендерный климат» учебников. Если в тексте не приводятся конкретные примеры с женщинами и мужчинами, то создается абстрактное представ-

ление об обществе, латентно наделяющее ключевые для него понятия «индивид», «личность» мужскими характеристиками, что с феминистских позиций трактуется как проявление андроцентризма социального научного знания (15. С.101-130). Наиболее ярким примером такого текста является учебник под ред. Г.В.Осипова и П.Н.Москвичева. Учебники А.И.Кравченко, С.С.Фролова с конкретными женскими и мужскими примерами, как правило, изобилуют сексизмами. Отсутствие изложения артикулированной гендерной проблематики в данном случае придает тексту не столько научный, образовательный, сколько воспитательный характер. Не углубляясь в вопросы организованных в масштабах общества взаимоотношений полов, авторы дают им свою личную оценку, в некоторых случаях принимая её за норму. И наконец, следует выделить учебники и учебные пособия, в которых профессионально подается гендерная проблематика и к которым можно отнести учебник под ред. П.Д.Павленка. Таким образом, гендерный анализ позволяет также констатировать наличие прямой связи между наличием/отсутствием поданной в учебной литературе артикулированной гендерной проблематики и соответственно низким/высоким уровнем сексизма текстов.

Общественная сфера в учебной литературе по социологии выступает прежде всего как сфера деятельности мужчин. Мужчина представляется нормой и образцом человека, носителем социального действия, что достигается использованием в текстах учебников ряда стратегий: отождествлением человека и мужчины, доминированием мужских примеров, построением текста, основанного на мужском опыте и обращённого к мужчинам, сравнением женщин и мужчин всегда в пользу вторых, употреблением пар мужчина—женщина с женщиной на втором месте. В учебниках демонстрируется широкий спектр социальных ролей мужчин, что отражается и в текстах, и в иллюстрациях к ним. Причем, анализируя социальные роли мужчин по текстам учебной литературы, становится очевидным зафиксированное ещё Т.Парсонсом и характерное для традиционно-патриархатной картины мира отнесение мужских ролей к инструментальным, а женских к экспрессивным.

Большинство авторов, трактуя социальный феномен неравенства между полами (гендерного неравенства), придерживается позиции биологического детерминизма и эссенциализма. Использование данного подхода в освещении проблематики пола приводит к парадоксальной ситуации – авторы не считают пол социальным конструктом, но сами же его конструируют.

Экспликация социального положения женщин по текстам учебников позволяет выявить два способа их описания – семейно-приватный и юридическо-государственный, в котором в основном закрепляются особые права женщин-матерей. В учебниках фиксируется узкий спектр социальных ролей женщин. Авторы рисуют картину острого социального конфликта совмещения ролей жены, матери и труженицы. Девальвация статуса женщин в текстах достигается серией дискурсивных стратегий, а именно примерами (женщины, как правило, репрезентируют не социальный, а личный опыт, ограничивающийся замужеством, беременностью, материнством; контекстом (за ними априори закреплена приватная сфера, они упоминаются в традиционной связке с другими «социальными инвалидами» – пожилыми людьми, инвалидами и детьми); открытым признанием/утверждением, что их статус ниже, чем статус мужчин, а также личной позицией авторов, выражающих традиционные гендерные установки.

В результате проведенного исследования отчетливо выявляются три уровня функционирования гендерной проблематики в социологическом образовательном дискурсе, к каждому из которых применим конкретный подход. Первый уровень – общекультурный, задающий основные коды гендерной культуры, которые имманентно присущи и авторам, и читателям. К ним можно отнести языковые сексизмы, характерные для традиционно-патриархатной картины мира. Обозначая и раскрывая их, представители феминистских исследований утверждают, что это наиболее трудный для корректировки тип гендерной асимметрии (16. С.232–233).

Второй уровень – социальный – представляет собой репрезентацию в текстах учебной литературы реалий социума, и в частности того факта, что известных женщин-политиков, экономистов, общественных деятелей меньше, чем мужчин, а деятельность большинства женщин не имеет публичного выражения. В различных интерпретационных моделях гендерных исследо-

ваний указываются разные причины, а иногда и целый комплекс условий и обстоятельств, порождающих гендерную асимметрию в социуме: и последствия гендерной социализации (жесткая установка девочек на материнство), и проблема общественной оценки значимости женского труда (экономические критерии не работают для измерения домашней работы, воспитания детей), проблема невыраженности женского опыта традиционными языковыми средствами (область женской деятельности описывается с точки зрения доминирующей мужской группы и соответственно мужским языком в терминах «рациональность», «логичность», «эффективность»). Простая констатация фактов гендерной иерархии, конфликтов совмещения трудовых и семейных ролей для женщин и т.д. без использования гендерного анализа лишь порождает дальнейшее воспроизводство и тиражирование стереотипов массового сознания. «Профилактикой» против подобной гендерной асимметрии может стать включение элементов гендерного анализа в различные темы учебной литературы по социологии.

Третий уровень индивидуальный представляет собой сознательную установку авторов на принижение социального статуса женщин. Это выражается в критике феминизма, не соответствующей критериям научного поиска, в стремлении совместить гражданское воспитание с маскулинным, в откровенном сожалении о потере мужчинами лидирующих позиций в современном обществе. Задача устранения вышеуказанных проявлений гендерной асимметрии в текстах учебной литературы может быть решена с помощью гендерной цензуры, необходимость существования которой демонстрирует проведенное исследование.

Список литературы

1. Вейнингер О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротике. М., 1991.
2. Мишель А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в школьных учебниках. М., 1991.
3. Гидденс Э. Социология: Учебник /Пер. с англ. В. Малышенко и др.; Науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.К. Иосилевича. М., 1999.
4. Социология / Под ред. П.Д.Павленка. М., 2002.
5. Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Социология. М., 2001.

6. Социология. Основы общей теории / Отв.ред. Г.В.Осипов, П.Н.Москвичев. М., 2002.
7. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология / Под ред. проф. В.И.Добренькова. М., 1999.
8. Основы социологии: Курс лекций / Под. ред. А.Г.Эфендиев. М., 1993.
9. Кравченко А.И. Социология. Екатеринбург, 1998.
10. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология. Ростов н/Д, 2000.
11. Фролов С.С. Социология: Учебник для вузов. 3-е издание. М., 1999.
12. Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания //Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С.17–43.
13. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности //Американская социология. М., 1972.
14. Tuttle L. Encyclopedia of Feminism. London, 1986.
15. Клиндер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э.Шоре и К.Хайдер. М., 2000.
16. Словарь гендерных терминов / Ред. А.А.Денисова. М., 2002.

Н.Н.Козлова, Тверь

ГЕНДЕРНАЯ РЕВИЗИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО СОЦИОЛОГИИ

Отец нации — речь идет об авторитарном лидере, царе-батюшке, который строг, но справедлив с подданными. Таковыми, по мнению многих политологов, были Ф.Миттеран и М.Тэтчер (1. С. 267)

Согласно феминистской критике науки, последняя выступает важнейшей формой патриархатной и маскулинистской идеологии, основанной на андроцентризме, нарушении требований универсальности и объективности (2. С.101-130). По мнению американского социального философа С.Хардинг, ценность женщины не принималась в качестве исходного пункта ни одним из типов научных исследований. Она считает, что «взгляд с позиций аутсайдера или изгоя (к которым, согласно докладу ООН «Отчёт о развитии человеческих ресурсов», принадлежат и женщины) скорее приведёт к более объективному знанию, чем взгляд с позиций правящих групп, чьё мышление слишком близко господствующим институтам и концептуальным схемам. Поскольку маргинальные группы меньше заинтересованы в сохранении status quo, их знание с меньшей вероятностью будет искажено желанием узаконить существующие структуры власти» (3. С.433).

Плодотворно развивающиеся западные женские/гендерные/феминистские исследования обнаружили и продемонстрировали андроцентризм институтов науки и образования. Ученые провели гендерную экспертизу учебной литературы и ревизию базовых социально-гуманитарных дисциплин, устранив путем осуществления гендерной цензуры политически некорректные проявления гендерной асимметрии в учебных текстах и стимулировав включение новых курсов по проблемам пола/гендера в

учебное расписание вузов. Однако российские учебники и учебные пособия для вузов до сих пор не являлись предметом детального гендерного анализа. Соответственно цель настоящей статьи видится автору в том, чтобы посредством гендерного анализа выявить гендерную сенситивность, гендерную составляющую учебной литературы по политологии для высшей школы, оценить адекватность включения в нее гендерной проблематики, определить уровень сексизма текстов и наметить пути их коррекции и/или устранения.

Методика гендерного анализа ориентирует исследователей на терминологическую, текстологическую и концептуальную критику учебников и учебных пособий по различным дисциплинам. Поиск упоминаний о поле/гендере, о женщинах и мужчинах, определение контекста этих упоминаний (явные/скрытые, вынужденные/добровольные, негативные/позитивные), выявление сексизмов представляют собой содержательную компоненту гендерного анализа. Прямое и опосредованное описание атрибутивных качеств человека, отсылка к образам, репрезентирующим объект, коннотация позитивных/негативных смыслов, возможная и предлагаемая верифицируемость/фальсифицируемость излагаемого материала, иллюстрации и символика, оформляющие учебный материал, в совокупности демонстрируют процесс создания и воспроизводства гендерных стереотипов, отражают традиции и культурные нормы научного сообщества.

Отбор материалов для гендерной экспертизы производился прежде всего на основе собственного опыта прочтения практически всех учебников и учебных пособий для высшей школы по политологии, которые были опубликованы в России за последние 10 лет. Автор статьи учитывала наличие/отсутствие в учебниках рекомендаций Министерства образования РФ и УМО по политологии, их тираж, а также популярность в студенческой среде (по частоте востребования изданий в библиотеке Тверского госуниверситета).

Первый шаг анализа просмотр оглавления и глоссариев учебной литературы по политологии — уже позволяет определить, что большинство авторов не проявляет интереса к гендерной проблематике. В отличие от современных западных учебников

лишь в двух учебниках по политологии российских авторов указано, что «появляется совершенно новая проблематика, как, например, гендерная политическая теория и феминистская практика», и «сторонники феминистских политических теорий рассматривают брачно-семейные отношения, сексуальные и гендерные как политические» (4. С. 16; 5. С. 14). В то же время в данных учебниках среди категорий, используемых политологией, термин «гендер» не встречается, равно как и категории, разработанные в рамках гендерного подхода (например, «патриархат»). Авторы учебников предпочитают употреблять квазинейтральные термины «половозрастные» и «демографические» или такие громоздкие конструкции, как «неравенство, порождённое половыми различиями», «принадлежность к слою, обусловленному полом положения мужчины и женщины» (4. С. 98; 6. С. 126; 7. С.283; 8. С. 152, 178, 379; 9. С.62). На мой взгляд, термины «демографические», «половозрастные», в состав которых и включают женщин, мужчин, молодёжь, нельзя рассматривать как аналог гендерных характеристик, так как прежде всего это категории, описывающие население с точки зрения его репродуктивных способностей, не связанные с диспозитивом власти. Авторы учебников разделяют позиции биологического детерминизма, понимая «пол» прежде всего, как биологическую данность. Так, в учебнике Г.И. Козырева половые различия относятся к проявлениям естественного неравенства (10. С.5); в учебнике под ред. М.А.Василика в таблице «Типы стратификационных систем» представлена «физикогенетическая система», отличительными характеристиками которой являются «пол, возраст, физические данные, физическое принуждение и обычаи» (4. С.139). В основном понятие «пол» используется авторами в следующих значениях: как критерий для выделения политической субкультуры; как фактор, определяющий политическое участие и поведение; как ценз для получения избирательных прав; как условие для рекрутирования политических элит; как переменная в ряду религиозных, национальных, экономических, социальных факторов; а в ряде случаев фактор пола, видимо, включается в умолчания «т.д. и пр.». При этом категорию «пол» нельзя назвать устойчивой для политологического дискурса учебной литературы: в одних случаях авторы ее используют, в других иг-

норируют. Ни в одном из учебников, за исключением учебника под ред. В.И.Буренко и В.В.Журавлева, не рассматриваются достижения гендерных/феминистских исследований, отсутствуют ссылки на теории власти, политики, международных отношений представителей этого направления и на их работы. В целом из женщин-политологов в учебной литературе по социологии упоминаются лишь Х. Арендт, М. Херманн (11. С.149; 12. С.159; 5. С.39). Если учитывать, что в западном научном сообществе интеграция гендерных исследований в гуманитарные дисциплины свидетельствует не только о толерантной гендерной культуре ученых, но и об их высоких профессиональных качествах, то в России определение политической теории «в терминах отсутствия гендера» (13. С.84) свидетельствует об обратном. Так, по свидетельству российского антрополога Н.Н.Козловой, редактор журнала «Полис» в частной беседе заметил, что «гордится почти полным отсутствием женских текстов на страницах его журнала» (14. С.165). Однако часто незнание гендерной теории и ее представителей ведет к таким нестыковкам, когда женщины-политологи представлены в учебниках в мужском роде: «Американский психоаналитик К.Хорни рассматривал...» (15. С. 30).

Отсутствие артикулированной гендерной тематики (понятий, инструментария, концепций) не означает гендерной нейтральности самих учебников. Гендерная проблематика в них раскрывается, как правило, на примерах, исторических экскурсах или прикладных исследованиях (в основном политического поведения), которые учитывают фактор пола; проявляется в политологическом дискурсе, в котором кодируется властная гендерная асимметрия. В русском языке «политик» существительное мужского рода; о «субъекте политики» говорят «он». При необходимости сделать акцент на факте, что политиком является женщина, приходится пользоваться громоздкой конструкцией женщина-политик, женщина-депутат (13. С.87). Термины «индивид», «человек», «правитель», «политолог», «гражданин», «лидер», «политик», «политический деятель», «специалист», «руководитель», «вождь», «спикер», «депутат», «губернатор», «мэр», «тиран», «патриарх», «диктатор», «монарх», «президент», «избиратель», «чиновник» являются ключевыми для

политологии. Во многих учебниках авторы употребляют понятия «отцы» и «патриархи» науки, в некоторых случаях даже не завычивая их (4. С.515, 517, 530; 6. С. 14), а также применяют устойчивые словосочетания «отцы-основатели», «отец нации», «на правах старшего брата» и т.д.¹ (16. С.59, 186; 17. С.201; 9. С.170, 462; 18. С. 86; 19. С.75; 20. С.31, 201; 21. С.34, 36; 22. С.84, 161).

Для характеристики политических явлений в учебниках используются термины, отражающие андроцентризм политических явлений: «патернализм», «патронаж», «патриархальное господство» (М.Вебер), «патриархальная политическая культура», «патерналистские ожидания», «патриархальные общества», «патриархальный избиратель», «патриархальные начала», «патриархальные системы», «патриархальное сознание», «патримониальный», «патриархальная община», «патриархальный быт», «патриархальная психология», «социальные связи патронажно-клиентального типа» (4. С.120, 475, 482; 9. С.79; 7. С. 19, 230, 236, 279, 284, 323; 8. С.106, 246, 380; 18. С.134, 148, 298; 23. С.91; 24. 375; 15. С.151, 232, 264, 301, 368; 25. С.231, 343; 5. С.19; 26. С.84; 27. С.49).

Многочисленные упоминания слов с корнем «патр» не задают их единое содержательное наполнение. Авторские разночтения, в частности, в трактовке понятия «патриархальное» весьма существенны. Например, в учебном пособии М.В.Кернацского и Н.В.Шатиной «патриархальное» конкретизировано как первобытно-общинное (27. С.19). В.П.Пугачев и А.И.Соловьев указывают на патриархальный способ взаимоотношений индивидов с властью, подразумевая сложную иерархию прав и обязанностей людей, неравенство их положения в отношении с властью (6. С.83-84). Практически во всех учебниках фигурирует классификация политической культуры американских ученых-политологов Г.Алмонда и С.Вербы, которые выделяли патриархальный, подданнический и активистский типы, ориенти-

---

¹ «Цицерон отец отечества», «Руссо духовный отец французской революции», «Джеймс Мэдисон отец конституции», «Вождь-Отец в тоталитарных системах», «Отец консерватизма Берк», «Отец политической науки Платон», «Макиавелли отец политической науки» (18, С.55, 85, 87; 1. С.163; 19. С.30; 15. С.59; 7. С.292).

руясь на степень активности участия граждан в политической жизни и отношение граждан к политической системе (4. С.369). Аналогичным образом характеризуя «патриархальное», авторы учебников и ученые-политологи не видят в нем гендерного аспекта. Только в одном учебнике патриархальный характер демократий конкретизируется как политический режим «для мужчин» (6.С.204, 208). На мой взгляд, в последнем случае было бы более корректно употреблять термин «патриархатный», который показывает ограниченную гендерную базу политических режимов и подчеркивает организованную систему мужского господства над женщинами.

Ещё один термин, имеющий гендерную маркировку и используемый в политическом и политологическом дискурсе, — «братство». Идеал «братства» не рефлексивируется авторами в гендерном аспекте и лишь косвенно в учебнике под ред. В.И.Буренко и В.В.Журавлева определяется «как свободное и равное гражданство в либерализме, как национально-культурная идентичность в консерватизме, как солидарность эксплуатируемых классов в марксизме» (5. С.183). Анализируя известный лозунг «Свобода, равенство и братство», в учебнике под ред. М.А.Василик авторы рассматривают «братство» как «социальные (гражданские) права, боязнь социальной и материальной ущемлённости, нищеты, стремление к материальному достатку, обеспечение равенства шансов» (4. С.48, 147). Другие авторы пошли по пути умолчания или исключения «братства» из текстов: в учебнике В.П.Пугачёва и А.И.Соловьева из триады «свобода, равенство, братство» последняя часть заменена на «т.д.», в учебнике под редакцией Г.В.Полуниной «братство» замещено «правом», а в учебниках под ред. В.Н. Лавриненко и Ю.В.Ирхина и др. лозунг приводится без комментариев (6. С.201; 16. С.112; 1. С.322; 18. С.241).

Андроцентризм языка проявляется также и в стереотипных языковых конструкциях, в которых в паре всегда первым указывается мужчина: «мужчины и женщины», «пасынки и падчерицы», «сын и дочь», «отец и мать», «дед и баба», «юноши и девушки». Сопоставляя мужчин и женщин, авторы выбирают за эталон сравнения «мужское», если речь идет о значимом и положительном явлении общественной жизни, и женское, если предлагается обратная ситуация. Кроме того, здесь очевидно

прослеживается свойственное для патриархатной картины мира понимание мужчины как нормы, а женщины как девиации, например: «мужчины обычно более активны в политических действиях, чем женщины»; «не участвующие в политике это, как правило, люди с невысоким уровнем образования и низкими доходами, не престижными профессиями, безработные, женщин среди них больше, чем мужчин»; «отцы оказывают на формирующиеся политические взгляды детей больше влияние, чем матери»; «мужчины в целом гораздо более активнее женщин участвуют в выборах...», «доля определившихся со своими электоральными намерениями («голосовать не голосовать») среди мужчин больше, чем среди женщин» (1. С.232; 24. С. 331; 18. С. 379; 4. С.379, 382, 395, 403). К языковым сексизмам, на мой взгляд, можно отнести также фразы с использованием слова «даже», указывающие на экзотичность женской/гендерной проблематики, демонстрирующие ее маргинальный статус: «даже политика умной жены» (М.Вебер), «движение «Женщины России» однажды даже преодолело 5% барьер и получило места в Госдуме» и т.д. (5. С.184; 9. С.5).

Поскольку языковые сексизмы с одинаковой частотой встречаются в учебниках, написанных и женщинами, и мужчинами, то можно утверждать, что все авторы выступают носителями существующей гендерной культуры, традиционно-патриархатной по своей сути, и пользуются ее дискурсом.

Одним из наиболее важных элементов гендерного анализа является выявление умолчаний. Учебные пособия по политологии, впрочем, как и учебники по другим социогуманитарным дисциплинам, рассчитаны на накопленный жизненный опыт человека, позволяющий сделать прочтение учебников наиболее узнаваемым. В частности, политическая сфера в повседневной жизни у большинства граждан ассоциируется с деятельностью парламента, президента, правительства, которые в основном представлены мужчинами. Большая часть политических проблем, отражённых в учебниках, показывает только надводную часть айсберга. По удачному выражению белорусского политолога И.Чикаловой, «женщины и «женское» были спрятаны в политической теории и политической мысли, базирующихся на позициях андроцентризма» (13. С.83). Отражая складывавшийся веками мужской социальный опыт в сфере политики, авто-

ры учебников по политологии представляют в качестве универсальной точки зрения мужской взгляд на сферу властных отношений. В анализируемой учебной литературе можно выделить очевидные дискурсивные стратегии, которые задают андроцентризм представленного в учебниках материала. Так, тексты учебников не просто построены на мужском опыте, но и в ряде случаев отождествляют понятия «человек» и «мужчина». Во всех учебниках в качестве примера приводят больше мужчин. Данные стратегии наиболее явно прослеживаются в учебной литературе по социологии, но и в учебниках по политологии их можно зафиксировать (28. С.568-569). Основной агент социально-политических действий мужчина «отец семейства, член определенной профессиональной, национальной группы, житель города», «Петр, Иван, Сидор» (9. С.179). Автор одного из учебных пособий по политологии Г.И.Козырев не включает мужчин в состав социальных групп, сформированных по половозрастным признакам, к которым он относит только «женщин, молодежь, пенсионеров» (10. С.129). Ю.В.Ирхин и др. приводят исторические свидетельства использования стратегии отождествления человека и мужчины в юридических документах: «Русская правда» предусматривает месть за убийство брата: «Если человек убьет человека, то мстит брат за брата, сын за отца...» (18. С.132). Кроме того, человек как субъект политики наделяется маскулинными гражданскими качествами мужеством, уважением к женщине (по Аристотелю), человеколюбием (по Конфуцию) поведение, отвечающее нравственным ценностям патриархальных общин (сыновняя почтительность к старшим в семье...) (7. С. 19, 105; 1. С.29; 18. С.33, 47; 15. С.53). Таким образом, мужчины выступают не как представители своего пола, а репрезентируют человеческий род в целом.

Нерефлективное воспроизведение дискурсивной стратегии отождествления «человек-мужчина» позволяет по-разному интерпретировать тексты учебников. Например, практически в каждом учебнике приводятся высказывания Платона об общности как одном из основных принципов социально-политического устройства идеального общества, и в частности общности жен и детей для воинского сословия. Однако только в одном учебнике уточняется данная общность как общность и жен, и мужей, что расширяет социальную базу страты воинов, включая в них и жен-

щин, и мужчин (18. С.45–47). В итоге с идеей равенства полов Платона, являвшейся «неслыханным новшеством, с точки зрения Аристотеля», студенты могут никогда не познакомиться, если не прочитают именно учебник Ю.В.Ирхина. Таким образом, авторская точка зрения может значительно изменить (расширить/сузить) гендерный горизонт учебного текста.

Женщины, как правило, упоминаются в примерах, связанных с домашней, семейной, приватной сферой вместе с пожилыми людьми и детьми как уязвимые группы общества (11. С.49). Ю.В.Ирхин приводит социальную стратификацию Фурье, согласно которой к слоям, ведущим «паразитический образ жизни», относятся «домашние большинство женщин, детей и слуг» (18. С.101). Помимо использования приема описания женщин через приватную сферу (прежде всего через семью), авторы прибегают к юридическому (государственно-властному) дискурсу, ссылаясь на законодательство, регулирующее семейные отношения и связанные с уходом за детьми, и опять же содержательно возвращающие нас, читателей, к приватной сфере (7. С.167).

Как правило, учебники по политологии начинают с темы «Политика». Отмечая многозначность термина «политика» и существование даже «женской политики» (9. С.5; 8. С.43; 15. С.8), авторы реконструируют политическую сферу как сферу публичной власти и изначально противопоставляют ее приватной, в рамках которой традиционно реализуют своё социальное назначение женщины. Начиная с античности концептуальное различие публичного и приватного, которое структурировало политический дискурс, характеризовало публичную сферу в качестве арены свободы и гражданских прав, а поскольку женщины ассоциировались с приватной сферой, то они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь (13. С.83). Как точно подметил отечественный исследователь С. Ушакин, политическое общение имеет гомосоциальную природу, являясь общением «государственных мужей», а формирование диалогического (политического) пространства происходит посредством исключения (29. С.109). Этот тезис наиболее ярко подтверждает пример из учебника В.П.Пугачёва и А.И.Соловьева: «Высшей ... формой общения выступает политика. Её превосходство над предполитическим общением состоит в том, что она представляет собой общение в госу-

дарстве свободных и равных людей по нормам права, воплощающего справедливость, одинаковое отношение ко всем гражданам» (6. С.12). Аналогичные высказывания находим и в учебниках К.С. Гаджиева и Ю.В.Ирхина и др. (9. С.128; 18. С.42). Излагая основы демократии, В.П.Пугачев и А.И.Соловьев, Ю.В.Ирхин и др., указывают, что до начала XX в. женщины были исключены из политического процесса (6. С.204, 208; 18. С.241). Авторы полагают, что характерной чертой демократических режимов является их социально-классовая ограниченность, так как происходило «отождествление народа как субъекта власти с собственниками-мужчинами». Поэтому В.П.Пугачев и А.И.Соловьев не считают демократию с гендерным цензом властью народа (6. С.216-217). Таким образом, в дефиницию «политика» и в ее реальное функционирование были вписаны предпосылки, исключающие женское участие в публичной жизни.

Поэтому вполне закономерно, что и раздел по истории политических учений, который составляет важную часть каждого учебника по политологии, не учитывает гендерный контекст. Теоретики прошлого и современности не придавали значения данному аспекту, видимо, в силу его очевидности. Ключевая гендерная проблема истории политических учений состоит в том, что теории, считающиеся универсальными, были написаны в то время, когда женщины ещё не обладали гражданскими правами. Андроцентристскую направленность имеют и высказывания Сократа о «мудрых пастырях», и концепции Платона («правление философов, которым присуща добродетель мужества»; утверждение, что «все члены государства братья») (4. С.424; 18. С. 45, 47), и патриархальная концепция происхождения государства Аристотеля, а также политические воззрения Аврелия Августина и Фомы Аквинского, оформляющие собой христианскую догматику. К этим концепциям были близки и идеи и концепты маскулинной гражданственности, ярко выраженной в образе политического человека Н. Макиавелли (4. С.462). Называя его блестящим знатоком человеческой природы, Р.Т. Мухаев приводит классическую для мизогинизма метафору: «Я полагаю, что лучше быть напористым, чем осмотрительным, потому что судьба это женщина, и чтобы одержать над ней верх, нужно бить и толкать. В таких случаях она чаще уступает победу, чем когда проявляют к ней холодность. И как женщина, она

склонна дружить с молодыми потому, что они не столь осмотрительны, более пылки и смелее властвуют над нею» (15. С.188). В учебнике под ред. А.С. Панарина приведено высказывание Ж.Ж. Руссо о том, что осуществление законодательных полномочий производится не всем народом, а лишь взрослым мужским населением (7. С.33). Только в учебнике под ред. В.Н.Лавриненко представлена гендерная/женская составляющая ряда политических концепций: проблема равноправия полов обозначена авторами и у Т.Пейна, который выступал за предоставление избирательных прав как всем мужчинам, так и женщинам, и у О.Конта, который подчеркивал необходимость введения «общего образования для всех мужчин и женщин», и у Г.Спенсера, который подробно рассматривал в «Социальной статике» права женщин и детей (1. С. 66, 79. 83).

При изложении политических взглядов отечественных мыслителей в учебных пособиях гендерная проблематика также не заостряется. Проблемы «свободы и власти, освобождения личности, упорядочения государственного властвования», соборности, нравственного состояния народа – вот основные темы, вокруг которых развивается научная и общественная дискуссия (8. С.69). Но тем не менее, характеризуя рассуждения славянофилов, почвенников, анархистов, народников, консерваторов и либералов, авторы пишут о «патриархальной крестьянской общине как воплощении духа братской общности», о соборности как о свободной братской общности, о патриархальной власти помещиков, о личности «героя» как главного творца истории и революции, о мужицких бунтах (4. С.73, 81, 83, 87).

В темах, представляющих субъектов политической власти, наиболее очевидно прослеживается андроцентризм политической науки. В работах классиков элитизма женщины рассматривались только как объекты политики. По определению В.Парето, элита – это класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере (от 0 до 10). Женщине, занимающейся политикой, сумевшей снискать доверие влиятельного лица и участвующей в его управлении общественными делами, как, например, Аспазии при Перикле, Ментенон при Людовике XIV, Помпадур при Людовике XV, политолог присваивал высокий индекс – 8 или 9 (26. С. 139).

В учебном пособии Г.И. Козырева приводится известный тезис В.И. Ленина о том, что «каждая кухарка сможет управлять государством», который, с точки зрения автора пособия, «лицетворяет подлинное народовластие». На мой взгляд, возможна не только классовая, но и гендерная трактовка этого несбывшегося лозунга: власть дошла до самых низов женщин, выполняющих черную работу (10. С.83).

Оценивая современный политический процесс, Р.Т. Мухаев полагает, что «политика по-прежнему является «мужской» профессией». Женщины в элите составляют лишь 7%, хотя по рассматриваемым странам эта цифра колеблется: если в Голландии среди элиты насчитывается 14% женщин, то среди британской элиты 4% (15. С. 182). Но даже такие незначительные цифры нуждаются в корректировке, учитывая тот факт, что, в частности, женщины-министры курируют в основном социальную сферу, тем самым, воспроизводя гендерное «предназначение» на политическом уровне (13. С.100). Женщины-политические лидеры, упоминающиеся в учебниках, М.Тэтчер, Г.Х.Брундтланд, Б.Бхутто, И.Ганди, Королева Великобритании, В.Засулич, Н.Андреева, К.Акино, Елизавета, Екатерина II, Екатерина Медичи (11. С. 87, 157; 25. С.332; 26. С.54; 23. С.187, 232, 477). Наиболее часто в учебной литературе по политологии фигурирует М.Тэтчер и как стратег, умело строящий свои избирательные кампании, и как политик с высоким образовательным цензом, и как персона, превратившая вкуче с Р. Рейганом неоконсерватизм «в явление мирового масштаба», и как автор концепции народного капитализма, и т.д. (4. С.282, 286, 442, 444, 445; 1. С. 269; 24. С.351; 9. С. 335, 402, 405; 15. С.354; 11. С. 98, 121, 87, 89; 21. С.101, 124; 30. С. 245, 248; 22. С. 57). Авторы приводят в пример М.Тэтчер в таблице «Типы политического лидерства: Классификация Ж. Блонделя», что можно отнести к типу вынужденных упоминаний. В учебнике под редакцией Г.В. Полуниной имя бывшего премьер-министра Великобритании встречается шесть раз, а в списке литературы помещена статья о биографии этого известного политика (4. С.198; 19. С.237; 16. С. 77, 79, 83, 96, 128, 130, 258).

Методология и выборка, как известно, напрямую влияют на результаты и выводы исследования. Возникает вопрос, насколько позиции психоанализа, социал-дарвинизма, концепция сверхчеловека Ф.Ницше, указанные в учебниках по политоло-

гии, применимы к женщине-лидеру? Если, например, В.П. Пугачёв и А.И. Соловьёв выражают мнение, что политики оцениваются гражданами прежде всего в двух главных качествах: деловых (компетентность, энергичность, умение руководить людьми) и человеческих, нравственных (порядочность, справедливость, забота о людях, готовность защищать их интересы), то представитель гендерных исследований В. Клейн, напротив, считает, что женщин-политиков оценивают по двум шкалам, исходя из их одновременного соответствия двум стандартам феминности и политики (6. С.61; 13. С.100). Причём последний является высшим по отношению к первому, и для соответствия ему следует исключить черты феминности. Пытаясь соответствовать обоим стандартам одновременно, мало женщин достигает политических высот. Подтверждение данного тезиса находим в учебнике под ред. В.Н.Лавриненко: «Чтобы добиться признания в мире политики, женщина, как правило, должна обладать отнюдь не женскими чертами характера. Для того чтобы стать лидером консервативной партии и впоследствии получить пост премьер-министра, М.Тэтчер должна была продемонстрировать жесткость, резкость, решительность, за что получила прозвище «железной леди»» (1. С.254). Раскрывая причины монополии мужчин на политическую власть, авторы учебника под ред. В.Н.Лавриненко обращаются к концепции Ж.Блонделя, который, в свою очередь, полагает, что «национально-политические лидеры никогда не рекрутировались пропорционально тем группам, которые образуют руководимое ими население». Подобные аргументы свидетельствуют о том, что автор не знаком с достижениями гендерных исследований, поэтому и представляет слишком широкое и упрощенное объяснение и, по сути, вместо него констатирует другой факт.

Выявляя природу лидерства в своих учебниках, авторы указывают на распространение фрейдистских идей о генезисе лидерства через отцовский комплекс бессознательная предрасположенность массы к подчинению сильному, властному человеку, способному защитить и выразить ее глубинные чаяния. Подтверждение этого тезиса они видят в широком распространении в политической лексике «отцовской» терминологии: «отец нации», «отец города», «отец народов» (17. С.201; 7. С.227; 12. С. 157; 30. С.307.).

Андроцентристский характер политической власти и её носителей проявляется также и в представленных в учебниках типологиях лидерства: «отец нации», «свойский мужик», лидеры «патриархи» и лидеры «тираны» (классификация С. Джибба) (1. С. 267; 4. С.197). В.В.Ильин относит женщин к разновидности лидеров-интриганов, которым присуща самопоглощенность интригой – Екатерина Медичи, мадам Помпадур. «Трагикомические выпадения из истории в духе Мессалины, Раисы Максимовны», по мнению автора, «подменяют политическую практику практикой фарса» (23. С.488). Автор утверждает, что политика как техника заявления и проведения политического интереса не вправе отягощаться дополнительным, идущим от личности интересом интересом угождать женщине: «И покарал его господь и отдал его в руки женщины» (23. С.488).

Анализируя концепции происхождения, природы и социального назначения государства, предлагаемые образовательным политологическим дискурсом, следует выделить их латентный и явно гендерный аспект. К первым можно отнести теократическую концепцию, а также теорию завоевания (насилия) Л. Гумпловича и К. Каутского, доктрину общественного договора. В отношении последнего учения, в частности, Кэрл Пейтман пишет, что индивидуализм, на котором оно основывается, представляет собой манифестацию андрогенного начала, поскольку предполагает независимость индивида от забот об удовлетворении физических потребностей, возможную лишь в том случае, когда их берёт на себя кто-то другой. Стронники феминизма доказывают, что понятие рационального автономного индивидуализма ассоциируется с представлением о личности, абсолютном ни от кого не зависящей, создавшей себя самостоятельно, а не рождённой женщиной (3. С.463). Кроме того, они полагают, что традиционный реализм строил свои теории государственного управления на моделях таких классиков, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, М. Вебер, открыто признающих, что изображаемое ими политическое поведение индивидов основано на анализе поведения мужчин. Неореализм изображал государства иначе, в виде абстрактных единиц-акторов, чье поведение объясняется обобщёнными, действующими вне времени и пространства законами. Государства, кажется, и появляются только для того, чтобы действовать в соответствии с выс-

шей рациональностью, которая не зависит от человеческой деятельности. В действительности эти описания существования государств опираются на гендерные модели. Используя теории рационального выбора и теории игр, такие объяснения подчёркивают инструментально-рациональное поведение индивидов, поведение более типичное сегодня на Западе для мужчин, чем для женщин. Эти ограниченные модели обычно закрепляют приоритетное значение определённых сторон «поведения» государств, ассоциируемых с конфликтом (3. С.434-435).

Наиболее явно андроцентристский характер государства, на мой взгляд, артикулируется в патриархальной концепции, представленной в учебниках такими мыслителями, как Аристотель и Конфуций (4. С.300; 30. С. 260; 12. С.106). Государственная власть в данном случае выступает в роли отца, опекуна, а государство трактуется как большая семья, в которой отношения монарха и его подданных отождествляются с отношениями отца и членов семьи. В конфуцианстве правители конкретизированы как благородные мужи во главе с государем сыном неба. Властеотношения «властителя и подчиненного, мужа и жены, отца и сына, старшего брата и младшего» сводятся к следующей формуле, выражающей суть государственного управления: «Да будет государь государем, слуга слугой, отец отцом, сын сыном» (18. С.39; 15. С. 281; 26. С. 150; 22. С.19; 7. С.18-19. 215; 1. С.291; 24. С.32; 123; 7. С. 77; 18. С.36; 26. С.19).

В темах «Избирательные системы», «Избирательный процесс» наиболее часто встречается «пол» как пример избирательного ценза и фактора политического участия (1. С.231; 8. С.122). В 6 анализируемых учебниках приводятся даты предоставления женщинам избирательных прав (6. С.406; 7. С.321; 9. С.197; 30. С.238; 31. С.169; 4. С.275). В большинстве текстов устранение ценза по данному признаку рассматривается как частный случай, а не как система. Например, «выборы в думу первого и второго созывов лишены женщины», «женщины и негры не имели права голоса в период основания США» (18. С. 155; 20. С.31). Лишь один раз в одном издании учебника под ред. М.А.Василика вводится понятие «суфражизм», которое было исключено из последующих переизданий учебников этого автора (4. С.275).

Парадоксально, но феминизм в текстах не упоминается в контексте борьбы за равноправие полов. Он присутствует в раз-

деле «Идеологии» как разновидность малых идеологий в купе с пацифизмом и экологизмом; как образец социально-политических идей альтернативных движений; как отражение группы интересов (1. С.220; 24. С. 40). Однако в учебниках не ссылаются на труды теоретиков феминизма ни в тексте, ни в списке литературы. Авторы вводят дефиницию «феминизм», как правило, в глоссариях, при этом значительно редуцируя его содержание. А.И.Соловьев и В.П.Пугачев дают узкое и поэтому, на мой взгляд, не вполне адекватное определение феминизма как движения, «борющегося за полное равноправие женщин в обществе» (6. С.305). В учебниках под ред. В.Д.Перевалова и В.И.Буренко и В.В.Журавлева приведены практически идентичные определения феминизма как общественно-политического движения (доктрины), выступающего (ратующего) за расширение прав и роли женщин в обществе (5. С.318; 22. С.359). Немногочисленные замечания авторов о причинах происхождения, природе, социальном назначении феминизма сводятся к следующему. А.И.Соловьев вписывает феминизм в более широкий контекст «борьбы за гражданские, политические, социальные и культурные права, за равноправие рас и народов», что было, по его мнению, неразрывно связано с противоречивым воплощением принципа социальной справедливости (8. С.110). По мнению Р.Т.Мухаева, «феминистские организации, которые создают не по принципу профессиональной общности, преследуют интересы, являющиеся одновременно и моральными (эмансипация и продвижение женщин в обществе) и материальными (равенство женщин с мужчинами при трудоустройстве и в оплате труда) (15. С.229, 234-235, 247). А.С.Панарин предлагает интерпретировать феминизм на языке модернизма и постмодернизма. В первом случае практика модернизации, связанная с урбанизацией и индустриализацией, с вовлечением женщин в профессиональную жизнь, считает он, может быть оценена положительно, как эмансипация: «Модернизация создает базу для женской эмансипации, а эмансипация, в свою очередь, расширяет социальную базу модернизационного процесса, вовлекая в него профессионально и политически ангажированных женщин» (32. С.174). В постмодернистскую эпоху эмансипация понимается уже не как равноправие, а как право на неучастие на существование в новом, нефункциональном модусе: под зна-

ком автономии, самобытности и самооценности, что и определяет специфику современного женского движения. Автор рассматривает женское и молодежное движение в качестве основных субъектов «революции притязаний» (19. С.86).

Используя для характеристики феминизма стереотипные образы, авторы показывают, с одной стороны, свою гендерную культуру, с другой стороны, незнание основ феминистской/гендерной теории. Последнее проявляется также и в том, что авторы дают представление о феминистской теории, используя эклектический, а чаще просто бессвязный набор концептов из феминизмов различных исторических этапов и направлений. В качестве примера позволю себе привести полностью раздел «Феминизм» из учебника под ред. В.И.Буренко, В.В.Журавлева. «Эта идеология отличается плюрализмом (наиболее видные ее представительницы: Ю.Кристева, Э.Сиксу, Л.Иригарай, С.Кюфман во Франции, Э.Шоултер, Б.Кристиан, С.Гилберт, С.Губар в США). В феминистскую идеологию включается множество идей, связанных с опытом каждой женщины, угнетаемой и оскорбляемой женоненавистническим фаллократическим обществом, которое создали мужчины. Существуют различные виды феминизма: либеральный, радикальный, социалистический, психоаналитический, черный и даже лесбийский феминизм. Главная цель феминизма – свергнуть господство мужчин над женщинами, которое проявляется в постели, на службе, на улице, в зале парламента. <...> Идеология феминизма предназначена для того, чтобы изменить существующее положение вещей. Отсюда призыв: тотальное сопротивление. Основные приоритеты феминизма: борьба со всеми формами насилия над женщиной; проблемы здравоохранения, болезни и смерти; борьба с неравными экономическими шансами и социальной дискриминацией женщин во всех профессиях; борьба за равный доступ к политической власти. Основной постулат феминизма: приватная сфера есть политическая сфера» (5. С.182-183).

Женская/гендерная проблематика присутствует в разделе «Политические партии, партийные системы, общественно-политические движения» в восьми из анализируемых учебников среди движений, выделяемых по демографическому признаку, или как вид заинтересованных групп (6. С.282; 9. С.61; 24. С.225; 32. С.173; 7. С.206; 31. С.118; 5. С.117; 33. С.224). Партия «Женщины Рос-

сии» упоминается, как правило, либо в числе партий, перешагнувших 5% барьер на парламентских выборах 1993 г., либо в числе не прошедших в Государственную думу на последующих выборах (12. С.159; 30. С. 291; 5. С.184; 18. С.275, 276). Отражая реальный факт, эти примеры носят вынужденный характер для авторов, описывающих становление российского парламентаризма и партийного строительства. Другие упоминания об этой партии уже не носят такого характера и зависят от личной позиции авторов. Например, «Женщины России» фигурируют в учебнике под ред. М.А.Василика как пример партий «социально-ориентированных умеренных реформаторов» (4. С.359).

Политическая культура как субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение, чрезвычайно важна для понимания механизма формирования политического отчуждения женщин. Политические мифы как структурный компонент политической культуры оперируют персонажем героя-спасителя, наделённого харизматическими чертами и даром пророка, непревзойдённым талантом полководца-воителя (4. С.368). Политическая субкультура женщин, на существование которой указывают некоторые авторы, сводится к склонности женщин к поддержке партий и организаций консервативного направления и ориентации их при политическом выборе на мнения своих мужей (25. С.355; 4. С.395, 407). Учитывая сексистские выражения авторов, можно предположить, что они относятся женщин к эмоциональному типу избирателей: «Зачастую избиратель, недовольный традиционными политическими партиями, под влиянием сиюминутных настроений и впечатлений, стремительно меняет свои ориентации и предпочтения. Не случайно некоторые, не лишённые чувства юмора, политологи проводят аналогии между женским характером и характером среднего избирателя» (4. С.396; 7. 323). Эта замаскированная под юмор сентенция ставит под сомнение разумность, рациональность женщины как субъекта политики.

Многие стереотипные суждения о роли полов в политике преодолеваются в результате прикладных исследований. А.С.-Панарин и И.А.Василенко отмечают, что «не так давно среди политологов существовало единодушие относительно того, что мужчины более охотно принимают участие в политических выборах, чем женщины. Это во многом объяснялось тем обстоя-

тельством, что женщины сравнительно недавно завоевали право голоса. Однако данные социологов 80-х гг. говорят о том, что разрыв между мужчинами и женщинами неуклонно сокращается и в некоторых государствах практически исчез» (26. С.110).

Политическая культура личности, как известно, формируется в ходе политической социализации. В учебниках отчасти отражена роль гендера в формировании политического сознания и распределении политических ролей. В частности, авторы учебников считают, что «установки ребёнка по отношению к отцу, формирующиеся в ранние периоды жизни, могут быть в дальнейшем трансформированы в отношении к политическим объектам», «сначала детей знакомят с «самыми простыми понятиями, олицетворяющими власть, полицейский, президент, генерал, военачальник». В средней школе учащиеся получают представление о выдающихся политических деятелях, как правило мужчинах (4. С.379, 382).

К разделу «Геополитика и международные отношения», на мой взгляд, вполне применим анализ феминистской политической теории. Такие авторы, как С.Хардинг, Д.Харауей критикуют теории международных отношений за андроцентричность. «Сосредоточивая внимание на «высокой политике» национальной безопасности, традиционная теория международных отношений (МО) обращается к проблемам, связанным с жизненным опытом привилегированных мужчин. <...> Мы выросли убеждёнными, что война и политика с позиции силы сферы человеческой деятельности, к которым склонны и в которых разбираются мужчины, и что поэтому их веское слово в описании, объяснении и предсказании событий в потенциально чреватом конфликтами мире вернее. Чёткая грань, отделяющая внутреннюю политику от внешней, отражённая в теории МО, привела к тому, что из поля зрения были исключены те сферы деятельности, с которыми традиционно связаны женщины», пишут они. Кроме того, исследуя долгосрочные последствия войн, мы обнаруживаем, что женщины и дети составляют 80% беженцев (3. С.434). Д.Кембелл считает также, что гендерный анализ позволяет увидеть, как неблагоприятные образы «внешнего» по отношению к государству создаются на основе устарелых и обесценившихся представлений о женственности, о присущих женщинам эмоциональности и иррациональности (3. С.485). Труд-

но не согласиться с данными оценками, тем более что они совпадают с результатами собственных изысканий представленных учебников по политологии. Постулируя, что «международные отношения система политических, экономических, культурных, военных, дипломатических и других связей и взаимоотношений между государствами и народами» (4. С.512), авторы учебника под редакцией М.А.Василика тем не менее преимущественно описывают ту часть системы международных отношений, которая связана с военными отношениями, и уходят в сторону от описания других видов деятельности государства. Подчёркивая соревновательный характер международных отношений, авторы пишут, что геополитика — это «совокупность физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, использование которого позволяет ему добиваться своей цели на международной арене» (4. С.515). Среди всех ресурсов государства классики геополитики выделяют именно силовые ресурсы: в схеме «Структура геополитических исследований» отражена роль «силового потенциала» и «военной мощи». Комментируя ее, авторы указывают, что «важным элементом геополитического анализа является сила (или мощь) государства. <...> Сила это способность одной державы достигать своих целей во внешней политике путём оказания существенного или определяющего влияния на политику других стран, отстаивать свои интересы, самостоятельно решать ... задачи своего ... развития» (4. С. 524, 531). Кроме того, авторы учебника чаще, чем в других темах используют такие термины как «экспансия», «территориальные разделы», «политическое могущество», «военная мощь». В цитате Х.Маккиндера о политическом могуществе находим, что оно зависит в числе прочих условий от *мужества* конкурирующих народов (4. С.520).

Силовые акценты присутствуют и в теме «Политическая глобалистика». Демографическая проблема, на мой взгляд, непосредственно связана с гендерной тематикой, так как вопрос перенаселения затрагивает в первую очередь репродуктивную политику, а значит, и права женщин. Тем не менее, авторы учебников рассматривают процесс постоянного прироста населения лишь с точки зрения военной доктрины. В частности, в учебнике под ред. М.А.Василика они пишут: «Демографические про-

цессы, так или иначе, сказываются на состоянии национальной и региональной безопасности. Низкий уровень рождаемости и процесс старения населения в промышленно развитых странах будут создавать в XXI в. большие трудности при комплектовании личного состава их вооружённых сил» (4. С.549).

Подводя итоги, следует сказать, что представленные учебники по политологии практически не содержат гендерной терминологии и тематики, но в то же время тексты пособий не являются гендерно нейтральными. Наиболее гендерно сенситивными темами являются «Политическое поведение и участие», «Избирательные системы», «Современные политические идеологии», наименее «Политическая система», «Политические конфликты», «Политическое развитие и модернизация».

По итогам гендерного анализа можно утверждать, что наличие/отсутствие гендерной проблематики не зависит от грифа Министерства образования РФ или УМО по политологии. Это, видимо, связано с тем, что в Государственном стандарте по политологии гендерная проблематика не указывается.

В результате проведенного исследования отчетливо выявляются три уровня функционирования гендерной проблематики в учебном политологическом дискурсе. Первый уровень общекультурный, задающий основные коды гендерной культуры, которые имманентно присущи и авторам, и читателям. Это проявляется в тексте в виде языковых сексизмов и дискурсивных стратегий (отождествление человека и мужчины, доминирование мужских примеров политиков, выдающихся деятелей, политологов-мужчин, построение текста, основанного на мужском опыте и обращённого к мужчинам, сравнение женщин и мужчин всегда в пользу вторых), характерных для традиционно-патриархатной картины мира. Если в тексте приводится мало конкретных примеров с женщинами и мужчинами, то создается абстрактное представление об обществе и его политической сфере, что имплицитно наделяет ключевые понятия «индивид», «личность» мужскими характеристиками и что с феминистских позиций трактуется как проявление андроцентризма социального научного знания (2. С.101-130). Учебники с конкретными женскими и мужскими примерами, как правило, показывают маргинальность женщин как субъектов политики. Обозначая и раскрывая языковые сексизмы и дискурсивные стратегии, пред-

ставители феминистских исследований утверждают, что это наиболее трудный для корректировки тип гендерной асимметрии (34. С.232-233). Поэтому учебники и учебные пособия, написанные женщинами или выпущенные под их редакцией (Г.В.Пушкаревой и Г.В.Полуниной), в данном аспекте не отличаются от мужских.

Второй уровень социально-политический, который представляет собой репрезентацию в текстах учебной литературы реалий социума, и в частности того факта, что известных женщин-политиков, общественных деятелей меньше, чем мужчин, а деятельность большинства женщин не имеет публичного выражения. Политическую сферу как сферу публичной власти авторы учебников изначально противопоставляют приватной, в рамках которой реализовывали своё традиционное социальное назначение женщины. Поэтому в истории политических учений под политикой понимается мужское «призвание или профессия» и в учебниках по политологии женщины как субъекты общественной жизни встречаются гораздо реже, чем в учебниках по социологии. Без применения гендерного анализа прямое отражение политической действительности в примерах, демонстрирующих гендерную иерархию (единичность женского политического лидерства, практическое отсутствие женщин среди представителей политической элиты, сравнительно позднее приобретение женщинами политических прав), лишь порождает дальнейшее воспроизводство и тиражирование гендерных стереотипов массового сознания, представляющих политику «как не женское дело». «Профилактикой» против подобной гендерной асимметрии может стать включение элементов гендерного анализа в различные темы учебной литературы по политологии.

Третий уровень индивидуальный, представляет собой авторский, субъективный взгляд на гендерные аспекты политики. Включение гендерной проблематики в учебную литературу по политологии зависит и от концепции учебника, и от его объема, и от знакомства авторов с гендерными исследованиями, и от гендерной культуры авторов. В случае ориентации автора на всестороннее раскрытие политических теорий, на иллюстрирование своих тезисов историческими примерами гендерная проблематика интегрируется в ткань текста. Однако при сокращении объема учебной литературы в первую очередь устраняются

примеры и «несущественные» для автора положения, имена, в том числе и по гендерной проблематике. Кроме того, как показал проведенный анализ, большинству авторов не известны гендерные исследования, как новая, преимущественно западная междисциплинарная сфера социально-гуманитарного знания. На гендерные исследования в политологии ориентируются прежде всего те авторы-политологи, которые владеют иностранными языками (по данным Министерства высшего образования РФ, приведенным вице-президентом Международной ассоциации политических наук Е.Б.Шестопа, 5% преподавателей политологии владеют иностранными языками (3. С.18). Показательным в этом отношении является тот факт, что имеющиеся упоминания категории пола только в половине случаев принадлежат самим авторам учебников, а на 50% авторам концепций, которые рассматриваются в учебниках в качестве примеров (Ж.Блондель, У.Бек, М.Паренти и др.). Гендерную проблематику также учитывают те авторы учебной литературы по политологии, которые отслеживают появление новых политологических трудов. В частности, в учебнике под ред. В.И.Буренко и В.В.Журавлева присутствует ссылка на труд В.Брайсон «Политическая теория феминизма», изданный на русском языке в 2001 г. К сожалению, растущий объем гендерных исследований в политических науках практически не затронул учебный курс политической науки.

Безусловно, незнание гендерной проблематики показывает профессиональную ригидность авторов учебников и учебных пособий. Из их текстов исключается целый пласт плодотворно развивающегося признанного на Западе направления политической науки, имеющего практическое значение. Авторы не критично, а потому и неадекватно оперируют дефинициями политической науки, имеющими гендерную маркировку «патриархальный», «братство» и др. Отсутствие ссылок и сносок при характеристике политического поведения представителей разных полов, их политической культуры позволяет предполагать, что авторы учебников используют не данные исследования, а сложившиеся стереотипы.

К субъективному пласту функционирования гендерной проблематики в текстах учебников следует отнести и непоследовательность ее введения. В частности, в первой части учебника под

ред. В.Н.Лавриненко перечисляются мыслители, ратовавшие за расширение женщинами гражданских прав, а во второй части М.Тэтчер причисляется к «отцам нации».

В целом проведенное исследование показывает, что категория пола и гендерный инструментарий не являются устойчивыми для политологического дискурса. Однако практическое отсутствие гендерного аспекта имеет и положительный момент: устранение рассуждений на тему природы пола, отношений между полами приводит к уменьшению сексизмов, характерных в большей мере для учебников по социологии и отражающих традиционные андроцентристские стереотипы. Максимум, что позволяют себе авторы-политологи, это конструирование маргинальности и незначимости гендерной/женской темы. К такому обозначению прибегают и авторы учебной литературы по другим социогуманитарным дисциплинам, что доказывает необходимость комплексной интеграции гендерных исследований в научный и образовательный дискурсы (35).

Трудности включения гендерной проблематики в учебную литературу по политологии ещё раз демонстрируют андроцентризм политического знания в целом. Однако, исходя из результатов проведенного анализа, рекомендации и пожелания к их будущим и потенциальным авторам с позиции сторонника включения гендерного подхода в социально-гуманитарные дисциплины заключаются в следующем комплексе интегративных стратегий: при перечислении факторов, обуславливающих те или иные политические явления, в обязательном порядке указывать на категорию пола наряду с традиционно употребляемыми экономическими, национальными, религиозными переменными; включить в учебники определения политики, власти, предложенные феминистской политической теорией, а также представить ее в перечне школ и направлений западной политической мысли; термин «гендер» дефинировать в тексте и указать в схеме «Категории, используемые политологией», ввести и интерпретировать «гендерный подход» в разделе «Методология политической науки». Необходимо также применять стратегию, используемую редакторским коллективом книги «Политическая наука: новые направления» (3): имена женщин-политологов приведены полностью, тогда как мужские имена приводятся в сокращенном варианте. И наконец, в словосочетании

«мужчины и женщины» на первое место поставить «женщин», что будет справедливо с точки зрения алфавитного порядка.

Список литературы

1. Политология / Под ред. В.Н.Лавриненко. М., 1999.
2. Клинггер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э.Шоре и К.Хайдер. М., 2000.
3. Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой; научный ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999.
4. Политология / Под ред. М.А. Василика. М., 1999.
5. Политология / Под ред. В.И.Буренко, В.В.Журавлева. М., 2004.
6. Пугачёв В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2000.
7. Доленко Д.В., Бахлов И.В., Бахлова О.В. и др. Политология. М., 2002.
8. Соловьев А.И. Политическая теория, политические технологии. М., 2000.
9. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2000.
10. Козырев Г.И. Введение в политологию. Екатеринбург; М., 2003.
11. Кривогуз И.М. Политология. М., 2001.
12. Василик М.А., Вершинин М.С. Политология: Элементарный курс. М., 2003.
13. Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2000. Ч.1. С.80–106.
14. Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн. Гендерный анализ и методология социального знания //ОНС. 1999. №5.
15. Мухаев Р.Т. Политология. М., 1997.
16. Политология / Под ред. Г.В.Полуниной. М., 1996.
17. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995.
18. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. М., 1999.

19. Панарин А.С. Политология: Учебник. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2003.
20. Зеркин Д.П. Основы политологии: Курс лекций. Ростов н/Д, 1997.
21. Пушкарева Г.В. Политология: Краткий курс лекций. М., 2003.
22. Политология / Ответ. ред. В.Д.Перевалов. М., 2003.
23. Ильин В.В. Политология. М., 2001.
24. Политология / Отв. ред. В.С.Комаровский. М., 2002.
25. Воробьев К.А. Политология. М., 2003.
26. Панарин А.С., Василенко И.А. Политология: Общий курс. М., 2003.
27. Кернаценский М.В., Шатина Н.В. Основы социологии и политологии. М., 2002.
28. Козлова Н.Н., Монахова Ю.А. Гендерный анализ учебных пособий по социологии //Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: Тез. Докл. и выступлений на II Всерос. социол. конгрессе. М., 2003. Т.3. С.568-569.
29. Ушакин С. Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2000. Ч.1. С.107–146.
30. Основы социологии и политологии / Под ред. А.О.Бороноева, М.А.Василика. М., 2003.
31. Сидельникова Т.Т., Темников Д.А., Шарагин И.А. Политология. Комментарии, схемы, афоризмы. М., 1999.
32. Панарин А.С. Политология. М., 1998.
33. Куликов Л.М. Основы социологии и политологии. М., 2003.
34. Словарь гендерных терминов / Ред. А.А.Денисова. М., 2002.
35. Козлова Н.Н., Успенская В.И. Пол и гендер в науках о человеке и обществе: Материалы к библиографии. Тверь, 2003.

Д. Ю. Бородин, Тверь

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ С ПОЗИЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ*

Создание учебной литературы по истории считается крайне ответственным и сложным делом во многом потому, что наряду с информативно-познавательной функцией исторические курсы призваны выполнять функцию формирования мировоззрения и нормативно-ценностных установок у подрастающего поколения. Безусловно, вузовские учебники по истории представляют собой лишь последнее звено в цепи формирования индивидуальных шкал ценностей учащихся, поскольку наиболее глубокие впечатления закладываются в более раннем возрасте. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, именно вузовские учебники могут способствовать переосмыслению или закреплению индивидуальных ценностей, сформировавшихся в школьный период, их систематизации или неприятию. Другими словами, можно с большой долей уверенности утверждать, что вузовские учебники по истории (и другим дисциплинам социально-гуманитарного комплекса) в значительной степени задают рамки публичного дискурса. В свете вышесказанного представляется полезным проанализировать содержание вузовских учебников по истории на предмет наличия в них идей гендерного равенства.

Объектом моего анализа явились учебники для неисторических факультетов вузов: Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. *История России с древнейших времен до наших дней*, (М., 1999); Зуев М.Н. *История России*, (М., 1998); Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. *История России* (М., 2000). Кроме того анализу были подвергнуты три учебных пособия по истории России: Семенникова Л. И *Россия в мировом сообществе цивилизаций*

---

* Автор выражает искреннюю признательность А. В. Бородиной за ценные замечания и помощь в работе над статьей.

(Брянск, 2000); *История России (IX – XX вв.)* (Отв. ред. Я. А. Перехов, М.; Ростов н/Д, 1999); Шаповалов В. Ф. *Россиеведение* (М. 2000). Необходимо отметить, что учебники *История России с древнейших времен до наших дней* (Орлов А. С. и др.), *История России* (Мунчаев Ш. М., Устинов В. М.), а также учебные пособия *Россия в мировом сообществе цивилизаций* (Семенникова Л. И.) и *История России (IX – XX вв.)* (Отв. ред. Я. А. Перехов) рекомендованы Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации для студентов вузов.

Предметом анализа было наличие (или отсутствие) в вышеозначенной литературе гендерной проблематики и способы её выражения. Целью моего обзора была критика наиболее используемых вузовских учебников и учебных пособий с позиций гендерного подхода. В частности, я ставил перед собой задачи, связанные с ответам на следующие вопросы:

— какое место в стандартных вузовских курсах занимает гендерный подход, если он вообще применяется;

— используется ли авторами учебников и учебных пособий гендерная терминология (гендер, фемининность/маскулинность, сексуальность, патриархальность / патриархатность, гендерное неравенство, и т.д.) и в какой трактовке;

— является ли язык учебной литературы гендерно-нейтральным или имеют место сексизмы;

— насколько в изложении учебного материала отражен женский/мужской опыт (что значило быть женщиной / мужчиной в определенном исторический период и при определенном социальном статусе), а также развитие отношений между полами;

— как отражена в учебной литературе история женского движения в России и как авторы оценивают это движение;

— упоминается ли в учебной литературе феминизм, в каком контексте и какие оценки ему даются;

— воспроизводятся ли авторами учебников и учебных пособий гендерные стереотипы.

Во избежание недоразумений хотелось бы пояснить, что нижеследующие критические замечания в адрес учебников касаются не столько изображения исторического процесса (хотя в ряде случаев и такого рода комментарии были бы явно излишними), сколько того, как авторы подают и трактуют материал.

Главным камнем преткновения является отсутствие какой-либо рефлексии по поводу материала со стороны авторов. Кроме того, критике подвергаются неспособность авторов вырваться из плана повседневных стереотипов и нежелание использовать новые подходы и избавляться от концептуальных шор.

Проанализировав вышеозначенную литературу, я могу констатировать, что гендерный подход ни в одном из этих учебников и пособий не применяется. Необходимо оговориться, что учебная литература для анализа отбиралась по степени ее популярности среди студентов, за исключением пособия Шаповалова (последнее привлекло мое внимание, поскольку единственное из всех содержало отдельную главу, посвященную отношениям между полами). Все учебники в концептуальном плане в той или иной степени представляют симбиоз марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии. Проще говоря, социально-экономическая история с акцентом на классовую борьбу перемежается с политической историей, где ведущую роль играет сюжет, связанный с эволюцией государственных институтов. Создается впечатление, что развитие исторической дисциплины и историографические дискуссии проходят мимо авторов учебников. Характерный пример: в учебнике под редакцией А. С. Орлова до сих пор сохранилась версия об универсальности матриархата как стадии развития человечества (Орлов и др., с. 9).

Несколько иначе обстоит дело с учебными пособиями: хотя все авторы объявили себя поборниками цивилизационного подхода, среди проанализированных мной работ не оказалось и двух, написанных с одинаковых методологических позиций, настолько по-разному авторы трактуют понятие «цивилизация». Пособие Семенниковой представляет собой попытку взглянуть на историю России с точки зрения теории модернизации. Шаповалов подходит к этой теме с философских позиций и прослеживает на всем протяжении российской истории действие неких ментальных констант («инвариантов»). Наконец, авторский коллектив из Ростова-на-Дону под руководством Перехова рассматривает историю России сквозь призму биографии её правителей и правительниц.

Из всех вышеперечисленных работ хотелось бы особо выделить пособие Шаповалова. Как уже отмечалось, только в этой книге содержится специальная глава, посвященная отношениям полов в России (Глава 6. *Мужчины и женщины в России. Сексуальность в России* с. 285-332). К сожалению, автор, несмотря на ряд справедливых замечаний, демонстрирует полное незнание обширной литературы по заявленной тематике. Кроме того, «внеисторичность» его теоретических выкладок и использование в качестве источников в основном художественных литературных произведений вряд ли позволит его книге занять видное место в библиотеке преподавателя истории.

Ответ на вопрос об использовании гендерной терминологии, в этой связи, думается, вполне очевиден. В учебной литературе можно встретить только прилагательное «патриархальный», да и то в значении «традиционный», «устаревший».

Что касается лингвистических средств, с помощью которых авторы выражают свои мысли, то во всех без исключения учебниках и учебных пособиях имеются сексизмы, порожденные, по видимому, андроцентризмом русского языка. Например, подзаголовком одной из глав в учебнике Орлова гласит: «Этапы закрепощения русского *крестьянина*»* (с.95). Одно из возможных проявлений андроцентризма — обладание существительными мужского рода в единственном числе функцией образования нормативных категорий (в том числе закрепленных в словарях). Упомянутые существительные и их валентные связи в предложении воспроизводят некую нормативно-универсальную маскулинность, имеющую репрезентативную и собирательную коннотацию что иллюстрирует, к примеру, следующая цитата: «При цивилизационном подходе в центре исторического процесса человек с особенностями *его* менталитета» (Семенникова, с. 15).

Несмотря на то, что при анализе я не принимал в расчет существительные мужского рода, описывающие группы людей во множественном числе («дворяне», «россияне» и т.д.), в силу того, что окончания зависимых слов (наречий и глаголов) во множественном числе не позволяют выделить принадлежность к мужскому или женскому роду, набралось достаточно большое ко-

---

* Здесь и далее курсив мой, если не оговорено специально. Д. Б.

личество замечаний подобного характера. Вот лишь наиболее яркие примеры:

1) «*Историк* не может руководствоваться пристрастиями, пусть даже самыми благими. Оставаясь на позициях науки, *он* обязан поставить вопрос о том, какова же была 80 лет назад база парламентского пути и насколько этот путь был реален при условии выбора снизу» (Мунчаев, Устинов, с. 234).

2) Как итог реформы образования 1987 года «вводился принцип договорных взаимоотношений между вузом и предприятием: предприятие заказывало подготовку *специалиста* определенного профиля и оплачивало *его* обучение. Устанавливались гибкие учебные планы, упор делался на самостоятельную работу *студента*» (Зуев, с. 684).

3) «Высшей ценностью является *человек, его права и свободы*, а соблюдение *его* прав и свобод и их защита — главная обязанность государства» (Зуев, с. 137).

Теперь обратимся к вопросу, насколько в учебной литературе отражены женский/мужской опыт и история отношений между полами. Надо сказать, что здесь можно выделить по крайней мере два уровня — символический и конкретно-исторический. В рассмотрении символического уровня первый шаг был сделан в 1999 г., когда была опубликована статья Г. И. Зверевой «Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х годов: опыт гендерного анализа» (*Пол, гендер, культура* / Под ред. Элизабет Шоре и Каролин Хайдер). Зверева отметила, что в учебной литературе имеет место «конструирование русской истории... посредством гендерного кодирования». Интересно, что в новой национальной истории по-прежнему отсутствует человек, и это отсутствие компенсируется, по мнению Зверевой, одушевлением России, причем с приданием персонажу «определенных гендерных признаков, женских телесных и психических свойств». Г. И. Зверева в частности отмечает:

«Исторический процесс представляется в виде трудной тернистой дороги с множеством тропинок и развилок. На этой дороге Россию как героиню долгой истории подстерегают разные

опасности (насилие от внешнего врага или главы государства, неверный выбор пути, гибель) и соблазны (искушение Западом и Востоком). Соответственно этому веки «национальной истории» выглядят как отдельные значимые моменты истории жизни женщины (невесты, жены, матери)... Заметим, что именем Русь-Россия в историческом нарративе, как правило, наделяется страна как целостный организм, тело, обладающее чертами женственности. Олицетворением и воплощением высшей власти в истории России предстает первое лицо государства Великий князь, царь-самодержец, царь-император, руководитель Советского государства, Президент» (с.174-175).

Несмотря на то, что анализ Зверевой строится в основном на школьных учебниках, данное наблюдение в целом представляется справедливым и для вузовских учебников. Именно так, в связи с Россией как Матерью-Землей, преподносит один из ключевых образов русской ментальности - образ женщины-матери Шаповалов. Он цитирует высказывание Ф. Степуна о России в понимании Достоевского: «Разлегшаяся в ста миллионном составе своём на многих тысячах верст, неслышно и бездыханно в вечном зачати и в вечном признании бессилия что-нибудь сказать или сделать, скромная и покорная» (с.293).

На конкретном-историческом уровне единственным актором российской истории, за несколькими весьма ярко подтверждающими это правило исключениями, является мужчина. Что касается женщин, то если они и появляются на страницах летописей великих свершений мужчин в области политики, экономики, военных действий, науки, искусства (впрочем, в последней сфере в зависимости от исторической эпохи женщины относительно частые гости), то почти всегда исключительно в своём отношении к тому или иному мужчине. При этом довольно часто не упоминается даже имени женщины. Семенникова пишет: «Федор, страдавший слабоумием, не мог выполнять государственные обязанности, поэтому при царе функционировал опекунский совет, руководство которым скоро перешло в руки Бориса Годунова, брата жены царя» (с.118). Другой яркий пример: «Младшему сыну (Ивана Грозного) Дмитрию было лишь 2 года. Вместе со своей матерью... он жил в Угличе, отданном ему в удел» (Орлов и др., с. 97). Весьма примечательно, что двухлетний мальчик выступает в

качестве основного субъекта, а Мария Нагая (так звали эту женщину) репрезентируется лишь как дополнение к нему.

Итак, конкретные женщины упоминаются в учебниках по истории, но, как правило, только в своем отношении к вошедшим в историю мужчинам, т.е. в качестве их матерей, жен, дочерей, сестер и любовниц. Этот вывод вряд ли кого-либо способен удивить. Более парадоксальной может показаться мысль о том, что в учебниках практически отсутствуют и мужчины как таковые. Скорее, речь идет о занимаемых ими статусно-ролевых позициях: на страницах учебников действуют правители, полководцы, государственные деятели, революционеры, рабочие, есть души мужского пола, а вот слово «мужчина» встречается реже, чем слово «женщина». Исследования маскулинности в нашей стране пока еще редкое явление, поэтому авторам учебников пока иной раз просто нечего включить в свои труды, кроме стереотипов о «мужской работе» и «характерных признаках настоящего мужчины». При этом в учебной литературе нередко интуитивно фиксируется фактическое отклонение от традиционного гендерного порядка, но такая фиксация пока не ведет к осознанию значимости и полезности гендера как аналитической категории. К примеру, Шаповалов указывает, что «выполнение женщиной тяжёлой, по сути *мужской работы*, а подчас и *мужских обязанностей* в России никогда не было редкостью и не рассматривалось в качестве чего-то чрезвычайного, значительно отклоняющегося от нормы» (Шаповалов, с. 287.), однако не ставит под сомнение наличие специфических «мужских обязанностей» и «мужской работы».

Одним из следствий убежденности исследователей в существовании границ между нормативными сферами мужской и женской занятости можно считать асимметрию в изображении траекторий социальной мобильности. Рассуждая о советской литературе периода индустриализации, Л. И. Семенникова пишет: «*Человек* изображался только в своей функциональной сути: *шахтер, врач, ученый...* Рост человеческой личности идентифицировался с производственной карьерой. Это синдром Золушки, но в производственном варианте: *рабочий стал министром, неграмотная крестьянка ткачихой*» (Семенникова с. 435). Подобное моделирование социальных ожиданий, при котором «по-

толок» социальной мобильности ставится в зависимость от принадлежности к тому или иному полу, закрепляет оценку всего «женского» как второстепенного, малозначимого, менее качественного по отношению к «мужскому». В результате в вузовском учебнике по истории появляются откровенно дискриминационные положения. Так, М. Н. Зуев, оценивая экономическое положение СССР в период с 1970-го по 1985 гг., отмечает, что «...из года в год прирост трудовых ресурсов в промышленности сокращался, а их *качество неуклонно снижалось*... В общей численности рабочих и служащих в начале 80-х *женщины* составляли 51%, тогда как даже в послевоенном 1950 г. этот показатель не превышал 47%. В стране насчитывалось около 20 миллионов *инвалидов*, более 20 миллионов официально зарегистрированных *алкоголиков*» (Зуев с.380). В итоге главной проблемой советской экономики становится проблема нехватки «настоящих мужчин».

Вопрос о признаках «настоящего мужчины» вновь заставляет нас обратиться к символическому уровню репрезентации. Основываясь на проведенном мною анализе текстов, рискну предположить, что в большинстве случаев авторы создают некий образ идеального правителя полновластного, сильного, зрелого, решительного, умного и рационального, физически здорового, держащего в узде сильных и не обижающего слабых. Наиболее полно всем этим качествам, по мнению авторов одного из учебников, соответствовал князь Владимир Мономах (Мунчаев, Устинов, с. 234). Так, по-видимому, должен выглядеть носитель абсолютной маскулинности. Ключевое значение здесь имеет власть. Эту позицию вполне может занимать и женщина. Например, на основании характеристик, данных в учебниках, можно сделать вывод, что княгиня Ольга и особенно Екатерина Великая были близки к этому идеалу. И наоборот, несовершеннолетний, слабый физически, старый, больной, нерешительный правитель-мужчина репрезентируется как неподходящий правитель, нуждающийся в опеке (как женщина): не случайно, описывая данную ситуацию, авторы учебников используют формулу «фактически правителем являлся...» точно так же, как и при описании периодов женского правления. Например, о Петре III

Семенникова замечает, что он «в нашей истории известен больше как неудачливый муж Екатерины II» (Семенникова, с. 173).

Вообще говоря, давая характеристику политическим деятелям, авторы учебников по истории зачастую не в силах преодолеть расхожих представлений, господствующих на уровне повседневного сознания. Мужчины-лидеры описываются как политические деятели, обладающие теми или иными деловыми качествами. При описании политиков-мужчин авторы учебников чаще всего используют слово «человек», слово «мужчина» в данном контексте мне, как уже отмечалось выше, не встретилось ни разу. В то же время, как демонстрируют нижеследующие примеры, женщины-политики описываются именно как *женщины*, слово «человек» по отношению к ним не применяется:

1) «Анна Иоановна не отличалась ни *красотой*, ни ярким умом, ни образованностью (Орлов и др., с. 161). Многие современники отмечали, что она (Анна Иоановна) была *некрасива собой*, невежественна, имела тяжелый характер, была капризна и подозрительна» (Перехов и др., с. 231).

2) «Как политический и государственный деятель Елизавета Петровна не выделялась среди своих ближайших предшественников. Современники отмечают, что это была чрезвычайно привлекательная тридцатидвухлетняя *женщина*, веселого нрава и приветливая. ...Её страстью были наряды, балы, фейерверки» (Орлов и др., с. 162).

3) «...придворные не любили Петра Федоровича и хотели после смерти Елизаветы Петровны возвести на престол его жену *женщину* разумную, спокойную и, как они ошибочно полагали, слабую» (Перехов и др., с.244).

4) «В 1801 г. на российском престоле оказался *человек*, знакомый с передовыми идеями Европы, гуманный, либеральный, но имеющий весьма смутное представление о стране, которой ему предстояло править. Это был *человек* противоречивый и вечно колеблющийся» (об Александре I) (Перехов и др., с.289).

5) «Александр II стал императором в 36 лет, вполне сложившимся *человеком*, имея опыт государственной деятельности» (Зувев с.69).

Вмешательство женщин в политику зачастую преподносится авторами учебников как нежелательное явление, способное привести к катастрофическим последствиям. Наиболее яркие примеры касаются семейной жизни и политики двух последних российских императоров:

1) Желательный образец поведения: «Мария Федоровна (жена Александра III) *никогда не стремилась выделиться, влиять на ход государственных дел или навязывать мужу свою волю. Она была идеальной супругой*»... (Перехов и др., с. 342).

2) Нежелательный образец поведения: «Николай II катастрофически *терял авторитет в обществе* из-за «распутинщины», *бесцеремонного вмешательства царицы Александры Федоровны в государственные дела* и своих неумелых действий в качестве Верховного Главнокомандующего» (Орлов и др., с. 350).

Таким образом, учебники по истории России (чаще имплицитно, а иногда и эксплицитно) дают понять, что социально одобряемые образцы поведения женщины ограничены частной сферой, а ее выход за пределы этой сферы является тем менее желательным, чем выше ступень, занимаемая ответственным за нее мужчиной (отцом, братом, мужем, сыном и т.д.) во властной иерархии общества. Другими словами, авторы так подают материал, что единственным социально одобренным пространством, где женщина может реализовать себя, оказывается семья. Еще раз необходимо подчеркнуть: проблема учебников состоит не в том, что они неверно изображают социальную действительность прошлого, на протяжении значительной части российской истории для огромной массы женщин действительно существовало мало альтернатив карьере «хранительницы домашнего очага». Проблема в том, что авторы учебников воспринимают «замкнутость» женщин в частной сфере как данность, считая ее естественной и единственно возможной. По иронии судьбы даже роли женщины в семье (и в первую очередь материнство) утрачивают первостепенную социальную значимость,

как только семья начинает рассматриваться с точки зрения своих функций по отношению к публичной сфере, особенно в исторической перспективе. На передний план сразу выходит статус и влияние мужчины (главы семьи), женщина-мать редко упоминается для определения статуса характеризуемого индивида. В качестве иллюстрации хотелось бы привести биографические характеристики трех исторических деятелей, представленные в трех различных учебниках:

1) (О М. М. Сперанском): «...сын бедного сельского священника, он обладал блестящими способностями, совершил стремительную карьеру и стал в 1807 году статс-секретарем и ближайшим советником императора» (Семенникова, с. 191).

2) «... Начальником Генштаба стал генерал Алексеев *сын простого солдата*, благодаря своим способностям сделавший военную карьеру» (Зуев, с. 463).

3) «Активную роль в попытке реализовать реформу сыграл ставший в те годы (середина 1960-х) Председателем Совета Министров А. Н. Косыгин. *Выходец из семьи питерского рабочего, инженер-текстильщик по образованию, прошедший в 30-е годы за исключительно короткий отрезок времени путь от мастера на фабрике до председателя Совнаркома РСФСР*» (Мунчаев, Устинов, с. 384).

Завершая сюжет, связанный с репрезентацией отношений полов в учебниках по российской истории, хотелось бы отметить, что история женского движения не нашла своего отражения ни в одном из изученных текстов. В свою очередь, все учебники содержат минимум информации о развитии женского образования в XIX в., о законах 80-х гг. XIX в. по охране труда женщин, о декретах Советской власти по женскому вопросу. Особо хотелось бы отметить учебное пособие Семенниковой, где уделяется внимание некоторым узловым моментам истории российских женщин (ухудшение положения в XV веке, начало эмансипации в петровское время и т.д.). К сожалению, это внимание носит эпизодический характер. Что касается феминизма, то он упомянут только в пособии Шаповалова, и при этом феминистки непременно характеризуются эпитетом «оголтелые» (с.301-302).

Учитывая все вышесказанное, хотелось бы отметить, что говорить об интеграции гендерной проблематики и гендерного подхода в официальные исторические курсы к настоящему моменту преждевременно. Можно согласиться с замечанием, сделанным одним из редакторов журнала «*Ab Imperio*» С. В. Глебовым, о том, что гендерные исследования занимают маргинальное положение в российской академической среде и, как следствие, не оказывают существенного влияния на формирование учебных планов и вузовских курсов. Однако ситуация не представляется абсолютно беспросветной. Вселяет некоторый оптимизм наличие интереса к проблемам женской истории у ряда авторов, например у Л. И. Семенниковой; добрым знаком можно считать и уже упоминавшееся появление в одном из учебных пособий (В. Ф. Шаповалов) отдельной главы, посвященной взаимоотношению полов. Все это свидетельствует о том, что определенное внимание к проблемам, рассматриваемым гендерными исследованиями, в академических кругах все же имеется. Весь вопрос теперь в том, как скоро личный интерес авторов учебников и стремление соответствовать конъюнктуре образовательного рынка трансформируются в качественную учебную продукцию. Тот факт, что объем эмпирических исследований по гендерной проблематике в отечественной историографии пока относительно невелик, не позволяет надеяться, что это произойдет очень быстро.

Более реалистичной на данном этапе мне представляется возможность привнесения гендерной тематики в исторические курсы через действующие в некоторых вузах страны гендерные центры. Здесь видятся два возможных пути¹.

Во-первых, можно включить новый подход в уже существующий вузовский курс, рассматривая под иным углом зрения хорошо знакомые (для преподавателя) факты. Такой способ, на первый взгляд, более прост и экономичен, так как строится по принципу компенсации: если раньше проблема женского дви-

---

¹ См. подробнее Бородин Д. Ю. Некоторые проблемы преподавания истории с позиции гендерного подхода // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Материалы научной конференции / Под ред. В. И. Успенской: Тверь, 2000. С. 44-48.

жения («непролетарских» политических партий, национализма и т.д.) в отечественной историографии самостоятельно не обсуждалась, то теперь необходимо «наверстать упущенное», фокусируя внимание аудитории на этих проблемах. К сожалению, при таком способе изложения материала возникает, как это ни странно, опасность дальнейшей маргинализации изучаемых проблем².

Это происходит в тех случаях, когда теряется связь между новым материалом (скажем, проблемами семьи) и основным содержанием курса, допустим, «Россия в первой четверти 20-го века». Чтобы избежать такой нестыковки, чтобы новый материал не предстал чужеродным элементом, от преподавателя потребуются умение связывать в одно целое разноплановые сюжеты экономическое, политическое, социальное, гендерное измерения исторического процесса, вычленяя их переплетение или взаимонеприятие, иллюстрируя один сюжет через другой. Кроме того, чтобы внедрение гендерного подхода произвело должный эффект, необходимо, чтобы сами преподаватели получили профессиональное представление об этом подходе. Данную задачу можно решить, если предложить вниманию преподавателей курсы, целиком посвященные гендерной проблематике. Именно сотрудничество центров гендерных исследований (ЦГИ) и исторических факультетов вузов (последние, опираясь, где можно, на помощь ЦГИ, могут предложить их в качестве факультативов или даже курсов по выбору) может дать новый импульс интеграции гендерных исследований в академическую среду.

Говоря более предметно, для ознакомления с гендерными исследованиями можно порекомендовать историкам, берущимся

---

² Худший вариант такого способа преподавания, на наш взгляд, сведется лишь к формальному принятию правил «политической корректности», когда преподаватель ограничит свое гендерное образование применением оппозиции «он/она» и равномерным употреблением профессиональных терминов мужского и женского рода. Согласно такому пониманию гендерного сознания автор данной статьи должен был бы писать «специалистки/специалиста историка (исторички?)» — ради экономии места, а также в силу пока принятых в отечественной академической (и русском языке вообще) среде установок слова «специалист», «историк» и т.д. даются в мужском роде, хотя подразумевают всегда коллег обоого пола.

за нелегкий труд написания учебника для вузов, работы Н. Л. Пушкаревой, Л. П. Репиной, М. Г. Муравьевой³ и других историков, осваивающих гендерный подход и применяющих его на практике. Предстоит большая работа по переосмыслению прошлого нашей страны, и начинать ее надо уже сейчас.

---

³ См., например, Муравьева М. Г. (ред.) Гендерная история: pro et contra Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000; Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002.

И.А.Фролова, Тверь

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ

За последние 8 лет вышло более 30 пособий и учебников по культурологии. Если анализировать их структуру, то можно четко выявить три основных подхода к подбору материала. Во-первых, выделяется класс учебников, содержание которых выстраивается согласно истории искусств и культура представляется как развертывание истории прекрасного с древности до наших дней. Типичный пример такого учебника — «Культурология» под ред. *А.Н. Марковой* (М., 2000). Гендерная тематика здесь вообще отсутствует и это понятно: разве может она присутствовать в издании, организованном по типу энциклопедии искусствоведческого характера.

Второй тип учебников делает акцент на теорию культуры, и задача их дать представление прежде всего о современной западной антропологии (диффузионизм *Л. Фробениуса*, теория культурных кругов *Ф. Гребнера*, функционализм *Малиновского*, культурная антропология *М. Херсковица* и пр.). Гендерная проблематика здесь также отсутствует, поскольку их составители пытаются наиболее полно представить теоретические схемы, модели культурного развития или культурных процессов и феноменов. Учитывая тот факт, что большинство западных авторов не переведены на русский язык, судить о гендерном содержании их работ довольно сложно. Примером такого пособия является книга: *Белик А.А.* Культурология: Антропологические теории культуры (М., 1998). Феминистский вклад в теорию культуры, осмысление культурологических проблем с позиций гендерного подхода отсутствует (подобная ситуация отсутствия информации о феминистских теориях прослеживается в отечественной учебной литературе по социологии и по другим дисциплинам).

Третий тип учебников я бы назвала синтетическими, потому что их авторы стремятся осветить историю и теорию культуры с

разных сторон. Они уделяют достаточное внимание общим категориям культуры, говорят о философии культуры, представляя наиболее известных авторов, в основном историков и философов, четко выделяются разделы: социология и антропология культуры, мировая художественная культура. Наглядный пример «Культурология» под ред. А.И. Кравченко (М., 2000).

О чем говорит этот жанровый разброс? Явно о кризисе жанра. Это не что иное, как попытка совместить прежний традиционный взгляд на культуру (вернее на историю культуры) как сумму идеалов добра и красоты (визуальной и интеллектуальной) с совершенно новым подходом к ней, что, собственно, и демонстрируют культурные антропологи и представители культурных исследований на западе. Отмечу вслед за Альмирой Усмановой, что «за пределами бывшего Советского Союза ничего похожего на культурологию не существует...Отечественная культурология...оперирует теми же бинарными оппозициями....высокая культура противостоит массовой, духовная культура отделена от материальной, элитарная (и классическая) — от народной, а культура рассматривается в оппозиции к «цивилизации»¹.

Эта поляризация — следствие аристократизма в восприятии культуры, который с отдаленных времен ассоциируется с заоблачными высокими истинами европейской философии, науки, искусства и литературы. Западные антропологи давно пришли к выводу, что культура — это не всегда Великая Традиция, а прежде всего обычная жизнь, и они изучают ее во всем многообразии культурных практик. Культура — социальный феномен, постоянный обмен знаниями, а последние имеют тенденцию к изменению. Это значит, что расширяются возможности для того, чтобы сделать обозримой и видимой историю и культуру различных социальных групп. Соответственно гендерная проблематика при таком видении ситуации оказывается вполне естественной. Обращение к личному опыту исследователя, к междисциплинарным методам упрочили на Западе мнение о том, что культурные исследования — это не только теория. Задача преподавателя культурологии — дать представление о том, чем занимаются предста-

---

¹ См.: Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Харьков, ХЦГИ, 2001. Т.1. С.434.

вители данной науки. Полагаю, что в этом нам помогут некоторые статьи. Это — статья Генриетты Мур «Феминизм и антропология», а также две статьи Альмиры Усмановой: «Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований» и «Женщины и искусство: политики репрезентации»².

Но обратимся к учебнику А.И.Кравченко, в котором не так уж много, но есть некоторые рекомендации на тему семьи и брака. Вот одно из его высказываний: «Частью этой нормативной системы выступали стандарты сексуального поведения. Брак представлялся завершением длительного периода романтического ухаживания (имеется в виду, что в нем сливались два начала — секс и любовь). Правда, неверность женщин наказывалась гораздо строже, чем неверность мужчин. Ученым это дало повод говорить о двойных стандартах морали в традиционном обществе. Но только ли в традиционном? <...> В нынешнем обществе за провозглашенной свободой заключения брака для мужчины и женщины последовала такая же свобода его расторжения... в XX веке резко увеличилось число разводов по инициативе женщин. Представить себе такое в традиционном обществе, выделить было невозможно... и вот уже обсуждают права женщины на свободной выбор добрачной модели сексуального поведения, дискутируют о проблемах феминизма и контроля над рождаемостью. Некоторые культурологи, в частности Айра Рейс, выдвигают программу нового культурного кодекса добрачного поведения, согласно которому более моральным надо считать не целомудрие подростков, если оно осуществляется принудительно, а свободный добрачный секс, если он основан на взаимной любви» (с.128). Судя по всему, автор сожалеет о вестернизации, об отказе молодежи традиционных культур от стереотипов добрачного поведения, но самое любопытное, что он полагает, что нынешнее общество — нетрадиционное, непатриархатное.

Следующий учебник, где мною были обнаружены хоть какие-то следы или намеки на тему отношения полов (я не говорю уже о зрелой гендерной теории или интерпретации) — учебник *В.И. Полищук* «Культурология» (М., 1998). Первый раздел посвящен основам культурологии и этапам ее становления, а во

---

² См.: Мур Г. Феминизм и антропология // Введение в гендерные исследования. Харьков, 2001. Т.2. С.583-598; Усманова А. 427–49

втором разделе «Основы культурогенеза» в параграфе «Культура в первобытном обществе» читаем: «Не зря... многие мыслители разных эпох отмечали, что культуру того или иного общества характеризует отношение к женщине в данном обществе ...разрушение культуры в нашей стране началось не только с уничтожения памятников, но с высмеивания почтительного отношения к женщине, получившего значительное распространение в первые послереволюционные годы. Любовь и уважение к женщине были объявлены буржуазными пережитками, существовали запреты на «частное владение» женщинами и проекты их «национализации». В женщине видели только новую «производительную силу» и работницу «великой армии труда». Подобное отношение к женщине можно встретить и сегодня» (с. 138).

Мною были просмотрены учебные пособия по культурологии за последние пять лет. Никаких следов гендерных теорий и даже самого понятия «гендер» я не обнаружила. Термины «маскулинность» и «феминность» также отсутствуют. Счастливым исключением — хрестоматия по культурологии, составленная П.С. Гуревичем (М., 2000). В первой главе «Культура во всем многообразии» опубликована статья Георга Зиммеля «Женская культура». Вот ее фрагмент: «...культура человека не является по своим чистым объективным содержаниям чем-то как бы бесполом и вследствие своей объективности отнюдь не находится по ту сторону различия между мужчиной и женщиной. Напротив наша объективная культура является — за исключением очень немногих областей — только мужской. Мужчины создали искусство и промышленность, науку и торговлю, государство и религию. Вера в чисто «человеческую» культуру...происходит... из наивного отождествления «человека» и «мужчины», вследствие чего во многих языках оба понятия выражаются одним словом». «Часто подчеркивают «чуждость» женщин «праву», неприятие ими юридических норм и приговоров... это означает лишь чуждость мужскому праву, которое мы только и имеем... Во многом отличающееся от мужского женское «чувство справедливости» содало бы «иное право»³.

---

³ Зиммель Г. Женская культура // Культурология: Хрестоматия. Сост. П.С.Гуревич. М., 2000. С.77–78.

Если говорить о программных авторах, чьи концепции культуры широко известны, то гендерный аспект их творчества вообще не звучит ни в учебных пособиях, ни в исследовательской литературе. Например, в курсе теории культуры концепция локальных цивилизаций О. Шпенглера почему-то изучается в основном по первому тому «Заката Европы». На мой взгляд, второй том гораздо удачнее, к тому же здесь «проигрывается» схема историко-культурных процессов на примере становления государства и религии. Соответственно, говоря об основах государства, Шпенглер очень четко говорит о семье, о мужской и женской истории. Это явный отклик на те дискуссии, которые царили в Европе в первых декадах XX столетия. В разделе «Государство» читаем: «Мужчина делает историю», женщина же есть история... Женская же — первая история, вечная, материнская, родительская (в самом растении есть что-то женское), лишённая культуры истории последовательности поколений, извечно неизменная...вечная женская политика-это завоевание мужчины, через которого она может стать матерью детей, а значит — историей, судьбой, будущим. Мужчина же...по преимуществу принадлежит другой истории» — ... она политическая и социальная: она сознательнее, свободнее, подвижнее. Она уходит глубоко назад — в истоки животного мира и в ходе жизни высоких культур принимает свой высший символический и всемирно-исторический облик»; «...политика женщины состоит в том, чтобы отвлечь мужчину от его истории, чтобы всецело заплести его в свою собственную растительную историю последовательности поколений, то есть в себя саму. «Борьба между мужчиной и женщиной вечно происходит ради крови, ради женщины»; «Мужчина поднимается в своей истории, пока не возьмёт будущее страны в собственные руки, и тут является женщина и ставит его на колени. Соответственно, в истории имеется священный двойной смысл. Она космична и политична»⁴.

Таким образом, гендерный контекст философского сочинения «Закат Европы» ускользает от внимания студентов и исследователей и считается общим местом. Отмечу еще раз, что тематическая пестрота представленного материала в учебных пособиях по культурологии говорит об отсутствии методологии. В

---

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т.2. С.341–342.

результате философские тексты историко-культурной проблематики рассматриваются как программные и в курсе философии, и в курсе психологии, и в курсе теории и истории культуры. На мой взгляд, в разделе «теории культуры» должны доминировать установки культурной антропологии и культурных исследований, потому что мы должны дать спектр возможных значений и интерпретации, научить думать свободно. Здесь же как пример мышления могут быть представлены антропологические исследования, проведенные женщинами, с использованием гендерного подхода, что может обогатить курс истории культуры, и в частности спецкурс, который я читаю. Исходя из возможностей библиотеки Центра женской истории и гендерных исследований в ТвГУ, перечислю наиболее важные работы: книга *Клариссы Пинкола Эстес* «Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях» (Киев, 2001) вполне уместна при рассмотрении темы «Миф и культура».

Период античности предстанет в более оживленном виде, если обратиться к книге «Женщина в античном мире» (М., 1995). Возможно, тогда многим студентам станет понятно, что античность — это не только мрамор скульптурных композиций.

«Судьбы и образы женщин средневековья» (СПб., 2001) — также полезное чтение, и здесь представлены не только музы поэтов (Летта, Лаура, Франческа), выдающиеся женщины Флоренции, но и мусульманские женщины в христианском обществе, а также московитки.

Говоря о французском Возрождении, нельзя не упомянуть Диану де Пуатье (1499-1566), ставшую символом своего времени, тем более, что в библиотеке есть книга Эрланже Филиппа, посвященная ей и вышедшая в 2002 г.

Что касается источников по азиатскому региону, то вполне логично обратиться к монографии А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд «Женщина: ее жизнь, нравы и общественные положения у всех народов земного шара» (М., 1998). Особенно любопытны разделы «Из турецкого гарема» и «Аравитяне во дворце и палатке».

Интересно и трехтомное издание под кратким названием «Женщина» доктора Г. Плосса, выпущенное в Сыктывкаре в 1955 г. Его можно использовать и в курсе эстетики. Например, параграф 3 имеет интригующее название «Женщина с эстетической

точки зрения» (читай с т.зр.мужчины), где анализируется женская красота у разных народностей. Приводятся иллюстрации. Четвертый раздел — «Женщина в народных религиозных верованиях». Это все — в первом томе. Третий том посвящен социальному положению женщин у древних народов и далее во всех культурах согласно исторической периодизации.

Уверена, что знакомство с перечисленным минимумом книг сделает содержание курсов более интересным. О западноевропейской культуре XIX и XX вв. написаны тома. Что касается книг по женской проблематике и гендерных исследований, то они также существуют, правда, в основном, на иностранных языках. Однако при желании многое можно найти в библиотеке нашего Центра. С литературой подобного характера по Азиатскому региону дело обстоит гораздо сложнее. Однако есть надежда, что в скором времени ситуация изменится к лучшему.

А.В. Бородина, Тверь

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА УЧЕБНИКОВ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

Настоящий отчет – часть общего проекта Тверского Центра Женской Истории и Гендерных Исследований по гендерной ревизии учебников и учебных программ по дисциплинам социально-гуманитарного блока. **Объектом** моего исследования были учебники по правоведению для неюристов, а именно: «Правоведение» под редакцией доктора юридических наук, профессора С.А. Комарова, М., Юрист, 2001 и Гойман Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. «Правоведение» (под общей редакцией В.И. Червонюка), М., Инфра-М, 2002. Первый из них «допущен Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений по дисциплине «Правоведение» и подготовлен в соответствии с примерной программой дисциплины «Правоведение», составленной согласно требованиям федерального компонента к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра и дипломированного специалиста по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования второго поколения... для студентов неюридических вузов». Второй «рекомендован Министерством Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по неюридическим специальностям и направлениям». **Предмет исследования** — наличие (отсутствие) в структуре и текстах исследуемых учебников гендерных категорий и проблематики и сопутствующих им дискурсов. **Цель исследования** — выявление и критическое осмысление с гендерных позиций (не) употребления гендерных категорий и проблематики в структуре и текстах исследуемых учебников, возможные рекомендации.

Предварительный анализ упомянутых учебников показал, что в них практически отсутствуют авторские рассуждения, крити-

ческий подход, рефлексия по поводу тех или иных терминов, норм или категорий. Структура и содержание данных учебников сводятся к перечислению отраслей права, их ключевых разделов, пересказу и толкованию норм и статей, изложению основных положений теории государства и права (базовой теоретической дисциплины для юристов-профессионалов). Этому не скрывают и сами авторы, говоря, что композиция их учебника «приближена к реальной структуре права»: «Правоведение — собирательное понятие, совокупность знаний о праве, аккумулируемых теорией права и государства, конституционным, гражданским, трудовым, семейным, административным, уголовным правом и другими юридическими дисциплинами... С учетом этого выстроена структура учебника. Изложение материала начинается с общетеоретической части правоведения, представленной теорией государства и права... Конкретные виды правовых норм и институтов, источников права, правоотношений, правонарушений, ответственности и др. изучаются в рамках отраслевых юридических наук, которые составляют Особенную часть правоведения. Ее открывает конституционное право, особая значимость норм которого для всей национальной системы права обусловила выделение конституционного права из отраслевого ряда... материалу о нем посвящен первый раздел... Подразделение всего массива правовых норм (системы права) на две «суперотрасли» — частное и публичное право — явилось основанием для расположения материала особенной части работы именно в такой последовательности... второй раздел учебника содержит материал об отраслях частного права — гражданском, трудовом и семейном, а третий посвящен рассмотрению административного и уголовного права — основных охранительных отраслей публичного права. В четвертом разделе изучаются процессуальные отрасли права (уголовный и гражданский процесс). Завершает анализ изложения международное публичное право»¹. Оглавление учебника под ред. Комарова (далее — Комарова) демонстрирует тот же подход, хотя и в несколько расширенном варианте. Помимо изложенного выше, в учебник включены разделы о морали и правовой культуре (гл. 4), основах правового статуса человека и гражданина (гл.8), правоохранительных органах (гл. 10). Особенная часть (описание

---

¹ Гойман, ... С.3–4.

отраслей права) дополнена финансовым, налоговым, экологическим и земельным правом, а также главой о правовых основах образовательной деятельности (гл. 19), однако раздел о международном праве опущен. Учебники, таким образом, представляют собой дополнительный источник толкования норм права (воспроизводства юридических категорий), а не рассказ о роли (ролях) права в обществе.

Причина подобного феномена, на мой взгляд, кроется в специфике российской (в данном случае) юриспруденции и общепринятого юридического дискурса, который в каком-то смысле «связывает» авторов «по рукам и ногам». В настоящее время при существующей системе права введение новых терминов, категорий, понятий — таких, как «гендер», «насилие против женщин», «сексуальное домогательство», «домашнее насилие» т. п. — в текст учебников по юриспруденции / правоведению возможно лишь в том случае, если подобные термины будут легализованы, то есть инкорпорированы в текст главных источников права — кодексов, законов и подзаконных актов, наделяясь при этом статусом нормативных категорий, обладающих юридической силой. В этом и состоит, на мой взгляд, главная задача профессионального юридического образования, гендерной юриспруденции, гендерной экспертизы и гендерного подхода к законотворчеству.

Таким образом, умолчания и употребление гендерно маркированных категорий и гендерной проблематики на страницах учебников по правоведению обусловлены не только и не столько позициями самих авторов, сколько господствующим юридическим дискурсом как таковым, задающим и конструирующим как структуру и содержание учебников, так и контексты, в которых (не) упоминаются гендерно маркированные категории и проблемы, хотя авторские сексизмы также имеют место. Посмотрим же, как и в какой форме это происходит, на примере отдельных фраз, категорий и высказываний.

А. Учебник под ред. С.А. Комарова.

1. СЕКСИЗМ (авторский): «Каждому студенту объективно необходимы правовые знания, чтобы вполне соответствовать званию гражданина Российской Федерации. Еще в глубокой древности для **получения звания гражданина Рима, достижения успеха в жизни необходимо было выполнить два обязательных условия: первое — знать римское право, второе — отслужить в армии.**

И если со вторым, быть может, сейчас не все согласятся, то уж относительно первого никак нельзя возразить, потому что знание — это не только великая сила, но и инструмент надежной защиты своих прав, свобод, законных интересов...» (С. 9)

2. О власти: «В обществе может существовать в разных видах: партийная, *семейная*, религиозная и т.п. Однако высшая власть, решения которой обязательны для всех граждан, организаций и учреждений, принадлежит лишь государству» (ранее речь шла о «монополии на легальное применение силы, физического принуждения» (С. 32) — Семейная власть употребляется в том же контексте, что и власти, во главе которых традиционно стояли мужчины.

3. О власти: «Если частное право — область свободы и частной инициативы, то публичная — сфера власти и подчинения» (С. 71). Подтверждается традиционная дихотомия о политичности публичной и потаенности частной сферы.

4. «государство обязано... обеспечивать поддержку семье, материнству, отцовству и детству...» (С. 126)

5. Постоянно повторяющийся рефрен из международных документов о правах человека и Конституции РФ: «независимо от *пола*, расы, национальности, языка,...» (С.129)

6. «Среди нарушений прав человека особенно опасны и совершенно недопустимы геноцид, апартеид, расизм, дискриминация национальных меньшинств». (С. 161) Следовательно, торговля женщинами, насилие против женщин (а том числе, в военных конфликтах), опасные традиционные калечащие практики, признанные международным, но не российским законодательством, «н» особенно опасны и все же допустимы?»

7. «В отношении евреев был совершен тотальный геноцид, варварски уничтожались не только мужчины, но и старики, женщины, дети...» (С. 162)

8. СЕКСИЗМ (авторский): «Чтобы быть расистом, не обязательно знать «теорию» расового превосходства, достаточно с некоторым превосходством сказать о жителях юга: «эти черные...» или *удивиться тому, что твоя одноклассница вышла замуж за африканца*» (С. 162–163)

9. «Обидеть, ограничить в правах малый народ очень легко. Это похоже на то, как большая группа подростков устраивает «разборку» с одним или двумя «противниками». Победа «смелъ-

чакам» обеспечена» С. 163 – Апеллирование к опыту адресата – читателя учебника – мужчине, а также репрезентация политики как «мужских игр».

10. «В группу социально-экономических прав включаются... равноправие мужчины и женщины...» (С. 166) – Это конституционный принцип.

11. «Закон признает за каждым гражданином возможность иметь множество имущественных и личных неимущественных прав, но не каждый имеет их в полном объеме. Например, любой гражданин имеет право заниматься предпринимательской деятельностью, которая входит в содержание правоспособности. Однако не каждый гражданин реализует это право» (С. 239) – Хотя первое, что приходит на ум, это женщины, не имеющие прав в полном объеме.

12. «Длительное отсутствие гражданина в месте жительства, если неизвестно место его пребывания, может нарушить права и интересы лиц, находящихся с ним в правовых отношениях. Его кредиторы не имеют возможности требовать уплаты долга или возмещения убытков, причиненных неисполнением таким гражданином своих обязательств. Лица, находящиеся на его иждивении, лишаются получаемого от него содержания и не могут обратиться за назначением пенсии, так как считаются имеющими кормильца» (С. 245). Подобный пример в свете бытующих гендерных стереотипов неизбежно рисует образ гражданина – мужчины, то есть, вновь нормативно-универсальная категория «гражданин» подтверждает свой андроцентризм.

13. Положение, защищающее права женщин: «Право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода» (С. 270). Однако не ввели ли эту норму, когда мужчин стали увольнять или не платить им зарплату, а жены пошли в нотариусы?

14. Положение, защищающее права женщин: «Под необоснованным (увольнением) следует понимать отказы, прямо противоречащие законодательству (например, по мотивам пола, расы, национальности, социального происхождения и т.п.)...» (С. 321)

15. СЕКСИЗМ (дискурсивный): «Социальное обеспечение предоставляется гражданам во всех случаях нетрудоспособности (болезнь, старость, инвалидность, потеря кормильца, беременность и роды и т.п.)» (С. 354) – каков категориальный ряд!

16. СЕКСИЗМ (дискурсивный): «При этом из стажа исключаются периоды, связанные с учебой, *уходом за ребенком, нахождением жен офицеров и дипломатов по месту службы или работы их супругов. В стаже остаются военная служба, периоды безработицы...*» (С. 356)

17. «Родители и вдовы (вдовцы) граждан, погибших вследствие военной травмы» (С. 359). Расположение «вдовцов» в скобках подчеркивает первичность «вдов» как основной нормативной категории в ситуации военных действий, так как гендерное распределение ролей связывает с войной в первую очередь мужчину.

18. Отдельно рассмотрен вопрос о пособии по беременности и родам (С. 361).

19. «Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет выплачивается матерям, отцам, усыновителям, бабушкам, дедушкам, другим родственникам или опекунам, фактически осуществляющим уход за ребенком» (С. 362–363) Подобный порядок слов (женщины на первом месте) обусловлен признанием их значимости не в смысле гендерного равенства, но в смысле непреходящей приоритетности отношения к роли по уходу за ребенком как к «женской».

20. «Равенство прав супругов» (С. 364)

21. «К членам семьи относятся муж и жена, состоящие в браке, зарегистрированном в установленном законом порядке, дети и другие родственники, имеющие, как правило, общих предков, усыновители и усыновленные, мачехи, отчимы, падчерицы, пасынки и др.» (С. 365).

22. Брак — «добровольный, равноправный союз мужчины и женщины» (С. 366)

23. «При наличии *особых обстоятельств (беременности, рождении ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон)* брак может быть заключен в день подачи заявления». (С. 367) Отражение неприятия гендерными стереотипами статуса одинокой незамужней женщины с ребенком (легитимация от-

цовства и через него — статуса ребенка, а также контроль за женской сексуальностью).

24. «Добрачная фамилия мужа (жены)» (С. 369) Отголоски определения статуса женщины по статусу ее мужа.

25. «По российскому семейному законодательству нет юридического понятия *«глава семьи»*, все вопросы благоустройства семейной жизни... супруги должны решать совместно на основе согласия и равноправия». (С.369)

26. О средствах нуждающимся членам семьи: от дедушки и бабушки — внукам, (дедушка и бабушка —здесь — самостоятельные акторы, кормильцы, поэтому дедушка помещен на первое место), но бабушке и дедушке от внуков (здесь же бабушка и дедушка — реципиенты, пассивны, поэтому на первом месте — женская категория). С.378.

27. Категория удочерения, присутствующая в Семейном Кодексе, в данном учебнике отсутствует.

28. Об уголовном праве: «при непреодолимом принуждении лицо полностью лишается возможности действовать по своему усмотрению. Например, охранник, который связан преступниками, лишается фактической возможности действовать во исполнение своих обязанностей». (С.449). Логичнее было бы привести пример с насилием против женщин — это гораздо более распространенная ситуация. Однако приводится случай, когда оправдывается ненадлежащий паттерн маскулинности.

29. «Смертная казнь... не может быть назначена *женщинам, а также лицам, совершившим преступление в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста*». (С. 460)

Модели отцовства:

1. Глава семьи — патриарх, заботящийся о ближних: «Еще в 1686 г. в Швеции был принят закон, в соответствии с которым глава семьи нес ответственность за обучение чтению всех членов семьи и даже слуг» (С.17)

2. Отцовство — единственный вариант легитимации и обеспечения статуса потомства и залог модернизации общества: «... общественное разделение труда и повышение его производительности повлекли за собой разрушение рода, частная ответственность семьи стала вытеснять коллективную собственность

рода, причем наследство стало закрепляться только за законными детьми — по отцовской линии» (С. 25)

3. Отец — патриарх (упоминание патриархальной теории): «Согласно патриархальной теории государство вырастает из семьи, а власть монарха олицетворяется с властью отца над членами семьи».

4. Отцовство — конституционный институт, нуждающийся в государственной поддержке наряду с материнством и детством (С. 136)

5. К «социальным правам относится охрана материнства и детства», но не отцовства: его поддерживают, но не охраняют. (С.141)

6. Государство как всеобщий отец, строгий, но справедливый (государственный патернализм): «... многие годы в общественном мышлении складывался образ государства как лидера, как заботливого, но строгого отца» (С. 154)

7. Одинокий отец, имеющий ребенка в возрасте до 14 лет (С. 326)

8. Признание отцовства как механизм легитимации статуса ребенка (С. 371–373) — защита интересов ребенка на фоне патриархальной модели иерархии статусов.

Категории женщин и их контексты:

1. Семья, материнство, отцовство и детство.

2. Материнство и детство.

3. (О внесении в коллективный договор пункта об улучшении условий труда) Женщины и молодежь (конструируются как социально и физически уязвимые группы).

4. Беременные женщины.

5. Женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет.

6. Одинокая мать, имеющая ребенка в возрасте до 14 лет.

7. Нормы по охране труда... *женщин, несовершеннолетних и лиц с пониженной трудоспособностью* (один категориальный ряд).

8. Поощрение материнства и государственная помощь семье и детям.

9. Неработающая мать.

10. О пенсиях: женщины, родившие пять и более детей.

11. О пенсиях: матери инвалидов с детства и воспитавшие их до восьми лет.

12. О пособиях детям-сиротам: Умершая одинокая мать.

13. О единовременном пособии: Женщины, вставшие на учет в женских учреждениях в ранние сроки беременности.

14. Об уголовном праве: женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет и беременные женщины (к ним не применяется арест как мера наказания).

Главные действующие лица правовой системы (по частотности упоминания): человек, гражданин, усыновитель, усыновление (институт) (андроцентричные категории), личность. **Пояснения:** «Понятие «человек» характеризует его как индивида биологического вида; говоря о человеке, мы подразумеваем его физиологические свойства, в этом смысле он является просто представителем живого мира. «Личность» — понятие социальное, оно предполагает, что человек, обладающий личностными качествами, осознает себя, свое место в обществе и ответственность перед ним. «Гражданин» — понятие юридическое, свидетельствующее о правовой связи конкретного человека с конкретным государством» (С. 153).

«Авторитеты»: Маркс, Ленин, Энгельс, Петр первый, Аристотель, Платон.

Таким образом, структура и содержание исследуемых учебников практически полностью соответствуют общепринятой юридической доктрине и структуре российского права. Это означает, что гендерная критика учебников неизбежно связана с гендерным анализом / критикой / экспертизой российского законодательства и правовой теории² и критическим пересмот-

---

² Анализ последних не входил в исследовательскую задачу данного проекта, хотя и проводился автором ранее в той или иной форме. Так, о гендерной экспертизе законодательства и анализе права как технологии (й) (ре) конструирования гендера идет речь в курсе «Гендер и право», который читается автором в рамках Вечерней школы женской истории и гендерных исследований (см. Бородина А.В. Гендер и право (программа курса) // Женские и гендерные исследования. Авторские программы курсов, ТГУ, ТЦЖИГИ, Тверь, 2001. С. 48–53. Кроме того, данной проблематике было посвящено лингво-социологическое исследование «Язык законодательства и женщинах: гендерный дискурс» проведенного автором в 2000–2001 гг. при поддержке фонда RSS, грант № 1439/2000. Некоторые результаты и выводы этого исследования приведены в статье автора «Права женщин: академический дискурс и образовательный процесс» (в печати).

ром с феминистских позиций всего массива устоявшейся правовой теории и доктрины. Это означает также, что внесение изменений и дополнений в гендерном ключе в подобные учебники правоведения практически невозможно вне структурных (а не только и не столько содержательных) изменений, хотя допускаю, что разделы о международном праве могли бы быть дополнены материалами о правах женщин упоминанием соответствующих международных документов.

Наиболее оптимальным вариантом приобщения к правовой проблематике неюрисстов, на мой взгляд, было бы написание учебника в русле «Социологии права» («Юридической социологии»), что дало бы гораздо больше возможностей рассказать о роли и функционировании права в обществе, о праве как технологии (вос) производства гендерных стереотипов, категорий и дискурсов, осмыслить право не только в бинарной связи с государством, но и в контексте власти вообще, показать критические подходы к праву и его интерпретации (феминистская юриспруденция, критические правовые исследования, право в русле современной социальной (феминистской) теории и т.п.), включая гендерную экспертизу законодательства.

Гендерной экспертизе российского законодательства и права, а также проблеме интеграции прав женщин в общепринятый правовой дискурс посвящены труды отечественных ученых-правоведов и социологов — С. Полениной, М. Баскаковой, Л. Завадской. В качестве литературы для преподавателей, читающих курс «Правоведение», безусловно, можно рекомендовать следующие работы этих авторов:

Поленина, С. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект, М., 2000.

Поленина, С. Гендерная проблематика в праве: права женщин // Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие (под ред. И. Жеребкиной), Харьков, СПб., 2001. С. 606–634.

Гендерная экспертиза российского законодательства (отв. ред. Л.Н. Завадская), М., 2001.

Баскакова, М. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда, М., 1998.

Е.Н. Строганова, Тверь

КАТЕГОРИЯ «ГЕНДЕР» В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Категория «гендер», прочно вошедшая в обиход западной славистики, только со второй половины 1990-х гг. проникает в отечественную филологию: сначала происходит ее освоение в лингвистике и несколько позже в литературоведении. Проводниками понятия «гендер» в российское литературоведение стали Ирина Савкина (русская исследовательница, ныне живущая в Финляндии) и немецкая руссистка Элизабет Шоре, чьи работы, в которых толковалась категория гендера, появились примерно в одно время¹.

Было бы преувеличением говорить о том, что гендерный подход уже успел получить распространение в российской науке, но очевиден интерес к нему как со стороны представителей традиционного литературоведения, так и среди молодых исследователей, поэтому можно предполагать существование внутренних причин готовности к его приятию. К таким причинам, помимо поиска новых стратегий литературоведческого анализа, следует отнести несомненную продуктивность гендерного подхода для изучения истории литературы, и русской литературы в частности.

Я остановлюсь на вопросе об использовании категории «гендер» в изучении и соответственно преподавании русской литературы XIX в. Предваряя последующую аргументацию, скажу сразу, что гендерный подход в изучении истории литературы XIX в. выполняет корректирующую функцию, так как, выявляя недостаточность традиционных установок и подходов, он, во-первых, деконструирует сложившиеся интерпретационные стереотипы, заставляет по-новому взглянуть на художественные тексты, в том числе и широко известные, и, во-вторых, стимулирует внимание к литературному творчеству женщин.

Разрушение стереотипов интерпретации

Гендерный подход способствует пересмотру и новому прочтению известных текстов. Одна из распространенных проблем литературоведческих изысканий — изображение человека в литературе. Но в литературоведении, как и в философии, под словом «человек» традиционно подразумевается мужчина и это явление воспринимается как совершенно естественное, по сути, оно даже не становится предметом рефлексии. Наряду с этим на всех ступенях изучения литературы (школа, вуз, наука) бытует традиционная тема «Женские образы», дополнительно артикулирующая выведение женщин из разряда людей. Надо обратить внимание на то, что, основываясь на литературном материале, наука создает две противопоставленные парадигмы, две типологии персонажей. В основе одной типологии мужских персонажей — лежит социальный фактор, т.е. фактор культуры: «маленький человек», «лишний человек», «новый человек» — это типология «людей». Типология же персонажей женских, основываясь на факторе натуры, в целом укладывается в оппозицию ангел / ведьма, и существующая социальная типология (уездная барышня, институтка, эмансипированная женщина) не параллельна первой и тем более не перекрывает ее, а скорее вбирается ею. Выключенностью женщин из сферы социальных отношений Ю.М. Лотман объяснял возможность идеализации их образов в литературе. Именно женский персонаж всегда служит воплощением неких идеальных представлений автора, и в русской литературе это особенно заметно. Но напрасно думать, что речь идет об идеальных человеческих качествах. Татьяны, Лизы и Наташи, как правило, являются художественным воплощением именно женских идеальных качеств: верности, духовной красоты, нравственной чистоты, инстинктивного обладания истиной. Традиционное литературоведение, интерпретируя художественные тексты, в гендерном смысле воспринимает их некритически, не задумываясь над тем, что изображение женщины, даже при общем позитивном настрое автора, как правило, объективно снижает ее образ. Можно сказать, что в художественных текстах декларируемый идеологический дискурс не совпадает с реальной, порой не отрефлектированной самим автором репрезентацией женских персонажей.

Характерным примером может служить «Война и мир». Позиция Толстого в решении «женского вопроса» (полнейшая солидарность его с кодексом Наполеона, личность которого дискредитируется в романе) хорошо известна, но гендерное прочтение текста выявляет важные моменты, ускользающие при традиционном подходе. Так, оказывается, что слово «ум» при обрисовке женских персонажей является сугубо негативной характеристикой, а столь любимая автором Наташа Ростова, идеально воплощающая толстовское представление о женственности, наделяется тем же комплексом свойств и признаков, которые присущи посредственному мужчине Николаю Ростову, т.е. в самом общем виде можно сказать, что женщина в своем наилучшем, образцовом варианте это не более, чем посредственный мужчина².

Репрезентация женского литературного творчества

Имена русских писательниц XIX в. и по сю пору остаются малоизвестными современному читателю. У большинства сложилось устойчивое представление о том, что до Ахматовой и Цветаевой писательниц в России вовсе не было. Этому способствует среднее школьное образование, но даже не все специалисты-филологи могут похвалиться тем, что знакомы с творчеством известных им по именам Надежды Дуровой, Каролины Павловой или Юлии Жадовской по той простой причине, что это не предусмотрено программой обучения на филологическом факультете. Преподаватель, конечно, имеет право включить определенный круг произведений этих и других авторов-женщин в программу чтения, но ограниченность учебных часов и огромный объем текстов по курсу истории русской литературы XIX в. препятствуют этому. Более реальна возможность обращения к женскому литературному творчеству в рамках специального курса (такой курс «Женщины-прозаики в русской литературе XIX в.» читается на филологическом факультете Тверского государственного университета и слушателям вечерней школы при Центре женской истории и гендерных исследований).

История русской литературы XIX в., возможно, даже ярче, чем истории других европейских литератур (см. исследования Джозанны Русс на материале англо-американской и Симоне Винко и Ренате фон Хайдебранд на материале немецкой литературы³),

выявляет дискриминационное отношение к женщине-писательнице, которая, по словам Е. Ган, воспринималась общественным сознанием как «выродок женского рода». Для репрезентации творческой деятельности женщин-писательниц характерен следующий стереотипный набор признаков, встречающийся в критической и научной литературе.

1. Интерес к интимной стороне жизни писательницы, стремление говорить не об авторе, но о личности, часто в ее интимном проявлении. Так, в конце 1880-х гг. возвращается в литературу имя Елены Андреевны Ган, талантливой беллетристки, чьи произведения ярко прозвучали в конце 1830 — начале 1840-х гг., а потом были забыты. В 1886 г. в журнале «Исторический вестник» появилась публикация о ней с весьма характерным названием «Роман одной забытой романистки», автор которой пытался представить как «роман» отношения Ган с О. Сенковским, в чьем журнале она печатала свои произведения⁴.

Другой подобный пример, но уже научного истолкования - интерпретация Чуковским личности Авдотьи Яковлевны Панаевой. Возвращая имя Панаевой в литературу, вводя в историко-литературный оборот ее уникальные мемуары, Чуковский называет свою работу «Жена поэта», лишая тем самым личность Панаевой самостоятельного значения и интереса. Говоря же о ее воспоминаниях, исследователь дает следующую характеристику мемуаристки: «Ее простенькую, незамысловатую душу всегда влекло к семейному уюту, к материнству. Она ведь была не мадам де Сталь, не Каролина Шлегель, а просто Авдотья, хорошая, очень хорошая русская женщина, которая почти случайно оказалась в кругу великих людей ... Мудрено ли, что эта элементарная женщина запомнила и о Тургеневе, и об Ап. Григорьеве, и о Льве Толстом ... лишь обывательские, элементарные вещи, обеднила и упростила их души. Похоже, что она слушала симфонии великих маэстро, а услышала одного чирика. Не будем за нее на это сердиться ...»⁵.

В этом пассаже очень характерно стремление исследователя-мужчины даже в эпоху, когда женское писательство уже приобрело легитимный характер, представлять писательницу в более традиционных и «подобающих» женщине «природных», естественных ролях жены и матери.

2. Подвергается сомнению творческая самостоятельность автора-женщины, рядом с которой всегда маячит некий Он, буквально водящий ее пером. Так, рядом с Дуровой оказывается Пушкин (хотя отношение критиков и исследователей к Дуровой в силу ее героической биографии всегда отличалось большей пиететностью и отсутствием преднамеренной дискредитации). Учителем и литературным наставником Ган называют Сенковского. Рукой Панаевой, естественно, водил Некрасов (особенно декларативно звучат эти заявления, когда речь идет о доле авторского участия Панаевой в написанных совместно с Некрасовым романах: заслуга априорно приписывается ему⁶).

Марко Вовчок успехов первых своих произведений оказывается обязана мужу Афанасию Васильевичу Марковичу — или же переводчику ее украинских народных рассказов на русский язык Тургеневу. Это лишь несколько примеров, но их число можно умножить.

3. Отрицается эстетическое значение и серьезность женского творчества. И. Савкина показывает эволюцию в отношении к женскому писательству в России. Благодушием и снисходительностью отличаются отзывы конца XVIII — начала XIX в., времени публикации первых женских литературных текстов, когда это казалось милой забавой и в таком виде имело право на существование. Но уже в 1830—1840-х гг., когда писательницы, нарушая сложившийся гендерный стереотип, стали претендовать на серьезную литературную деятельность, в критике возникают запретительные, окорачивающие, тенденции⁷, и такая ситуация в целом сохраняется до 1880-х гг.

Традиционная история русской литературы не осознает отношение к женскому творчеству как дискриминационное, более того — утверждает его. Гендерный подход обнаруживает механизмы этих явлений и побуждает рассматривать историю женского писательства с учетом его вытеснения господствующим патриархатным дискурсом. Тогда ситуация предстает в ином освещении и становятся очевидными истины, ранее не осознаваемые.

Высказывая суждения по поводу женского письма, следует учитывать следующие обстоятельства.

1. Инновативный опыт женщин-писательниц усваивается мужской литературой и перестает осознаваться как инноватив-

ный и как женский. В этом смысле репрезентативна рецепция Ж. Санд в России. Ее творчество оказало колоссальное воздействие на русскую литературу 1830–1840-х гг. (темы, герои, пафос), которая активно адаптирует ее художественный опыт. Но в процессе этой адаптации (отрефлектированной) происходит изживание интереса к писательнице. И рецепция Ж. Санд уже в 1860–1870-е гг. даже теми, кто в прошлом принадлежал к восторженным поклонникам ее литературного таланта, оказывается признанием ее уже не как писательницы, но как прекрасной женщины, чудесного человека, истинной христианки⁸.

В редуцированной, невыявленной форме близкие этому явления происходят и с восприятием русских писательниц. Так, В.П. Боткин в письме к Тургеневу от 10 июля 1855 г. замечает по поводу повести Е. Нарской (псевдоним Н.П. Шаликовой): «Все это, разумеется, женская сфера, в которую не входит вопрос о поэтическом чувстве, о глубине и силе мысли, о сильном и сочном колорите, и обо многом другом» это суждение искусственно читателя является репликой-умалением. Но наряду с этим Боткин заявляет, что для него главный интерес в женских сочинениях представляют «движения женской души, которую мы так мало знаем», таким образом признавая новаторское значение женского творчества⁹.

Женская литература действительно создает свою типологию женских персонажей и дает образцы анализа женской души. Последнее признано в исследовательской литературе, но получает закономерное истолкование. А.И. Белецкий, автор одной из первых серьезных работ о русских писательницах, фактически обесценивает их литературную деятельность, заявляя, что ими была «проделана подготовительная работа, в результате которой явилась Елена Стахова и родственные ей образы новых героинь у других писателей»¹⁰.

Так женское творчество лишается самостоятельного значения, и формула возвышения оказывается способом дискриминации. Гендерный взгляд обнаруживает эти несообразности и ищет адекватные определения ситуации.

2. Необходимость женщине-автору в условиях патриархальной культуры доказывать свое право на существование, а значит, приспособливаться к требованиям «мужского» литератур-

ного канона. Моделью такого литературного поведения становится жизненное поведение Надежды Андреевны Дуровой, отказавшейся от женского облика и даже завещавшей похоронить себя под именем Александрова. И в литературе женщине для того, чтобы быть понятой и признанной, приходилось действовать в рамках канона и воспроизводить господствующие стереотипы, что, вероятно, не всегда получалось органично и убедительно. Однако именно те тексты, где выражались эти стереотипы, получали наибольшее признание (к примеру, «Кавалерист-девица» Дуровой, одно из наиболее известных произведений женского пера). Такая «загнанность в угол», естественно, не могла способствовать творческой оригинальности. Но, как убедительно показывают современные исследования, даже в тех случаях, когда эта оригинальность свойственна женскому тексту, мы ее не понимаем и не чувствуем, так как предъявляем к нему «мужские» требования¹¹.

В связи с этим возникает проблема специфики женского письма, и в том числе вопрос о том, как понимали особенности женского письма читатели XIX в. Коллекция всевозможных высказываний по этому поводу весьма внушительна. Одно из характерных суждений принадлежит Тургеневу, писавшему, что «в женских талантах <...> есть что-то неправильное, нелитературное, бегущее прямо от сердца, необдуманное наконец»¹².

Такое представление об интуитивности, природности, неразумности женского творчества вполне отвечает традиционному дискурсу о женщинах, в целом сохранившемуся и поныне (см. отзыв О. Чухонцева о стихах О. Кучкиной: «очень женские, т.е. непредсказуемые стихи»¹³).

Но в современной литературе женщина-автор открыто декларирует свою самость и свой язык. С литературой XIX в. дело обстоит иначе, и нужны определенные исследовательские усилия для того, чтобы услышать и понять этот женский язык.

Резюмируя вышесказанное, следует заметить, что использование гендерного подхода в изучении истории русской литературы XIX века не только выявляет механизмы маргинализации женского творчества, но формирует новую систему координат и дает основания для того, чтобы отказаться от рассмотрения женского творчества с точки зрения традиционных, заданных «мужским»

литературным каноном критериев. Изменение же отношения к женскому творчеству может стать одним из факторов нового осмысления историко-литературного процесса в целом.

Примечания

¹ Савкина И. Кто и как пишет историю русской женской литературы // Новое литературное обозрение. 1997. № 24; Шоре Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века: К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX века) // Литературоведение на пороге XXI века: Материалы междунаrod. науч. конф. МГУ, май 1997. М., 1998.

² Подробнее см.: Строганова Е.Н. «Она не удостоивает быть умной» («Война и мир» в гендерном прочтении) // Русская литература XIX века в гендерном измерении: Опыт коллективного исследования / Науч. ред. Е.Н. Строганова Тверь, 2004.

³ См.: Хайдебранд Р., Винко С. Работа с литературным канонам: Проблема гендерной дифференциации при восприятии и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Элизабет Шоре и Каролин Хайдер. М., 2000. Вып. 2

⁴ Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. № 8.С. 203–234; № 9. С.509–531.

⁵ Чуковский К. Панаева и Некрасов // Панаева А. Семейство Тальниковых. Л., 1927. С. 66.

⁶ Об этом: Строганова Е.Н. О некрасовско-панаевских текстах (роман «Мертвое озеро»): Доклад на 2 международном симпозиуме «Различение полов в культурологии». (Москва, декабрь 1998 г.)

⁷ Савкина Ирина. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х годов XIX века). Wilhelmshorst, 1998. С. 23–41.

⁸ См.: Строганова Е.Н. «Заветный вензель» Ж да З: Жорж Санд в русском литературном каноне // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Элизабет Шоре и Каролин Хайдер. М., 2000. Вып. 2

⁹ В.П.Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851–1869. М.; Л., 1930. С. 59–60.

¹⁰ Белецкий А.И. Тургенев и русские писательницы 30-60-х годов // Творческий путь Тургенева / Под ред. Н.Л. Бродского. Пг., 1923. С. 161.

¹¹ Эта проблема была остро заявлена уже в 1891 г., писательницей О. А. Шапир в статье «Вопреки обычаю» (см.: Преображение, 1997. №5).

¹² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 374.

¹³ Цит. по: Вознесенский А. «Дух дышит, где хочет». Про себя самую узнаваемую и неуловимую // Книжное обозрение «Ex libris НГ». 1999. 18 нояб. С. 2.

В.И. Успенская, Тверь

ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1

«Социология традиционно изучала *«человека в обществе»*: каким образом социальная структура и культура формируют *его жизнь»*¹. К началу XXI в. социологи далеко продвинулись в постижении проблематики человеческой общественной жизни, но им нелегко признать, что социологическое знание во многом остается мужской точкой зрения на социальный мир, выдаваемой за объективную истину, и что интерес к опыту общественной жизни людей, который отличает социологов, на самом деле оказывается интересом исключительно к опыту мужчин как общественной группы. Исследований социального опыта и поведения женщин почти не было, и такое молчание предполагало, что «описания по существу мужского опыта — например, «общественный класс», «промышленный труд», «преступность» — могут применяться одинаково к женщинам, хотя о них упоминалось редко»². Одна из наиболее авторитетных социологов XX столетия Джесси Бернанд в работе, посвященной влиянию женских исследований на социологию, отмечала: «Вопросы, поставленные в социологии — это те вопросы, ответы на которые хотели найти мужчины»³. Социология, по выражению английских социологов Томпсон и Пристли, оставалась «практикуемым мужчинами предметом» до конца XX в., до тех пор, пока феминизм не стал оказывать влияние на общественное мышление⁴, а поднятые феминизмом вопросы о жизни в социуме, отношениях полов, ролях женщин и мужчин не начали восприниматься всерьез.

Феминистская критика традиционной социологии как науки, изучающей отношения между человеческим опытом и социальными структурами, началась на Западе в конце 60-70-х годах XX в. и связана с новой волной движения за освобождение женщин⁵, а также с массовым вхождением женщин в ака-

демические структуры, прежде всего в сферу гуманитарных и социальных наук. Как отмечает в своем обзоре феминистской критики науки Т.В.Виноградова, «в то время доминирующим был проект создания позитивистской социологии, которая видела свою задачу в отказе от умозрительных рассуждений об обществе, создании «позитивной» социологии, которая должна была стать столь же доказательной и общезначимой, как и естественно-научные теории»⁶. Феминистская критика социологии не была одинокой. Во второй половине XX в. представление о том, что познание социального мира аналогично познанию природного и подразумевает существование некоего объективного эксперта, дистанцированного от участников исследования, стало подвергаться критике со стороны ряда либерально настроенных ученых (включая ученых-феминистов), а также со стороны антипозитивистских течений: марксизма, феноменологии, этнометодологии, постструктурализма, постмодернизма, герменевтики и феминизма.

Стоит отметить, что в феминистской критике традиционно социологического знания, начавшейся в те годы, отразились антипозитивистские настроения авторитетных социальных мыслителей XX столетия М.Фуко, Ю.Хабермаса, М.Хайдеггера. Им была чужда идея создания объективной социальной науки, поскольку она игнорирует тот факт, что социальный мир конструируется людьми, чьи мысли и намерения существенны для нашего понимания этого мира. Критики позитивистского подхода (Фуко, Хабермас, Бодрийар и др.) подчеркивали иллюзорность жесткого разграничения «субъекта» и «объекта», писали о необходимости «диалога» между исследователями и респондентами, отказа от «больших нарративов» (Ж.Лиотар), от претензий на полноту охвата реальности⁷. Проблемы разделения полов и достижения феминистской мысли становились важными при реконструировании объяснительных категорий социальной теории, «поскольку в откровенном игнорировании этих проблем наиболее ярко проявилась ограниченность ведущих социологических подходов»⁸. Во второй половине XX в. академический феминизм бросил вызов мужскому контролю над содержанием университетских программ и курсов и поставил под сомнение само «объективное» знание о человеке и обществе.

Феминистская критика началась с демонстрации андроцентризма науки и сексистских предрассудков в науках о человеке и обществе, заполнения «пустот» в традиционных дисциплинах по принципу «добавить женщин и перемешать». При этом не подвергались сомнению существовавшие научные парадигмы, не пересекались границы традиционных дисциплин. Затем последовала критика традиционных теорий («гендерно нечувствительных») и методов исследований, а также междисциплинарные исследования женского и в целом гендерного опыта человеческого бытия на основе использования инновационных методов с целью создания более полного социального знания. В фокусе современных феминистских исследований оказалась также проблема неравенства и различий между женщинами.

Комиссия по изучению положения женщин при Американской социологической ассоциации составила в 1980 г. список 5 основных аспектов в процессе исследования, в которых проявлялись сексистские предрассудки:

- отбор и формулирование проблем для исследования
- обзор теоретических традиций в изучении общественных проблем
- отбор примеров или групп населения
- валидность проблемы
- интерпретация результатов⁹.

Параллельно социологи А. Окли и Р. Окли обратили внимание на «гендерную нечувствительность» в статистике:

- процесс сбора информации и использования статистики
- сферы, которые выбираются для статистического анализа
- концепции, используемые для презентации статистики¹⁰.

Социологи Марсия Миллман и Розабет М. Кантер в исследовании о феминистских взглядах на социальную жизнь и общественные науки отметили шесть типов феминистской критики в адрес социологии¹¹.

1. Важные области социального исследования пропускались в связи с использованием конкретных общепринятых моделей, определяющих поле; альтернативные модели могут открыть новые области для изучения как женщин, так и мужчин.

2. Социология концентрируется главным образом на публичных, официальных, видимых акторах и / или исполнителях дра-

матических ролей и определениях ситуации; однако неофициальные, вспомогательные, менее драматические, частные и невидимые сферы общественной жизни и общественного устройства могут оказаться в равной степени важными.

3. Социология зачастую говорит о «едином» в отношении женщин и мужчин обществе, в котором можно сделать необходимые обобщения относительно всех его участников; тем не менее, женщины и мужчины фактически могут обитать в разных социальных мирах и это необходимо принимать в расчёт.

4. В некоторых исследовательских областях пол не принимается в расчёт как фактор поведения, однако пол может находиться среди наиболее важных объяснительных переменных.

5. Социология зачастую занимается объяснениями статуса кво (и, следовательно, помогает обеспечить рациональное объяснение существующему распределению власти в обществе); тем не менее социальным наукам следует изучать необходимые социальные трансформации и поощрять развитие более справедливого, гуманного общества.

6. Отдельные методологии (зачастую количественные) и исследовательские ситуации (такие, как использование социологов-мужчин при изучении обществ, включающих в себя женщин) могут систематически препятствовать получению определённого рода информации, в то время как эта недополученная информация может оказаться наиболее важной при объяснении изучаемого феномена.

Комментируя эти тезисы, можно сказать, что феминизм указал на ограниченность социологического знания, связанную прежде всего с непредставленностью в нем опыта женщин. В феминистском критическом анализе социология выглядит в лучшем случае «гендерно слепой», в худшем — сексистской наукой. В лучшем случае не признается важность пола как переменной, не дается значения тому, что положение женщин и мужчин в структуре общественных отношений далеко не одинаково. В худшем случае женский социальный опыт вообще игнорируется и даже искажается. Сферы и проблемы женской деятельности либо просто не представлены в социологическом знании, либо представлены как социально менее значимые. Женщины принимаются во внимание в связи с жизнью мужчин, а не благодаря собствен-

ной значимости. При объяснении социальных отношений полов социология придерживается понятия о принципиальном различии и противоположности мужской и женской природы.

Также игнорируется или рассматривается как Богом или природой данный опыт мужского доминирования в социальных структурах общества. Американская социолог Дороти Смит в работе «Исключение женщин из мужской культуры» подчеркивает, что основная ограниченность традиционной социологии заключается в том, что женщине отводится второстепенная роль, ее часто игнорируют: «Женщины-социологи в той или иной мере согласны с таким положением вещей, и в соответствии с этим согласием они отчуждаются от своего собственного личного опыта. Они говорят на чужом языке и выбирают методы, которые их самих исключают»¹². По мнению Д.Смит, женщины-социологи должны научиться раскрывать, как выглядит мир, через призму женского взгляда. Вместе с тем понятно, что если женский взгляд на мир будет учитываться наравне с мужским, то под сомнение придется поставить многие существующие теории общественной жизни.

II

Нет ничего удивительного в том, что социология, несмотря на постоянное провозглашение своей приверженности к объективности, отличается (наряду с другими социальными науками) предрассудками в отношении места и роли женщин в обществе. Социология как научная дисциплина стала развиваться в XIX в., интересуясь, прежде всего политическими и экономическими изменениями, капитализмом, классовыми отношениями и их влиянием на человеческую жизнь. Эти изменения включали рост промышленного производства, новые классовые различия и взаимоотношения, рост политического сознания рабочего класса (мужчин), расширение политического участия населения (мужчин) и т.д. С самого начала социология концентрировала внимание на публичной сфере управления и рынка труда, игнорируя частную сферу семьи, быта, домашнего труда. Разделение труда между частной и общественной сферами представлялось тогда (под влиянием дарвинизма) вполне естественным, определяемым биологическими факторами. Сексистские предрассудки были встроены в социологию с самого начала: ос-

новой для производства истинного знания всегда считался мужской опыт, опыт публичной жизни мужчин; женский опыт привычно рассматривался как субъективный, *внеобщественный*.

Не было причин для социологии — *науке об обществе* — интересоваться женщинами, которые ассоциировались лишь с приватной сферой, не было причин объяснять гендерные различия, которые, как считалось, вполне объясняются биологией. Социология игнорировала не только женщин, но и всю сферу домашних отношений. Кроме того, социологическому объяснению подвергалось только поведение мужчин, которое фиксировалось в публичной сфере. С феминистской точки зрения теории и исследования, которые игнорируют опыт и проблемы более чем половины населения, а также роль частной сферы в общественной жизни людей, не могут считаться адекватными. Таким образом, основная критика со стороны феминизма в адрес общей социологической теории состоит в том, что эта теория не учитывает женское видение социального мира. Она может быть более адекватной, включив в себя феминистскую социальную теорию, в частности феминистские теории гендерных отношений. Эмпирическая социология в той или иной степени признает необходимость включения пола/гендера как переменной, но теория — эта та сфера социологии, которая сопротивляется изменениям и остается невосприимчивой к гендерному подходу как одному из способов «постижения истории», культуры и общества.

III

Непростые отношения между современным социологическим знанием и феминизмом за последние три десятилетия «урегулировались» с помощью категории «гендер»¹³ как важной составляющей социально-политического анализа (или «полезной категорией исторического анализа», по выражению Джоан Скотт¹⁴). Гендерный характер социальных отношений, появившийся в фокусе исследователей благодаря женскому движению конца 60-х, стал новым направлением социологической науки в 70-х гг. Прежде всего, внимание было направлено на анализ социальных движений и изменяющийся характер социального протеста конца 60-х, а также на описание и объяснение «ген-

дерности» социальных отношений. Феминистские вопросы постепенно стали включаться в научный социологический дискурс, формируя новое направление — *социологию гендера*, или изучение социально конструируемых женских и мужских ролей, отношений и идентичностей¹⁵.

Отношения между полами осмысливались в социологической науке задолго до появления феминистских исследований. Обсуждение мужественности и женственности, особенно места и роли женского пола в обществе обнаруживается в работах Маркса и Дюркгейма, Зиммеля и Парсонса, Хабермаса и Бурдье, Гидденса и Лумана, Гофмана и Гарфинкеля и пр., но вплоть до середины 1970-х гг. термины «гендер» и «гендерные отношения» не употреблялись. В процессе критики представлений классической социологии о природе отношений между полами сформировался гендерный подход, в рамках которого статус пола перестает быть предписанным (аскриптивным), а гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства. Как отмечают российские социологи Е. Здравомыслова и А. Темкина, гендерный подход представляет собой «вариант стратификационного подхода, в нем всегда присутствует тезис о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола»¹⁶.

Несмотря на то, что концепция гендера появилась в феминистских исследованиях в 70-е гг. XX столетия, идея о том, что различия между женщинами и мужчинами не определяются полностью биологией, а зависят от воспитания и образования, имеет длительную историю¹⁷. Наиболее четко эту идею сформулировала Симон де Бовуар в книге «Второй пол» (1949): «Женщиной не рождаются, ею *становятся*» (курсив мой — В.У.).

Исследования Маргарет Мид 30-х годов поставили под вопрос тезис о предписанности гендерных ролей. Алис Росси в работе о равенстве полов подвергла критическому анализу традиционные концепции о ролях женщин в современных обществах и проложила дорогу новым подходам в исследованиях гендерных ролей. Вопросы о роли женщин в истории, литературе, аграрных и индустриальных обществах очень скоро потянули за

собой более широкие вопросы о гендере как переменной — в психологии, социологии, антропологии, философии, — а также вопросы о распределении социальных ролей, власти, благ, вознаграждения за труд — в политике, экономике.

Английская социолог Энн Окли была среди первых исследователей социальной проблематики пола, которые развели два понятия: пол как биологические отличия женского от мужского, с которым мы рождаемся, и гендер — половые особенности, половые роли, приобретаемые в процессе инкультурации. Идею введения нового термина Окли заимствовала у психолога Роберта Столлера¹⁸. Она предложила различать половые анатомические и психологические характеристики, которые обозначают биологических женщин и мужчин, и социально сконструированные черты мужественности и женственности (гендер), которые приобретаются через становление женщиной или мужчиной в конкретном обществе, в конкретное время¹⁹. Особый вклад в развитие теории гендера был сделан Гейл Рубин в классическом теперь тексте «Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола» (1975)²⁰. Если Окли отличает гендер от биологического пола, то Рубин связывает гендер с репродуктивной сексуальностью и предлагает термин «система пол/гендер» (sex/gender system). Согласно Рубин, эта система включает «набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в результаты человеческой деятельности и в которых эти преобразованные сексуальные потребности встречаются»²¹. Гендер, с ее точки зрения, является «социально навязанным разделением полов», «продуктом социальных отношений сексуальности»²².

Категория «гендер» (наряду с категориями «раса/этничность») добавилась к списку дескриптивных измерений социального контекста и помогла обнаружить такие аспекты социальной жизни, которые «проглядела» классическая социология. В исследовании той же Энн Оукли «Домашняя хозяйка» (1974) дается детальный анализ работы, выполняемой женщинами, и способов, с помощью которых эта работа становится гендерным подразделением эмоционального и физического труда в семье и за пределами семьи. За этим социологическим исследовани-

ем последовали другие, в которых было представлено гендерное измерение многих аспектов социальной жизни²³.

Переосмысление социального, вызванное включением гендерной динамики в социологический анализ, привело к пересмотру некоторых центральных понятий в традиционной социологической мысли. Ярким примером этого служит дискуссия о взаимоотношениях между классом и гендером в контексте социальной стратификации.

С самого начала своего развития социология исследует структуры социального неравенства групп, поэтому классовое неравенство всегда было в центре внимания. Один из участников современной дискуссии о теории стратификации Д.Локвуд считает, что «класс» должен оставаться центральным индикатором в исследованиях и что классовое положение жены должно выводиться из классового положения главы семьи, под которым, безусловно, понимается муж. Феминистские социологи (S. Walby, M. Mann) указали на ограниченность традиционного классового анализа и необходимость учитывать категории пола и класса при исследовании социального неравенства. В фокусе дискуссии оказались взаимоотношения между «капитализмом» и «патриархатом», между публичной и частной сферами жизни общества; стала развиваться «теория двойной системы» (dual systems theory), с позиций которой анализировалась социальная стратификация²⁴.

Комплексный анализ образцов неравенства, присутствующих в современном обществе, предприняла социолог Сильвия Уолби. В книге «Осмысление патриархата» (1990) она описывает патриархат как «систему социальных структур и практик, в которых мужчины доминируют и эксплуатируют женщин»²⁵. Она указывает на важность шести структур: патриархальный способ производства, патриархальные отношения на рынке труда, патриархальное государство, мужское насилие, патриархальные отношения в сфере сексуальности и патриархальная культура. Уолби различает также две формы патриархата в современной истории Запада: общественный (публичный) патриархат и частный (приватный) патриархат. Приватная форма основана на исключении женщин из общественной жизни и на индивидуальной экспроприации труда женщин в доме со стороны муж-

чин. Публичная форма патриархата — это доминирование, которое не исключает женщин из общественной жизни, но обеспечивает подчиненное положение женщин в обществе.

IV

Каковым был первый итог «добавления» женщин в социальные и гуманитарные науки? Простой (но уже классический) вопрос: «Где женщины в социально-гуманитарных науках?», поставленный учеными-феминистами в конце 60 — начале 70-х гг., сегодня звучит по-другому: «Что означает жизнь и человеческое общество для женщин?/для мужчин?» Кроме изучения великих женщин и показа традиционных теорий о роли женщин в обществе, многие науки (прежде всего, антропология, социология, психология, история, политология, филология) стали использовать гендер как «полезную» категорию для социального анализа. Гендер как социологическое понятие понадобилось ввести для того, чтобы показать различие между биологическим полом (полом как «естеством») и полом как социальным конструктом, набором социально сконструированных ожиданий по поводу поведения, стремлений и желаний, которые, будучи порождены обществом и вложены в индивидуумов, могут быть *изменены*. Дифференциация понятий *пол* и *гендер* означала выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов: от критики патриархата, андроцентричного знания и изучения женского опыта к анализу гендерной системы. В современной науке *гендерный подход* к анализу социальных и культурных процессов и явлений используется очень широко. Так, гендерные исследования в социологии показывают, какие роли, нормы, ценности, черты характера предписывает общество женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы, чтобы выстроить традиционную гендерную асимметрию и иерархию власти. Кроме того, концепция гендера толкуется как продукт истории, т.е. социально конструируемый продукт, а это означает, что половое неравенство имеет историю и делается обществом. Сегодня почти никого не удивляет, что гендер является важной переменной в социальных исследованиях: появились сравнительные исследования мужских и женских доходов, политического участия женщин и мужчин, образцов социализации девочек и мальчиков и т.д... Стоит также отметить, что в

феминистских исследованиях гендер — основная категория, но не единственно достаточная для понимания общественного неравенства: с 80-х годов феминистские социологи активно исследуют взаимодействие пола, расы, класса и их совместное влияние на статус женщин в обществе²⁶.

Таким образом, хотя феминистская критика общественной жизни и социальных наук, а также «добавление» женщин в традиционные науки о человеке и обществе не казались революционным и трансформативным процессом, но в большинстве общественных и гуманитарных дисциплин это привело вскоре к критическому осмыслению традиционных теорий и научных выводов, переосмыслению данных и сбору новой информации, постановке новых вопросов и формулированию новых теорий, которые учитывали бы женский и в целом, гендерный опыт. Это также привело к «нарушению границ» между научными дисциплинами, интердисциплинарным исследованиям, к сомнению в достаточности традиционных методологий социальных наук, основанных на позитивистском понимании научной объективности.

С увеличением числа женщин среди социологов феминистские взгляды на общество становятся существенным элементом социологической теории. Феминизм, конечно, болезненно влияет на изменение общественного сознания, но одновременно ведет к более глубокому и всестороннему знанию человеческого бытия. Центральным для феминистской науки, отмечали социологи Джудит Стэйси и Барри Торн в социологическом обзоре (1985), является убеждение в значении пола не только для понимания сфер, связанных со специфическим женским опытом, но также и для понимания классовой структуры, государства, социальных революций. Кроме того, ученые-феминисты внесли вклад в развитие исследований организаций, занятости, криминологии, здоровья, стратификации; возродили исследования по проблемам материнства, домашней работы, репродукции, насилия, брака, развода²⁷. Феминизм привнес в социологию прежде игнорируемые проблемы социального бытия (см. таблицу), сделал женский и гендерный опыт «видимым», способствовал использованию не сексистского языка при описании явлений и процессов, внедрил новые техники сбора данных и техники анализа. Может быть, именно в социологии фе-

минизм почувствовал себя «как дома» потому, что социология связана с социальным реформированием и общественными движениями²⁸. Но феминизм также расширил проблематику социологии, желая исследовать, до какой степени гендер исторически конструируем, и желая привлечь более пристальное внимание к новым социологическим «фактам» — женщинам.

Сферы социологии, где феминистские перспективы почти не присутствуют	Сферы социологии, где феминистские перспективы имеют значительное влияние	Сферы социологии, которые появились под влиянием феминизма (гендерного подхода) или были полностью реконструированы
Социальная теория Социология управления Социология классов и стратификации Социология трансформации Национализм	Социология здоровья Социология семьи Социология профессий Социология занятости Социология образования Социология возраста Социология девиантности Социология криминологии	Женские/гендерные исследования Сексуальность Тело Насилие Различия в обществе Репродуктивность Социология домашней работы Социология частной жизни

Влияние феминизма на социологию

V

Серьезное восприятие категорий «женщины», «мужчины», «пол», «гендер» заставляет переосмыслить и то, что мы *преподаем* студентам в базовых курсах. Такое переосмысление одновременно оживляет обществознание, так как открывает новый мир социологического воображения: совершенно «частные» проблемы становятся вопросами общего значения. Женские и гендерные исследования становятся глобальным образовательным феноменом и ставят перед собой две взаимосвязанные цели: 1) развитие нового («гендерно чувствительного») знания и новых учебных программ, в фокусе которых находится проблематика пола как социального конструкта; 2) использование нового зна-

ния для трансформации традиционных (андроцентричных) учебных программ и курсов в университетах.

Гендерно сбалансированный курс не может включать только одну главу «про гендер» или одну лекцию о женщинах или сексизме. Необходимо переосмысление нашего понимания социальной стратификации, ибо гендер не менее значимый фундаментальный элемент социальной структуры, чем классовое неравенство. С включением или исключением женской и гендерной проблематики изменяется наш анализ социальных институтов. Так, экономическую систему невозможно полностью понять, если продолжать игнорировать исследования половой сегрегации на рынке труда, роли домашнего (чаще женского) неоплачиваемого труда в развитии рыночной экономики. Исследование образования неполно, если не учитывать полоролевую социализацию как часть «скрытой учебной программы»²⁹. Даже исследования семьи, которые обязательно включают и женщин, и мужчин, нуждаются в гендерной перспективе, если хотим избежать гендерных предрассудков (например, в вопросах распределения домашних работ, воспитания детей, обеспечения семьи и т.п.). Это вовсе не означает, что следует исключить Маркса, Вебера, Дюркгейма из социологии, потому что они мужчины, или не доверять классическим эмпирическим исследованиям вообще. Но все это нужно критически проэкзаменовать и по-новому оценить, исходя хотя бы из-за того, что половина человеческого опыта — женская.

Хотя гендерный подход начинает оказывать влияние на образ мышления некоторых обществоведов и гуманитариев (среди которых ныне большинство — женщины), но почти неизменным остается содержание программ и учебных пособий *базовых курсов по социальным и гуманитарным дисциплинам* (а также стиль и методы преподавания). Исследование программ и содержания текстов учебных пособий, проводимое в конце 80-начале 90-х гг. западными учеными, показало, что такие дисциплины, как социо-культурная антропология, литература, история (интерпретационные, рефлексивные по своей сути), трансформировались под влиянием *women's studies* в большей степени, чем социология, политология, психология, экономика, склонные к позитивизму, призывам к объективности, поиску универсаль-

ной истины. В России среди обществоведческих дисциплин наиболее интенсивно в последние годы осваивает гендерную проблематику именно социология³⁰. На основе гендерного подхода началась интенсивная реконструкция социологического знания. Социологи внесли большой вклад в разработку проблем, связанных с жизнью как женщин, так и мужчин; наметились изменения в языке, понятиях, в методике и технике сбора информации. Однако начатые в России исследования программ и содержаний учебных пособий (например, проект Тверского центра женской истории и гендерных исследований 2001-2003 гг. «Гендерная ревизия учебных пособий») показывают, что базовые социально-гуманитарные дисциплины почти не поддаются изменениям под влиянием гендерных исследований. Хотя сегодня эмпирическая социология вынуждена включать гендер как переменную, хотя в ряде учебных пособий появились отдельные разделы или главы, посвященные гендерным ролям³¹, но по-прежнему нет места феминистской теории в ряду современных социологических теорий³².

Таким образом, несмотря на то, что феминистские социологи вносят весомый вклад в исследования прежде игнорируемых проблем общественного бытия, делают «видимыми» женский и гендерный опыт, все же традиционные подходы к изучению общества остаются неизменными, а феминистская методология — изолированной «экзотикой». Социологические «авторитеты» избегают ссылок на радикальные тексты ученых-феминистов. Стоит согласиться с выводами М.Миллман и Р.Кантер, что «чрезмерная приверженность социологии к пережиткам позитивистской эпистемологии и низкий статус теории в рамках социологии как дисциплины также затрудняют для социологов возможность оценить важность феминистского анализа»³³. Вместе с тем, патриархатная структура знания создавалась в течение нескольких тысяч лет, а у женщин было не более тридцати лет, чтобы попытаться это исправить, а тридцать лет — это ничто.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kersti Yllo. *Sociology//Toward a Balanced Curriculum*. Ed. by B.Spanier, A.Bloom, and D.Boroviak. Cambridge, MA, 1982. P.221.

² Томпсон Д., Пристли Д. Социология. М., 1998. С.411.

³ Bernard, J. Re-Viewing the Impact of Women's Studies on Sociology / The Impact of Feminist Research in the Academy. Ed. by C. Tarnham. Indian Univ.Press, 1987. P.193.

⁴ С увеличением количества женщин среди социологов феминистские взгляды на общество все чаще становятся важным элементом социологической теории.

⁵ Первая волна женского движения «поднялась» в середине XIX в. и была движением за обретение равных с мужчинами прав во всех сферах жизни общества. Немало работ опубликовано ныне в России по истории женского движения (неофеминизма) на Западе во второй половине XX в. и современной феминисткой теории. См., например: Брайсон В. Политическая теория феминизма: Введение. СПб., 2000; Воронина О. Идеология феминистского движения // США: Экономика. Политика. Идеология 1980. № 9. С. 38-47; Она же. Феминизм: либерально, социалистическое и радикальное направления // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций М., 2001. С. 50-73; Она же. Психоаналитический и постмодернистский феминизм // Там же. С. 74-94; Клименкова Т. Философские проблемы неофеминизма 70-х годов // Вопросы философии. 1988. N 2; Темкина А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради: Выпуск первый. СПб., 1997. С. 70-93; Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992. Тексты многих авторитетных феминистских теоретиков в русском переводе см.: Феминизм и гендерные исследования: Хрестомати / Под ред. В.Успенской. Тверь, 1999; Антология гендерной теории / Под ред. Е.Гаповой, А.Усмановой. Минск, 2000; Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Под ред. О.Вороной. М., 2000; Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2000; Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия / Под ред. С.Жеребкина. М., 2001.

⁶ См.: Виноградова Т.В. Феминистская критика науки. М., 2001. С. 75.

⁷ См.: Holmwood J. Feminism and Epistemology: What Kind of Successor Science? //Sociology. London 1995. Vol.29, №23. P. 411–138.

⁸ Виноградова Т.В. Указ.соч. С.77.

⁹ Miller C., Treitel C. Feminist Research Methods: An Annotated Bibliography. Greenwood Press, 1991. P. 36.

¹⁰ Oakley, A., Oakley R. Sexism in Official Statistics //Demystifying Social Statistics. Ed. by J.Irvine, I.Miles, J.Evans. London, 1979. P. 172–189.

¹¹ Millman M., Kanter R. M. Editorial Introduction //Another Voice: Feminist Perspectives on Social Life and Social Science. Ed. by M.Millman, R.M.M.Kanter. New York, 1975. P.vii-xvii.

¹² Smith D. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // Sociological enquiry. 1979.Vol.44, №1. P. 7–13.

¹³ В отличие от биологического пола, т.е. анатомо-физиологических различий, гендер (gender) рассматривается как совокупность социальных характеристик и норм, предписываемых обществом людям в зависимости от их биологического пола. Биологический пол чаще всего является основанием для предписания женщинам и мужчинам определенных правил поведения, т.е. таким образом – определенных гендерных отношений в обществе. Согласно известному определению Гэйл Рубин, гендер – это «навязываемое обществом разделение полов, продукт социальных половых отношений, которые преобразуют самцов и самок в мужчин и женщин».

¹⁴ См.: Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis// American Historical review. 1986. № 91.

¹⁵ Гендерная социология пополнилась литературой о маскулинности (труды Connel, Kimmel, И.Кона, А.Синельникова, С.Ушакина и др.). См.: О мужественности. Сб.ст. Сост. С.Ушакин. М., 2002.

¹⁶ Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии //Социол. Исследования. 2000. № 11. С. 17.

¹⁷ См.: Успенская В. «Спор женщинах», или европейская традиция теоретизирования в духе феминизма, XY_XVIII вв. Тверь, 2001.

¹⁸ См.: Jackson S. Theorizing Gender and Sexuality /Contemporary Feminist Theories.New York, 1998. P.133.

¹⁹ Oakley A. Sex, Gender and Society. Oxford, 1972.

²⁰ См. в книге: Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб., 2000. С. 89–139.

²¹ Rubin, G. The Traffic in Women /Reiter R. (ed.)// Towards an Anthropology of Women. New York, 1975. P. 165.

²² Ibid., P. 179; Хрестоматия феминистских текстов. С. 108.

²³ Среди них: Wilson E. Women and the Welfare State. London, 1977; Spender D. Man Made Language. London, 1980; Scott H. Working Your Way to the Bottom: The Feminisation of Poverty. L., 1984; Smart, C. (ed.) Regulating Womanhood: Historical Essays on Marriage, Motherhood and Sexuality. London, 1992.

²⁴ См.: Mitchell J. Woman's Estate. London, 1971; Hartman H. The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // Sargent, L. (ed.) Women and Revolution: The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism. London, 1981.

²⁵ Walby S. Theorizing Patriarchy. Basil Blackwell, 1990. P. 20.

²⁶ См.: Brewer R. M. Black Women and Feminist Sociology: The Emerging Perspective.//American Sociologist. 1989. № 20(1). P. 57–70.

²⁷ Stacey J., Barrie T. The Missing Feminist Revolution in Sociology // Social Problems. 1985. № 32 (4). P.301–316.

²⁸ Еще в 1906 г. в книге “Женский вопрос” Лили Браун обращала внимание на то, что «женщины теперь с удивительной энергией и редким пониманием обращаются к наиболее молодой из наук, к общественной, и борются за то, чтобы в рамках ее заниматься практической деятельностью. Они видят перед собой необозримое поле, обработка которого соответствует их склонностям; в этой деятельности личность их может достичь полного своего развития. Ведь дело теперь идет о том, чтобы найти средства и пути, которыми можно было бы помочь нуждающимся и слабым, чтобы, как некогда они создали экономию дома, так теперь п о н я т ь , р у к о в о д и т ь и з а х в а т и т ь экономию мира, чтобы на место меча воздвигнуть, как символы жизни народа, молот, резец и плуг... Именно поэтому женщина теперь выступает на первый план, именно поэтому женское движение принимает теперь такие большие размеры: образуется а т м о с ф е р а , в которой она может свободно дышать, так как деспотизм, варварство и война в сознании человечества являются все больше и больше варварскими остатками минувшего прошлого; сила физическая все больше теряет свое значение и на ее место постепенно становится сила духа и сердца. См.: Браун Л. Женский вопрос. М., 1906. С. 187–188.

²⁹ Термин «скрытая учебная программа» ввели в употребление критические педагоги, раскрывая механизмы формирования человека в соответствии с целями общества. Под ней понимается не прямое внушение учащимся тех или иных принципов, а особая структура и стиль обучения, подбор заданий и примеров. См. подробнее: Фрумин И.Д. Вызов критической педагогики // Вопросы философии. 1998. №12. С.60.

²⁹ См.: Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-24; Клещин А. Дилеммы гендерной социологии // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков, 1998. С.187–193.

³⁰ См.: Пути и перспективы интеграции гендерного подхода в преподавание социальных и гуманитарных дисциплин: Материалы конференции. Тверь, 2000.

³¹ См.: Сексуальные роли и неравенство // Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 328-360; Гендер и сексуальность // Гидденс А. Социология. М., 1999. С.152-194; Гендерная социология // Социология / Под ред. А.Елсукова и др. Минск, 1998. С.417-428; Гурко Т. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М., 1998. С.173-195; Социология пола и гендерных отношений // Социология / Под ред. П.Д. Павленка М., 2002. С. 258–276.

³² В выдержавшей четыре издания книге Джорджа Ритцера «Современная социологическая теория» феминизм представлен наряду с другими школами в социологии: структурным функционализмом, теори-

ей конфликта, марксизмом и неомарксизмом, символическим интеракционизмом, этнометодологией, теорией обмена, теорией рационального выбора, структурализмом и постструктурализмом, постмодернистской социальной теорией и т.д. (см.: *Contemporary Feminist Theory* //G.Ritzer *Modern Sociological Theory*, New York, 1996. P. 299–389). На русском языке феминизм как современная социологическая теория представлен в переведенном с английского языка учебном пособии социологов-женщин Джейн Томпсон и Джудит Пристли в разделе «Теории» (см.: Томпсон Дж., Пристли Дж. *Социология*. М., 1998. С. 411–418).

³³ Millman, M., Kanter, R. M. *Op.cit.* P.vii.

Е.Д.Емельянова, Москва

ГЕНДЕР В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Женский вопрос... Трудно найти другой вопрос, который, имея ясные социальные и исторические корни, на протяжении столетий вызывал бы такие бури эмоций и потоки различной литературы, являлся бы источником противоречивых мнений. В течение целой исторической эпохи одни, довольно многочисленные мыслители, предлагали различные способы решения женского вопроса, другие вообще отрицали его. Такая амплитуда колебаний общественного мнения вокруг женского вопроса не затухла и в наше время, с чем не могут не согласиться читатели, знакомые с современной публицистической и научной литературой.

В конце XX в. к понятию «женский вопрос», предполагающему неравноправное положение женщин в обществе, их дискриминацию, а значит и борьбу за осуществление равноправия при содействии тех или иных общественных, политических организаций, прибавилось новое понятие «гендер» — и как следствие, появилась самостоятельная область научных интересов гендерные исследования, дающая возможность познать многообразие форм взаимоотношений мужчин и женщин в различных сферах: социально-экономической, политической, семейной и пр. Как утверждают специалисты, гендерный подход в целом, несмотря на несовпадение отдельных концепций, предполагает, что «различия в поведении и восприятии женщин и мужчин определяются не столько их физиологическими особенностями, сколько такими социальными факторами, как воспитание и распространенный в каждой культуре представления о сущности мужского и женского». Но гендерные исследования появились в нашей стране не так давно немногим более 10 лет назад (за рубежом — в последней трети XX столетия — *прим. ред*). Причем, в советской гуманитарной науке речь шла в основном о «женском вопросе» в самом широком смысле, как части общесоциального вопроса. Поэтому, на наш взгляд, гендерные

исследования сегодня по существу продолжают традицию предшественников, советских исследователей, стремящихся тщательно вникнуть в происхождение, эволюцию и результаты решения женского вопроса.

В кратком обзоре литературы по проблеме можно выделить несколько крупных периодов, в основном совпадающих с этапами становления советского общества: 1) 20-е первая половина 30-х гг.; 2) вторая половина 30-х первая половина 50-х гг.; 3) вторая половина 50-х первая половина 80-х гг.; 4) вторая половина 80-х начало 90-х гг. Историографический анализ литературы по проблеме был уже проведен рядом авторов. Это статьи С.Т.Любимовой, Е.Д.Емельяновой, опубликованные в 60-70е годы¹. Позже исследования продолжила М.П.Аракелова в монографии «Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 20-е годы» (М., 1997). В предлагаемой статье мы обращаем внимание на основные работы исторической важности и попытаемся дать несколько современную их оценку.

Период 20-х первой половины 30-х гг. отличает обилие статей и брошюр по женскому вопросу, написанных самими организаторами женского движения в Советской России и видными деятелями правящей партии: И.Арманд, А.Коллонтай, Н.Крупской, К.Самойловой, В.Лебедевой, В.Артюхиной и др. Один перечень их работ займет много страниц (он дан в указанных выше статьях С.Любимовой, Е.Емельяновой и монографии М.Аракеловой). В них освещались вопросы, связанные с организаторской и идейно-просветительской работой партийных и общественных организаций, такие как: задачи женотделов и трудности их деятельности, ликвидация неграмотности и культурная работа среди женщин, женщина и война, работница в профессиональном движении, проблема охраны здоровья женщин и многие другие. Например, только перу К.Н.Самойловой принадлежало 16 брошюр, изданных в 1918-1921 гг. в Петрограде, Москве, Екатеринбурге, Царицыне, Харькове, Самаре. В то же время ею были написаны статьи для газеты «Правда», журналов «Коммунистка», «Работница» за подписью «Н.С.,», «Н.Сибирский», «Н.Сибирякова», «К.Самойлова». Основная мысль автора заключалась в том, что работа среди женщин должна рассматриваться как часть общегосударственной, общепар-

тийной работы. Заметим, что для этих текстов, отражающих назревшие проблемы того времени, характерен не просто «идеологический налет установок правящей партии», но высокий пафос, беспредельная вера в идеал справедливости, на котором были воспитаны лидеры женского движения. Они исходили из марксистско-ленинских идей о равноправии женщин в обществе и об устройстве семейного быта, но в их трудах отражалось и их собственное мнение.

Особое внимание привлекает фундаментальный труд А.М.-Коллонтай «Общество и материнство» (1916). В ней А.Коллонтай разрабатывает систему социальных преобразований и мероприятий, которые обязаны осуществить любое подлинно демократическое государство. Суть их сводилась к созданию для женщин равных с мужчинами условий, позволяющих ей сочетать материнство с профессиональной и общественно-политической работой или сделать выбор в пользу того или иного вида деятельности. Мысли, которыми проникнута книга А.Коллонтай, намного опережали ее время и были ценны не только для Советской России.

В этом плане примечательны такие работы А.М.Коллонтай, как «Дорогу крылатому Эросу», «Любовь пчел трудовых», «Проституция и меры борьбы с ней», написанные в годы НЭПа, когда шли бурные споры о морали буржуазной и пролетарской, когда намечались контуры перехода к чему-то новому, передовому. А.М.Коллонтай, как теоретик и практик женского вопроса не могла не принимать участия в этих дискуссиях. Она много писала и выступала по вопросам отношений между полами в печати и на различных собраниях, часто обращалась к молодежи. В своих выступлениях она говорила о «свободной любви», «о бескрылом Эросе, ей приписали теорию «стакана воды» и даже выражения «Долой стыд» и «За социализацию женщин». Хотя они принадлежали анархистам. В статье «Дорогу крылатому Эросу» (1923) А.Коллонтай пишет, что «...идеология рабочего класса гораздо строже и беспощадней будет преследовать «бескрылый Эрос» (похоть, одностороннее удовлетворение плоти при помощи проституции), чем это делала буржуазная мораль. «Бескрылый Эрос... неизбежно влечет за собой излишества, следовательно, телесное истощение. Во-вторых, он беднит душу,

препятствуя развитию и укреплению душевных связей и симпатических чувствований. В-третьих, он обычно покоится на неравенстве прав во взаимных отношениях полов, на зависимости женщины от мужчины, на мужском самодавлении...»².

А. Коллонтай считала, что для женщины «любить и быть любимой мало. Она инстинктивно-стихийно добивается, чтобы и в любви установилось то же товарищество, то же равенство, то же взаимное признание, которое лежит в основе взаимоотношений всех членов коллектива...»³. А. Коллонтай поддерживала появление новых прогрессивных взглядов женщин на любовь, отрицая старый патриархальный взгляд, когда женщина полностью была прикована к дому и в своих чувствах всецело зависела от мужчины. По вопросу отношений между полами А. Коллонтай разрабатывала особую нравственно-этическую программу, которая многим в то время казалась чересчур сложной, да и позже осталась непонятой⁴.

В первой трети XX века был опубликован еще ряд ценных для исследователей женского вопроса работ. Прежде всего, это хрестоматия Э. Миловидовой «Женский вопрос и женское движение» (М-Л, 1929), которая содержит выдержки из решений международных женских социалистических конференций, выступлений деятелей международного женского движения. В ней раскрывается специфика женского движения в России, многообразие форм и методов работы среди женщин в первые годы советской власти. Не менее интересен библиографический справочник Л. Булгаковой «Указатель литературы по женскому вопросу /1924-1925гг./ (Л., 1926), также «Сборник автобиографий работниц» под редакцией О. Чаадаевой (М., 1932). Последний явился результатом совместного труда научных работников, биографической комиссии Института истории Комкадемии и коллектива Трехгорной мануфактуры. В 20-е — 30-е годы в свет выходят исследования, посвященные проблемам женского труда, его охране, проблемам женской безработицы⁵. Особенно ценна книга Г. Серебренниковой «Женский труд в СССР» (М-Л., 1934), в которой исследовались результаты деятельности советского государства в области привлечения женщин в промышленное производство, представлена динамика численности работниц в различных отраслях промышленности на фоне общей занятости рабочих. В

1934 г. Партиздатом были выпущены сборник «Ленин о раскрепощении женщин с предисловием Н.К.Крупской и брошюра К.Цеткин «Заветы Ленина женщинам всего мира», пропагандировавшие ленинские взгляды по женскому вопросу. В первой половине 30-х гг. появляются также работы, дающие общую картину участия женщин в государственных и общественных организациях — советах, профсоюзах, кооперации и подчеркивающие их культурный и научный рост⁶.

Следует подчеркнуть, что основной целью литературы первого периода было разъяснение женщинам политики правящей партии, мобилизация их на решение задач молодой советской республики. В ней нашли отражение поиски наиболее эффективных форм и методов работы среди женщин, сложный процесс создания женотделов и первый опыт их деятельности, вопросы ликвидации неграмотности и общей политической и культурной отсталости женщин. Большинство перечисленных работ первого периода являются частью историографии, собранием и обобщением огромного фактического материала по самым различным вопросам женского движения. Эти публикации имеют одновременно и значение первоисточников, без которых не может обойтись ни один современный исследователь. Хотя писали работы не профессиональные историки, тем не менее, авторы не ограничивались констатацией проблем, а излагали свое понимание исторических процессов, давали им оценку. Это было возможно потому, что в 20-е годы в рамках государственной идеологии еще допускались дискуссии и различные подходы к тем или иным вопросам жизни.

Совершенно другое положение складывалось во втором периоде (вторая половина 30-х первая половина 50-х гг.). Нельзя забывать, что это было время культа личности Сталина, авторитарного стиля управления страной, что не могло не отразиться на состоянии науки вообще, в том числе и исторической, которая страдала от догматизма и схоластики. Под влиянием концептуального подхода, определяемого «Кратким курсом истории ВКП/б/» (издан в 1938 г. под редакцией И.Сталина), многие темы исключались из исследований или сознательно умалчивались. Более того, ссылаясь на чрезмерный рост социальной активности женщин и, видимо, опасаясь этой самой активности,

государственные лидеры обосновали необходимость ликвидации женотделов и специфических форм работы среди женщин.

И все-таки Партиздат опубликовал в 1938 г. сборник статей Н.Крупской «Женщина страны Советов», который дает возможность историографам увидеть в комплексе основные стороны многогранной деятельности Н.К.Крупской в разработке решения женского вопроса. В это время выходят в свет брошюры К.Кирсановой, С.Крушинского, Н.Подолойной, П.Пичуговой и др.⁷ В них подчеркивалась значимость Конституции Советского Союза и советского избирательного закона в приобщении женщин к созиданию нового общества; в общих чертах оценивалось значение пятилетних планов в достижении равноправия женщин; характеризовался процесс изменения их психологии. Эта литература в значительной степени носила описательный характер, исследовательский уровень был не высок, архивные источники не использовались, в изучении проблем еще не выделялись исторический, экономический, философский и другие аспекты.

В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы подавляющая часть работ по исследуемой теме была посвящена боевым и трудовым подвигам советских женщин. Вышло много книг, очерков, журнальных и газетных статей, раскрывающих вклад женщин в защиту Родины, их патриотизм⁸. Среди изданий послевоенного периода глубиной исследования отличается книга: Н.Д. Араловец «Женский труд в промышленности СССР» (М., 1954) и работа Э.М.Конюс «Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940 гг.): По материалам организационных и научных съездов» (М., 1954). Если давать общую оценку литературе второго периода, то следует отметить, что она носила описательный, идеологизированный характер, отличалась слабым анализом работ предшественников и ограниченностью документальной базы. Вина здесь не авторов, ибо архивы для исследователей были закрыты.

Третий период научной разработки проблематики по женскому вопросу — вторая половина 50-хпервая половина 80-х гг. — преодолевал недостатки предшествующего периода. XX съезд КПСС и разоблачение культа личности, ослабление идеологического давления со стороны бюрократической системы, откры-

тие архивов способствовали обогащению исторической литературы интересными и содержательными работами. Заслуживает внимания монография В.Л.Бильшай «Решение женского вопроса в СССР» (М., 1956), в которой автор дает оценку различных, не только марксистских, трактовок женского вопроса. Большим вкладом в разработку темы явилась монография С.Н.Сердитовой «Большевики в борьбе за женские пролетарские массы /1905-февраль 1917 г./» (М., 1959). В ней на большом фактическом материале воспроизведен процесс возникновения женского рабочего движения в России, отражено многообразие и изменение форм работы партийных организаций в годы первой русской революции, накануне и в период первой мировой войны. Большой научный интерес представляли материалы Международного женского семинара, состоявшегося в Москве осенью 1956 г., а также обсуждение темы «Роль женщины в современном обществе» на страницах журнала «Проблемы мира и социализма в 1962 г.»⁹.

В 60-е годы появляется ряд монографических исследований по истории женского движения в национальных республиках, в которых прослеживается изменение положения женщин Советского Востока¹⁰. Одновременно в 60-е-70-е годы выходят в свет книги и брошюры не только историков, но и юристов, философов, экономистов, социологов, посвященные отдельным аспектам женского вопроса¹¹.

Среди исторических работ стоит выделить монографию Е.Д.Емельяновой «Революция, партия, женщина» (Смоленск, 1971) и книгу П.М.Чиркова «Решение женского вопроса в СССР /1917-1937/» (М., 1978). Эти работы созданы на основе использования широкого круга самых различных источников и, что особенно ценно, авторами изучены многочисленные фонды десятков центральных и местных архивов. Именно поэтому они представляют определенную историографическую ценность. Авторы анализируют и выражают свое отношение к предшествующей литературе, не идеализируют положение советских женщин, стремятся вскрыть трудности и нерешенные проблемы. Эти исследования способствовали проявлению интереса со стороны молодых ученых в ряде регионов страны к женскому вопросу¹². Интересным фактическим материалом и ценными циф-

ровыми данными насыщен краткий исторический очерк «Женщины страны Советов» (М., 1977), который показывает проблемы женского равноправия в тесной связи с общими вопросами социалистического строительства, освещает основные этапы пути, пройденного женщинами России.

Заслуживают внимания исследователей и такие коллективные труды, как монографии «Опыт КПСС в решении женского вопроса» под редакцией Н.И.Кондаковой (М., 1981) и «Советские женщины и профсоюзы» (М., 1984), охватывающие огромный исторический период с 1917 до начала 80-х гг. В этих и других трудах третьего периода исследователь может обнаружить много нового, оригинального. Их отличает более высокий уровень научных обобщений, в них шире круг использованных источников, больше внимания уделяется историографии.

Появление ряда социологических работ в 70-е годы вскрывало еще более объективную картину реального положения женщин. Среди них следует отметить книгу З.А.Янковой «Советская женщина: социальный портрет» (М., 1978) и социологический очерк З.Янковой и Э.Новиковой «Женщина. Труд. Семья» (М., 1978). Для авторов этих работ характерно теоретическое осмысление предшествующей литературы и тщательное исследование эволюции социального статуса женщин за годы советской власти.

И, наконец, историография четвертого периода (вторая половина 80-х начало 90-х гг.), пожалуй, наиболее существенно отличается от более ранних публикаций. Демократизация и открытость всех сторон общественной жизни создали благоприятные условия для работы ученых. В 1987 г. В Москве проходил Всемирный конгресс, к которому были выпущены тематические сборники «Проблемы феминизма» и «Женщина и общество». Чуть позже Институт истории Академии наук СССР организовал симпозиум на тему «Великий Октябрь и перестройка», в материалах которого всесторонне обсуждался вопрос о роли женотделов, созданных в первые годы советской власти и сыгравших огромное значение для поднятия социальной активности женщин.

В начале 90-х гг. в Москве был проведен ряд теоретических и научно-практических конференций, а также международных научных семинаров, круглых столов, участники которых в своих

выступлениях пытались осмыслить роль и место женщин в прошлом и в новой исторической обстановке¹³. Интересны материалы межрегиональной научной конференции, проходившей в г. Иваново: «Женщины России в XX столетии: уроки прошлого, реалии и перспективы» (Иваново, 1992), в которых в свете нового видения проблемы представлены взгляды на историю женского движения России XX века. Для специалистов важна коллективная монография «Женщина в обществе: реалии, проблемы, прогнозы» под редакцией Н.М.Римашевской (М., 1991), в ней дан анализ различных социально-философских взглядов на женский вопрос. К этому времени относится появление первых гендерных исследований, в которых определились новые подходы к рассмотрению проблемы места и роли женщин в обществе¹⁴. В целом в литературе конца 80-х — начала 90-х гг. делается попытка оценить политику государства по отношению к женщинам, определить место женщин в социальной структуре современного общества, их роль в семье и воспитании детей.

Примечания

1 Любимова С.Т. Из истории деятельности женотделов // Вопросы КПСС. 1969. №9; Емельянова Е.Д. КПСС и трудящиеся женщины // Вопросы КПСС. 1975. №11.

² Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. №2. с.122.

³ Там же. С.165.

⁴ Работы А.М.Коллонтай, посвященные женской эмансипации, были опубликованы отдельным изданием в Твери в 2003 г.: Марксистский феминизм: Коллекция текстов А.М.Коллонтай /Сост. и ред. В.Успенской, Тверь. 2003 (прим. ред.).

⁵ Каплун С. Женский труд и охрана его в Советской России. М., 1921; он же. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1925; П.Кожаный. Работница и быт. М., 1926; Рашин А. Женский труд в СССР. М., 1928.

⁶ Греков А. Работница в борьбе за улучшение советского аппарата. М., 1932; Кравченко Е. Крестьянка при советской власти. М., 1932; Гельштейн А. Женщины в советской науке. М., 1933.

⁷ Кирсанова К. Избирательный закон и женщина. М., 1937; Крушинский С. Советские девушки. М., 1938; Подолина Н. Гражданка страны Советов. М., 1937; Пичугина П. Женщины в СССР. М., 1939.

⁸ Корольчук Э. Советская женщина в боях за Родину. Л., 1941; Женщины героини Великой Отечественной войны. М., 1942. Подробнее см. обзор литературы по военной проблематике в кн.: Муромцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.

⁹ Проблемы мира и социализма. 1962. №№ 7,8,10.

¹⁰ Татыбекова Ж. Раскрепощение женщины-киргизки. Фрунзе. 1963; Насриддинова Я. Женщины Узбекистана. Ташкент. 1964; Пальванова Б. Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад, 1967; Гафарова М. Духовный облик женщины Советского Востока. Душанбе, 1969.

¹¹ См., например: Харчев А. Брак и семья в СССР. М., 1964; Данилова Е. Социальные проблемы женщины-работницы. М., 1968; Михайлюк В. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970; Харчев А., Голод С. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971.

¹² См. кандидатские диссертации: Князькова Н.Г. Работа партии среди женщин села в восстановительный период /1921–1925\; По материалам Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1974;

¹³ См.: Гендерные исследования: проблемы и сравнительные перспективы. М., 1991.

¹⁴ См.: Силласте Г.Г. Женщина и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам. М., 1991; Она же. Социогендерные отношения в период социальной трансформации в России // Социологические исследования. 1994. №4. С.15–22; Она же. Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе // Социологические исследования 1995. №4. С.58–61. Женщины в общественных объединениях. Сб-к ст. М., 1992.

Н.И. Павлова, Тверь

ОПЫТ ГЕНДЕРНОЙ РЕФЛЕКСИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКОВ «ПОЛ. ГЕНДЕР. КУЛЬТУРА»)

На современном этапе развития гендерных исследований можно говорить о существовании гендерного дискурса в российской гуманитарной науке, особенно в области социологии и культурологии. Об этом свидетельствует значительное количество монографий и сборников на русском языке, появившихся за последнее десятилетие¹. Эти работы ориентированы на корректировку общепринятых социокультурных стереотипов и переоценку традиционной истории науки с гендерных позиций.

Одним из заметных явлений подобного рода стал выход трех сборников «Пол. Гендер. Культура»² с участием немецких и российских исследователей, предпринятый в рамках общего проекта «Гендерная дифференциация в культурологии на примере Рос-

---

¹ Теория и история феминизма / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1996; Женщина. Гендер. Культура. М., 1999; Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов. Тверь, 1999. Вып. 1.; Женщины. История. Общество / Под общей ред. В.И. Успенской. Тверь, 2000. Вып. 2.; Антология гендерной теории. Минск, 2000; Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 2001; Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. Харьков, 2001; *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М., 2000; *Жеребкина И.* Страсть. СПб., 2001; а также журнал «Гендерные исследования», издаваемый Харьковским центром гендерных исследований.

² Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред Э. Шоре и К. Хайдер. М., 1999; Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред Э. Шоре и К. Хайдер. М., 2000. Вып. 2.; Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред Э. Шоре и К. Хайдер. М., 2003. Вып. 3.

сии»³. Инициаторы проекта стремились показать перспективы развития феминистской критики с целью критического осмысления ее основных положений и их апробирования в российской культурной ситуации. Издание сборников явилось попыткой научного диалога Запада и России в области гендерных исследований с целью выработки «общего языка» и общей теоретико-методологической базы для решения культурологических проблем.

В этом совместном труде по гендерной проблематике немецких и российских исследователей впервые представлены на русском языке некоторые уже ставшие известными на Западе теоретические работы. В статьях обсуждаются главным образом вопросы, связанные с перспективами гендерного подхода для изучения русской культуры. Отправным тезисом становится основополагающий гендерный вопрос об исключенности женщин из общекультурного пространства, в том числе из процесса производства культурных ценностей. Каждый выпуск имеет свою специфическую научно-исследовательскую направленность.

Опубликованные в первом сборнике теоретические работы касаются истории возникновения и развития гендерных исследований⁴, а также использования категории гендера в исторической науке⁵. Принципиально важной для понимания природы гендерной дифференциации является работа швейцарского историка литературы В. Эрих-Хэфели о романе Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании»⁶. Как доказывает автор статьи, книга Руссо не только определила дальнейшую специфику изображения женщины в литературе, но и сформировала устойчивый концепт женственности, закрепившийся в индивидуальном и социокультурном сознании. В соответствии с гендерной иерархией, постули-

---

³ Проект осуществлялся Славянским семинаром города Фрайбург (Германия) в сотрудничестве с рядом российских вузов и проводился при поддержке научного отдела фонда «Фольксваген» в рамках общей программы «На пути к объединенной Европе: фундамент и реальные модели сотрудничества Средней и Восточной Европы».

⁴ *Хоф Р.* Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.

⁵ *Будде Г-Ф.* Пол истории // Там же.

⁶ *Эрих-Хэфели В.* К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе 18 века: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.

руемой Руссо, женщина воспринимается и самоидентифицируется как второстепенное, «другое» по отношению к мужчине и репрезентируется в культуре исключительно в качестве объекта. Эти выводы подтверждаются исследованиями, помещенными не только в первом, но и в последующих сборниках. Так, о результатах влияния Руссо на русскую культуру говорится в работе Э. Шоре, где на примере сопоставления повести Л. Толстого «Крейцера соната» и ответа на нее повести С. Толстой «Чья вина?» показано усвоение просветительской модели женственности. Влияние руссоистской концепции полов находит подтверждение и в статье Э. Фогель о романе Толстого «Анна Каренина»⁷, в котором, по мнению исследовательницы, Толстой художественно воплощает наследованный им от Руссо конструкт женственности. Тем не менее степень влиятельности в России провозглашенной Руссо концепции полов требует специального исследования. Это необходимо прежде всего для того, чтобы выявить специфику восприятия руссоистских идей, а также характер их воздействия на гендерную ситуацию в России. Названные исследователи на конкретном материале показывают определяющее влияние литературы на конструирование моделей женственности и мужественности. В историко-теоретическом аспекте проблема воздействия литературы на формирование гендерных представлений, а также их взаимозависимость обсуждаются в статье И. Шаберт, помещенной в первом сборнике⁸.

Второй сборник имеет преимущественно литературоведческий характер. Главная его тема литературный канон и проблемы его формирования. Основополагающей является статья Р. фон Хайдебранд и С. Винко⁹, которая задает тематику всех последующих материалов этого выпуска. Авторы рассматривают понятие литературного канона с различных позиций и обсуждают вопрос о формах существования в нем женской литературы, а также

---

⁷ Фогель Э. Модели материнства в романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» (1873|1877) // Пол. Гендер. Культура. М., 2003. Вып. 3.

⁸ Шаберт И. Гендер как категория новой истории литературы // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.

⁹ Хайдебранд Р., Винко С. Работа с литературным канонам: проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура. Вып. 2. М., 2000.

о поиске адекватных способов прочтения и интерпретации женских текстов, что не предусмотрено патриархатной системой оценок. В статье высказана мысль о том, что гендер моделирует процесс чтения и это выражается в гендерно дифференцированном восприятии текста. Поэтому, по мнению исследователей, преобладание «мужского» типа чтения, рецепции, понимания и оценки произведений участвует в формировании канона. Открытой остается проблема статуса женской литературы: будет ли она включена в существующий канон или составит своего рода антиканон, конкурирующий с традиционным. Значительная часть работы Хайдебранд и Винко посвящена обсуждению на примере немецкой литературы критериев дискриминации женщин-писательниц, предложенных англо-американской исследовательницей Дж. Русс. Предложенная авторами апробация отмеченных ею критериев на материале другой национальной литературы проверяет дальнейшую проверку их универсальности.

Такого рода проверку представляют прикладные исследования по истории русской культуры, помещенные во втором разделе сборника, например, статьи немецких исследователей К. Хайдер о восприятии русских писательниц в «Дамском журнале»¹⁰ и Х. Варкентин¹¹ о рецепции творчества Юлии Жадовской. Интересны работы и российских авторов, которые дают возможность говорить о том, что рецепция женского творчества укладывается в общий сюжет вытеснения писательниц из «большой литературы» и помещения их в резервации под названием «женская литература» (с соответствующей коннотацией). Так, Е. Строганова¹² исследует причины успеха и забвения в России творчества Ж. Санд, которые оказываются непосредственно связаны с гендерной дифференциацией. Ситуация такого «недопущения к канону», сложившаяся вокруг Ж. Санд, вообще является типичной по отношению к женским авторам, особенно XIX столетия. Во многом созвучной Ж. Санд оказывается литературная судьба русской писательницы Елены Ган, о чем говорит в своей статье Э.

---

¹⁰ Хайдер К. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...» Восприятие русских писательниц в *Дамском журнале* // Там же.

¹¹ Варкентин Х. «Как это просто, верно и симпатично!» О рецепции творчества Юлии Жадовской // Там же.

¹² Строганова Е. «Заветный вензель» Ж. да З.: Жорж Санд в русском литературном каноне // Там же.

Шоре¹³. Причем подобная тенденция в отношении к женским авторам наблюдается не только в XIX, но и в XX в. Работа О. Демидовой¹⁴ показывает, что сценарий рецепции писательниц русской эмиграции во многом соответствует тем моделям дискриминации, которые намечены в работе Хайдебранд и Винко. Тем не менее, по замечанию Е. Строгановой, для того, чтобы утверждать о том, что исключительно гендерные причины лежат в основе литературной дискриминации женщин, необходимо проведение подобного рода исследований на более обширном материале творчества как мужских, так и женских авторов.

Тематика третьего сборника отличается от первых двух и вместе с тем закономерно связана с ними. Выпуск посвящен психоаналитическому направлению в феминистской критике, которое подвергло пересмотру и переоценке основные постулаты фрейдистского психоанализа, демонстрирующего патриархатное влияние буржуазного общества. Нужно сказать, что третий сборник подводит своеобразный итог двум предыдущим, показывая основные тенденции современной феминистской критики и намечая перспективу дальнейших гендерных поисков. Вместе с тем последний сборник является, пожалуй, наиболее спорным и проблематичным. Знакомясь с помещенными в нем текстами, нужно принять во внимание, что теоретические статьи в основном представляют собой обзор концепций ведущих представителей англо-американского феминистского психоанализа, а следовательно, являются по преимуществу интерпретациями известных на западе теорий. Таковы статьи Л. Линдхоф, Г. Постл и К. Роде-Даксер¹⁵.

Авторы сборника достаточно часто прибегают к использованию термина «идентичность» в возможных его разновидностях половая, гендерная, сексуальная, женская, однако такая дифференциация часто оказывается не вполне оправданной, что создает определенные трудности в понимании инновативных и достаточно сложных текстов. Преимущественный интерес исследова-

¹³ Шоре Э. Елена Ган русская Жорж Санд? // Там же.

¹⁴ Демидова О. «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Там же.

¹⁵ Линдхоф Л. Феминизм и психоанализ; Постл Г. С Фрейдом и против Фрейда: Люси Иригарэ; Роде-Даксер К. Образ матери в психоанализе // Пол. Гендер. Культура. М., 2003. Вып. 3.

телей концентрируется на ключевом, но терминологически не вполне определенном понятии «женская идентичность». Статьи обнаруживают неоднозначность, а порой и противоречивость в трактовке, а также в употреблении этого понятия в прикладных исследованиях по литературе и искусству. Безусловно, это свидетельствует о теоретической открытости самого понятия «женская идентичность», которое, несмотря на существующие дефиниции¹⁶, тем не менее подвержено смысловым колебаниям. Терминологическая неясность связана, видимо, и с проблемой перевода, которая существовала при работе над всеми тремя сборниками и ощущается при знакомстве с ними¹⁷.

Особенно отчетливо замеченная терминологическая неопределенность проявляется при последовательном чтении статей сборника, что позволяет соотнести позиции разных исследователей и выявить их противоречивость. Так, например, Э. Шоре, анализируя текст «Воспоминаний» Л.Д. Менделеевой-Блок, делает вывод о том, что женская идентичность утрачивается с момента осознания девочкой возникшей потребности в любовных отношениях, отражающей иерархическое отношение полов¹⁸. В работе К. Чачанидзе, рассматривающей отношения матери и дочери в прозе Л. Петрушевской, становление женской идентичности относится к периоду проявления сексуальности, когда у девочки возникает желание отмежеваться от матери¹⁹. В данном случае мы сталкиваемся с взаимоисключающими теоретическими позициями. В одном случае понятие «идентичность» сопряжено с понятием бессознательного, некоего первородного, изначально «женского», которое разрушается с момента осознания девочкой/девушкой гендерной бинарности, т.е. социаль-

---

¹⁶ Например, в недавно вышедшем «Словаре гендерных терминов» (М., 2002) в статье «Женская идентичность» дается вполне понятное определение этого термина. Однако данное словарное определение не отражает ту противоречивость, которая существует вокруг этого понятия.

¹⁷ См.: *Носова Н., Хайдер К.* Проблемы перевода // Пол. Гендер. Культура. М., 1999.

¹⁸ *Шоре Элизабет.* «Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...». Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой-Блок // Пол. Гендер. Культура. М., 2003. Вып. 3. С. 244.

¹⁹ *Чачанидзе К.* Отношения матери и дочери в повести Людмилы Петрушевской «Время ночь» // Там же. С. 298.

ной иерархии полов. Таким образом, женская идентичность в этом случае существует только до определенного периода, а именно периода осознания женщиной собственной гендерной вторичности. Подобная точка зрения приписывает женщине биологически заданную идентичность, которая подвергается постепенной деструкции и забвению в процессе социализации. Такая позиция близка концепции французской психоаналитической школы, одной из ярких представительниц которой является Люс Иригарэ. С другой стороны, как показывает теоретическая предпосылка К. Чачанидзе, сущность понятия «женская идентичность» является диаметрально противоположной и зарождается, напротив, с момента проявления сексуальности, то есть, по всей видимости, в пубертатный период. Кроме того, не совсем понятны такие словосочетания как «разрушение женской идентичности» и «обретение идентичности» по отношению к автору литературного текста или его персонажу, поскольку такого рода словесные обороты полностью противоречат семантике понятия «идентификация», которое предполагает константное самоотождествление. Возможно, следовало бы заменить слово «идентичность» другим, более адекватным в каждом конкретном контексте словом.

Во всех работах, как правило, речь идет не столько о личной, индивидуальной идентичности, сколько об исключительной женской идентичности, нивелированной, то есть стихийно разрушенной, в процессе социализации. В этом случае мы сталкиваемся с еще более сложным препятствием — определением субстанции «женщина». Вопрос этот уже отчетливо артикулирован феминистками. Понятно, что в рамках психоаналитически ориентированного сборника исследовательская рефлексия осуществляется в направлении психоанализа, который проблематизирует понятие идентичности и ее становление. Однако выскажем крамольную мысль — противоречивость взглядов на развитие женской идентичности, существующая в самом психоанализе, ставит под сомнение продуктивность всякого рода прикладных исследований с применением психоаналитического подхода. Главная проблема, на наш взгляд, носит методологический характер и заключается в потенциальной возможности адекватного использования психоаналитических разработок в качестве инструментария для анализа литературных текстов. Во-

первых, возникает вопрос, насколько корректно использование такой сложной и специфической науки, как психоанализ, в качестве метода анализа литературного текста. Насколько продуктивно такого рода исследование в соотношении с поставленной исследователем задачей и, наконец, в какой мере оно способствует феминистской ревизии текстов, одна из целей которой репрезентация авторского «Я», детерминированного гендерной/половой принадлежностью. Так как чаще всего мы сталкиваемся всего лишь с выборочным привлечением каких-либо основополагающих тезисов ведущих психоаналитиков, закономерен возникает вопрос, не превращается ли в этом случае анализ текста в иллюстрацию психоаналитических изысканий?

Предложенный нами опыт гендерной рефлексии, основанном для которого стали сборники «Пол. Гендер. Культура», может служить свидетельством их актуальности. Сборники используются в практике вузовского преподавания, в частности дисциплин гуманитарного направления²⁰, а также в индивидуальной научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов, что, прежде всего, соответствует намерениям авторов-составителей. Думаем только, что они не вполне правы, когда во вступительной статье к первому сборнику предлагают читать интересующие статьи в любом порядке. На наш взгляд, такое выборочное чтение существенно сказывается на полноценном восприятии, препятствуя критическому осмыслению исследовательских подходов и результатов анализа. Подчеркнем, что работа со сборником должна проводиться с учетом инновативности изложенных в нем теорий, авторы которых не ставят своей целью безусловное утверждение своих концепций, нередко имеющих гипотетический характер и требующих дальнейшего подтверждения. Обращение к сборникам заинтересованных читателей и последовательный анализ его выпусков актуализирует проблемные и спорные моменты современных гендерных исследований, а также дает возможность критически осмыслить уже вошедшие в научный обиход и ставшие привычными понятия и термины.

---

²⁰ Например, в работе специализации по кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета: спецкурс Е.Н. Строгановой «Женские авторы в литературном процессе XIX века», спецсеминар «Гендерные аспекты изучения литературы».

Раздел 2

Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание базовых социально-гуманитарных дисциплин высшей школы: материалы работы по проекту

В.И. Успенская, Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин

ИТОГИ ГЕНДЕРНОЙ РЕВИЗИИ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

СХЕМА АНАЛИЗА

Выявление «слоев» гендерного анализа включает в себя:

- 1) самый глубокий — «метафизика» — андроцентризм научного знания
- 2) оформление дисциплины
- 3) критика концептуального, критика текстологическая, терминологическая
- 4) обнаружение лакун (умолчание о необходимом женском присутствии)
- 5) интеграция категории «гендер»

Алгоритм:

- 1) обнаружение сексизмов: а) открытых (негативная репрезентация женщин/мужчин, описание атрибутивных качеств как прямое, так и опосредованное; отсылка к образам, репрезентирующим объект; коннотация как придание дополнительных, позитивных/негативных смыслов; верификация и фальсифицируемость излагаемого материала
- 2) создание и воспроизводство гендерных стереотипов: гендерные стратегии поведения, культурные нормы науки как традиции тематика, проблематика занятий, названия рубрик, ревизия традиционных блоков проблем
- 4) андроцентризм научного знания: эпистимологический порядок (бинарные оппозиции...), логика подачи материала (система изложения — лого-, фалло-, рацио-, андроцентризм) и плюрализм истины в отличие от существующей моноистины
- 5) включение гендера: обнаружение лакун, включение новых проблем для изучения — семья, домашняя занятость, насилие и др.

Метод отбора учебников:

- тираж
- рекомендация Министерства образования РФ
- популярность среди преподавателей и студентов (статистика библиотеки)

Объекты анализа:

- 1) единицы госстандарта
- 2) примерные программы Министерства образования
- 3) учебные пособия, учебники
- 4) рабочие программы преподавателей
- 5) тексты хрестоматий
- 6) библиография

Следуя методике, разработанной исполнителями данного проекта, по каждой из указанных дисциплин был проведен анализ трёх учебников или учебных пособий, примерной программы УМУ по специальности, методических пособий и учебных программ преподавателей тверских вузов. Основная задача гендерного анализа учебных материалов заключалась в выявлении андроцентризма научного знания и поиске методов его преодоления. Методология гендерного анализа учебников и учебных пособий по различным дисциплинам ориентирует исследователей на критику учебных пособий, которая ведется на концептуальном, текстологическом и терминологическом уровнях. Поиск упоминаний о поле/гендере, о женщинах и мужчинах, определение контекста этих упоминаний (явные/скрытые, вынужденные и добровольные, сексистские/позитивные) представляли собой содержательную компоненту гендерного анализа.

Терминологическая маркировка и маскировка пола в учебных и методических текстах задаётся существительными мужского рода, часто подменяются понятия «человек» «мужчина». Также необходимо выделять понятия с корнем «патр» патриархальный, патернализм, указывающие на андроцентричный характер научного знания. Описание атрибутивных качеств как прямое, так и опосредованное, отсылка к образам, репрезентирующих объект, коннотация как придание дополнительных позитивных/негативных смыслов, верификация и фальсифицируемость излагаемого материала, иллюстрации и символика, офор-

мляющая учебный материал демонстрируют создание и воспроизводство гендерных стереотипов, традиции и культурные нормы науки.

Самая кропотливая работа заключалась в том, чтобы внимательно относиться к умолчаниям. Учебные пособия по анализируемым дисциплинам рассчитаны на накопленный жизненный опыт, позволяющий сделать прочтение учебников наиболее узнаваемым. В частности, политическая сфера в повседневной жизни большинства граждан это работа парламента, президента, правительства, которые представлены в абсолютном большинстве случаев только мужчинами. Поэтому авторы учебников не считают необходимым конкретизировать используемые термины, которые, несомненно, требуют расшифровки и уточнения. Из указанных фрагментов складывается мозаика, целостная гендерная картина учебной литературе по дисциплине.

1. ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. Прочитанные учебники:

Политология. Под ред. М.А. Василика. М. 1999.

Политология. Под ред. Г.В. Полуниной. М. 1996.

Пугачёв В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М. 2000.

1.2. Выводы:

Представленные учебники по политологии практически не содержат гендерной терминологии, тематики, но в то же время тексты пособий не являются гендерно нейтральным. Имеющиеся упоминания категории пола в половине случаев принадлежат самим авторам учебников, а другие 50% авторам концепций, которые рассматриваются в учебниках в качестве примеров (Ж.Блондель, У.Бек, М.Паренти и др.). Явный андроцентризм политического знания задаётся, прежде всего, терминологией (лидер, правитель, государь), а также именами политологов-мужчин, приведёнными примерами видных государственных деятелей-мужчин; скрытый андроцентризм выборкой и методологией. В текстах анализируемых учебников фразы имеют фразы, построенные таким образом, что подчёркивается большее влияние мужчин, а не женщин на политические явления. Наиболее гендерно чувствительными темами оказались «Политическое поведение и участие», «Избирательные системы»,

«Современные политические идеологии», наименее гендерно чувствительны темы «Политическая система», «Политические конфликты», «Политическое развитие и модернизация». В результате проведенного исследования выяснилось, что наличие гендерной проблематики не зависит от половой принадлежности автора. Признаком традиционной гендерной принадлежности является отсутствие гендерной рефлексии, что наиболее характерно для учебника под редакцией Г.В.Полуниной.

1.3. Рекомендации по включению гендерной компоненты в учебники:

— Исходя из результатов гендерного анализа учебников по политологии, рекомендации и пожелания к их будущим и потенциальным авторам с позиции сторонника включения гендерного подхода в учебные пособия по политологии заключаются в следующем комплексе интеграционных стратегий.

При перечислении факторов, обуславливающих те или иные политические явления, в обязательном порядке вполне уместно указывать на категорию пола наряду с традиционно употребляемыми экономическими, национальными, религиозными переменными. Это необходимо для того, чтобы, во-первых, отразить важность гендерной составляющей для политического процесса; во-вторых, чтобы человек, читающий учебник, привыкал к ещё незнакомой и непривычной категории «гендер».

Возможно включить в учебники определения «политики», «власти», предложенные феминистской политической теорией, а также представить ее в перечне школ и направлений западной политической мысли.

Термин «гендер» возможно указать в тексте и схеме «Категории, используемые политологией», «гендерный подход» в разделе «методология политической науки», и наконец, «гендерные исследования» интегрировать в совокупность смежных с политологией дисциплин

Вполне уместно использовать термин «гендер» вместо громоздких конструкций типа: «неравенство, порождённое половыми различиями», «слоя, обусловленного полом положения мужчины и женщины».

— Необходимо также применять стратегию, используемую редакторским коллективом «Политическая наука: новые на-

правления». В этом издании имена женщин-политологов приведены полностью, тогда как мужские имена приводятся в сокращенном варианте.

— И, наконец, в словосочетании «мужчины и женщины» на первое место поставить «женщин», что будет справедливо с точки зрения алфавитного порядка.

1.4. Рекомендации по включению категории «гендер» в Госстандарт:

В тему «социокультурные основания политики» (национальные, религиозные, гендерные).

1.5. Рекомендации по включению гендера в рабочие программы:

в тему «Политология как наука и учебная дисциплина» включить «андроцентризм политического знания»

в тему «История политических учений: западная традиция» включить «ревизия традиционной политики в теориях постмодерна и феминистской политической теории».

в тему «Политика как социальный феномен» включить «госоциальный характер политики»

— в тему «Избирательный процесс» включить категорию «суфражизм»

— в тему «Личность как субъект и объект политики» включить «женщины и мужчины как субъекты политики»

— в тему «Политические идеологии» включить «Малые» идеологии: пацифизм, экологизм, феминизм, идеология сексуальных меньшинств.

2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. Прочитанные учебники:

Фролов С.С. Социология: Учеб. для студентов вузов/ 3-е изд., доп. М.: Гардарики, 1999.

Кравченко А.И. Социология. Екатеринбург, 1998.

Социология / Под редакцией П.Д. Павленок. М., Маркетинг, 2002.

Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.: А.Н. Елсуков. Минск: ТетраСистемс, 1996.

Социология. Основы общей теории. Авт. коллектив: Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., Кабыща А.В. М., 1998.

Основы социологии. Курс лекций. Отв. редактор Эффендиев А.Г. М., 1993.

Социология. Учебное пособие под редакцией А.Н.Елсукова. Минск, 1998.

2.2. Выводы:

указанные учебники можно разделить условно на две категории: не включающие гендерную проблематику и интегрирующие понятие «гендер» в текст учебных пособий.

учебники, включающие гендерную проблематику (под редакцией П.Д.Павленка, А.Н.Елсукова), более гендерно-нейтральные, чем те, в которых отсутствует глава «Социология пола»

авторы учебников, не включающие гендерную проблематику, тем не менее, активно высказывают свои взгляды на предмет отношения полов, но подают их как личную точку зрения, причем исключительно с патриархатных позиций.

в основном андроцентризм социологического знания заключается в следующем: Общественная сфера это сфера деятельности мужчин. Мужчина понимается как норма и образец социального субъекта, как агент социального действия, что достигается отождествлением человека и мужчины, приведением мужчин в примерах, построением текста, основанного на мужском опыте и обращённого к мужчинам, сравнением женщин и мужчин всегда в пользу вторых, употребление пар «мужчина и женщина» с женщиной на втором месте. Авторы учебников, как правило, разводят понятия «мужчина» и «муж» в демонстрации позитивных и негативных примеров; сожалеют о потере мужчинами общественного лидерства

принижение статуса женщин складывается из а) примеров: они выступают как носительницы не социального, а личного женского опыта беременности, материнства, замужества б) контекста: их место в приватной сфере, они упоминаются в традиционной связке с пожилыми людьми и детьми, в) открытым признанием, что их статус ниже, чем статус мужчин, г) личной позицией авторов, выражающих традиционные гендерные установки, критикующих женщин, совмещающих семью и работу

гендерные проблемы подаются авторами с традиционных позиций. В частности, женская тема подается вместе с проблемами детей и пожилых людей наличие сексизмов.

2.3. Рекомендации по включению гендера в учебные пособия:

Включить категорию «гендер» в терминологию учебника.

использовать гендерную терминологию: патриархатные общества, феминизация бедности, безработицы

включить отдельную главу «гендер» вкупе с глоссарием

включать ссылки на гендер в разделах «История социологии», «Социальная структура общества», «Культура в обществе», «Семья и её социальные функции»

употреблять гендерно нейтральные термины: «выбор брачного партнёра», а не «невесты», «бракосочетание», не «женитьба», не «отца и сына», а «родители и дети»

избегать сексистских выражений типа «красивое создание»

приглашать для написания главы «социология пола» специалистов из гендерного научного сообщества.

2.4. Рекомендации по госстандарту:

в тему «история становления и развития социологии» включить «андроцентризм социального знания»

в тему «социализация личности» включить «гендерную социализацию»

в тему «социальная структура и стратификация» включить «гендерные роли»

тему «социальные группы и социальные общности» включить «демографические общности: общая характеристика».

2.5. Рекомендации по рабочей программе:

Тема. Социология как наука. **Гендерные исследования как отрасль социологии. Феминистская социологическая теория.**

Тема. Социологическое исследование. **Качественные методы в гендерных исследованиях.**

Тема. История возникновения и развития социологии. Основные теоретико-методологические направления современной западной социологии: позитивизм, феноменологическая социология, критическая социология, неклассическая социология, **феминистские концепции. Гендерные исследования в современной западной социологии.**

Тема. Развитие социологической мысли в России. Гендерные исследования в российской социологии.

Тема. Общество как социальная система. **Гендерная структура общества.**

Тема. Культура и общество. **Специфика женской культуры.**

Тема. Социальная структура общества. **Женщины: их положение и роль в современном обществе. Социальные проблемы разделения по полу.**

Тема. Социальная стратификация. **Гендерная стратификация.**

Тема. Динамика социальных процессов в обществе. **Феминизация соц. процессов в современном обществе.**

Тема. Семья и ее социальные функции. **Феминистское движение и поиски альтернатив семейной жизни.**

Тема. Политика и ее роль в социальной жизни. **Политическое участие женщин.**

3. ИСТОРИЯ

3.1. Прочитанные учебники

Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М., 1999;

Зуев М.Н. История России. М., 1998, 688 с.;

Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М., 2000 (2-е изд., изм. и доп.), 656 с.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000;

История России (IX XX вв.) / Отв. ред. Я. А. Перехов, М, 1999, 623 с.;

Шаповалов В.Ф. Россияведение. М., 2001, 576с.

3.2. Выводы:

наличие разделов типа «Мужчины и женщины в России. Сексуальность в России» отражает не гендерный подход.

В учебной литературе можно встретить только прилагательное «патриархальный», да и то в значении «традиционный», «устаревший»

присутствие в учебниках универсального андроцентристского дискурса. Во всех без исключения учебниках и учебных пособиях имеются сексизмы, порожденные андроцентризмом русского языка. Например, подзаголовок одной из глав в учебнике Орлова: «Этапы закрепощения русского крестьянина». (с.95) Одно из возможных объяснений андроцентризма обладание существительными мужского рода в единственном числе функцией образования нормативных категорий (в том числе, закрепленных в словарях). Упомянутые существительные и их

валентные связи в предложении воспроизводят некую нормативно-универсальную маскулинность, имеющую репрезентационную и собирательную коннотацию

отражен женский/мужской опыт, и история отношений между полами; надо сказать, что здесь можно выделить по крайней мере два уровня символический и конкретно-исторический. в учебной литературе имеет место «конструирование русской истории... посредством гендерного кодирования». Интересно, что в новой национальной истории по-прежнему отсутствует человек, и это отсутствие компенсируется, одушевлением России, причем, с приданием персонажу «определенных гендерных признаков, женских телесных и психических свойств».

На конкретно-историческом уровне единственным актором российской истории за несколькими весьма ярко подтверждающимися это правило исключениями является мужчина. Женщины если когда и появляются на страницах летописей великих свершений мужчин в области политики, экономики, военных действий, науки, искусства (впрочем, в последней сфере в зависимости от исторической эпохи женщины относительно частые гости), то почти всегда исключительно в своём отношении к тому или иному мужчине. При этом довольно часто не упоминается даже имени женщины.

история женского движения не нашла своего отражения ни в одном из изученных текстов. В свою очередь все учебники содержат минимум информации о развитии женского образования в 19-м в., о законах 80-х гг. 19 в. по охране труда женщин, о декретах Советской власти по женскому вопросу

наличие традиционных гендерных стереотипов и позиций проявляется в характеристике феминизма как «оголтелого.»

3.3. Рекомендации по включению в учебники:

расширить материал о правящих Россией женщинах

указывать имена женщин, упоминающихся в учебниках

включить темы по истории женского движения в России, по решению женского вопроса в СССР

включать темы, в которых женщины видимы: семья в России, частная и повседневная жизнь россиян, благотворительность.

3.4. Рекомендации в госстандарт:

в раздел «Методология и теория исторической науки» добавить «Гендерное измерение истории»

в раздел «Россия в условиях мировой войны и общенационального кризиса» включить «сексуальная революция в России и трансформация семьи».

3.5. Рекомендации по включению категории «гендер» в рабочие программы:

во введении указать на гендерный подход к истории наряду с прочими; на существование мужской и женской истории, на андроцентризм исторического знания

в теме «Альтернативы российским «реформам сверху» в 19 веке включить историю женского движения в России.

в тему «Формирование и сущность советского строя» включить «женский вопрос в СССР: радикальный проект женской эмансипации».

4. ПРАВОВЕДЕНИЕ

4.1. Прочитанные учебники:

Правоведение / Под редакцией С.А. Комарова, М., Юристь, 2001

Правоведение / Под общей редакцией В.И. Червонюка, М., Инфра-М, 2002.

4.2. Выводы:

умолчание гендерно маркированных категорий и гендерной проблематики на страницах учебников по правоведению обусловлены не только и не столько позициями самих авторов, сколько господствующим юридическим дискурсом как таковым, задающим и конструирующим как структуру и содержание учебников, так и контексты, в которых (не) упоминаются гендерно маркированные категории и проблемы

женщины упоминаются традиционно в связке с детьми и стариками, и как субъекты права, прежде всего, упомянуты в семейном кодексе

среди нарушений прав человека, авторы выделяют национальную дискриминацию как основную.

отсутствие в учебниках коллективных прав женщин показывает незнание авторов международных актов по ликвидации дискриминации женщин, или пренебрежение ими. Второе предпо-

ложение подтверждает, например, категория удочерения, присутствующая в Семейном Кодексе, но отсутствующая в учебниках

наличие языковых и дискурсивных сексизмов: категория «гражданин» зачастую в тексте используется только для характеристики положения мужчины; расположение «вдовцов» в скобках подчеркивает первичность «вдов» как основной нормативной категории в ситуации военных действий; порядок слов (женщины или мужчины на первом месте) обусловлен признанием их значимости. На первом месте женщины упоминаются только в разделах, посвященных уходу за ребенком

юриспруденция изобилует нормативно-универсальными категориями в мужском роде, андроцентричными по существу некоторые приведенные примеры отражают мужской опыт авторов учебников и адресованы к мужской аудитории

констатирование гендерной асимметрии в самих нормах права, в частности в разделах, посвященных социальному обеспечению

ссылки на авторитеты юриспруденции (Маркс, Ленин, Энгельс, Петр первый, Аристотель, Платон), что подтверждает профессиональную (в данном случае профессию юриста) сегрегацию женщин на рынке труда до 19-20 вв.

4.3. Рекомендации по учебникам:

разделы о международном праве могли бы быть дополнены материалами о правах женщин упоминанием соответствующих международных документов

введение раздела о насилии над женщинами и домашнего насилия.

наиболее оптимальным вариантом приобщения к правовой проблематике неюристов было бы написание учебника в русле «Социологии права» («Юридической социологии»), что дало бы гораздо больше возможностей рассказать о роли и функционировании права в обществе, о праве как технологии (вос) производства гендерных стереотипов, категорий и дискурсов, осмыслить право не только в бинарной связи с государством, но и в контексте власти вообще, показать критические подходы к праву и его интерпретации (феминистская юриспруденция, критические правовые исследования, право в русле современной соци-

альной (феминистской) теории и т.п.), включая гендерную экспертизу законодательства.

искоренение языковых сексизмов.

4.4. Рекомендации по Госстандарту:

в тему «Брачно-семейные отношения. Взаимные права и обязанности супругов, родителей и детей. Ответственность по семейному праву» включить «гендерная асимметрия в семейном праве».

4.5. Рекомендации по рабочей программе:

тема «основы правового статуса человека и гражданина» включить коллективные права, права женщин, а к разделу гражданство добавить «исторический экскурс», чтобы показать ограниченную социальную базу данного термина в историческом аспекте.

тема «основы семейного права» включить «гендерная асимметрия принципов семейного права», «домашнее насилие».

5. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

5.1. Прочитанные учебники:

Культурология / Под ред. А.Н. Марковой. М., 2000

Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культуры. М., 1998.

Культурология / Под ред. А.И. Кравченко. М., 2000.

Полищук В.И. Культурология. М., 1998.

Культурология. Хрестоматия. Сост. П.С. Гуревич. М., 2000

5.2. Выводы:

Феминистский вклад в теорию культуры, осмысление культурологических проблем с позиций гендерного подхода отсутствует

отсутствие гендерной тематики определяется также типом изданий учебной литературы, организованном либо по типу энциклопедии искусствоведческого характера, либо составители пытаются наиболее полно представить теоретические схемы, модели культурного развития или культурных процессов и феноменов, либо авторы стремятся осветить историю и теорию культуры с разных сторон

андроцентризм культурологи проявляется в том, что она оперирует теми же бинарными оппозициями, что и патриархатная культура высокая культура противостоит массовой, духовная

культура отделена от материальной, элитарная (и классическая) — от народной, а культура рассматривается в оппозиции к «цивилизации»,

трактовка культуры, используемая авторами учебников, включает гендерный подход. Они рассматривает её как «заоблачные» высокие истины европейской философии, науки, искусства и литературы, как Великую Традицию, а не обычную жизнь.

авторы учебных пособий по культурологии являются носителями традиционной (советской) гендерной культуры (восприятие женщины как работницы-матери, двойные моральные стандарты...), что ярко проявляется в описании таких тем как брак и семья.

5.3. рекомендации по учебникам:

включить тему «гендер и культура» в учебные пособия
отметить андроцентризм культуры как ее базовый признак
в список литературы включить работы ученых, учитывающих гендерный фактор в культурологии Г.Зиммель, О.Шпенглер, А.Усмановой и т.д.

5.4. рекомендации по Госстандарту:

в типологию культуры включить «гендерную культуру»
в тему «Культура и природа. Культура и общество» включить «культура и гендер».

5.5. рекомендации по рабочей программе:

включить в тему «Культура и культурология» «гендерный подход» среди прочих

включить в тему «Становление культурологической мысли в европейской философии» принцип андроцентризма наряду с принципами гуманизма, антропоцентризма, историзма.

включить в тему «Культурологическое знание второй половины 19-20 вв.» «гендерное направление в культурологии»

включить в тему «Модерн: от расцвета к кризису» «гендер и вхождение в модерн».

6. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

6.1. Прочитанные учебники:

Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 672 с.

Психология и педагогика / Под ред. Радугина А.А. М., 1996.
Немов Р.С. Психология. В 3 т. М., 1997-1998.

6.2. Выводы:

Учебники по «Общей психологии» и «Психологии и педагогике», как правило, содержат немногочисленные указания на пол человека, при этом чаще всего эти упоминания вынужденные и содержащие всего лишь отсылку к полу предписанному/паспортному, т.е. не учитывающие социокультурной компоненты, реализуемой при использовании категории «гендер». В качестве понятия, выполняющего функцию эвфемизма для обозначения некоего абстрактного человека, современный отечественный психологический дискурс использует концепт «личность», латентно скрывающий андроцентристские установки психологии, рассматривающей в качестве нормы личности мужчину, что подтверждается бесспорным преобладанием мужской терминологии, обилием примеров в образе мужчины, именами психологов-мужчин, присутствием женщины в образах с негативной коннотацией (жертва, истеричка и др.). Весьма важным в ряде разделов психологии **различий между мужчинами и женщинами**, обосновываемое ссылками на некие не раскрываемые «исследования», объективность которых вполне естественно, вызывает сомнения. В процессе анализа наиболее гендерно открытыми и чувствительными оказались такие разделы психологии, как *Возрастная психология и психология развития, Психология личности, Дифференциальная психология, Психология личности, Социальная психология, Психология управления, Психология конфликта*.

6.3. Рекомендации по учебникам: исходя из результатов проведенного гендерного анализа учебных материалов по психологии можно высказать ряд пожеланий авторам учебников во-первых, для более качественного анализа психологической проблематики помимо понятия «пол» следует ввести категорию «гендер», во-вторых, в качестве одного из методов исследований можно указывать гендерный анализ, в третьих, следует произвести дистинкцию понятий «пол/гендер». Четвертое, возможно, вместо весьма слабо подтвержденных «различий между мужчинами и женщинами» следует приводить данные и примеры «сходств между женщиной и мужчиной». Пятое, учебники, несомненно, усилит добавление открытий и данных исследований, проведенных специалистами по гендерной психологии.

6.4. Рекомендации по Госстандарту:

в тему «Межгрупповые отношения и взаимодействия» включить «гендерные отношения»

в тему «Семья как субъект педагогического взаимодействия и социокультурная среда воспитания и развития личности» включить «гендерная социализация».

6.5. Рекомендации по рабочей программе:

включить в тему «Объект и предмет психологии и педагогики» категорию пола/гендера в структуре психологических понятий, феминистские концепции в психологии

включить в тему «Проблемы личности в различных образовательных моделях» «гендерную асимметрию в системе образования» и «андроцентризм педагогической ауки».

7. ФИЛОСОФИЯ

7.1. Проанализированный учебно-методический материал:

а) Учебники:

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: ООО «ТК Велби», 2002. 608 с.

Радугин А.А. Философия: курс лекций. М.: Центр, 2001. 272 с.

Философия. Учебник / Отв. ред. В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина, В.П. Филатов. М.: ТОН Остожье, 2000. 704 с.

б) Примерная программа по философии

в) Дидактические единицы Госстандарта по философии.

7.2. Выводы:

Представленные в данном анализе учебные пособия по философии являются достаточно точной калькой наличного образовательного философского дискурса и отражают одновременно как вполне определенные андроцентристские установки самой европейской философии, так и гендерные стереотипы авторов. В то же время проанализированные учебники репрезентируют практически весь возможный спектр возможностей отображения/умолчания гендерной проблематики: от откровенно сексистского по отношению к женщине (автор Радугин А.А.) через внешне абстрактно «общечеловеческий» (авторы Алексеев П.В., Панин А.В.) к учебнику нового поколения, содержащему целую главу «Философия феминизма». При этом во всех учебных материалах по-прежнему в соответствии с традиционной установкой новой европейской философии в качестве основного субъекта позна-

ния выступает «человек вообще», лишенный каких-либо социальных/культурных характеристик. При этом недосказанность о действительном, как правило, мизогинистском характере воззрений европейских мыслителей создает не конгруэнтный действительному положению вещей образ философии. Андроцентристские установки обнаруживаются, прежде всего, при анализе онтологической проблематики: через язык пособий задаётся бинарное видение универсума (начиная с деления мира на небо и землю, выделения культуры и природы, заканчивая разъединением духа и тела). При этом оппозиции наделяются столь же чёткими «мужскими» и «женскими» свойствами, однозначно располагая их в два ряда, один из которых несёт бесспорно позитивную нагрузку, тогда как другой, естественно, «женский» определяется, во-первых, лишь как дополняющий первый и, во-вторых, в силу этого обладающий гораздо меньшим онтологическим статусом. Страдают соответственно как сами «женские» свойства, которые всегда хуже «мужских», так и собственно женщина, поскольку она оказывается носителем и представителем онтологически «дурной природы».

7.3. Рекомендации по включению гендерной компоненты в учебные пособия:

Резюмируя результаты проведенного гендерного анализа учебно-методических материалов по философии можно сформулировать ряд рекомендаций их авторам: во-первых, собственно философский и историко-философский учебный материал при включении гендерного анализа и тематики становится более явленным и конгруэнтным; во-вторых, употребление категорий гендера и пола, экспликация гендерных установок создателей той или иной философской системы позволяет сделать философский дискурс более приемлемым и интересным для студентов; в-третьих философия реартикулируется как значимый мировоззренческий дискурс, способный подтолкнуть людей к созиданию более толерантного общества.

7.4. Рекомендации по включению гендера в Госстандарт.

Возможно включение следующих дидактических единиц: Фаллофоноцентризм философского дискурса. Андроцентричность классической философии. Пол и гендер человека. Гендерная обусловленность конструирования реальности.

7.5. Рекомендации по включению категории «гендер» в рабочие программы:

тема «Философия, ее предмет и место в культуре» _Гендерная маркировка мировоззренческих построений.

тема «**Учение о бытии (онтология)**» _Гендерные особенности в конструировании целостных «видений» мира. Фиксация онтологической проблематики с некритично воспринятой мифологической дихотомизацией бытийственных характеристик: мужское/рациональное/человеческое женское/иррациональное /природное.

тема «Философия человека» Андроцентристское, абстрактное описание феномена «человек».

тема «Философия пола» Классическая философия и латентные гендерные стереотипы философов. Выделение «человека» вообще и наделение его «мужскими чертами». Последовательное элиминирование «женщины» как объекта философского анализа и субъекта философского дискурса. Андроцентричность генеральной линии философии Запада.

Платон и Аристотель как творцы двух противоположных типов дискурса о сущностях «человека-мужчины» и «человека-женщины». Этапы трансформации представлений о сущности женщины и мужчины. Женщина как «другое» мужчины. Дискурс равноправия как форма «возвращения» женщины в культуру. Творчество философов-феминистов: Ол. Де Гуж, М. Уолстоункрафт, Ш. Фурье, Дж. Ст. Милль, Г. Зиммель, С. де Бовуар. Влияние Ницше на формирование инструмента для генеалогического анализа латентных мизогинистских установок европейской философии. Споры об эссенциализме. «Патриархат», «сексизм» и «маскулинизм». Феминистские проекты трансформации «человека», культуры и общественного устройства. Диалектика «пола» и «гендера».

Фаллоцентризм европейской философии. Влияние постмодернистских концепций на развитие современного феминизма. Феминистская ревизия европейской философии.

тема «Учение об обществе (социальная философия)» Гендерные стереотипы и социализация.

*В.И. Успенская, Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин,
Ю.А. Монахова, А.М. Нагимова, Т.А. Полякова*

ГЕНДЕРНЫЙ КЛИМАТ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ВВЕДЕНИЕ

Исследование гендерного климата в высших учебных заведениях г. Твери проводилось среди студентов и преподавателей Тверского государственного университета (ТвГУ) и Тверского государственного технического университета (ТГТУ) с октября 2001г. по декабрь 2002 г.

Целью данного исследования было изучение и анализ состояния гендерного климата в высших учебных заведениях г. Твери.

Объекты исследования студенты и преподаватели Тверского государственного университета и Тверского государственного технического университета.

Предметом исследования являлись гендерные стереотипы и представления студентов и преподавателей вузов, а также гендерные отношения в процессе обучения в вузе.

В ходе исследования были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Восприятие личностью дискриминации по признаку пола находится в обратной

зависимости от наличия «традиционных» гендерных стереотипов в его сознании. (Чем больше у человека «традиционных» гендерных стереотипов в сознании, тем меньше он/она замечает факты дискриминации по признаку пола).

2. Большинство студентов не знакомы с терминами «гендер», «гендерные исследования», но хотели бы ознакомиться с гендерной проблематикой при изучении общественных и гуманитарных наук.

3. Наличие или отсутствие «традиционных» гендерных стереотипов не зависит от пола, возраста и социального статуса личности.

Исследование проводилось с использованием методов анкетного опроса. Репрезентативность выборки по анкете для студентов обеспечивалась случайным отбором респондентов пропорционально по признакам их принадлежности к определенному полу, факультету и курсу. Репрезентативность выборки по анкете для преподавателей обеспечивалась случайным отбором респондентов пропорционально по признакам пола, их принадлежности к определенной кафедре, с соблюдением равных пропорций между общественными и гуманитарными, техническими и естественнонаучными кафедрами.

Исследовательская группа:

В.И. Успенская (автор идеи)

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин, Ю.А. Монахова,

А.М. Нагимова, Т.А. Полякова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТНОГО ОПРОСА СРЕДИ СТУДЕНТОВ

1.1. Понятие «гендер» в представлениях студентов

По результатам анкетного опроса выявлено, что **61%** опрошенных студентов не имеют даже общего представления о понятии «гендер», а **26%** опрошенных имеют лишь приблизительное представление (**Рис. 1, 2**).

Рис. 1. Ответы студентов ТвГУ на вопрос: Знаете ли вы, что означает понятие «гендер»?

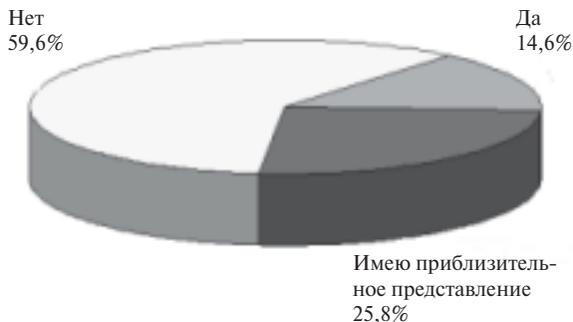

Рис. 2. Ответы студентов ТГТУ на вопрос: Знаете ли вы, что означает понятие «гендер»?

Некоторые студенты, из числа ответивших положительно на вопрос *«Знаете ли Вы, что означает понятие «гендер»?»*, дали самые разные определения:

- *«гендер это отношения между двумя противоположными полами мужчиной и женщиной»*, *«гендер это пол»*,
- *«гендер это наука, изучающая специфику отношений между полами»*,
- *«гендер связан с разделением людей по половому признаку, взаимоотношением полов, неравенством полов»*, *«гендер изучает вопросы, связанные с ролью женщины в обществе»*,
- *«гендер это родовая принадлежность»*,
- *«гендер это явление, отрицающее ущемление мужских прав (прав полов)»*,
- *«гендер это одна из моралей сексуального поведения человека это неравенство полов»* и т.д. и т.п.

1.2. Проблема гендерного неравенства в жизни студентов

Несмотря на то, что большинство опрошенных имеют весьма приблизительное представление о гендере, **27%** опрошенных студентов считают, что в жизни их вуза существуют проблемы гендерного неравенства (социального неравенства полов), причем, в ТГТУ это составляет **37%**, а в ТвГУ **20%** опрошенных (Рис.3).

Рис. 3. Мнение студентов о наличии проблем гендерного неравенства в жизни их вузов

По мнению **54%** опрошенных (в т.ч. в ТГТУ **66%**, в ТвГУ **20%**), это проявляется в предубеждении со стороны преподавателей по отношению к студент(к)ам (например, «*юноши умнее, способнее*», «*девушки усидчивее или ответственнее*» и т.д.) (**Рис.4**).

Рис. 4. Мнение студентов о наличии предубеждения среди преподавателей по отношению к студент(к)ам по половому признаку

14% студентов считают, что имеется дискриминация по половому признаку со стороны преподавателей, а **44%** опрошенных иногда замечали такие факты. По их мнению, это проявляется *«в общении, более оскорбляющем по отношению к мужчинам», «в разных критериях при выставлении оценок», «в снижении нормативов по физкультуре для девушек», в том, «что преподаватели мужчины лучше относятся к девушкам», «что девушек спрашивают чаще, задают сложные вопросы», «что к девушкам проявляют больше внимания и меньше предъявляют требования», «в завышении оценок в зависимости от пола», «в непристойных предложениях, оскорблениях», «в том, что некоторые преподаватели считают, что женщине не место в юриспруденции», «в таких выражениях преподавателей как: «Я за это вообще два сразу ставлю ссылаться на женщину, да еще с такой фамилией Пустозерова!», «в том, что иногда считают, что девушке не надо учиться, т.к. их функция заниматься кастрюлями, детьми и мужем. Женщина не должна быть умной» и т.д. и т.п.*

1.3 Взаимоотношения между полами в процессе образования

Несмотря на вышеизложенное, **46%** опрошенных студентов считают, что у них в студенческих группах складываются отличные взаимоотношения между юношами и девушками, а **38%** считают, что — хорошие. В этом плане более благоприятный климат наблюдается в ТвГУ **53%** студентов указали, что у них в студенческих группах отличные взаимоотношения, **32%** - хорошие (Рис.5).

В ТГТУ картина несколько иная, но тоже неплохая. **35%** опрошенных студентов технического университета ответили, что в их группах установились отличные взаимоотношения между юношами и девушками, а **46%** считают, что хорошие (Рис.6).

В том и в другом вузе по **4%** опрошенных отметили, что юноши и девушки в студенческих группах практически не общаются, у них очень плохие взаимоотношения.

90% опрошенных студентов отрицательно относятся к раздельному обучению по половому признаку. Кроме этого, проведенный опрос показал, что при решении различных проблем между студентами для большинства (**67%**) опрошенных вопрос половой принадлежности не имеет значения. Это также касается и взаимоотношений между преподавателями и студентами.

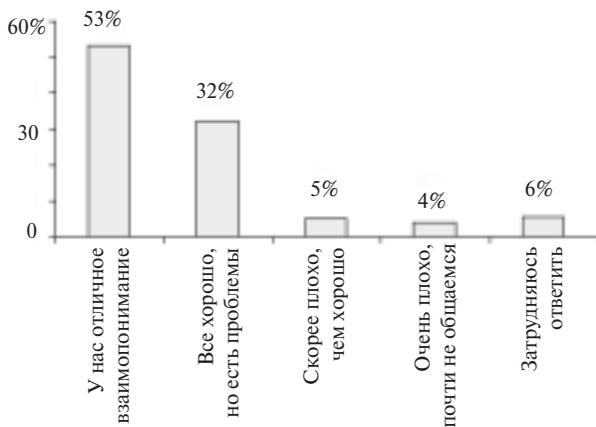

Рис. 5. Оценка студентами взаимоотношений между девушками и юношами в студенческих группах ТВГУ

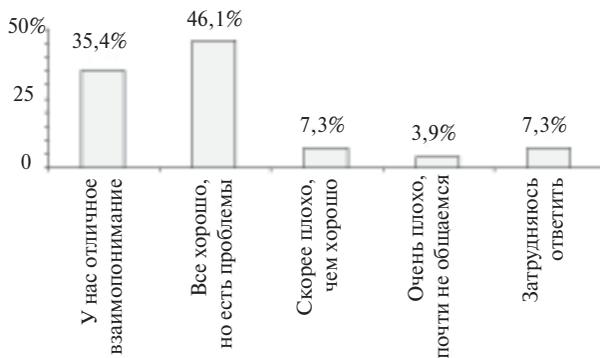

Рис. 6. Оценка студентами взаимоотношений между девушками и юношами в студенческих группах ТГТУ

На вопрос: «Кто из преподавателей вызывает у Вас больше доверия при решении личных проблем?» 39% опрошенных ответили, что пол не имеет никакого значения. 64% опрошенных студентов считают, что профессионализм преподавателя не за-

висит от его половой принадлежности. При этом, каждый пятый респондент (21%) уверен в более высоком профессионализме мужчин-преподавателей (в ТГТУ так считает почти каждый четвертый студент (23%), а в ТвГУ 19%), в то время как всего лишь 5% опрошенных считают более профессиональными женщин преподавателей (в ТвГУ это 7%, в ТГТУ всего 3%). (Рис.7)

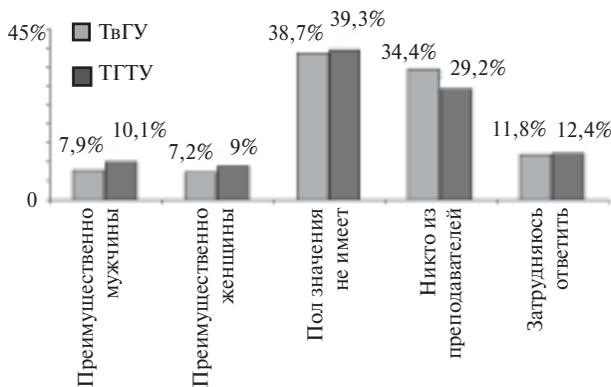

Рис. 7. Кто из преподавателей вызывает у вас больше доверия при решении личных проблем?

При корреляции вопросов о профессионализме преподавателей в зависимости от их пола (вопр. №16) и о проявлении со стороны преподавателей дискриминации по половому признаку по отношению к студентам (вопр. № 11), получены интересные выводы. Из 95 человек, считающих, что преподаватели-мужчины более профессиональны (т.е. с явными гендерными стереотипами в сознании), 23 человека «безусловно замечали» и 41 человек «иногда замечали» факты дискриминации по половому признаку по отношению к студентам, и всего 21 человек никогда не замечали фактов дискриминации, т.е. 67% опрошенных «с явными гендерными стереотипами» замечали наличие дискриминации по половому признаку, что является опровержением выдвинутой гипотезы о том, что «Восприятие личностью дискриминации по признаку пола находится в обратной зависимости от наличия «традиционных» гендерных стереотипов в его сознании. (Чем больше у человека «традиционных»

гендерных стереотипов в сознании, тем меньше он замечает факты дискриминации по признаку пола)». Корреляция вопросов о ректоре (вопр. № 22) с вопросом о наличии дискриминации со стороны преподавателей по отношению к студентам по половому признаку (вопр. № 11) также опровергает вышеизложенную гипотезу. Из 37 респондентов, считающих, что в случае избрания ректором женщины, ситуация в вузе изменится в худшую сторону (т.е. с явными гендерными стереотипами), 23 человека (62%) замечали наличие фактов дискриминации по половому признаку.

1.4. Мнения студентов о гендерном подходе в преподавании общественных и гуманитарных наук

Исследования показали, что при преподавании общественных и гуманитарных наук, с точки зрения студентов, недостаточно раскрывается гендерный аспект изучаемых проблем (**42%**), при этом **66%** опрошенных (в ТвГУ **71%**, в ТГГУ **60%**) хотели бы ознакомиться с гендерной проблематикой при изучении общественных и гуманитарных наук. Это доказывает выдвинутую гипотезу о том, что «большинство студентов не знакомы с терминами «гендер», «гендерные исследования», но хотели бы ознакомиться с гендерной проблематикой при изучении общественных и гуманитарных наук». Студенты не смогли назвать учебников по общественным и гуманитарным дисциплинам, где встречаются понятия «гендер», «пол», «женщина», «мужчина», «гендерные исследования. В единичных случаях названы такие учебники как: Немов. «Психология», Мухина. «Возрастная психология», Годфруа. «Общая психология», Нейл Смейлзер. «Социология», В.И. Успенская. «Гендерные исследования», «Социология» под ред. Тощенко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТНОГО ОПРОСА СРЕДИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

2.1. Представления преподавателей о гендере и гендерных исследованиях

Отвечая на вопрос о значении понятий «гендер» и «гендерные исследования», преподаватели предлагают весьма широкий спектр собственных определений. Среди наиболее часто встречающихся вариантов можно выделить следующие:

«Гендер» и «гендерные исследования» — это
— «изучение взаимоотношений полов, отношений мужчин и женщин»;

— «особенности поведения мужчин и женщин», «исследование половых различий, специфики мужчин и женщин»;

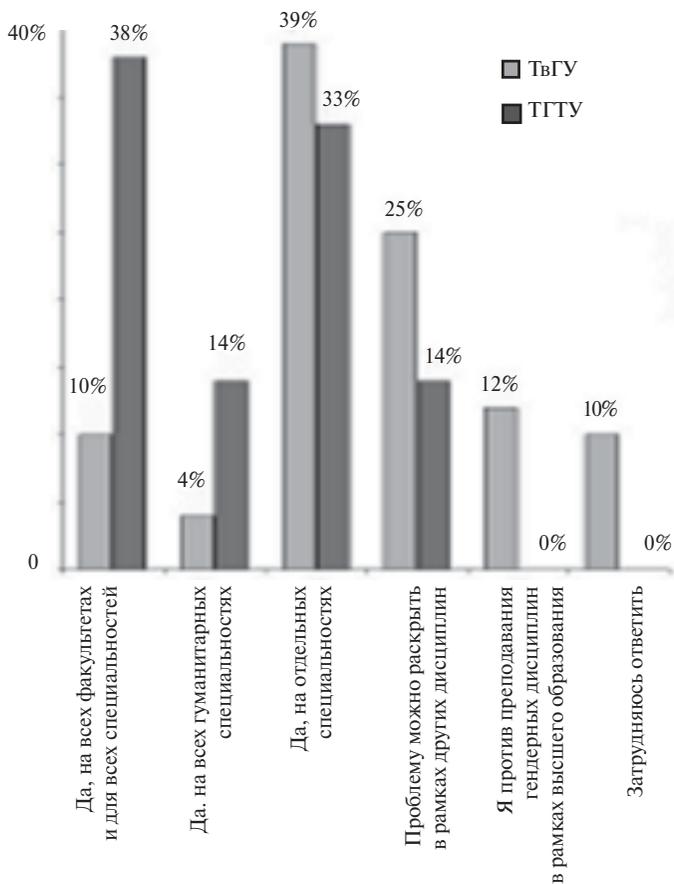
— «изучение различных социальных явлений и проблем, с учетом фактора пола», «исследование влияния пола человека на его жизнедеятельность».

Для некоторых преподавателей эти термины «ничего существенного не означают», являются «глупостью» или просто «модными». Часть из них признаются, что не знают значения этих понятий или не интересуются подобной проблемой. Несмотря на это, только **18%** опрошенных считают необходимым преподавание специальных дисциплин по гендерным проблемам **на всех факультетах, 38%** только **для отдельных специальностей. 22%** преподавателей уверены, что эту проблему можно раскрывать в рамках других дисциплин. **12%** опрошенных в Тверском государственном университете вообще против преподавания гендерных дисциплин в рамках высшего образования. В техническом университете число таких преподавателей равно **0**. (Рис. 8)

Из числа преподавателей общественных и гуманитарных дисциплин ТвГУ **25%** никогда не обращают внимания на гендерный аспект изучаемых проблем (в ТГТУ это **10%** опрошенных). Иногда учитывают данный аспект **60%** преподавателей ТГТУ и **64%** — ТвГУ. **30%** в ТвГУ и только **10%** опрошенных в ТГТУ обращают внимание на гендерный аспект изучаемых вопросов всегда. Ответы преподавателей на вопрос: «В чем причина того, что Вы не учитываете гендерный аспект изучаемых проблем?» распределились следующим образом: **50%** считают, что в этом нет необходимости, **30%** - что недостаточно компетентны в данном вопросе и по **10%** тех преподавателей, которым объем учебных часов не позволяет включать данный аспект в преподаваемые курсы и тех, кто совсем не интересуется гендерными проблемами. (Рис. 9).

2.2. «Гендерное неравенство» глазами преподавателей вузов

По мнению **52%** опрошенных преподавателей Тверского государственного технического университета, в жизни их вуза существуют проблемы гендерного неравенства. Интересно, что в

Рис. 8. Мнение преподавателей о том, есть ли необходимость преподавания специальных дисциплин по гендерным проблемам в вузе

Тверском государственном университете их число составляет всего 14%. По мнению 38% профессорско-преподавательского состава технического университета и 22% преподавателей государственного университета проблемы гендерного неравенства

Рис. 9. Почему при преподавании общественных, гуманитарных дисциплин, вы не учитываете гендерный аспект изучаемых проблем?

возникают иногда. А по мнению 29% опрошенных в государственном университете и 10% — в техническом университете подобные проблемы вообще не существуют. Таким образом, по мнению самих преподавателей, проблемами гендерного неравенства в своей служебной деятельности чаще всего сталкиваются профессорско-преподавательский состав тверского государственного технического университета. (**Рис.10**)

По мнению опрошенных, подобные проблемы проявляются:

- «в различных возможностях карьерного роста мужчин и женщин», «в приоритете мужчины при прочих равных условиях»;
- в том, что «как правило, руководящие должности занимают мужчины, кроме того им может отдаваться предпочтение при повышении в должности»: «традиционно на пост ректора вуза предлагаются в первую очередь кандидатуры мужчин»;
- «в унижительной премии женщинам за то, что они женщины 8-го марта»;
- в том, «что женщину могут не взять на работу в виду ее проблемы в семье: дети, отказ от командировок и т.п.», «что ей труднее реализоваться, все приходится совмещать с заботами в семье» и т.п.

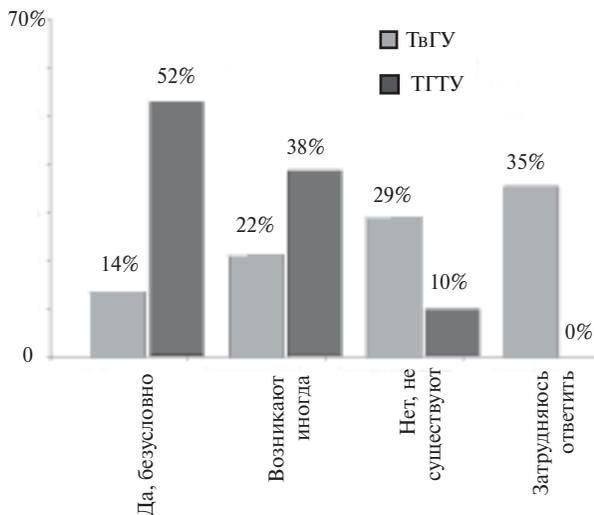

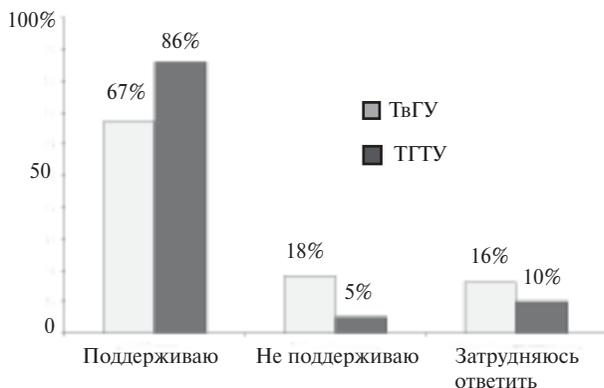
Рис. 10. Существуют ли в жизни вашего вуза проблемы гендерного неравенства?

Наиболее ярко описывает данную проблему следующий пример одного из преподавателей: «Вопрос на предвыборной встрече к одному из кандидатов на должность ректора: «Зачем Вам этот пост? Вы же женщина».

18% опрошенных преподавателей государственного университета отмечают, что идею равенства прав и возможностей женщин и мужчин они не поддерживают, причем большинство из них (80%) это женщины. Свою позицию они обосновывают следующим образом: «мужчина и женщина сильно отличаются друг от друга по своей сути, поэтому равенство прав невозможно»; «различие между мужчинами и женщинами задано природой»; «у женщин есть свои преимущества: иногда они имеют право на то, на что никогда не сможет претендовать мужчина»; т.к. является «сторонницей традиционного уклада». Из этой группы респондентов только **10%** считают, что в их вузе, безусловно, существуют проблемы гендерного неравенства, по мнению **10%** они возникают иногда, но в чем они проявляются, никто не указал. **20%** не замечают вообще проблем с гендерным неравен-

ством, а **60%** преподавателей затрудняются ответить на этот вопрос.

В Техническом университете ситуация несколько иная. Здесь **86%** преподавателей поддерживают идею равенства прав и возможностей мужчин и женщин, **10%** затрудняются с выбором ответа и только **5%** не поддерживают ее. (Рис. 11).

Рис. 11. Ответы преподавателей на вопрос: «Поддерживаете ли вы идею равенства прав и возможностей женщин и мужчин?»

2.3. Гендерные взаимоотношения в профессиональном общении

Каждый/каждая из нас большинство своего времени проводит на работе, и очень важно, какие взаимоотношения складываются у человека в трудовом коллективе, способствуют ли они производительному труду, или же отравляют жизнь, не давая полностью раскрыться творческому потенциалу личности. Как показывает опыт, важное значение в психологическом климате того или иного трудового коллектива играют не только взаимоотношения, возникающие в процессе труда между руководителем и подчиненными, между коллегами по работе, но и отношения, складывающиеся между людьми разных возрастов и пола. Отвечая на вопрос: «В каком коллективе Вы предпочли бы работать?», большинство преподавателей отметили, что пол

коллег для них не имеет значения: в государственном университете это составляет 73%, а в техническом университете — 76%). В женском коллективе согласились бы работать 6% преподавателей ТвГУ и 0% в ТвГУ, мужскому коллективу отдали свой выбор 10% и 14% соответственно. (Рис. 12)

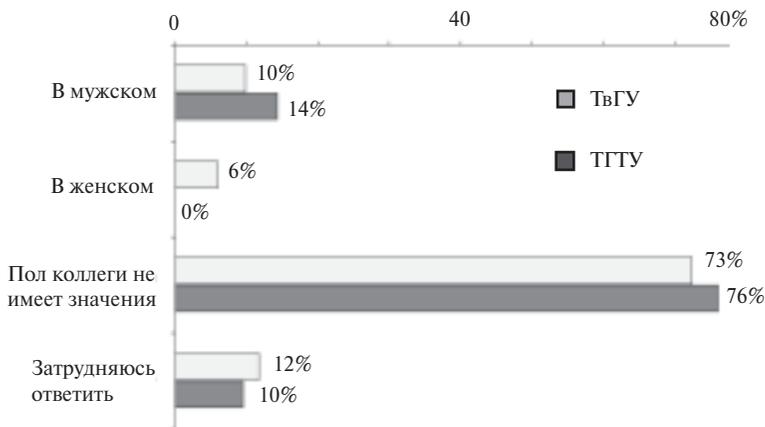
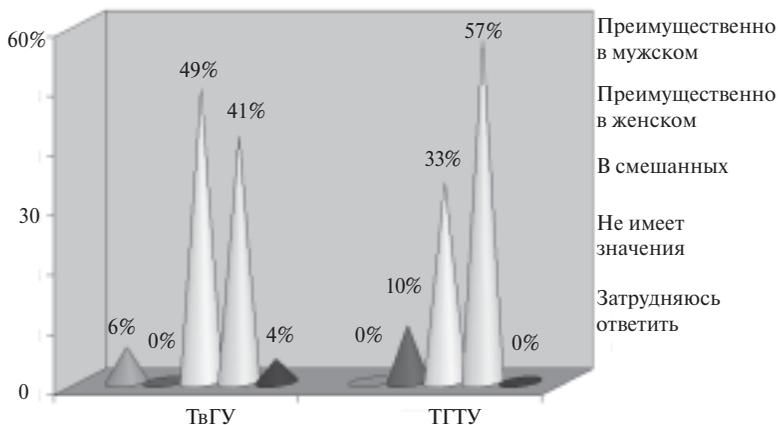

Рис. 12. «В каком коллективе вы предпочли бы работать, если бы имели возможность выбора?»

С выбором групп студентов дело обстоит несколько иначе. В Тверском государственном университете преподаватели предпочли бы работать в пропорционально смешанных группах (49%), преимущественно мужских (0%), преимущественно женских (6%) и для 41-го % не имеет значения, какого пола студенты. А в Тверском государственном техническом университете ответы респондентов на этот вопрос распределились следующим образом:

- не имеет значения 57%,
- в преимущественно мужских 10%
- в преимущественно женских 0%
- в пропорционально смешанных 33%. (Рис. 13).

Отсюда можно сделать вывод о том, что по результатам опроса для большей части преподавателей не имеет значения пол студентов и предпочтение отдается пропорционально смешан-

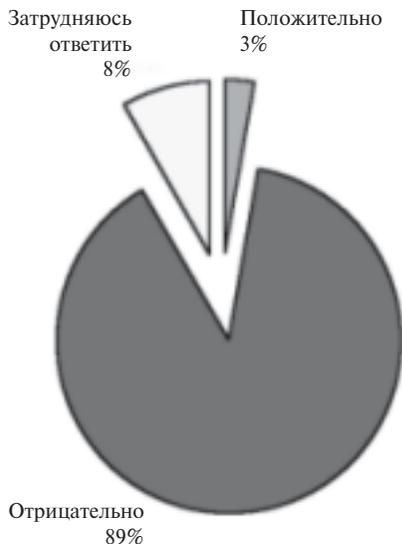

Рис. 13. «В каких группах студентов вы предпочли бы работать, если бы имели возможность выбора?»

ным (по признаку пола) группам. Этот же вывод подтверждается при рассмотрении ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, чтобы в вузах ввели раздельное обучение?» 89% опрошенных преподавателей отрицательно относятся к раздельному обучению по половому признаку. И только 3% отнесли бы к подобному нововведению положительно. (Рис.14).

Большее половины респондентов (54%) затруднились ответить изменится ли ситуация в вузе, если ректором станет женщина. На наш взгляд это связано с тем, что опрашиваемые не связывают деловые качества ректора с его половой принадлежностью.

В целях проверки гипотезы о том, что восприятие личностью дискриминации по признаку пола находится в обратной зависимости от наличия «традиционных гендерных стереотипов в его сознании, нами были скоррелированы следующие вопросы «Как Вы думаете, изменится ли ситуация в вузе, если ректором станет женщина?» (этот вопрос выявляет наличие гендерных стереотипов в сознании респондентов), «Как на Ваш взгляд, существуют ли в жизни вуза проблемы гендерного неравенства?» (индикатор восприятия дискриминации). Из 20% респонден-

Рис. 14. Отношение преподавателей ТвГУ и ТГГУ к введению раздельного обучения (по половому признаку) в вузах

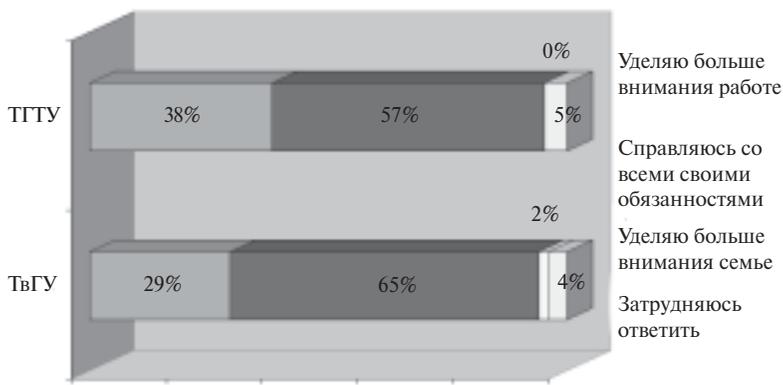
тов, которые ответили, что ситуация в вузе изменится (в худшую или лучшую сторону), т.е. с явными гендерными стереотипами, 71% отметили, что в их университете безусловно существуют или иногда возникают проблемы гендерного неравенства полов, что опровергает выдвинутую гипотезу.

2.4. Влияние семьи на формирование гендерных представлений

опрошенных в ТГГУ семьи совершенно не заинтересованы в их профессиональном росте. На гендерные представления человека также оказывает влияние его воспитание, личный, жизненный опыт, представления о семье, ее роли. Оценивая значение в их жизни семьи и работы, 79% респондентов отметили, что работа и семья для них одинаково необходимы, для 14%-ов семья более значима, чем работа. А для 4% основным в их жиз-

ни является профессия и карьера. Причем подобное соотношение характерно как для респондентов мужчин, так и для женщин. 86% опрошенных в ТГГУ ответили, что семья заинтересована в их профессиональном росте, таким же образом ответили 73% преподавателей ТвГУ. По мнению 2% респондентов ТвГУ и 5%.

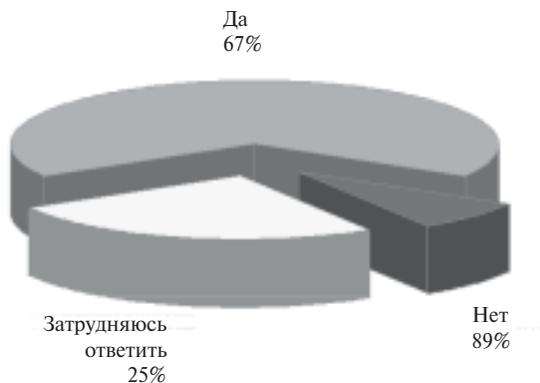
На вопрос: «Как Вы сочетаете семейные и профессиональные обязанности?» 32% опрошенных ответили, что больше внимания уделяют все-таки работе, 1% семье. Большая часть респондентов утверждает, что справляется со всеми своими обязанностями (63%). Отдельно по университетам эти данные выглядят следующим образом (**Рис. 15**):

Рис. 15. «Как вы сочетаете семейные и профессиональные обязанности?»

При этом половина из тех, кто уделяет больше времени работе, разделяют точку зрения, что должно быть партнерство в распределении домашних обязанностей (ведении домашнего хозяйства, заботе о детях). Оставшиеся 50% респондентов считают, что этим должен заниматься тот член семьи, кто имеет на это время и возможность (**Рис. 16**).

22% опрошенных затруднились ответить на вопрос: «Считаете ли Вы, что работающая женщина, ведущая домашнее хозяй-

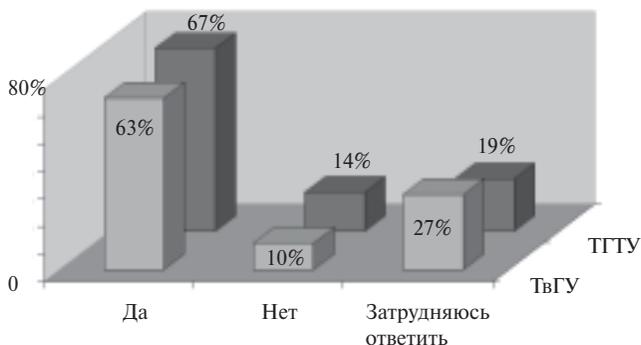

Рис. 16. «Считаете ли вы, что работающая женщина, ведущая домашнее хозяйство, заботящаяся о детях, трудится больше, чем мужчина?»

ство и заботящаяся о детях, трудится больше, чем мужчина?» 6% респондентов сказали, что это не так. Возможно подобный факт связан с достаточно распространенным в нашем обществе стереотипом, что работа по дому не считается полноценным видом трудовой деятельности. Если женщина занимается только домашним хозяйством и детьми, принято считать, что она не работает. Обнадеживает тот факт, что подавляющее большинство респондентов все-таки согласно с тем, что женщина сочетающая работу по дому и профессиональную деятельность трудится больше, чем мужчина.

2.5. Отношение к труду и фактор удовлетворенности трудом

Большинство опрошенных преподавателей считают, что существуют различия в подходах к работе со студентами мужчин и женщин преподавателей. Так ответили 63% респондентов в ТвГУ и 67% в ТГГУ. Противоположную точку зрения («таких различий не существует») разделяют 10% и 14% преподавателей соответственно. Затруднились ответить на данный вопрос 27% опрошенных в ТвГУ и 19% в ТГГУ (**Рис.17**).

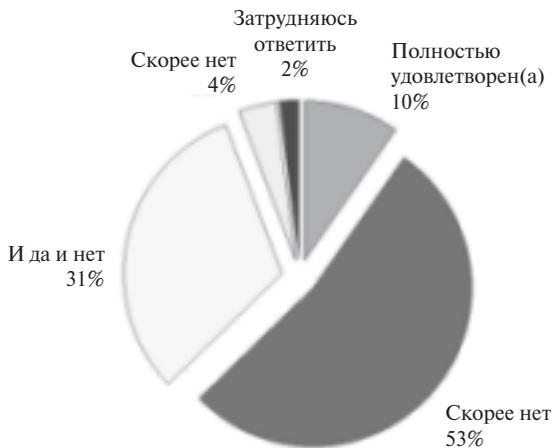
Рис. 17. «Существуют ли различия в подходах к работе со студентами мужчин и женщин преподавателей?»

Состояние гендерного климата в вузе напрямую связано с фактором удовлетворенности преподавателей работой в университете. По Тверскому государственному университету были получены следующие результаты: полностью удовлетворен (а) — 10%, скорее да, чем нет — 53%, и да, и нет — 31%, скорее нет — 4%, совершенно неудовлетворен — 0%, затрудняюсь ответить — 2% (**рис. 18**).

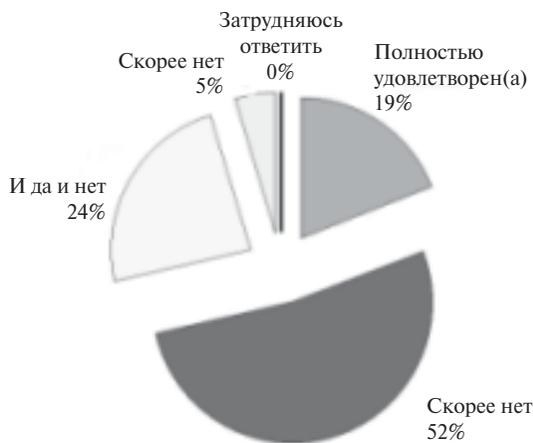
Следует отметить, что результаты по Техническому университету отличаются от вышеприведенных данных. Здесь число полностью удовлетворенных работой в университете равно 19%, 52% преподавателей скорее удовлетворены профессиональной деятельностью, чем нет. «И да, и нет» так ответили 24% респондентов, 5% сказали, что работа в ТГТУ их скорее не устраивает. Никто из опрошенных в Тверском государственном техническом университете не ответил, что совершенно не удовлетворен своей работой или затруднился ответить на этот вопрос. (**Рис. 19**).

Основные выводы

1. Большинство преподавателей и студентов высших учебных заведений г. Твери имеют весьма приблизительное представление о понятии «гендер», 27% студентов вузов сталкивались в вузовской жизни проблемой гендерного неравенства, которая

Рис. 18. Ответы преподавателей ТвГУ на вопрос: «Удовлетворены ли вы работой в университете?»

Рис. 19. Ответы преподавателей ТГТУ на вопрос: «Удовлетворены ли вы работой в университете?»

проявляется, в основном, в предубеждении среди преподавателей по отношению к студент(к)ам и дискриминации по половому признаку.

2. 52% преподавателей признают, что в жизни вуза имеются проблемы гендерного неравенства.

3. 18% опрошенных преподавателей не поддерживают идею равенства прав и возможностей женщин и мужчин, причем большинство из них — женщины (80%).

4. Взаимоотношения между девушками и юношами в студенческих группах складываются отличные (47%) и хорошие (38%).

5. 90% студентов и 89% преподавателей вузов отрицательно относятся к раздельному обучению по половому признаку.

6. 64% студентов убеждены в том, что профессионализм преподавателя не зависит от его половой принадлежности. 21% опрошенных считают мужчин-преподавателей более профессиональными, в то время как всего 5% респондентов отметили как лучших профессионалов женщин.

7. С точки зрения 42% студентов, при преподавании общественных и гуманитарных наук недостаточно раскрывается гендерный аспект изучаемых проблем, при этом 66% опрошенных хотели бы ознакомиться с гендерной проблематикой при их изучении.

8. Всего 18% преподавателей считают, что необходимо преподавание специальных дисциплин по гендерным проблемам на всех факультетах вузов. 12% преподавателей ТвГУ против преподавания гендерных дисциплин в рамках высшего образования.

9. 25% преподавателей общественных и гуманитарных дисциплин в своей преподавательской деятельности никогда не обращают внимание на гендерный аспект изучаемых проблем. Из них 50% считают, что в этом нет необходимости, 30% — недостаточно компетентны, 10% жалуются на недостаточный объем учебных часов.

10. Студенты не смогли назвать учебников по общественным и гуманитарным дисциплинам, где встречаются понятия «гендер», «пол», «гендерные исследования» и т.д.

11. 79% преподавателей отметили, что для них работа и семья одинаково важны, и у 86% опрошенных семья заинтересована в их профессиональном росте.

12. 67% опрошенных преподавателей считают, что работающая женщина, учитывая ее нагрузку по ведению домашнего хозяйства, трудится больше чем мужчина.

13. 10% преподавателей ТвГУ и 19% преподавателей ТГТУ полностью удовлетворены своей работой в вузе.

В. Успенская

**ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКИХ И
ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ
НАУКАХ**

Материалы к библиографии

Андерсен М.Л. Изменение учебной программы высшего образования. Тверь, 2003.

Баблюя З., Булавина Т. Гендерная проблематика в психологии / Теория и история феминизма. Курс лекций. Харьковский центр гендерных исследований: Ф –Пресс. 1996.

Берн, Шон Меган. Гендерная психология. Пер. с англ. М.: ОЛМА–ПРЕСС.— 1999. *Бок, Гизела.* История, история женщин, история полов // *THESIS*, 1994. № 6. С. 170–200.

Бородин Д. Некоторые проблемы преподавания истории с позиции гендерного подхода // *Пути и методы интеграции женских и гендерных исследований в преподавание социальных и гуманитарных дисциплин: Материалы научно–практической конференции, Тверь, 2–3 июня 2000г.* Тверь, ТвГУ, 2000. С. 4447.

Бородина А. Проблема интеграции гендерных исследований в преподавание правовых дисциплин // *Там же.* С. 53–56.

Брайсон, Валери. Политическая теория феминизма: Введение / Пер. с англ. М.: Идея–Пресс, 2001.

Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Екатеринбург, 2004.

Введение в Гендерные исследования. Ч.1–2. СПб., 2001.

Введение в Гендерные исследования. Учеб. пос. / Под ред. И.-Костиковой. М., 2005.

Воронина О. Формирование гендерного подхода в социальных науках // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций.* М., 2001.

Воронина О. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *ОНС, 2000, №4.*

Вулли Ф. Феминистский вызов неоклассической экономической теории // *THESIS*, 1994. Вып. 6. С.77–101.

Гапова Е.И. Гендерная проблематика в антропологии // Жеребкина И.А. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1. СПб., 2001. С. 370–390.

Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства. Сб—к материалов Международной летней школы—2001. — Иваново: Изд—во Иван.гос.ун—т, 2002.

Гендерные аспекты политической социологии. Учеб.пос. / Под ред. С.Айвазовой, О.Хасбулатовой. М., 2004.

Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития. Материалы конференции. М., МЦГИ. 1996.

Гендерный калейдоскоп: Курс лекций. М., 2001.

Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сборник/ Отв.ред.: И.И. Халеева. М. :Изд-во Моск. лингвист. ун-та, 1999.

Гендерные истории Восточной Европы/Под ред. Е.Гаповой, А.Усмановой, А.Пето. Минск, 2002.

Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. / Под ред. И.Жеребкиной. Харьков. 1998.

Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 сент. 2000 г./Редкол.: О. А. Хасбулатова (отв. ред. и др.). — Иваново: Юнона. Ч. 1: Методология, образовательная политика, философия. — 2000.

Гендерные исследования в гуманитарных науках: Современные подходы : Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 сент. 2000 г./ Редкол.: О. А. Хасбулатова (отв. ред.) и др. — Иваново: Юнона. Ч. 2: Социология, политология, юриспруденция, экономика. — 2000.

Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 сент. 2000 г./ Редкол.: О. А. Хасбулатова (отв. ред. и др.). — Иваново: Юнона. Ч. 3: История, язык, культура. — 2000. — 123 с.: табл.

Гендерные исследования и гендерное образование в системе высшей школы. Материалы международной конференции, Иваново, 2002.

Гендерная методология в общественных науках /Под ред. И.Жеребкиной. Харьков.2000.

Гендерный калейдоскоп: Курс лекций. / Под ред. М.Малышевой. М.:Академия. 2001.

Гендерный фактор в языке и коммуникации. Сб. науч. трудов. Иваново, 1999.

Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // *Гендерные исследования*. 1999. № 2.

Грей Э. Извлекаемая уроки из опыта: культурные исследования и феминизм // *Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия*. СПб.: Алетейя, 2001. С.671–694.

Гурко Т. Развитие феминистской перспективы в социологии // *Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований»*, М., 2000. С. 3111–321.

Жеребкин С. В. Гендерная проблематика в философии // *Введение в гендерные исследования: Учебное пособие*. Ч. 1. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 390–426.

Здравомыслова Е., Темкина А. *Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России* // ОНС, 1999, № 6.

Здравомыслова Е., Темкина А. Институализация гендерных исследований в России // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. Под ред. М.Малышевой. М., 2001. С. 33–51.

Зуйкова Е.М., Ерусланова Р.И. *Феминология*. Учебное пособие. М.: «Маркетинг», 2001.

Кандиотти Д. Развитие гендерных исследований в США // *Социологические исследования* N 5, 1992.

Кандиотти Д. Эволюция гендерных исследований // *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)*. М.1992. С. 156–163.

Келли, Гэри Ф. *Основы современной сексологии: Учеб. пособие*. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000.

Келли Джоан. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин // *Женщины. История. Общество*. Сб–к науч.ст. /Под ред. В.Успенской. Вып.2. –Тверь, 2002. С.23–41.

Кирилина А.В. *Гендер: лингвистические аспекты*. М., 1999.

Кирилина А.В. *Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации*. Учеб.пос. М., 2004.

Клецина И. Гендерный подход в системе психологического образования // *Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках.* ХЦГИ, 1999. С. 193–214.

Клецина И. Методические проблемы включения гендерной проблематики в преподавание социальных и гуманитарных дисциплин // *Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание...* С. 24–27.

Клецина И. Развитие гендерных исследований в психологии в России // *Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований.* 2002. С. 44–50.

Клецина И.С. Качество преподавания как одна из проблем гендерного образования // *Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе.* Материалы межд. конф. Иваново, 2002. С. 3–10.

Козлова Н.Н. Гендер как инструмент политологического анализа // *Пути и методы интеграции женских и гендерных исследований в преподавание...* С. 38–43.

Козлова Н.Н. Методика гендерного анализа учебных пособий по политологии // *Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе.* Материалы межд. конф. Иваново, 2002. С. 42–47.

Кон, И. С. Введение в сексологию 2. изд., доп. – М.: Медицина, 1989.

Кон И.С. История и теория «мужских исследований» // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций.* М., 2001.

Лазарис К. Гендерные исследования в Средиземноморском регионе // *Социологические исследования,* 1992, N5.

Ленгерман П.М., Нибрюгге–Брантли Дж. Современная теория феминизма // *Ритцер Джордж.* Современные социологические теории. 5-е издание. Пер. с англ. – СПб.; Питер, 2002. С. 357–414.

Ладыкина Т.А. Интеграция гендерных исследований в преподавание социально–философских дисциплин // *Гендерные исследования* Иваново, 2002. С. 47–52.

Мезенцева Е.Б. Гендерная экономика: теоретические подходы // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций.* М., 2001. С. 310–330.

Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах / Сост. К.А.Богданов, А.А.Панченко. СПб., 2001.

Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Жеребкина И.А. (ред.) Введение в гендерные исследования. СПб., 2001. Т. II.

Мэгэри С. Женские исследования в Австралии // Социологические исследования, 1992, №5.

Общество и гендер. материалы летней школы в Рязани. Рязань, 2003.

Пушкарева Н. Гендерный подход в исторических исследованиях // *Вопросы истории.* 1998. № 6.

Пушкарева Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина.Гендер.Культура.* М., МЦГИ, 1999.

Пушкарева Н. История, итоги и перспективы институализации women's & gender studies в российской исторической науке // *Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ.* СПб., 2000.

Пушкарева Н. Как женщины сделали видимыми // *Женщины в истории.Возможность быть увиденными.* Минск. 2001. С. 20—55.

Пушкарева Н.Л. От «his-story» к «her-story»: рождение исторической феминологии // *Адам и Ева Альманах гендерной истории.* М., 2001. №1. С.20—46.

Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // *Этнографическое обозрение.* 2001. N 2. С. 31—40.

Пушкарева Н.Л. Гендерная методология в истории // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций.* Под ред. М.Мальшевой. М., 2001. С. 52—75.

Пушкарева Н.Л. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования // *Женщины. История. Общество.* Сб—к науч. ст. /Под ред. В.Успенской. Вып. 2. — Тверь, 2002. С. 9—22.

Рабжаева М.В. Гендерная антропология: аспекты институализации // *Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Материалы межд.конференции.* Иваново, 2002. С. 22—26.

Радина Н.К. Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // *Вопросы психологии.* 1999. №2.

Рассадин С. Легитимация гендерного подхода в дисциплинах философского блока // *Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание ...* С. 48–52.

Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // *Новая и новейшая история*. 1997. № 6. С. 41–58.

Репина Л. П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* М., 2001. №1. С. 7–19.

Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. 2002.

Роуз Х. Исследования женских проблем в Великобритании // *Социологические исследования* N5, 1992.

Рыков С. Л. Гендерные исследования в педагогике // *Гендерные исследования и ...* Иваново. 2002. С. 55–62.

Рюткенен М. Гендер и литература: Проблема «женского письма» и «женского чтения» // *Филологические науки*. 2000. №3. С. 5–17.

Сааринен А. Институализация гендерных исследований в странах Северной Европы // *Гендерные проблемы в современном обществознании*. СПб., 2001. С. 10–32.

Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*, 2000, № 5. С. 142–171.

Строганова Е. Н. Категория «гендер» в изучении истории русской литературы // *Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание...* С. 32–37.

Сукватая В. А. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // *ОНС*, 2002. № 4. С. 183–192.

Тартаковская И. Социология пола и семьи: Курс лекций. Самара: ЗАО «РЦБД», 1997.

Теория и история феминизма / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков. 1998.

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ–МВШСЭН–МФФ, 2001.

Томпсон, Джейн Л., Пристли, Джудит. Социология: Вводный курс / Пер. с англ. – М.: АСТ, 1998.

Усманова А. От «Истории» к истории: гендерный подход к исторической науке в странах переходного периода // *Гендерные исследования*. N 3. Харьков, 1999. С. 370–372.

Усманова А. «Гендерная проблематика в парадигме «культурных исследований» // *Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие.* СПб., 2001. С.427–464.

Успенская В. Опыт интеграции женских и гендерных исследований в учебное расписание университетов США и Западной Европы // *Интеграция женских и гендерных исследований в преподавание...* С. 17–23.

Успенская В. Феминистическая критика современного социологического знания // *Женщины. История. Общество.* Сб. науч. ст. / Под ред. В.Успенской. Вып. 2. Тверь, 2002. С. 42–59.

Хоткина З. Гендерным исследованиям в России десять лет / *ОНС*, № 4, 2000. С.21–26.

Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // *Пол.Гендер.Культура.* М.1999. С. 23–55.

Чемберлен М. Женские исследования в США // *Вы и Мы.* 1998, №

Юдина Н.С. Феминистская ревизия философии: возможности и перспективы // *Феминизм: Восток, Запад, Россия.* М., 1993.

Юкина И. Проблема становления российской истории женщин // *Женщины в истории: Возможность быть увиденными.* Минск. 2001. С. 74–84.

Юлина Н.С. Феминистская ревизия философии: возможности и перспективы // *Феминизм – Восток, Запад, Россия.* М., 1993.

Юкина И.И. История женщин России как субдисциплина российской историографии // *Гендерные исследования и гендерное образование...* Иваново. 2002. С. 148–156.

Юркова Е.В. Практические формы преподавания гендерной психологии // *Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Материалы межд.конф.* Иваново, 2002. С. 3134.

Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // *Введение в гендерные исследования. Ч.1.* С. 86–106.

Чикалова И. Субдисциплины гендерных исследований: женская и гендерная история // *Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований.* 2002. С. 25–28.

Ярская-Смирнова Е.Р. Скрытый учебный план сквозь призму гендерного анализа // *Иной взгляд.* 2000. N 5. С.6–9.

Ярская-Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // *Введение в гендерные исследования.* М., 2001. Ч.1. С. 17–48.

В. Успенская

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ К КУРСУ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

Материалы к библиографии

Абубикирова Н. Что такое «гендер»? // *ОНС*, 1996, № 6. С. 123–125.

Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001.

Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001. С. 291–309.

Бадентер Э. Мужская сущность. Пер. с фр. М., 1995.

Байбурин А.К., Кон И.С. (ред.). Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Сб. ст. М., 1991.

Банч Ш. Феминизм в 80-е годы: мыслить глобально действовать локально // *Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия*. Тверь, 1999. С. 133–142.

Барнет А. Род человеческий. М., 1968.

Барчунова Т. Сексизм в букваре // *ЭКО*. Новосибирск. №3, 1995.

Баскакова М. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М., 1998.

Баскакова М. Высшее образование для мужчин и женщин // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001. С. 331–352.

Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // *Гендерные исследования*, № 3. 1999. С. 89–197.

Бэлл Хукс. Феминистская теория: от края к центру // *Антология гендерных исследований: Сб. пер.* Минск, 2000. С. 236–253.

Бем С. Трансформация дебатов о половом неравенстве // *Феминизм и гендерные исследования*. Хрестоматия. Под ред. В. Успенской. Тверь, 1999.

Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.

Брандт Г. Философия пола Георга Зиммеля // *Преобразование*. Науч.—лит.альманах. 1998. №6.

Величенко Е.А. Мужчина и женщина: проблема понимания на социокультурном фоне XX века // *Метафизические исследования*. СПб., 1997. Вып.4.

Вариации на тему гендера. материалы межвузовской конференции. СПб., 2004.

Ватолина Ю. «Сексуальность» в контексте теории феминизма // *Посиделки*. 2002. №; С. 14—15.

Вейншигер О. Пол и характер. М., 1992.

Весельницкая Е. Женщина в мужском мире. СПб., 1993.

Винокурова Н.А. Женщины и мужчины в науке: двойной портрет // *Социс*. 1999. №4.

Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинаров. Под ред. **М.Мальшевой**. М., МЦГИ. 1997.

Воронина О. Формирование гендерного подхода в социальных науках // *Гендерный калейдоскоп*: Курс лекций. М., 2001.

Воронина О. Гендер // *Женщина плюс...* 2001. №2.

Воронина О. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *ОНС*. 2000. № 4.

Воронина О. Основы гендерной теории и методологии // *Теория и методология гендерной теории*. Курс лекций. М., МЦГИ, 2000. С.95—106.

Воронина О. Традиционные философские, социологические и психологические теории пола // *Там же*. С. 29—49.

Воронина О. Женщина в “мужском” обществе // *Социологические исследования*, 1988 N 2.

Воронина О. Женщина — друг человека? Образ женщины в масс-медиа // *Человек*, N5, 1990.

Воронина О. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.

Воронина О., Клименкова Т. Гендер и культура. / В кн.: Женщины и социальная политика гендерный аспект). М., 1992.

Гейли К.У. Диалектика пола в процессе формирования государства. Пер. с англ. // *Советская этнография*. 1990. №5.

Гендерная интеграция: возможности и пределы социальных инноваций. М., 2004.

Гендерная социология // *Социология*. Под ред. А.Елсукова и др. Минск, 1998. С.417–428;.

Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М., 2004.

Гендерные проблемы и развитие. Пер. с англ. М., 2002.

Гендерные проблемы в России: По национальным публикациям 1993–2003 гг. М., 2004.

Гендерные тетради: Тр.СПб. фил Ин-та социологии РАН: Материалы текущих исследований. СПб., 1997. Вып.1–2.

Гендерные исследования – шанс для социологии // *Социс*. 1992. №5.

Гендерный калейдоскоп: Курс лекций. Под ред. *М.Мальшевой*. М. 2001.

Гендерный фактор в языке и коммуникации. М., МГЛУ. 1999.

Гидденс А. Гендер и сексуальность // *Гидденс А. Социология*. Пер. с англ. М., 1999. С.152–194;

Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // *Социол. Исслед.*, 1992. № 7.

Гидденс Э. Фуко о сексуальности // *Социология сексуальности*. Труды СПб филиала ИС РАН. 1997. С.20–35.

Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.

Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах // *Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс*. Реферативный сборник. М., 1995.

Гиллиган К. Иным голосом (Фрагмент из книги) // *Этическая мысль*. Научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992. С. 352–371.

Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины / ред. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Хрестоматия феминистских тестов. ДБ, СПб, 2000: 166–186

Голод С.И. Российское население сквозь призму гендерных различий // *Качество населения С-Петербурга*. СПб., 1996. №2.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

Голод С.И. Изучение половой морали в 20-е годы // *Социс.* 1986. №2.

Гофман И. Гендерный дисплей // *Введение в гендерные исследования.* Ч.2. С. 306–335.

Гурко Т. Социология пола и гендерных отношений // *Социология в России.* М., 1998. С.173–195;

Гурко Т. Развитие феминистской перспективы в социологии // *Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований»*, М., 2000. С. 3111–321.

Дюркгейм Э. Метод социологии (1894). СС. 411–447; О разделении общественного труда (1893). СС. 56–65, 109–161, 246–248, 353–360 // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Наука, 1991

Ерофеев В. Мужчины. М., 1997.

Женщина и мужчина (от конфликта к согласию). М., 2005.

Женщина в обществе: мифы и реалии / Ред. Круминг Л.С. М. 2001.

Женское движение в контексте российской истории. М. 1999.

Женщина, гендер, культура. М. 1999.

Женщины в общественных объединениях. М., 1992.

Женщины и мужчины России: Крат. стат. Сб. М., 2000.

Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // *Введение в гендерные исследования.* Часть 1. Учебное пособие (Харьков: ХЦГИ, СПб: «Алетейя», 2001). С. 49–79.

Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Они же* (ред.) *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период.* СПб., 1996. Вып.4.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социс*, 2000. № 11.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // *Введение в гендерные исследования.* Ч.1. СПб., 2002. С. 147–173.

Здравомыслова Е., Темкина А. Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // *Гендерные исследования.* Харьков. №5 (2/2000). С.211–224.

Здравомыслова Е., Темкина А. Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // *Введение в гендерные исследования*. Ч.1. С. 174–196.

Здравомыслова Е. и др. Гендерные стереотипы в дошкольной детской литературе: Русские сказки // *Преображение*. 1998. №6.

Здравомыслова О.М. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // *Гендерный калейдоскоп*. – Курс лекций. М., 2001. С.473–488.

Зиммель Г. Женская культура. Фрагмент о любви. // Зиммель Г. Избранное. Москва. Т.2. СС.234–265.

Калабихина И Социальный пол и проблемы населения. М. 1995.

Категории тела и пола в Ветхом и Новом Завете // *Человек*. 1996. №5.

Келли Г.Ф. Основы современной сексологии. СПб., 2000.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / *Гендер как интрига познания*. М., 2000.

Клецина А. Гендерная социализация. Учебное пособие. СПб., 1998.

Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М. 1996.

Клименкова Т. Феминизм и постмодернизм // *Феминизм и гендерные исследования: Хрестоматия*. Тверь, 1999. С. 159–165.

Клинггер К. Либерализм–Марксизм–Постмодернизм. Феминизм и его счастливый или несчастный «брак» с различными теоретическими течениями 20-го столетия // *Гендерные исследования*. – 1998. № 1. С. 35–66.

Коган И. Метафизика андрогинизма: сверчеловек как сверхмужчина (в учениях Вл.Соловьева и Н.Бердяева) // *Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований*. 2002. С.39–43.

Козина М. Что определяет статус «кормильца» сегодня? // *Социс*. 2000. №11.

Колмакова Т.И. Феминизм как социально-политическая теория // *Женщины в общественных объединениях*. М., 1992.

Комплексный подход к проблеме равенства между женщинами и мужчинами: Концептуальные рамки, методология и ознакомление с «позитивным опытом». (Пер. с англ.). Страсбург, май 1998 .

Кон И.С. Российский мужчина и его проблемы // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001.

Кон И.С. История и теория «мужских исследований» // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001. С.188–242.

Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1998.

Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // *Введение в гендерные исследования*. Ч.1. М., 2001.

Кон И.С. На стыке наук: Интегративные тенденции в объяснении человеческой сексуальности // *Вопросы философии*. 1981. №10.

Кон И.С. Психология половых различий // *Вопросы психологии*. 1981. №2.

Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997.

Кон И.С. Лунный свет на заре: Лики и маски однолой любви. М.1998.

Конусов Ю.А. Мужчина в семье: типы поведения // *Семья и социальная структура*. М., 1987.

Костикова И.В. Понятие гендера. Гендерные исследования. // Введение в гендерные исследования: Учеб.пособие. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 5–26.

Лакофф Р. Язык и место женщины // Жеребкина И. (ред.) Введение в гендерные исследования.

Ч. II. СПб., 2001. С. 784–798.

Лорбер Дж. Пол как социальная категория // *Феминизм и гендерные исследования*. Хрестоматия. Под ред. В.Успенской. Тверь, 1999. С. 14–22.

Лорбер Дж., Фаррелл С. Принципы гендерного конструирования // *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб., 2000. С. 183–192.

Лурье М.Л. Служба в армии как воспитание чувств // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб., 2001. С.260–271.

Мальшева М. Современный патриархат: Социально–экономическое эссе. М., 2001.

Мальшева М. Анализ качественных данных в гендерных исследованиях // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. Под ред. М.Мальшевой. М., 2001. С. 146–168.

Махрова О. Гендерная структура российской бизнес–элиты. М., РАН, 1998.

Мельникова Т.А. Включение гендерной системы в теорию общих систем // Проблемы общественного развития. М., 1998. №1–2.

Мендра А. Мужчины и женщины // **Мендра А.** *Основы социологии.* Учеб. пособие. М., 2000.

Мещеркина Е. Введение в антологию мужской жизни // Судьбы людей: Россия XX век. Биография семей как объект социологического исследования. Под ред. Семеновской и др. М., 1996.

Мещеркина Е. Институциональный сексизм и стереотипы маскулинности // *Гендерные аспекты социальной трансформации.* Под ред. М.Малышевой. М., 1996.

Мещеркина Е. Ю. Качественные методы в гендерной социологии // *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций.* М., 2001. С. 169–187.

Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Жеребкина И.А. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. 1. СПб., 2001. С. 197–238.

Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004.

Миллет К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. №9. С. 23–58.

Мольтманн–Вендель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину: (Феминистская теология и человеческая идентичность) // *Вопросы философии.* 1991. №3.

Нечаева Н.А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // *Гендерные тетради.* Вып.1. 1997. С.17–43.

Нечаева Н.А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // *Гендерные тетради.* Вып.2. 1999. С.5–20.

Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. Пер. с англ. Под ред. Ф.Гардинер. М., 2000.

О мужественности. Сб-к науч.ст. Под ред. С.Жеребкина. М., 2002.

Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай. // *Общественные науки и современность.* 1993. № 1.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987.

Оукли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // *Введение в гендерные исследования*. Под ред. И.Жеребкиной. Ч.1. С.336–364.

Поленина С.В. Социогендерный аспект в социологии права // *Социс*. 1995. №7.

Попова П. Современный мужчина в зеркале семейной жизни. М., 1989.

Посадская А., Римашевская Н., Захарова Н. Как мы решаем женский вопрос // *Народонаселение*, 2002, №1. С.9–19. (*Коммунист*, 1989, № 4).

Прокопенко М. Социологическая теория гендерной стратификации // *Современная теория феминизма*. Под ред. И.Жеребкиной. Харьков. 1998. С.145–179.

Рейнхарц С. Феминистское мультиметодное исследование // *Введение в гендерные исследования*. Ч.1. С.364–385.

Ржаницина Л.И. Женщина на российском рынке труда // *Социс*. 1995. №7.

Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально–экономической трансформации в России // *Гендерный калейдоскоп*. Курс лекций. Под ред. М.Мальшевой. М., 2001. С. 243–257.

Романов П.В. Феминистская этнография: метод сбора данных и политика интерпретаций // *Гендерные исследования*. №6 (1/ 2001). С.322–335.

Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономике» пола // *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб., 2000. С. 89–139.

Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории сексуальных политик // *Введение в гендерные исследования*. Хрестоматия. Ч. 2. СПб.: Алетейя, 2001. С. 464–533.

Салменниemi, Суви. Гендерное равенство в скандинавских странах: случай Финляндии // *Женщины*. История. Общество. Сб. науч.ст. / Под ред. В.Успенской. Вып. 2. Тверь, 2002.

Силласте Г. Социогендерные отношения // *Социологические исследования*, 1994, N 3.

Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // *Социол. исслед.*, 2000. № 11. С. 5–14.

Синельников А. Поощрение и наказание: Мужчина и патриархатная власть // *Преображение*. 1997. №5.

Смелзер Н. Социология: О распределении социальных благ между мужчинами и женщинами // *Социс.* 1992. №10.

Смелзер Н. Сексуальные роли и неравенство // Смелзер Н. Социология. Пер. с англ. М., 1994. С. 328–360;

Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // *Хрестоматия феминистских текстов.* СПб., 2000. С. 29–63.

Социология пола и гендерных отношений // Социология. Под ред. *Павленка П.Д.* М., 2002. С. 258–276.

Социология гендерных отношений. учеб. пос.

Спендер Д. Мужчина создал язык // *И. Жеребкина* (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч. II. СПб., 2001. С. 775–784

Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М., 1996.

Тартаковская И. Социология пола. Саратов. 1997.

Тартаковская И. Гендерные аспекты стратегии безработных // *Социс.* 2000. №11.

Тёмкина А. Женское движение как общественное движение // Гендерные тетради. Вып.1. СПб., 1997. С.70–93.

Томпсон Д., Пристли Д. Биологический пол, социальный пол и сексуальность // *Томпсон Д., Пристли Д.* Социология. М. 1998. С. 70–104.

Уолцер М. Симона де Бовуар и ассимилированная женщина // Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX в. М., 1999. С. 225–248.

Уолцер М. Гендер // Уолцер М. *О терпимости.* М. 2000. С. 75–80.

Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идеи в защиту прав женщин в истории европейской социальной мысли, XV–XVIII вв. // *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций.* Под ред. М.Малышевой. М., 2001. С. 76–98.

Успенская В. Феминистская критика современного социологического знания // Успенская В. Пол и гендер в науках о человеке и обществе. Материалы семинаров. Тверь, ТвГУ. 2002.

Ушакин С. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // *Человек.* 1997.

Ушакин С. Поле пола: в центре и по краям // *Вопросы философии.* 1999. №5.

Ушакин С. Политическая теория феминизма // *Вопросы философии*. 2000. №11.

Ушакин С. Видимость мужественности // *О мужественности*. 2002. С. 479–504.

Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов*. СПб., 2000. С. 193–220.

Фёдорова Л. Проблемы женских неправительственных организаций // *Преображение*. 1996. №4. С. 35–45.

Федосеева Н. Проблема гендерного неравенства (реферат) // *Преображение*. 1996. №4.

Фрейд З. Лекция 33: Женственность // Фрейд З. Лекции «Введение в психоанализ». СС. 369–385.

Фрейд З. Три статьи по теории сексуальности // Фрейд З. Либидо. Энциклопедия психоанализа. М. 1996. СС. 71–95.

Фромм Э. Мужчина и женщина. М. 1998.

Фуко М. История сексуальности. III. Забота о себе. М. 1998.

Хольмберг К., Линдхольм М. Феминистская теория // Монсон П. (ред.) *Современная западная социология*. СПб., 1992.

Хорни К. Неодерие между полами // *Психологический журнал*. 1993. Т.14. №5.

Хоткина З. Гендерный подход к анализу рынка труда и занятости *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001. С.353–377.

Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // *Антология гендерных текстов*. Минск. 2000. С.

Чикалова И., Янчук Е. Гендер: введение в понятие // *Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований*. 2002. С. 60–61.

Чирикова А. Женщина во главе фирмы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.

Экономика и социальная политика: гендерное измерение. Курс лекций. Под ред. *М.Мальшевой*. М., 2002.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. *Собр.соч.* т. 21. Предисловие к 4 изд., гл. 2 «Семья».

Шведова Н. Гендерный подход как фактор политической культуры // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. М., 2001. С.271–290.

Шевелев А. Система мужского дворянского воспитания в России XVIII–XIX веков в педагогике кадетских корпусов // *История педагогики сегодня*. СПб., 1998.

Школьников И.А. Скандинавская модель гендерного равенства // Женские миры 99. Иваново, 1999. С.56–77.

Элиас Н. Отношения между мужчиной и женщиной: изменение установки // *THESIS*, 1994. Вып.6. С. 103–127.

Ярская–Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001.

В. Успенская

ЖЕНСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИИ

Материалы к библиографии

Специализированные журналы, альманахи и выпуски научных сборников

Адам и Ева. Альманах гендерной истории \ Под ред. Л. Репиной. М. 2000, № 1; 2001, № 2.

Женщина в российском обществе. Научно-общественный журнал. Иваново.

Женщины в истории: возможность быть увиденными. Сб. науч. ст. Гл. ред. И. Чикалова. Вып. 1–2. Минск, 2001 – 2002.

Женщины. История. Общество. Сб. науч. ст. \ Под ред. В. Успенской. Вып. 1. Тверь, 1999. Вып. 2. Тверь, 2002.

Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований \ Под ред. И. Чикаловой. Минск, 2002.

Книги и статьи

Айвазова С. Женское движение в России: история и современность // ОНС, 1995, №2. С.121–130.

Айвазова С. Идеиные истоки русского феминизма // ОНС, 1991. №4. С.125–132.

Айвазова С. Женское движение в годы Великой Французской революции // Великая Французская революция и современность. М., 1990.

Айрис Риан. Чаша и клинок (взгляд на историю сквозь призму взаимоотношений мужчины и женщины). М., 1993.

Бовуар Симона. Второй пол. М., 1999.

Бок Г. История, история женщин, история полов // *THESIS*, 1994. № 6. С.170–200.

Бородин Д. Некоторые проблемы преподавания истории с позиции гендерного подхода // Пути и методы интеграции женских и гендерных исследований в преподавание социальных и гу-

манитарных дисциплин: Материалы научно–практической конференции, Тверь, 2–3 июня 2000г. Тверь, ТвГУ, 2000. С. 44–47.

Будде Г.Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Ред. Э.Шорэ, К.Хайдер. М., 1999. С. 131–154.

Бутовская М. Тайны пола: Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино, 2004.

Вейнинггер О. Пол и характер. М., 1989.

Вулф Вирджиния. Своя комната // Эти загадочные англичанки. М., 1998. С.

Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. *Е.Гаповой, А.Усмановой, А.Пето.* Минск, 2002.

Женщины в легендах и мифах. Под ред. *К.Ларрингтон.* М. 1998.

Женщины в социальной истории России / Под ред. Успенской. Тверь, ТвГУ. 1996

Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2003.

История женщин России: Женское движение и феминизм (1850–1920–е годы). материалы к библиографии. СПб., 12003.

Митрофанова А.В. Проблема пола в европейской и общественно–политической мысли Нового времени // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2000. Гл. III. С. 27–43.

Митрофанова А.В. Проблема пола в европейской и общественно–политической мысли (Античность Средние века и Возрождение) // Введение в гендерные исследования: Учеб.пособие. М.: Изд–во МГУ, 2000. Гл. II. С. 27–43.

О мужественности. Сб-к статей. Под ред. *С.Ушакина.* М. 2002.

Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай. // Общественные науки и современность. 1993. № 1.

Оффен Карен. Оглядываясь назад — размышляя о будущем: Проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжии (1989) // *Гендерные истории Восточной Европы.* Минск, 2002. С.13–26.

Павлюченко Э.Я. Женщины в русском освободительном движении. М. 1988.

Пушкарева Н. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X—начало XIXв.). М. 1997.

Пето Андреа. Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки // *Там же*. С. 27–37.

Пушкарева Н. Гендерный подход в исторических исследованиях // *Вопросы истории*. 1998. № 6.

Пушкарева Н. Как женщин сделали видимыми // *Женщины в истории: Возможность быть увиденными*. Минск. 2001. С. 20–55.

Пушкарева Н.Л. От «his-story» к «her-story»: рождение исторической феминологии // *Адам и Ева Альманах гендерной истории*. М., 2001. №1. С.20–46.

Пушкарева Н.Л. Гендерная методология в истории // *Гендерный калейдоскоп: Курс лекций*. Под ред. М.Малышевой. М., 2001. С. 52–75.

Пушкарева Н.Л. История, итоги и перспективы институционализации women & gender studies в российской исторической науке // Муравьева М.Г. (ред.) *Гендерная история: pro et contra*. СПб., 2000. С. 21–30.

Пушкарева Н.Л. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования // *Женщины. История. Общество. Сб. науч. ст. /Под ред. В.Успенской. Тверь, 2002.*

Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // *Новая и новейшая история*. 1997. № 6. С 41–58.

Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* М., 2001. №1. С. 7–19.

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. 2002.

Рябов О.В. «Mother Russia»: гендерный аспект образа России в западной историософии // ОНС. 2000. №4.

Савкина И.Л. Автодокументальные русские тексты первой половины XIX в. Тампере, 2000.

Скотт Джоан. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования, 2000, № 5*. С.142–171.

Судьбы и образы женщин средневековья. СПб., 2001.

Тишкин Г. Женский вопрос в России в 50–60-е гг. 19 века. Л., 1984.

Усманова А. От «Истории» к истории: гендерный подход к исторической науке в странах переходного периода // Гендерные исследования. № 3. Харьков, 1999. С. 370–372

Успенская В.И. Женская история и развитие феминистского сознания /Женщины. История. Общество. Сб. ст. /Под ред. В.Успенской. Тверь, ТвГУ, 1999.

Успенская В.И. Суфражизм в истории феминизма и русские равноправки // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С.70–80

Успенская В.И. Феминизм до феминизма: идеи равноправия полов в истории европейской социальной мысли. Тверь, ТвГУ, 2000.

Успенская В.И. Теоретическая реабилитация женщин в произведениях Кристины Пизанской. Тверь, 2003.

Хасбулатова О. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994.

Феминизм: проза, мемуары, письма. / Под ред. М.Шнеир. М., 1992.

Фуко М. Забота о себе. История сексуальности III. М. 1999.

Чикалова И. Субдисциплины гендерных исследований: женская и гендерная история // *Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований.* 2002. С. 25–28.

Юкина И. Проблема становления российской истории женщин // *Женщины в истории: Возможность быть увиденными.* Минск. 2001. С. 74–84.

Юкина И.И. История женщин России как субдисциплина российской историографии // *Гендерные исследования и гендерное образование...* Иваново. 2002. С. 148–156.

Эванс Э. Рождённая для свободы. История американских женщин. М., 1993.

Энгельштейн Лора. Ключи от счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.

Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // *Средние века.* М., 1994. Вып. 57. С. 126–136.

Н. Козлова

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ГЕНДЕРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ

Материалы к библиографии

Айвазова С. Женское движение и политика // Массовые движения в современном обществе. М., 1990. С.117–127.

Айвазова С. Женское движение в годы Великой Французской революции // Великая Французская революция и современность. М., 1990.

Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных компаний 1999 и 2000 гг. в России. М., 2000.

Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. М., 2001.

Воронина О., Кочкина Е. Четвёртая Конференция ООН по положению женщин // Гендерные аспекты социальной трансформации. Под ред. М. Малышевой. М., 1997. С.269–291.

Гендерная реконструкция политических систем /Под ред. Н.Степановой, Е.Кочкиной. СПб., 2004.

Гидденс А. Участие женщин в политике //Гидденс А. Социология. М., 1999. С.309–314.

Женские неправительственные организации России и СНГ. Справочник. Авторы—составители: Абукикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Реинова М.А., Тройнова Т.Г. М., 1997.

Канапьянова Р.М. Женщина на государственной службе: современная политика и перспектива // Государственная служба РФ: становление, кадровое обеспечение. М., 1996.

Канапьянова Р.М. Женщины в системе государственной службы // Женщина и свобода. М., 1993. С.58–62.

Клименкова Т.А. К.Пэйтман. Демократия, феминизм и теория политики // Социальные науки. 1991. №2.

Ковалёва Т.Э., Иванчук Н.В. Женщины: ресурс политического поведения // Социс. 1995. №7. С.68–71.

Константинова В.Н. Женщины и проблема политического лидерства // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. С.107–118.

Константинова В. Власть и женщина, женщины во власти. Реализация права женщин на политическое участие и представительство // Права женщин: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. М., 1998. С.190–246.

Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность, 1991, №1. С.173–183.

Кочкина Е. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся политическая роль женщины и пересмотр теории политики // Женщина и культура. 1998. С.96–107.

Лахова Е. Перспективы паритетной демократии в России (задачи женского движения). М., 1997.

Мельникова Т.А. Женское движение в России в политических процессах современного общества. М., 1999

ООН и права женщин: история и современность. Петрозаводск, 1999.

Осадчая Г.И. Политическое поведение женщин // Социс. 1991. №12. С.12–16.

Степанова Н.М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы // Общественные науки и современность. 1999. №4. С.185–192.

Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. М. 2000.

Табурова С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев // Социс. 1999. №9. С.84–93.

Тёмкина А. Женское движение как общественное движение // Гендерные тетради. Вып.1. СПб., 1997. С.70–93.

Тёмкина А. Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности. Под ред. Е.Здравомысловой, А.Тёмкиной. СПб., 1996. С.13–19.

Табурова С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев // Социс. 1999. №9. С.84–93.

Успенская В. Политическое партнерство полов в политике: препятствия и перспективы // Социально-политические процессы в современном мире. Сб. науч. ст. Тверь, ТвГУ, 1997.

Тишков В.А. Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994. С. 8–16.

Успенская В.И. Феминизм: происхождение понятия и его современный смысл // Женщины. История. Общество. Тверь, 1999. С. 149–155.

Успенская В. Политическое партнерство полов в политике: препятствия и перспективы // Социально-политические процессы в современном мире. Сб. науч. ст. ТвГУ, 1997.

Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия под ред. В. Успенской. Тверь, 1999.

Феминистская политическая теория // Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна. М., 1999. С. 430–433, 462–465.

Фесенко В. Динамика политического участия женщин: самоорганизация, политическое движение, вхождение во власть // Гендерные исследования. ХЦГИ, 1999. №4. С. 83–151.

Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. ХЦГИ, СПб, 2001. Ч. 1. С. 80–106.

Численность и состав женщин, занятых в федеральных органах власти государственной власти // Бюллетень Департамента по делам семьи, женщин, детей. 1998. №2. С. 24–37.

Шведова Н.А. Для чего женщины нужны в парламенте. // Женщина в российском обществе. Иваново. 1998. №3.

Эллиот П., Мендел Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках. ХЦГИ. 1998. С. 15–51

Раздел 3

**Феминистская критика современного
социального знания**

Марсия Миллман, Розабет Мосс Кантер

**ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ «ДРУГОЙ ГОЛОС:
ФЕМИНИСТСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА
ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ
НАУКИ»¹**

Все знают сказку о новом наряде короля: хотя горожане и убедили себя в том, что король одет в элегантные одежды, маленький мальчик, обладающий неискажённым взглядом, показал народу, что, по сути, король-то голый. Сказка учит нас одной из основных социологических установок: действительность субъективна или, другими словами, подвержена социальным дефинициям. Сказка также напоминает нам, что коллективные заблуждения можно устранить, посмотрев на мир свежим незамутнённым взглядом.

Освободительные движения в этом смысле во многом напоминают вышеупомянутый сказочный сюжет: они делают возможным для людей увидеть мир в расширенной перспективе, устраняя пелену и шоры, затуманивающие знание и наблюдения. За последнее время ни одно общественное движение не оказало столь пугающего, имеющего далеко идущие последствия влияния на образ действия и мировоззрение людей в мировом масштабе, как это сделало женское движение. Подобно сторонним наблюдателям парадного королевского шествия, мы можем видеть те вещи (и откровенно говорить о них), которые всегда были на своём месте — их просто не распознавали. В самом деле, сегодня невозможно не заметить те черты общественной жизни

---

¹ Millman M., Kanter, R. M. Editorial Introduction // Another Voice: Feminist Perspectives on Social Life and Social Science. Ed. by M. Millman and R. M. M. Kanter. New York., 1975. P. vii-xvii. Перевод с англ. А.В. Бородиной, редакция В.И. Успенской. Тверь, ТвГУ, 2002. Для проектных семинаров ТЦЖГИ «Научно-методическое обеспечение интеграции гендерного подхода в преподавание социально-гуманитарных дисциплин».

ни, которые были невидимы глазу ещё десять лет назад. Перемены в личном и общественном сознании наводят на мысль о некоторых из наиболее значительных проблем социологии: вопросы о знании, о том, насколько знания о мире и восприятие людей обусловлены их конкретными позициями в социальных структурах.

Несмотря на то, что социология часто подразумевает «единое общество» (хотя и с классовыми различиями), более вероятным является то, что члены различных социальных категорий, таких, как женщины и мужчины, по-разному расположенных в социальной структуре, в субъективном и буквальном смысле обитают в разных социальных мирах и реальностях. Рассуждая в русле идеи об экспансии сознания, пришедшей из женского движения, становится очевидным, что большая часть того, что мы понимали под исследованиями общества, представляет собой не что иное, как мужские исследования мужского общества (одолжим высказывание Джесси Бернارد). Феминистские критики показали нам, насколько социальные науки предопределялись моделями, репрезентирующими мир, которым управляли белые мужчины, вследствие чего все наши исследования социальной действительности были ограничены частными интересами, взглядами и опытами именно этой группы. По мере того как новые группы оспаривают сложившуюся структуру власти и приобретают новые роли и возможности, возникают и новые модели (устройства) общества.

Издание настоящего сборника было предпринято с целью критического переосмысления социологии, а также с тем, чтобы задаться вопросом: каким образом наше знание о социальном устройстве мира и общественном поведении может быть расширено, чтобы включить в себя более широкий круг теорий, подходов и социальных реальностей. В частности, предполагается изучить реальности, ранее невидимые, но теперь обретшие плоть и кровь благодаря женскому движению. Мы не ставили главной своей задачей установить, что к женщинам в социальных науках относятся стереотипно, хотя это, похоже, является неизбежной чертой подобного анализа. Равным образом мы не собирались ограничивать наше исследование изучением того, как игнорируется участие женщин в общественной жизни. Вме-

сто этого мы хотели переосмыслить базовые теории, парадигмы, постулаты и методологию социологии и других социальных наук, с тем, чтобы установить, какие же изменения необходимы для того, чтобы социальная теория и исследования отражали множество как мужских, так и женских реальностей и интегресов. Мы также предполагали сделать критический библиографический обзор существующих исследований и работ о женщинах и помочь сориентироваться в этом массиве тем читателям, которые захотят продолжить своё знакомство с указанной проблематикой. <...> Все авторы данного сборника сошлись во мнении, что ведение социальной жизни, воплощённое в общепринятой социальной науке, существенно ограничено. Суммируя все работы, входящие в сборник, мы можем выделить шесть важных типов феминистской критики:

1. *Важные области социального исследования пропускались в связи с использованием конкретных общепринятых моделей, определяющих поле; альтернативные модели могут открыть новые области для изучения как женщин, так и мужчин.*

В связи с тем, что социологи в основном полагались на опеределённые модели общественного устройства, структур и действия, можно говорить о систематической слепоте по отношению к важным элементам социальной реальности. Большинство моделей, преобладающих в социологии, строится на традиционно маскулинистских постулатах и мужских правилах игры. Хохскильд утверждает, что подчёркивание социологией веберинской рациональности при объяснении человеческого действия и социальной организации изначально исключает столь же важный элемент эмоции из изучения общественной жизни и социальной структуры. Она предлагает оригинальную социологическую концепцию изучения эмоций (чувств) при исследовании социальных структур. Лофлэнд отмечает, что безоговорочное доверие, испытываемое социологами урбанистами к «модели сообщества», (автоматически) устраняет необходимость наблюдения за другими, не менее важными формами социальной организации в городе - в частности, теми, которые населяют и в которых доминируют женщины. Миллман полагает, что драматургический анализ девиации и социального контроля

может скрыть страдания, которые испытывают люди в подобных местах.

Данные темы возникают и в более общих дискуссиях, где ряд авторов подвергает сомнению здравый смысл, который, казалось бы, присущ многим социологическим моделям, не использующим личность и его / её субъективные опыты как надлежащую единицу анализа. Подобное критическое осмысление напминает комментарий Джесси Бернад и Рэ Карлсон к проводимому Дэвидом Баканом различию между двумя вариантами исследовательского подхода, охарактеризованными им как «действие» (agency) и «общность» (communion). Действие основывается на переменных, тогда как общность на людях.

Действие функционирует за счёт господства и контроля; общность же за счёт включённого наблюдения, чувствительности по отношению к качественным методам и будущего личного участия самого исследователя (Карлсон, 1972). Ничто в этой полярности не является принципиально новым. В течение почти пятидесяти лет я наблюдала за той или иной версией вышеуказанной дихотомии в социологии (к примеру, противопоставление статистического метода методу исследования случая (case study), количественных методов - качественным, знания понимания или *verstehen*...)

Однако новым во всём этом является признание в исследовании элемента *мачизма*. Специфические процессы, имеющие место в исследовании с позиций действия, являются типично мужскими занятиями; действие идентифицируется с принципом маскулинности, протестантской этикой, фаустовским стремлением к познанию и с другими средствами достижения господства, отделения и возвеличивания эго. Учёный, прибегнувший к подобному подходу, создаёт свою собственную контролируемую реальность. Он может ею манипулировать. Он господин. Он обладает властью. Он может добавить, убавить либо скомбинировать переменные. Он может играть с поддельной реальностью как бог-олимпиец. Он может держать дистанцию, прикрываясь своим щитом, оставаясь не вовлечённым. Коммунальный (общностный) подход гораздо более скромнен. Он де-завуирует контроль, ибо контроль извращает результаты.

Статьи некоторых авторов, представленные в данном сборнике, свидетельствуют о том, что исследование, проведённое в рамках «принципа действия» с использованием количественных методов, оказывается не в состоянии вобрать в себя наиболее важные черты общественной жизни.

2. Социология концентрируется главным образом, на публичных, официальных, видимых акторах и / или исполнителях драматических ролей и определениях ситуации; однако неофициальные, вспомогательные, менее драматические, частные и невидимые сферы общественной жизни и общественного устройства могут оказаться в равной степени важными.

Подобно тому, как социология проглядела важные социальные реальности вследствие использования определённых ограничительных *моделей* определения поля, она также проигнорировала огромные пласты общественной жизни, в связи с использованием ограничительных определений *области* социального действия. Концентрируясь лишь на «официальных» акторах и действиях, социология оставляет за бортом в равной степени значимые сферы приватных, вспомогательных, неформальных, локальных общественных структур, в которых женщины участвуют в наибольшей степени. Вследствие этого мы не только недооцениваем и искажаем деятельность женщин через призму социальных наук, мы также оказываемся неспособными понять, как на самом деле функционируют социальные системы, ибо не принимаем в расчёт один из самых важных процессов: взаимодействие между неформальными, межличностными сетями и формальными, официальными общественными структурами. Можно сказать, что социологи изучают лишь верхушку айсберга, обращая внимание на формальные, официальные действия и акторов.

Для феминисток эти неофициальные, менее видимые структуры приобретают огромное значение, поскольку, как отмечает Полин Барт, именно за счёт неформальной власти женщинам приходится получать то, в чём им формально отказывают. Тем не менее неформальные сети также обеспечивают поддержку и защиту официальных, формальных общественных структур. Джудит Лорбер показывает, каким образом неформальная братская система мужского спонсорства и покровительства обеспе-

чивает одним лишь мужчинам-врачам доступ к практике в престижных районах и престижным медицинским специальностям. Лорбер утверждает, что данная неформальная сеть может иметь гораздо больше негативных последствий для женщин, чем традиционный перечень факторов, объясняющих непропорционально большой процент женщин среди врачей, имеющих мало оплачиваемые и непрестижные специальности.

Прибегая к схожим аргументам, Роби, Кантер и Дэниэль показывают, каким образом неформальные сети мужской дружбы на рабочем месте изолируют сотрудниц-женщин и обманым путём обходят требования программы аффирмативного действия (положительной дискриминации). Миллман утверждает, что исследования девиаций и социального контроля концентрируются главным образом на драматических инцидентах в официальных структурах - таких, как зал суда и психиатрические лечебницы, уделяя лишь незначительное внимание не менее важной теме долгосрочного приспособления к девиантному поведению. Она также считает, что социологи ещё не осознали всю важность изучения повседневного, межличностного социального контроля и неуловимые, длящиеся серии манёвров, к которым прибегают индивиды, чтобы держать друг друга в ежовых рукавицах во время обычной, повседневной жизни. Кроме того, Миллман отмечает, что социологи в основном фокусируются на исследовании отношений между людьми, официально отнесёнными к разряду правонарушителей, и официальными агентами социального контроля, исключая тем самым из поля зрения жертв членов семьи и других индивидов, тесно связанных с ними, но не занимающих никакого места в формальных процедурах.

Уделяя большое внимание видимой, официальной части общественной жизни, социология также проглядела важные структуры поддержки социальных предприятий, поскольку они не находятся на всеобщем обозрении. Кантер обсуждает необходимость включения этих структур в исследования организаций, поскольку многочисленные женщины секретари и клерки, а также «вспомогательные организации», состоящие из жён сотрудников, - исследователями, как правило, игнорируются. Тукман утверждает, что социологи культуры ошибочно сместили акцент

своих исследований на отдельных «гениальных» артистов (как правило, мужчин, поскольку женщины обычно лишены подобных возможностей), отмечая, однако, что мы не можем понять производство искусства, не принимая в расчёт всех социальных структур, обуславливающих изменения и развитие артистических форм. Она полагает, что женщины занимают центральное место в процессе развития искусства, приводя в пример женщин, державших салоны во Франции XVII–XVIII вв; представительниц среднего класса, которые в восемнадцатом веке обусловили развитие романа и других литературных жанров, а также женщин филантропок из числа социальной элиты, которые сегодня финансируют драматическое искусство в Соединённых Штатах Америки. Приведённый выше анализ показывает, что прежние социологические подходы не только игнорируют участие женщин, но и не могут осмыслить многие аспекты функционирования социальных систем (будь то культурные, организационные, межличностные либо медицинские системы).

Наконец, существуют различные «локальные» установки, широко применяемые женщинами в их рутинной повседневной жизни, которые до сих пор игнорируются серьёзными социологическими исследованиями. Как утверждает Лофланд, такие значимые грани городской жизни, как поведение покупателей и продавцов в магазинах, матерей и детей в парках, женщин в салонах красоты и вдов в кофейнях полностью обойдены вниманием тех социологов, которые претендуют на всестороннее исследование «сообщества». Важность повседневных аспектов нашей общественной жизни обретает больший вес с феминистской точки зрения (несмотря на то, что это касается и женщин, и мужчин), поскольку, как указывает Дэниэльс, женщины были традиционно обречены на жизнь, состоящую из уборки и заботы о других.

3. Социология зачастую говорит о «едином» в отношении женщин и мужчин обществе, в котором можно сделать необходимые обобщения относительно всех его участников; тем не менее женщины и мужчины фактически могут обитать в разных социальных мирах, и это необходимо принимать в расчёт.

Джесси Бернад (1973) отмечает, насколько легко можно продемонстрировать, что мужчины и женщины зачастую населяют

разные миры, в то время как живут они в одних и тех же местах. Собственное исследование Бернад (1972) иллюстрирует тот факт, что один и тот же брак может создать разные реальности для жены и мужа. Всё же социологи не всегда всерьёз относятся к указанному выше важному принципу, предполагая вместо этого, что обобщения можно сделать в отношении любого вне зависимости от его места и позиции в обществе.

<...>Хокскильд утверждает, что, несмотря на популярное суждение о том, что эмоции являются великим «уравнителем» для общества, на самом деле такие чувства, как любовь и гнев, неравномерно распределены в социальной структуре (с точки зрения статуса и иерархии власти гнев нацелен вниз, а любовь вверх). Следовательно, обладающие и не обладающие властью люди обитают в разных эмоциональных - так же, как и социальных и физических - мирах. Маккормак предполагает, что хотя исследования в отношении избирательного права и голосования исходили из единой политической культуры для обоих полов (причём женщины зачастую наделялись консерватизмом и политической апатией), фактически было бы более точным говорить о двух разных политических культурах. Следовательно, поведение женщин и мужчин не может оцениваться по одним и тем же (мужским) критериям. Майерс критикует предположение социальных наук о том, что чёрные женщины следуют тем стандартам, которые приняты в белом (мужском) обществе, и, следовательно, чёрным женщинам главам семейств неизбежно присуща низкая самооценка. Майерс утверждает, что, напротив, чёрные женщины оценивают себя в соответствии с их собственными стандартами и системами ценностей и что они гордятся своими властными позициями глав матриархатных семейств. Наконец, Роби обсуждает особые взгляды и опыты женщин - «синих воротничков», а также работниц промышленности и сферы услуг (в противовес опытам их коллег мужчин) и подчёркивает необходимость проведения специальных исследований, чтобы понять обстоятельства их жизни и работы.

4. В некоторых исследовательских областях пол не принимается в расчёт как фактор поведения, однако пол может находиться среди наиболее важных объяснительных переменных.

В своей критике литературы по социологии образования Лайффтут отмечает, что социологи не справляются с изучением вопросов, связанных с тем фактом, что большинство учителей женщины. К примеру, проводимые ранее исследования пренебрегли такими вопросами, как влияние женщин, занимающих доминирующую позицию в классной комнате (и нигде более) на девочек и мальчиков, или как сексуальность учительницы влияет на её взаимодействия с девочками и мальчиками. Лорбер также указывает на то, что, поскольку исследования врачей, как правило, исключали женщин, мы не знаем, как пол врача влияет на ситуацию взаимодействия между врачом и пациентом. Кантер утверждает, что неформальная организация в мире менеджеров может быть в высшей степени маскулинной и что идеология менеджмента поддерживает «маскулинную этику». Тукман считает, что исследования стратегий по набору актёров в рамках артистической карьеры не смогли учесть переменную пола, что, по сути, является вопиющей оплошностью в ситуации, когда пол является наиважнейшим фактором, определяющим выбор той или иной актёрской карьеры. В некоторых случаях подобный недосмотр проистекает из убеждения исследователей в том, что все объекты их исследования - мужчины (как, например, в случае с врачами, менеджерами, артистами); в других случаях исследователи социологи просто не рассматривают доминирование мужчин как проблему, нуждающуюся в объяснении. Таким образом, они не осознают важности распределения полов в различных структурах. Когда мужчины социологи (либо просто мужчины как таковые) смотрят на собрание попечительского совета и видят только мужчин, они думают, что перед ними нейтральный в половом отношении либо бесполой, а вовсе не маскулинный мир. Ибо, как полагает Кантер, лишь женщины являются носителями пола.

5. Социология зачастую занимается объяснениями статуса кво (и, следовательно, помогает обеспечить рациональное объяснение существующему распределению власти в обществе); тем не менее социальным наукам следует изучать необходимые социальные трансформации и поощрять развитие более справедливого, гуманного общества.

Специалистам в области социальных наук следует помнить о том, какое воздействие их исследования могут оказать на социальную политику и легитимацию существующего общественного устройства, поэтому исследователи должны уделять внимание проблемам необходимой трансформации общества и средствам её достижения. Как утверждает Роби, социологам надлежит действовать на стороне женщин синих воротничков и работающих женщин, акцентируя внимание общества на потребностях данной группы и снабжая этих женщин информацией о том, что помогло бы им более эффективно защищать свои права и добиваться своих целей. Этим позиций придерживается и Дэниэльс. Она считает, что в настоящее время существует особая потребность в исследованиях, направленных не только на проведение анализа условий жизни и понимание причин и последствий угнетения женщин, но и на улучшение качества их жизни. В этой связи, полагает Дэниэльс, знание может измениться в лучшую сторону за счёт чередования фактических действий по достижению социальной реформы и отражения процессов, протекающих в подобных социальных движениях.

6. Отдельные методологии (зачастую количественные) и исследовательские ситуации (такие, как использование мужчин-социологов при изучении обществ, включающих в себя женщин) могут систематически препятствовать получению определённого рода информации, в то время как эта недополученная информация может оказаться наиболее важной при объяснении изучаемого феномена.

Методологические предположения и техники могут ограничивать кругозор исследователя и привести к достаточно спорным результатам. Треземер отмечает, что большинство статистических исследований половых различий вводят в заблуждение специалистов в связи с чрезмерным преувеличением различий (между полами) за счёт ненадлежащего использования биполярных, односторонних, непрерывных и нормальных дистрибуций. Треземер предлагает альтернативные количественные методы для изучения гендерных различий в зеркале статистики, исходя из менее предвзятых гипотез. Однако проблемы количественного анализа не ограничиваются использованием ненадлежащих дистрибуций: как мы уже говорили ранее, многие

авторы высказали предпочтение качественным методам в противовес более распространённым количественным, которые имеют дело с цифрами, а не людьми, и в отношении которых можно провести аналогию с неприятно преувеличенным маслинным стилем контроля и манипулирования.

Лорбер и Миллман указывают на трудности, с которыми сталкиваются мужчины социологи, исследующие женщин: перед мужчинами стоит серьёзное препятствие, поскольку они зачастую не могут «поставить себя на место женщин объектов своего исследования». Мужчины акторы и объекты исследований — запечатляются мужчинами социологами «со всей душой», так что мы «видим мир их глазами, наблюдаем за ними в процессе определения, копирования, взаимодействия», однако те же исследователи мужчины зачастую не могут достичь подобной эмпатии в отношении женщин объектов исследования и респонденток. Как пишет по поводу данного аргумента Лофланд, мы можем с нетерпением дожидаться времени, когда социально определяемые категории не будут создавать столь жёсткого разграничения между группами людей, при котором ни одна группа не обладает доступом к пространствам и умам других. Когда это время настанет, мы сможем реализовать потенциал всех людей, чтобы понять и почувствовать друг друга.

Маргарет Л. Андерсен

ИЗМЕНЕНИЕ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В рассказе американской писательницы Сьюзан Гаспелл «Суд присяжных» происходит убийство: мужчина задушен веревкой в постели. Главный подозреваемый — жена убитого, миссис Райт, в девичестве Минни Фостер. Дело расследуют трое мужчин: шериф, окружной прокурор и друг. Они считают ее виновной, но не могут найти мотив. «Все совершенно ясно, за исключением причины. Но вы же знаете, как присяжные относятся к женщинам. Если бы было что-то определенное, что-то, от чего можно оттолкнуться, что можно связать с тем нелепым способом, которым было совершено убийство», — говорит окружной прокурор¹.

Мужчины отправляются в дом убитого искать улики. С двоими идут жены, чтобы собрать кое-какие вещи для находящейся в тюрьме Минни Фостер. Во время обыска мужчины смеются над вниманием своих жен к кухне Минни и к стеганому одеялу, которое та мастерила. Пока женщины рассуждают о том, собиралась ли Минни обшить или обвязать край одеяла, мужчины, считая подобную тему банальной, высокомерно заявляют: «Их интересует только кухня», — говорит шериф. «Поймут ли они, если увидят важную улику?» — раздраженно бормочет другой². Трое мужчин оставляют женщин на кухне, а сами идут обыскивать комнаты в поисках доказательств.

Женщины тем временем замечают, что на кухне не все в порядке. Одна половина кухонного стола вытерта, а другая осталась небрана. Сахарница открыта, а возле нее полпакета сахара. Миссис Хейл и миссис Питерс замечают, что половина одеяла простегана

---

* Andersen M. L. Changing the Curriculum in Higher Education // Signs: Journal of Women in Culture and Society, 1987, vol. 12, № 2. P. 222-254. Пер. с англ. Е. Лучининой, ред. В. Успенской — для проекта «Научно-методическое обеспечение интеграции гендерного подхода в преподавание социально-гуманитарных дисциплин» (грант Женской сетевой программы Института «Открытое общество»).

¹ Gaspell Susan. A Jury of Her Peers // The Best American Short Stories, ed. by Edward J. O'Brien Boston, 1916. P. 371–383.

² Ibid. P. 376.

очень небрежно, а на второй стежки ровные и аккуратные. Им становится интересно, что заставляло Минни так нервничать. Когда они находят пустую птичью клетку, одна петля на которой оторвана, они задаются вопросом, откуда в этом тихом и спокойном доме возникла такая ярость? Вспоминая Минни Фостер, миссис Хейл говорит: «Подумать только, она и сама была как птичка. Такая милая и симпатичная, но немного робкая, беззащитная. Как же она изменилась!»³. Когда они находят в корзине для шитья тело мертвой канарейки, завернутое в шелк, то им становится ясна причина, по которой Минни Фостер убила своего мужа. Представляя, каким кошмаром был для Минни брак, миссис Хейл говорит: «Нет, Райту бы не понравилась птица, существо, которое пело. А она ведь пела. Он и это уничтожил»⁴.

Вскоре мужчины возвращаются на кухню. Женщины заранее договорились ничего им не сообщать о своей находке. Продолжая подшучивать над женами, окружной прокурор спрашивает: «Она собиралась ... как это у вас называется, дамы?» «У нас это называется обязать, мистер Хендерсон»⁵.

«Обязать» — прямой намек на способ убийства. Однако вся ситуация показывает соотношение мужских и женских способностей к поиску фактов и доказательств. Женское мировидение отсутствует с точки зрения мужчин, а если оно и существует, то о нем предпочитают не упоминать или говорят с пренебрежением. Мужское мировидение вот единственное истинное отражение реальности⁶.

³ Ibid. P. 381.

⁴Ibid. P. 383.

⁵ Ibid. P. 385.

⁶ Кэтрин МакКиннон, основываясь на работах Симон де Бовуар, развивает эту мысль следующим образом. Де Бовуар пишет: «Репрезентация действительности, как и сама действительность, создана мужчинами; они описывают ее со своей точки зрения, которую они путают с абсолютной истиной» (цит. по МакКиннон, р.537). МакКиннон продолжает: «Мужчины создают мир, исходя из своих представлений, а потом выдают конечный продукт за истину, которая подлежит описанию». В результате мужской эпистемологический подход декларируется как объективный и беспристрастный. Однако в таком случае сам подход становится субъектом и превращает весь окружающий мир в объект своей деятельности. См. MacKinnon C. *Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory* // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 1982, vol.7 №3. P. 515–44, esp. 537.

Рассказ С. Гаспелл показывает, как знание социально конструируется в мире, разделенном по гендерному принципу. В ее рассказе понимание женщин и их наблюдения не имеют ценности. Женщины не допускаются к поиску истины. Как бы выглядела истина, спросите вы, если бы взгляды женщин учитывались при сборе фактов и поиске доказательств? В каком мире живут женщины, и насколько этот мир влияет на их систему знаний? И, наконец, что мы знаем о женщинах?

Идея, положенная в основу рассказа С. Гаспелл, является отправной и для женских исследований в целом. Последние базируются на утверждении, что знание, преподносимое нам академическими дисциплинами, неполное и искаженное, поскольку из него исключены женщины. По словам Адриен Рич: «Женщинам необходимо реорганизовать свою систему знаний, поскольку до сих пор женщины являлись невидимым и маргинальным компонентом культуры. Использование новых методов исследований и постановка новых задач поможет нам лучше узнать наших предшественниц, переоценить современное историческое и политическое положение женщин и по-новому, серьезно относиться к себе как к реальным создателям сбалансированной культуры»⁷. Женские исследования появились, когда пришло осознание данной проблемы. В течение последних двадцати лет они преследовали 2 цели: создать новую систему знаний и переделать созданные мужчинами учебные планы ВУЗов таким образом, чтобы женщинам в них отводилась активная роль⁸. Включение гендерных исследований в структуру высшего образования — это, по словам Флоренс Хоув, и трансформация, и движение вперед. Подобное изменение будет способствовать развитию новых направлений исследований и построению учебных программ на основе идеи сотрудничества мужчин и женщин⁹.

Поскольку женщине не нашлось места в процессе создания формальных систем знаний, включить женщин в эту систему сейчас значит не просто добавить сведения о них или сделать их

---

⁷ Adreinne Rich «Towards a Woman-centered University,» in *On Lies, Secrets, and Silence* (New York: W. W. Norton & Co., 1979), 141.

⁸ Betty Schmitz, *Integrating Women studies into the Curriculum* (Old Westbury, N.Y.: Feminist Press, 1985).

⁹ Florence Howe, *Myths of Coeducation* (Bloomington: Indiana University Press, 1984).

новым предметом изучения. В данной статье термин «включить» означает пересмотреть существующие системы знаний. А это, в свою очередь, означает: сделать опыт женщин приоритетным объектом изучения, переосмыслить роль женщин как активных создателей систем знаний, осознать, что гендер играет основополагающую роль в формулировке концепций в Западной культуре, а также пересмотреть роли женщин и мужчин в соответствии с оппозицией пол/гендер. Подобное многогранное понимание термина «включение женщин в учебные программы» является фундаментальным для развития новых направлений исследований. Более того, еще не разработан научный язык, который мог бы эффективно определять эти понятия. Следовательно, читатель должен иметь в виду, что фразы типа «женские исследования», «включение женщин» и «изучение женщин» являются формально неполными, но все они подразумевают многомерную реорганизацию систем знания.

Женские исследования вышли из радикальной феминистской критики формы и содержания многих академических дисциплин, патриархальной структуры образования, менталитета, воспроизводимого в образовании, а также отношения образования к доминирующим культурным, экономическим, политическим и социальным институтам. Женские исследования нацелены на радикальные изменения в системе и процессе создания знания. Они исходят из тезиса, что изменение того, что мы учим и что знаем о женщинах, изменит жизни женщин и мужчин¹⁰. Следовательно, изменение учебной программы понимается как часть изменения политической роли женщины в обществе, потому что через образование усваиваются и политические ценности. Как писала Флоренс Хоув:

В самом широком смысле этого слова, преподавание является политическим действием. Некто, исходя из определенных причин, избирает для преподавания ту или иную систему ценностей, идей, предположений и презентации информации. Если в эту систему не укладывается добрая половина человечества, то трудно не согласиться, что преподавание становится политическим действием. Полностью исключить женщин значит

---

¹⁰Marilyn J. Boxer, «For and About Women: The Theory and Practice of Women's Studies in the United States,» Signs 7, no.3 (Spring 1982): 661–95.

принять одну политическую платформу; включить их «шутки ради» значит выбрать другую. Включить женщин и отнестись к этому серьезно, признать, что женщины являются некой подавляемой социальной группой тоже свидетельствует о политических взглядах исследователя. Образование политический акт, контролирующий судьбы, дающий одним мечту об определенном будущем и лишаящий других даже самых скромных надежд на успешную карьеру¹¹.

Подобное заявление затрагивает важные вопросы о том, как мы будем определять женские исследования в будущем и как можно реализовать данную программу в нашу консервативную политическую эпоху¹², в условиях сексистского и расистского общества, проповедующего патриархальные ценности и структуру. Однако по словам Элизабет Арч и Сьюзан Киршнер женские исследования и изменения учебных программ университетов «две важных составляющих одного дела»¹³. Феминистки, занятые в сфере образования, скорее всего, будут работать как в области женских исследований, так и на изменение учебных программ, поскольку оба процесса нацелены на изменение формы и содержания традиционных программ обучения¹⁴, что будет способствовать и изменению общественного сознания. Просто невозможно, писала Хоуи, «сразу перейти от учебных программ, в которых приоритет отдается мужчинам, к тому, что я называю «трансформацией» этих программ, не пройдя неко­ торый исследовательский период»¹⁵.

---

¹¹ Howe, 282-83.

¹² Deborah Rosenfelt, «What Women's Studies Programs Do That Mainstreaming Can't,» в «Special Issue: Strategies for Women's Studies in the 80s,» ed. Gloria Bowles, Women's Studies Educational Forum 7, no. 4 (1984): 167-75.

¹³ Susan Kirschner and Elizabeth C. Arch, «'Transformation' of the Curriculum: Problems of Conception and Deception,» in Bowles, ed. 149–51.

¹⁴ Florence Howe, «Feminist Scholarship: The Extent of the Revolution,» in Liberal Education and the New Scholarship on Women: Issues and Constraints in Institutional Change: A Report of the Wingspread Conference, ed. Anne Fuller (Washington, D.C.: Association of American Colleges, 1981), 5–21.

¹⁵ Howe, Myths of Coeducation, 280.

Включение гендерных исследований в структуру высшего образования

Исследование Пегги Макинтош показывает, что с 1975 г. существовало как минимум 80 проектов, по-разному трактовавших пересмотр учебных дисциплин, с целью включения в них всех женщин¹⁶. Подобные цифры дают возможность оценить размах движения за создание новых учебных программ. Более того, хотя согласно данным П. Макинтош очень мало проектов финансируется из внешних источников, возрастает объем финансирования таких начинаний самими университетами.

Проекты изменения учебных программ, созданные в русле женских исследований, сильно различаются по целям, масштабу, институциональным контекстам и источникам финансирования. Например, оба проекта, осуществляемые в колледже Уитон и в Университете Таусон, финансируются из средств Фонда Улучшения Качества Высшего и Профессионального образования [FIPSE]. В них задействовано все учебное заведение, а профессорско-преподавательский состав принимает активное участие в пересмотре учебных программ. Другие проекты представляют собой консорциум нескольких университетов, например, Университета штата Монтана, Института Женских Исследований [SIROW] при Университете Аризоны и Массачусетского Университета Амхерст.

Проект SIROW отличается многосторонним подходом, поскольку он состоит из пересмотра содержания курсов в Университете Аризоны и трехлетнего проекта, нацеленного на вклю-

---

¹⁶ Справочник подобных проектов, изданный Центром Женских Исследований Колледжа Уэллесли в 1985 г. приводится в книге Шмитц. Хотя подобные справочники быстро устаревают, они полезны для выявления разнообразия проектов, которые были созданы во многих университетах США, а также и профессиональными ассоциациями. Альманах Women's Studies периодически публикует обзоры подобных проектов; см. вып. 11 (лето 1983 г.) и вып. 13 (лето 1985 г.). См. также Peggy McIntosh, «The Study of Women: Processes of Personal and Curriculum Revision,» Forum 6 (апрель 1986): 2–4; В этом номере Forum и в вып. 4 (октябрь 1981) также содержатся описания проектов по изменению учебных программ в 26 университетах. Журнал Forum можно заказать в Ассоциации Американских Колледжей, 1818 R Street N.W., Washington D.C. 20009.

чение гендерного компонента в курс международных отношений и иностранных языков в нескольких университетах Аризоны и Колорадо. Проект штата Монтана, финансируемый Фондом за Равенство Женщин в Образовании [WEEA], начался как двухгодичный факультетский проект, целью которого было создание беспристрастных с гендерной точки зрения программ. Позже его переименовали в Североамериканскую Женскую Программу и расширили область эксперимента до 25 школ в штатах Монтана, Юта, Вайоминг и Айдахо. Проект «Афро-американские исследования/гендерные исследования: запоздалое сотрудничество», спонсируемый FIPSE, объединяет преподавателей Массачусетского университета, колледжей Смит, Гемпшир, Маунт Холиоук и Амхерст. 29 факультетов-участников проекта собрались, чтобы обсудить создание новых курсов и найти точки соприкосновения (как теоретические, так и в рамках учебных программ) между афро-американскими и гендерными исследованиями. Меллоновские семинары при Центре Женских Исследований Колледжа Уэллесли, проводимые на средства Фонда Эндрю У. Меллона, собрали вместе преподавателей университетов Новой Англии для того, чтобы через применение гендерного подхода изменить учебные программы.

Университет штата Делавэр выделил средства на развитие проекта, предусматривающего повышение квалификации преподавателей общественных дисциплин. Проектом предусматривался пересмотр вводных и основных курсов с гендерной и расовой точки зрения. В помощь проекту был организован междисциплинарный семинар на тему феминистских исследований, а также конференция по изменению учебных программ. Кроме того, в течение года в университет приезжали консультанты, которые читали публичные лекции и разъясняли администрации, как лучше реорганизовать содержание курсов. Научно-исследовательский Гендерный Центр при колледже Спелман, спонсируемый Фондом Форда, в своей работе делает акцент на включение гендерного компонента в учебные программы первокурсников, а именно в курсы по английскому языку, по мировой литературе и по истории цивилизаций. Подобным образом внедряется кросс-культурный подход, позволяющий охватить положение афро-американок и женщин из стран Третьего мира. Тем не менее, большин-

ство проектов нацелены, в первую очередь, на разработку учебных программ. Так, проект Организации Американских Историков разрабатывает курсы для колледжей и средних школ, в которые включается материал о положении женщин в Америке и Европе. Семинары Джеральдины Р. Додж тоже уделяют основное внимание программам среднего образования. Они проводятся для школьных учителей из трех штатов и помогают им ознакомиться с феминистской идеологией и разработать учебные программы для старшей школы, в которых будет отражена женская история, женский опыт и мировоззрение.

Подобных проектов так много, что охарактеризовать их все просто невозможно. Однако перечисленные примеры дают представление о диапазоне и различных институциональных контекстах, в которых создаются новые учебные программы. Все они исходят из необходимости работать в первую очередь с преподавателями, поскольку наиболее важным моментом при реорганизации содержания курсов является учет гендерного аспекта при создании новой междисциплинарной парадигмы знания.

Руководители подобных проектов обычно исходят из того, что идеи феминизма еще не полностью вошли в «основные» учебные программы колледжей и университетов, а без программ, составленных с учетом новых научных тенденций, большинство студентов, как мужчин, так и женщин, будут незнакомы с гендерным подходом. Следовательно, они не будут способны понимать современный мир во всем его разнообразии. Елизабет Минник считает, что, несмотря на заявления некоторых преподавателей о том, что образование дает студентам необходимый инструментарий для адекватного понимания сложной действительности, практика показывает, что вместо этого студенты усваивают образ мира, далекий от реальности и от их собственного опыта. Если бы мы честно говорили о традиционном образовании, пишет она, то мы рассказывали бы студентам, насколько велик разрыв между декларируемыми задачами образования и реальным образованием. В школе обычно не учат критически относиться к гуманитарным наукам; мы, кажется, забыли о том, что исторически гуманитарное образование давало привилегированным мужчинам право участвовать в управлении государством. Гуманитарные науки преподавали мужчинам язык их

культуры, ее принципы, качества и интеллектуальные задачи, не выходящие за рамки нормы. Таким образом, проповедовалось единообразие, а не различие, даже в нашем мире, где существует большое разнообразие культур, рас, классов, этнических общностей, религий и гендерных моделей¹⁷. Поэтому сейчас в гуманитарных науках прочно закрепились такие учебные программы, которые претендуют на универсальность, хотя на самом деле выражают мировоззрение меньшинства.

Проекты по изменению содержания учебных программ с включением в них гендерного компонента получили названия «mainstreaming», «интеграция женских исследований в учебные программы» и «создание гендерно-сбалансированных учебных программ». Каждое из этих названий спорно, поскольку все они могут подразумевать, что изменение программ обучения с учетом гендерного компонента происходит по некой упрощенной схеме, и гендерная проблематика просто не может полностью внедриться в основное содержание программ. Макинтош считает, что название «mainstreaming» унижает женщин, так как подразумевает, что женщины всегда находились «за бортом» общепризнанной науки и только сейчас начинают проникать в нее. Данный термин подразумевает, что существует только одно основное направление, и что, войдя в него, женщины станут неотличимы от мужчин. Получается, что перестройка учебных программ быстрый и легкий процесс, тогда как женские исследования базируются на тезисе о том, что существует множество различных течений, отражающих опыт мужчин и женщин¹⁸.

Использование терминов «интеграция» и «сбалансированность» также представляется проблематичным. Женские исследования исходят из принципа, что исключение женщин из парадигмы знания ведет к искажению, неточности и ложности последней, а «сбалансированность» подразумевает, что все подходы являются в равной степени верными и значимыми. Естественно, преподаватели гендерных курсов не стремятся построить учебные программы с учетом критики, высказываемой всеми возможными подходами, как, например, расизм, антисе-

---

¹⁷ Elizabeth Kamarck Minnich, «A Feminist Criticism of the Liberal Arts,» in Fuller, ed., 22–38.

¹⁸ Peggy McIntosh, «A Note on Terminology,» *Women's Studies Quarterly* 11 (Summer 1983): 29–30.

митизм, этноцентризм, сексизм и классовый подход. Более того, либеральные призывы к сбалансированности часто влекут за собой скрытый намек на необходимость проведения беспристрастного анализа, как будто если человек яро предан науке, он не может быть объективным. Многие ученые, среди которых Глория Бауелз и Рената Дуелли-Кляйн, утверждают, что нереально создать сбалансированную учебную программу в несбалансированном мире¹⁹. Их тезис состоит в том, что большинство учебных программ отражают ценности и структуру доминирующей культуры, хотя они могут и недооценивать способность образования генерировать социальные изменения.

Точно также термин «интеграция» подразумевает, что женские исследования могут быть поглощены основной учебной программой, тогда как их цель показать, что женские исследования нельзя просто вставить в программу, которая имеет свою структуру и организацию, разработанную мужчинами. Критики подобного подхода, включая Г. Бауелз и Р. Дуелли-Кляйн, предупреждают, что в таких проектах существует опасность нивелирования более радикальных целей женского движения со стороны тех, кто контролирует высшее образование и стремится сделать гендерный компонент безликим. Интеграция не отвечает целям проекта, если она понимается только как включение традиционно исключаемых групп в доминирующую парадигму. Поэтому если интеграция трактуется как ассимиляция, то данная критика справедлива. Однако история борьбы чернокожего населения Америки за свои права показывает, что понятие интеграции нельзя интерпретировать исключительно как ассимиляцию. Приверженцы интеграционного подхода в этом движении поняли, что интеграция требовала серьезного пересмотра американской культуры и системы ценностей, а также реорганизации экономических и политических институтов. В ходе развития афро-американских исследований интеграция и сепаратизм не были взаимоисключающими стратегиями, хотя эти два подхода отражают различные направления афро-американской политической философии, а также стратегически использовались для разных, пусть и взаимодополняющих, целей. Если по-

---

¹⁹ Gloria Bowels and Renate Duelli-Klein, eds., *Theories of Women's Studies* (Boston: Routledge and Kegan Paul, 1983).

заимствовать значение термина «интеграция» из афро-американской культуры и политики, то она предстанет как более сложное понятие, чем ассимиляция. Движение за интеграцию чернокожего населения Америки отражают огромную терпимость к различным попыткам радикальной трансформации образовательных учреждений и общества в целом²⁰.

Данное противоречие не просто семантическое, поскольку терминологический спор отражает ход политической дискуссии среди феминисток, иногда не согласных с возможностью и целесообразностью включения гендерного компонента в учебные программы. С точки зрения женских исследований не существует понятия доминирующей культуры, а традиционная классификация отраслей знания не отвечает их требованиям. Поэтому и язык, и работа, связанная с изменением учебных программ, обязательно должны подразумевать, что недостатки имеющихся программ нельзя устранить простым добавлением, включением или поверхностным пересмотром²¹.

Критики интеграционного подхода к изменению учебных программ высказывают опасения, что эти проекты приведут к смене первоначальной аудитории, заинтересованной в проблемах феминизма, «учеными, которые хотят изменить содержание курсов, но не видят необходимости в пересмотре структуры знания, основанной на доминирующей андроцентричной культуре». ²² Другие критики выражают мнение, что политический радикализм феминизма будет принесен в жертву ради того, чтобы сделать гендерные исследования более приемлемыми для тех, кто не разделяет эти убеждения²³. Как заявила Мэри Чилдерс, бывший заместитель руководителя проекта Ороно университета штата Мэн, проекты, направленные на интеграцию, могут больше изменить своих авторов, нежели тех, на кого они направлены²⁴.

---

²⁰ Margaret Andersen, «Black Studies/Women Studies: Learning from Our Common Past/Forging a Common Future,» in *Women's Place in the Academy: Transforming the Liberal Arts Curriculum*, ed. Marilyn Schuster and Susan Van Dyne (Totowa, N.J.: Rowman & Allanheld, 1985), 62–72.

²¹ Johnella Butler, «Minority Studies and Women's Studies: Do We Want to Kill a Dream?» in Bowles, ed., 135–38.

²² Bowles and Duelli-Klein, eds., 9.

²³ Marian Lowe and Margaret Lowe Benston, «The Uneasy Alliance of Feminism and Academia,» in Bowles, ed. (n. 12 above), 177–84.

²⁴ Mary Childers, «Women's Studies: Sinking and Swimming in the Mainstream,» in Bowles, ed., 161–66.

Дебаты по поводу изменения учебных программ с гендерной точки зрения были названы спором между сторонниками автономии и интеграции²⁵. Они отражают происхождение гендерных исследований как образовательной дисциплины и как части более широкого общественного движения за эмансипацию. Те, кто выступает за автономию, боясь, что в ходе интеграции гендерные исследования вольются в патриархальную систему знаний и тем самым будут скомпрометированы. Отдельно развивая гендерные исследования, говорят они, мы скорее разработаем новую, необходимую нам научную парадигму, поскольку независимость позволяет вступать в диалог феминисткам, занимающимся схожими проблемами²⁶. Сторонники интеграции рассматривают взаимоотношения женских исследований с интеграционными проектами как диалектические и признают, что разработка учебных программ не является заменой гендерным исследованиям²⁷. По их мнению, проекты по изменению содержания учебных программ с одной стороны вышли из женских исследований, а с другой стороны, они способствуют их развитию (показывая, что во многих университетах, где изменение программ предшествовало созданию гендерных центров, результатами проекта стало создание программ женских исследований). Разработчики интеграционных проектов знают, что проекты не могут заменить гендерных исследований и что, на самом деле, они основаны на постоянном развитии программ гендерных исследований. Более того, наличие пересмотренных учебных планов обычно способствует развитию программ женских исследований в самих университетах²⁸.

²⁵ Полный обзор приводится в Bowles, ed. (n. 12 above)

²⁶ Sandra Coyner, «The Ideas of Mainstreaming: Women's Studies and the Disciplines,» *Frontiers* 8, no. 3 (1986): 87–95.

²⁷ Peggy McIntosh and Elizabeth Kamarck Minnich, «Varieties of Women's Studies,» in Bowles, ed., 139–48.

²⁸ См. Myra Dinnerstein, Sheryl O'Donell и Patricia NacCorquodale, *How to Integrate Women's Studies into the Traditional Curriculum* (Tucson: University of Arizona, Southwest Institute for Research on Women [SIROW], n. d.); JoAnn M. Fritsche, ed., *Toward Excellence and Equity* (Orono: University of Maine at Orono Press, 1984); and Schmitz (n. 8 above). См. также Betty Schmitz, *Sourcebook for Integrating the Study of Women into the Curriculum* (Bozeman: Montana State University, Northwest Women's Studies Association, 1983); и Bonny Spanier, Alexander Bloom и Darlene Boroviak, eds., *Toward a Balanced Curriculum: A Sourcebook for Initiating Gender Integration Projects* (Cambridge, Mass.: Schenckman Publishing Co., 1984).

Проекты по созданию сбалансированных учебных программ затрагивают и вопросы о том, что значит для мужчины заниматься гендерными исследованиями, поскольку такие проекты чаще всего нацелены и на переподготовку мужской части профессорско-преподавательского состава. Елейн Шоуальтер развивает данную проблематику в контексте феминистской литературной критики, где некоторые известные мужчины недавно выдвинули гипотезу о том, что и они сами являются авторами феминистской критики. Она ставит вопрос, не станет ли феминизм предметов лишь академических споров с приходом в него мужчин, так как феминизм «становится доступным для коррекции со стороны авторитарных мужчин»²⁹. И не станет ли в таком случае феминизм всего лишь еще одной академической дисциплиной, отказавшись от своей первоначальной миссии? Радикальный отход от первоначальных задач феминизма происходит, в большинстве своем, из-за разрыва между женским самосознанием и стереотипами, навязываемыми патриархальным обществом³⁰. Тот факт, что мужчины будут заниматься изучением женщин как новых объектов науки, не является показателем того, что в мышлении мужчин происходит кардинальная перемена. Шоуальтер приходит к выводу, что в литературе только когда мужчины приходят к осознанию того, как гендер влияет на них как на писателей и читателей, они могут приступать к созданию феминистской критики. В противном случае весь этот процесс представляет собой изощренный вид подглядывания. Далее, трансформация мужского сознания через воздействие идей феминизма должна значить нечто большее, нежели просто знакомство их с новыми направлениями женских исследований или с тем, сколько преимуществ дает их гендер. Сюда должна входить и их активная политическая деятельность, направленная на эмансипацию женщин.

И женщины, и мужчины, работающие над преобразованием учебных программ, должны измениться в политическом, интел-

---

²⁹ Elaine Showalter, «Critical Cross-Dressing: Male Feminists and the Woman of the Year,» *Raritan* 3 (Fall 1983): 130–49; цит. по Gayatri Spivak, «Politics of Interpretations,» *Critical Inquiry* 9 (September 1982): 259–78, cited in Showalter, 133.

³⁰ Marcia Westkott, «Feminist Criticism of the social Sciences,» *Harvard Educational Review* 49 (November 1979): 22–30.

лектуальном и личном плане. Участники проектов по пересмотру учебных программ подтверждают, что данные изменения взаимоукрепляющие, и все они происходят под влиянием интеграции гендерного подхода в учебные программы³¹. Понимание единства личных и интеллектуальных изменений также может помочь женским исследованиям преодолеть как открытое, так и скрытое сопротивление и пренебрежение со стороны коллег по работе³². Женские исследования бросают вызов традиционным научным направлениям, а, следовательно, и самолюбию тех, кто принес жизнь в жертву карьере в традиционных научных областях. Пересмотр учебных планов это процесс пересмотра наших личностей, поскольку наша работа и наша душа тесно переплелись с нашим образованием³³.

Реорганизация учебных программ сопровождается серьезными демографическими изменениями студенческой среды. Теперь большинство учащихся в колледжах — женщины, а согласно прогнозам, к 1990 г. 30% молодежи США будут представителями национальных меньшинств³⁴. В отчете для Фонда Карнеги Эрнест Боулер и Фред Хечингер заключают, что «отныне вся молодежь в определенный момент своей жизни чувствуют потребность в определенном типе высшего или профессионального образования, если хочет сохранить свое место в современном обществе, задачи и механизмы которого становятся все более и более сложными»³⁵.

В то же время современные призывы к проведению реформы образования угрожают восстановить расовое, классовое и гендерное разделение внутри образовательной системы. Различ-

---

³¹ Peggy McIntosh, «WARNING: The New Scholarship on women May Be Hazardous to Your Ego,» *women's Studies Quarterly* 10 (Spring 1982): 29–31; и McIntosh, «The Study of Women,» (n. 16 above).

³² Dinnerstein et al.

³³ Peggy McIntosh, «Interactive Phases of Curricular Re-Vision: A Feminist Perspective,» *Working Papers Series*, no. 124 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983).

³⁴ Marilyn Schuster, Susan Van Dyne, «Curricular Change for the Twenty-first Century: Why Women?» in Schuster and Van Dyne, eds., (n. 20 above), 3–12.

³⁵ Ernest L. Boyer and Fred M. Hechinger, *Higher Learning in the Nation's Service* (Washington, D.C.: Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1981), 28.

ные общенациональные отчеты утверждают, что данная система переживает кризис, который выражается в разрушении академических стандартов и системы ценностей, на которых держится образование. Во всех подобных отчетах разрушение стандартов напрямую связывается с резким увеличением количества программ по женским и афро-американским исследованиям³⁶. И хотя эти призывы выдвигаются с разными намерениями, консервативная академическая дискуссия о необходимости «возвращения к истокам» и к «классическим» основам являются в действительности попытками восстановления патриархата в сфере образования³⁷. Основная мысль заключается в том, что если не вернуться к классической трактовке гуманитарных наук, то будут потеряны академические устои, на которых базируется образование³⁸. Следовательно, женские и афро-американские исследования рассматриваются как слабые с точки зрения методологии и как политически ангажированные, тогда как классические гуманитарные науки и академически устойчивы, и политически нейтральны.

---

³⁶ Michael Levin, «Women's Studies, Ersatz Scholarship,» *New Perspectives* 17 (Summer 1985): 7–10. Журнал *New Perspectives* публикуется Комиссией США по Гражданским Правам.

³⁷ The Family Protection Act, предложенный организацией *New Right* и представленный на рассмотрение Конгресса 24 сентября 1979 г. должен запретить «любые учебные программы, в которых заложены курсы обучения, направленные на внедрение ценностей или моделей поведения, противоречащих принятым в обществе устоям и ценностям» а также любые программы, использующие «образовательные материалы..., целью которых очернить, приуменьшить или отвергнуть разницу между ролями полов как она исторически понимается в США» (Билль Сената 1808, 96-ой Конгресс, превая сессия, документ 1, раздел 101; цит. по Rosalind Petchesky, «Antiabortion, Antifeminism, and the Rise of the New Right,» *Feminist Studies* 7 [Summer 1981]: 225). The Family Protection Act должен вернуть моральные преимущества гетеросексуальным парам, у которых есть дети, а также исключить женские исследования и другие образовательные программы, в которых гомосексуальность преподносится как приемлемый образ жизни; данный документ также серьезно ограничит федеральную юрисдикцию над десегрегацией в частных школах.

³⁸ Nan Keophane, «Our Mission Should Not Be Merely to 'Reclaim' a Legacy of Scholarship — We Must Expand on It,» *Chronicle of Higher Education* 32 (April 2, 1986): 88.

Одна из целей женского движения — демократизация образования. Практики в сфере женских исследований знают, что умения и навыки, полученные в ВУЗе, не должны быть исключительно техническими и операционными. Их задача — отвечать потребностям студентов, которые будут жить в мультирасовом и мультикультурном обществе, состоящем из женщин и мужчин. Изучение примеров отдельных университетов, где в учебные программы был включен гендерный компонент, показывает, что курсы гендерной ориентации действительно способствуют расширению кругозора студентов и интеграции образования в их личный опыт, даже если для этого студенту приходится преодолеть внутренний конфликт или противоречие³⁹. Другие исследования показывают, что освоение гендерного знания способствует возрастанию самооценки у студентов, позволяет им анализировать свой личный опыт как часть более широкого социального контекста, развить свое понимание гендерной идентичности, изменить свой взгляд на жизненные цели и выработать новое, более либеральное отношение к женщинам⁴⁰. Более того, преподаватели, работающие по новым учебным программам, отмечают, что студенты сильнее увлекаются материалом, посвященным женщинам и гендерным исследованиям. Студенты-участники таких проектов считают, что их однокурсники и преподаватели с большим интересом изучают материал, в котором женщины представлены как субъекты знания⁴¹.

Однако, принимая во внимание, что подобные проекты существуют еще очень не долго, и что очень небольшой процент студентов обучается по этим программам, анализ мнений студентов только частично демонстрирует их значимость. В рав-

---

³⁹ In Fritsche, ed. (n. 28 above): Christina L. Baker, «Through the Eye of the Storm: Feminism in the Classroom,» 224–33; Jerome Nadelhaft, «Feminism in the Classroom: Through the Eye of the Storm,» 235–45; и Ruth Nadelhaft, «Predictable Storm in the Feminist Classroom,» 247–55.

⁴⁰ Karen G. Howe, «The Psychological Impact of a Women's Studies Course,» *Women's Studies Quarterly* 13 (Spring 1985): 23–24. Хоуи дополняет свои комментарии к проведенному исследованию прекрасным библиографическим обзором по данной теме.

⁴¹ Betty Schmitz, Myra Dinnerstein, Nancy Mairs, «Initiating a Curriculum Integration Project: Lessons from Campus and the Region,» in Schuster and Van Dyne, eds., 116–29.

ной степени следует учитывать и возможности нового профессионального развития преподавателей в условиях ограничения области научных исследований и сокращения расходов на образование⁴². Преподаватели, задействованные в проектах, говорят о появлении энтузиазма в работе и видят новые исследовательские направления и задачи⁴³. В отчете для Фонда Форда о состоянии проектов по стране Лойс Баннер отмечала, что особенно ее впечатлило то, с каким рвением участники обсуждают составление методических разработок к курсам, свои педагогические проблемы и успехи, отношение к самим себе и изменения в их профессиональном опыте. Она считает это особенно интересным, поскольку обычно преподаватели университетов неохотно делятся материалами своих курсов, считая свою преподавательскую деятельность глубоко личным делом⁴⁴.

Стадии изменения учебных программ

Феминистки разработали несколько теорий о том, как должно происходить изменение содержания учебных программ. Данные теории весьма интересны, поскольку показывают концептуальные направления преобразований нашего отношения к женщинам и поскольку они помогают нам понять критику и пересмотр учебных программ как постоянный процесс. Данные «теории стадий» также позволяют увидеть скрытые основы построения учебных программ и, таким образом, способствуют продвижению к новой концептуализации знания⁴⁵.

Начало разработке теории стадий было положено работой Гердой Лернер, в которой она описывала развитие женской ис-

---

⁴² Marilyn Schuster and Susan Van Dyne, «Placing Women in the Liberal Arts: Stages of Curriculum Transformation,» *Harvard Educational Review* 54 (November 1984): 413–28.

⁴³ Dinnerstein et al. (n. 28 above)

⁴⁴ Lois Banner, «The Women's Studies Curriculum Integration Movement: A Report to the Ford Foundation» (New York: Ford Foundation, March 1985, typescript).

⁴⁵ Обсуждение данных теории см. Mary Kay Thompson Tetreault, «Women in the Curriculum,» 1–2; Peggy McIntosh, «women in the Curriculum,» 3; Peggy McIntosh, «Convergences in the Feminist Phase Theory,» 4; all in the vol. 15 (February 1986) issue of *Comment*. *Comment* можно заказать в RCI Communications, 680 West 11th Street, Claremont, Calif. 91711.

тории⁴⁶. Лернер считает, что теоретические проблемы данного направления прошли в своем развитии пять стадий. Первая стадия включает признание того, что у женщин есть история, что привело ко второй стадии концептуализации женщин как группы. В ходе третьей стадии женщины задавали новые вопросы о своей истории и накапливали новые данные. Четвертая фаза поставила под сомнение традиционную историческую периодизацию, выработанную мужчинами, а заключительная, пятая, пересмотрела категории и ценности андроцентричного общества через призму прошлого и настоящего положения женщин.

Предложенное Г. Лернер описание развития феминистской мысли в истории показало феминистам в других науках, что гендерные исследования в своем развитии прошли путь от простого добавления женщин к существующим отраслям знания до более фундаментального пересмотра понятий, методов и теорий различных академических дисциплин. Г. Лернер не первой отметила данный факт, но предложенная ею теория стадий стала неким путеводителем по тому маршруту, по которому шло женское движение.

П. Макинтош разработала анализ стадий изменения учебных программ, уникальность которого состоит в том, что в нем стереотипы мышления, проявляющиеся в учебных программах, соединены с человеческой психикой и устоями доминирующей культуры⁴⁷. Первую стадию в учебных программах Макинтош называет «неженской» (например, «неженская история», «неженская социология» или «неженская литература»). На данной стадии упоминаются только лучшие из избранных, которые отвечают требованиям высочайших стандартов. Поскольку этими лучшими в «неженских» программах являются мужчины, то именно их мы начинаем считать образцами для подражания. В свою очередь, учебные программы воспроизводят в студентах стереотип, что эти лучшие победители, а остальные неудачники, люди второго сорта, чье существование бесцельно.

---

⁴⁶ Gerda Lerner, «The Rise of Feminist Consciousness,» in *All of Us Are Present*, ed. Eleanor Bender, Bobbie Burk, and Nancy Walker (Columbia, Mo.: James Madison Wood Research Institute, 1984), and «Symposium: Politics and Culture in Women's History,» *Feminist Studies* 6 (Spring 1980): 49–54.

⁴⁷ Peggy McIntosh, «Interactive Phases of Curricular Re-vision» (n. 33 above).

На второй стадии, предложенной Макинтош, воспроизводится такое же миропонимание, как и на первой. Здесь некоторым женщинам и небольшому числу представителей других исключенных групп все же находится место в существующем мире, но тоже лишь при условии соответствия требованиям этих стандартов. Макинтош называет эту стадию «женщины в истории», «женщины в социологии» или «женщины в литературе», используя традиционные названия дисциплин. На этой стадии обычно игнорируемые группы добавляются в учебные программы на правах исключения. Их опыт и вклад все еще измеряются с позиций белого андроцентричного общества. Но на этой стадии возникают новые вопросы о старом материале, такие как «Каков образ женщины в так называемой великой литературе?» или «Кто был автором женских бестселлеров 19-го века?». Однако работа на этой стадии сводится к документированию частного женского опыта. Несколько изучаемых женщин рассматриваются как исключения, но женщины еще не предстают основными агентами социального изменения или гарантами стабильности общества.

Третью стадию Макинтош называет «женщины как проблема, аномалия или недостаток». Здесь мы выявляем препятствия, которые прежде исключали множество людей из сферы изучения, и признаем, что по стандартам андроцентричного общества женщин и некоторые другие группы можно считать подавляемыми. В результате на данной стадии начинает проявляться недовольство, однако именно сейчас феминистки бросают вызов традиционным канонам. Кроме того, зарождается стремление к пересмотру терминов, парадигм и методов изучения человеческого опыта. Таким образом, появляется новый тип мышления, в котором класс, раса, гендер и сексуальность рассматриваются как фундаментальные категории для создания систем знания. Далее мы признаем, что этот тип мышления требует иного содержания образовательных дисциплин, что является переходом на четвертую стадию — «вступление женщин в свои права».

Основной идеей четвертой стадии, называемой еще «жизни женщин как история» или «женщины как общество», является заявление, что женский опыт в равной степени с мужским создает историю, общество, культуру. На этой стадии происходит отход от мизогинизма трех предыдущих. Напомним, что пер-

вые три стадии не рассматривают женщин как группу. Внимания удостоиваются лишь исключения, жертвы или те, чье отношение к доминирующей группе не вписывалось в традиционные каноны. Четвертая стадия исследует культурные функции, особенно функции присоединения, а также пересматривает некоторые аспекты мужского образа жизни, например, эмоциональность или их воспитание. Согласно теории П. Макинтош, на данной стадии стираются границы между учителем и учащимся, исчезает разделение на экспертов и учеников, поскольку у преподавателя и студента вырабатывается новое отношение к изучаемому предмету. Работа на данной стадии стимулирует поиски новых источников знания.

Пятую стадию гораздо труднее определить, считает П. Макинтош, потому что она еще не реализована ни в сознании, ни в учебных программах. Автор видит ее как радикальную трансформацию мышления и деятельности, нацеленную на выработку «нестандартного сознания» — уважения себе подобных и работы на общее благо.

Мэрилин Шустер и Сьюзан Ван Дайн считают, что развитие новых учебных программ идет от признания дискриминации женщин и наличия элементов сексизма в традиционной парадигме знания к исследованию ранее не изучавшихся проблем женщин, к концептуализации женщин как группы и к изучению женщин с применением гендерного подхода⁴⁸. Едва начав свое развитие, женские исследования бросают вызов традиционным академическим дисциплинам, указывая на неполноту последних и по-новому трактуя ход истории. Шустер и Ван Дайн дополняют свою теорию стадий этой функцией «вызова», которые исследования бросают традиционной науке. Они определяют последнюю стадию данной теории как накопление общечеловеческого опыта и его классификация с точки зрения гендерного, расового и классового подходов. Таким образом, последняя стадия преобразования учебных программ будет основана на разнообразии человеческого опыта, а не на сходствах в таковом. Шустер и Ван Дайн описывают предпосылки для изменения программ, их методический инвентарь и потенциальный результат работы на каждой из шести стадий, на которые

---

⁴⁸ Schuster and Van Dyne, eds., (n. 20 above), 27–28.

они делят процесс трансформации. Они снабжают свой проект аннотацией будущих учебных курсов.

Автор другого анализа процесса изменения учебных программ, Мэри Кей Тетро выделяет следующие стадии: мужская наука, компенсаторная наука, бифокальная наука, феминистская наука и релятивистская наука⁴⁹. Первая выделяемая ей стадия совпадает с первыми стадиями, описанными Макинтош и Шустер и Ван Дайн. Она характеризуется признанием универсальности мужского мировидения. На второй стадии возникает осознание того, что женщины исключены из традиционных систем знания, однако нормы общества все еще диктуются мужчинами. На третьей стадии происходит разделение: учебные программы включают мужчин и женщин как две обобщенные группы. На этой стадии все еще говорится о дискриминации женщин в обществе. Тетро называет четвертую стадию «феминистской наукой». Здесь приобретает значение деятельность женщин, а не мужчин; большее внимание уделяется контекстуальным и персональным аспектам. Пол и гендер рассматриваются с точки зрения истории, культуры, идеологии, что способствует развитию междисциплинарного подхода. Основным направлением работы на пятой стадии является нахождение целостной культурной модели, где мужчины и женщины дополняют друг друга в условиях преемственности человеческого опыта. Категории расы, класса и этничности также учитываются при построении этой модели.

Тетро считает, что данная теория стадий может служить также для оценки программ и курсов, поскольку она содержит в себе и шкалу оценок развития феминистического начала в различных дисциплинах. Тем не менее, никто из авторов подобных теории не видит их предназначение в ранжировании или оценке различных направлений феминизма. Важно отметить, что границы данных стадий весьма нестабильны, а также что обсуждаемое развитие не всегда имеет линейную направленность. Однако применение данной теории стадий к гендерным исследованиям показывает, как можно получить схожие ответы на разные вопросы. Например, включение сведений об афроамериканках в историю науки может помочь выявить способы

---

⁴⁹ Mary Kay Thompson Tetreault, «Feminist Phase Theory,» *Journal of Higher Education* 56 (July/August 1985): 363–84.

дискриминации чернокожего населения, а, следовательно, может изменить наше мнение о том, что значит быть ученым и заниматься наукой. Это показывает необходимость пересмотра традиционного подхода к феномену науки⁵⁰. Кроме того, Э. Шоуальтер показывает, что различные стадии мышления могут сосуществовать в нашем сознании⁵¹, поэтому ради повышения квалификации преподавателей важно признать, что та или иная стадия соответствует квалификации преподавателей, поскольку знание сотрудников о гендерной проблематике развивается в рамках различных образовательных институтов и дисциплин.

Наконец данная теория способствует развитию феминистской педагогики. Основываясь на работе Б. Клинчи и К. Циммерман⁵², Фрэнсис Майер и Кэтлин Данн⁵³ обсуждают важность теории стадий для педагогики. Б. Клинчи и К. Циммерман называют дуалистическим первый уровень когнитивной самостоятельности студентов колледжа, подразумевая, что студенты стремятся все абсолютизировать как правильное или неправильное. Ф. Майер и К. Данн считают, что основной формой работы на данной стадии являются лекции. Студенты воспринимают преподавателя как эксперта, который сообщает истину и дает представление о том, что верно и неверно.

Характеристикой второй стадии в анализе, проведенном Б. Клинчи и К. Циммерман, является многомерность. Знание представляется как произрастающее изнутри. На этой стадии студенты узнают значимость своего собственного опыта. Соглас-

---

⁵⁰ Evelyn Hammonds, «Never Meant to Survive: A Black Woman's Journey: An Interview with Evelyn Hammonds by Aimee Sands,» *Radical Teacher* 30 (January 1986): 8-15. Evelyn Fox Keller, *Reflections on Gender and Science* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1985).

⁵¹ Elaine Showalter, *A Literature of Their Own* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977).

⁵² Blythe Clinchy and Claire Zimmerman, «Epistemology and Agency in the Development of Undergraduate Women,» in *The Undergraduate Woman: Issues in Educational Equity*, ed. Pamela Perun (Lexington, Mass.: D. C. Heath & Co., 1982), 161-81.

⁵³ Frances Maher and Kathleen Dunn, «The Practice of Feminist Teaching: A Case Study of Interactions among Curriculum, Pedagogy, and Female Cognitive Development,» *Working Paper Series*, no. 144 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1984).

но исследованиям Ф. Майер и К. Данн это приводит к выработке релятивистской позиции у студентов: они принимают правомерность существования различных мировоззрений, открывая себя таким образом для новой информации о категориях класса, расы и гендера. Третья стадия — контекстуальность. Развитию этой стадии способствует интеграция гендерного компонента в учебные программы.

Подобно разработчикам теорий стадий изменения учебных программ, Ф. Майер и К. Данн видят конечной целью своего исследования разработку такой учебной программы нового типа. В ней должны быть учтены все составляющие современного мира: гендер, класс, раса, сексуальность в их многообразных исторических и культурных контекстах, а также продемонстрирована их сложность и взаимосвязь. Такая программа не будет основана на опыте и мировоззрении меньшинства. Поскольку теории стадий помогают нам продвигаться к поставленной цели, их можно считать важным средством гендерного воспитания преподавателей и студентов.

Критика академических дисциплин

Энтузиазм, проявляемый участниками проектов к своей работе, показывает, что гендерные исследования затрагивают острые теоретические и методологические проблемы многих дисциплин. Деятельность по созданию сбалансированных учебных программ сформировала у студентов и преподавателей новое видение роли женщин в обществе, культуре и истории. В действительности пересмотр дисциплин как процесс настолько обширен, что необходимо признать, что «независимо от того, разделяете ли вы идеи феминизма, данное научное направление затронет и ваш предмет»⁵⁴.

По мнению Шустер и Ван Дайн⁵⁵ существуют негласные принципы построения учебных программ, которые контролируют, что и как мы преподаем, зачастую независимо от нас самих. Феминизм обнаруживает эти стандарты и раскрывает их связь с идеологией, властью и ценностями господствующих групп, большинство которых в нашей культуре составляют белые мужчины. Таким образом, хотя феминизм часто считают идеологизирован-

⁵⁴ F. Howe, *Myths of Coeducation* (n. 9 above), 256.

⁵⁵ Schuster and Van Dyne, «Placing Women in the Liberal Arts» (n. 42 above).

ным, на самом деле таковыми являются традиционные учебные программы. Чем больше идеология интегрируется в культуру, тем менее явными становятся принципы устройства образования и тем активнее мы их воспроизводим.

Отправным моментом в развитии феминистской критики стало осознание двойственного положения женщин: они одновременно и включаются, и исключаются из содержания образовательных дисциплин. Данное противоречие ведет к расхождению между женским сознанием и поведением, предоставляя простор для новых исследований и выявляя новые источники знания⁵⁶. Феминистская критика показывает, что традиционно рассматриваемое как вечное, лучшее значимое и объективное, считается таковым именно с позиций патриархального общества. Следовательно, переориентация знания с учетом опыта женщин обнажает те самые негласные устои, контролирующие учебные программы, и поднимает вопросы, ответы на которые требуют критического отношения ученого к области своего исследования.

Создание учебной программы нового типа значит больше, чем простое добавление женских исследований к существующим программам. В данном случае речь идет и об устранении из них расовых, классовых, гетеросексуальных и культурных предубеждений⁵⁷. Таким образом, трансформация учебных программ не должна, например, обходить вниманием вклад афро-американок в формирование гендерных исследований как науки. Насколько продуктивным, как когнитивно, так и эмоционально, будет включение опыта афро-американок? Какая система знания получится, если учитывать не только классовые и гендерные, но и расовые противоречия? Если учебные программы, как в гендерных дисциплинах, так и вне их, будут сосредоточены на изучении белых культур, то впоследствии мы будем считать белое нормой, а все остальное отклонением от таковой. На самом деле, гендерный компонент без расового кардинально не изменит содержание нашего образования⁵⁸.

---

⁵⁶ Westcott (n. 30 above).

⁵⁷ Patricia Bell Scott, «Education for Self-Empowerment: A Priority for Women of Color,» in Bender, Burk, and Walker, eds. (n. 46 above), 55–56.

⁵⁸ Maxine Baca Zinn, Lynn Weber Cannon, Elizabeth Higginbotham, and Bonnie Thornton Dill, «The Cost of Exclusionary Practice in Women's Studies,» Signs 11, no. 2 (Winter 1986): 290–303.

Эстер Чоу⁵⁹ предлагает три стратегии включения **женщин с небелым цветом кожи** в контекст гендерных исследований: сравнение, специальный подход и «mainstreaming». Стратегия сравнения подразумевает включение материалов о **женщинах с небелым цветом кожи** в содержание основных курсов с целью сравнения их образа жизни с таковым в доминирующих группах. Студенты знакомятся с большим количеством фактов, которые не могут не влиять на их мировоззрение. Э. Чоу, однако, считает, что такой подход не является на самом деле релятивистским, поскольку опыт этих женщин будет все равно оцениваться по шкале белой культуры. В рамках специального подхода **женщины с небелым цветом кожи** изучаются в ходе общих курсов, спецкурсов или индивидуальных исследований. Преимуществом такого подхода автор считает формирование глубинного понимания положения женщин в изучаемых обществах. С другой стороны, подобные курсы не нацелены на широкие студенческие массы. Третья предложенная стратегия подразумевает включение материалов о **женщинах с небелым цветом кожи** в содержание основных курсов таким образом, чтобы данный компонент все время находился в фокусе изучения, а не упоминался от случая к случаю. Чоу подчеркивает, что содержание данных курсов нельзя делить по гендерному или расовому принципу. Она приходит к выводу, что успех этих стратегий зависит от требований и целей каждого отдельного курса, институционального контекста и взаимодействия преподавателей и студентов в различных расовых и этнических средах.

Включение гендерных исследований в структуру высшего образования во всех научных дисциплинах должно начинаться с ответов на 2 вопроса:

- Какова современная методология данной дисциплины?
- Как изменится данная дисциплина, включив в себя гендерный компонент? (Ведь женщины составляют половину населения Земли, а, следовательно, половина человеческого опыта их опыт)⁶⁰.

---

⁵⁹ Ester Ngan-Ling Chow, «Teaching Sex and Gender in Sociology: Incorporating the Perspective of Women of Color,» *Teaching Sociology* 12 (April 1985): 299–312.

⁶⁰ McIntosh, «Interactive Phases of Curricular Re-vision» (n. 33 above).

Те, кто имеет опыт работы в сфере гендерных исследований, согласятся, что данную дисциплину нельзя просто добавить к существующим учебным программам, поскольку она бросает вызов основным принципам, устоям и теоретической базе традиционных дисциплин. Признание наличия предрассудков в содержании образования – первый шаг к анализу множества последствий исключения женщин как группы из процесса создания формальных систем знания⁶¹. Но по мере развития феминизма как науки потребуются более радикальные преобразования.

В некоторых работах детально рассматривается влияние феминизма на отдельные научные дисциплины⁶². Если бы целью данной статьи был анализ того воздействия, которое оказал феминизм на развитие современных гуманитарных наук, потребовалось бы сделать обзор всей существующей литературы. Разумеется, это невозможно в рамках статьи. Вместо этого, я остановлюсь на основных проблемах, которые возникают в ходе преобразования учебных программ.

Гуманитарные науки.

Феминистская критика доказала, что гуманитарные науки в прошлом создали и внедрили модели бытия, которые исключают опыт определенных групп, отказывают некоторым группам

---

⁶¹ Mary Childers, «Working Definition of a Balanced Course,» *Women's Studies Quarterly* 11 (Summer 1983): 30 ff.

⁶² Например, Ellen Carol DuBois, Gail Paradise Kelly. Elizabeth Lapovsky Kennedy, Carolyn W. Korsmeyer, and Lillian S. Robinson, eds., *Feminist Scholarship: Kindling in the Groves of Academia* (Urbana: University of Illinois Press, 1985); Diane L. Fowlkes and Charlotte S. McClure, eds., *Feminist Visions: Toward a Transformation of the Liberal Arts Curriculum* (University of Alabama Press, 1984); Elizabeth Langland and Walter Gove, eds., *A Feminist Perspective in the Academy: The Difference It Makes* (Chicago: University of Chicago Press, 1981); Julia A. Sherman and Evelyn Torton Beck, eds., *The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge* (Madison: University of Wisconsin Press, 1979); Eloise C. Snyder, ed., *The Study of Women: Enlarging Perspectives of Social Reality* (New York: Harper & Row, 1979); Dale Spender, ed., *Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines* (New York: Pergamon Press, 1981); Marianne Triplette, ed., *Women's Studies and the Curriculum* (Winston-Salem, N.C.: Salem College, 1983).

в наличии такового или считают группы, не наделенные властью, не способными к созданию чего-то нового. Такая ситуация тем более вопиющая, что гуманитарные науки претендуют на стремление сделать все человечество предметом своего изучения⁶³. Женское творчество никогда не принималось всерьез, поскольку считалось, что оно не отвечает требованиям высоких стандартов качества⁶⁴. Тем не менее. Пол Лаутер считает, что «стандарты качества в литературе являются не абсолютными; они носят случайный характер и зависят от множества обстоятельств, от требований к форме и эмоциональности литературного высказывания, а также от культурного наполнения концептов формы и функции»⁶⁵.

Предвзятость литературных и художественных канонов по отношению к женщинам указывает на то, что сами эти каноны основаны на принципах мужской культуры. По этому утверждению о том, что великая литература повествует об универсальных проблемах и превосходит рамки отдельных социокультурных факторов, таких как раса, класс или гендер, представляются безосновательными. Исследование развития канонов американской литературы, проведенное П. Лаутером, показало, что дискриминация женщин-писательниц, а также афро-американских авторов и литераторов-представителей рабочего класса особенно усилилась в 20-е годы XX века. Именно тогда небольшая группа элиты (белые мужчины) разработала каноны формальной литературной критики и условную периодизацию литературы⁶⁶. С тех пор эстетика этих канонов представляется универсальной. Данный пример позволяет понять, как зачастую вкусы и опыт элиты выдается за норму. Как пишет Аннетт Колдони, если существует некий канон, при оценке любого про-

---

⁶³ Elizabeth Abel, ed., «Writing and Sexual Difference,» *Critical Inquiry* 8 (Winter 1981): 173–403.

⁶⁴ Lillian Robinson, «Treason Our Text: Feminist Challenges to the Literary Canon,» *Working Paper Series*, no. 104 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983).

⁶⁵ Paul Lauter, ed., *Reconstructing American Literature* (Old Westbury, N.Y.: Feminist Press, 1983), xx.

⁶⁶ Paul Lauter, «Race, and Gender in the Shaping of the American Literary Canon: A Case Study from the Twenties,» *Feminist Studies* 9 (Fall 1983): 435–64.

изведения соответствие ему будет ставиться выше его художественной ценности⁶⁷.

Другие критики гуманитарных наук считают весьма спорной хронологическую презентацию материала. К примеру, Натали Кампен и Элизабет Гроссман считают, что идея о линейной прогрессии времени, фундаментальная для истории искусств, приводит к тому, что предьявляемая модель развития человеческой культуры, на самом деле более прямолинейна, чем сама история. Хронологическая презентация подразумевает также, что конкуренция является частью творчества, и что иерархия единственно возможный способ организации человеческой культуры⁶⁸.

Интеграция гендерного компонента идет особенно трудно в таких дисциплинах, как, например, история философии, где рамки канона довольно жесткие и узкие. Даже в этике, где, казалось бы, сложно проигнорировать разнообразие систем человеческих ценностей, предмет изучения изучается с удобной для доминирующей группы точки зрения, что приводит к заблуждению о том, что только элита способна понять культурные нормы⁶⁹. В гуманитарных науках, хотя женщины часто появляются в текстах в качестве предметов искусства, их опыт редко подлежит исследованию. В американской литературе много написано об афро-американках и индианках, но эти героини никогда не становятся главными. Налицо яркая дискриминация по половому, классовому и расовому признаку в гуманитарных науках.

Если бы было возможно построить гуманитарную парадигму на основе опыта исключенных групп, современная наука имела бы другое лицо. Глория Халл, например, в исследовании произведений североамериканских **женщин небелого цвета кожи**

---

⁶⁷ Annette Kolodny, «Dancing through the Minefield: Some Observations on the Theory, Practice, and Politics of a Feminist Literary Criticism,» in Spender, ed., 23–42.

⁶⁸ Natalie Kampen and Elizabeth Grossman, «Feminism and Methodology: Dynamics of Change in the History of Art and Architecture,» Working Papers series, no. 121 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983); and Norma Broude and Mary Garrard, *Feminism Art History: Questioning the Litany* (New York: Harper & Row, 1982).

⁶⁹ Linda Gardiner, «can This Discipline Be Saved? Feminist Theory Challenges Mainstream Philosophy,» Working Paper Series, no. 118 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983).

выявила несколько новых тем, появляющихся по мере становления их литературы⁷⁰. Эта литература пронизана глубоким осознанием расовой и гендерной дискриминации. Однако немало важную роль играют и такие темы, как бикультурная идентичность (особенно ярко проявляющаяся в языке), новое понимание сексуальности, важность сохранения культурных традиций и их форм выражения.

В свою очередь, история, как и литература, концентрировала свое внимание на отдельных личностях. Историки стремятся в своих исследованиях осветить жизнь героев, поэтому им не интересны обычные женщины и мужчины. Следовательно, основной целью внедрения гендерного подхода в истории было «расширение» сферы исторических исследований. Кроме того, феминистская критика доказала, что традиционная периодизация организована согласно представлениям мужчин-выходцев из буржуазной среды⁷¹. С феминистской точки зрения интеграция женщин в исторические дисциплины заключается не только в упоминании тех, кого раньше обходили вниманием. В данном случае необходимо создание новой исторической парадигмы, в которой женщины будут субъектами истории и исторических преобразований, а их жизнь будет анализироваться по их же системе оценок. Феминистский пересмотр истории это больше, чем просто расширение круга изучаемых проблем. Категория гендерных отношений становится первичной для исторического опыта. Поэтому если повествовательный стиль истории привел к созданию некоторого набора легенд о прошлом, то феминистская наука в истории стремится к описанию многоуровневого исторического опыта⁷². К примеру, в ходе курса истории американской цивилизации ученые уделяют большое внимание проблеме о физической и метафизической границе нового мира как обла-

---

⁷⁰ Gloria Hull, «Reading Literature by U.S. Third World Women,» Working Papers Series, no. 141 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1984).

⁷¹ Joan Kelly-Gadol, «The Social Relations of the Sexes: Methodological Implications of Women's History,» Signs 1, no. 4 (Summer 1976): 809–24.

⁷² Susan Armitage, «Women and Western American History,» Working Papers Series, no. 134 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1984).

ти, подлежащей завоеванию. В противовес этому работа А. Колодни по исследованию женского сознания эпохи экспансии на Запад демонстрирует, что женщины представляли себе новые земли садом, который необходимо ухаживать⁷³.

Феминистки считают, что проблема формирования категории «высокое качество» в искусстве должна стать предметом исследований гуманитарных наук. Для этого требуется высокая степень методологического самосознания. Ученый должен ставить перед собой следующие вопросы:

— Какие социальные условия необходимы для возникновения того или иного типа женского образа?

— Чьим интересам служит тот или иной образ?

— Как эти образы влияют на женщин?

— Каков спектр вкусов и интересов женщин? Какими методами они работают и каков их опыт?⁷⁴

Ответы на данные вопросы способствуют выявлению предвзятости в учебных курсах, что, в конечном счете, помогает обнаружить более скрытых стереотипов мышления. Барбара Райт, автор работы по анализу учебников иностранных языков, пишет, что учебники рассказывают только о жизни самых преуспевающих представительниц среднего класса о хирургах, профессорах и бизнесменах⁷⁵. Она разделяет свой анализ на несколько этапов:

1. Выявление образа женщин и девочек в учебнике;

2. Определение статуса женщины в предьявляемой культуре;

3. Критическая оценка самого языка.

Последний этап помогает увидеть оценочные суждения, которые формируют мнение о включении (или исключении) оп-

---

⁷³ Phyllis Cole and Deborah Lambert, «Gender and Race in American Literature: An Exploration of the Discipline and a Proposal for Two New Courses,» Working Papers Series, no. 115 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983); Annette Kolodny, *The Land before Her: Fantasy and Experience of the American Frontiers, 1630–1860* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984).

⁷⁴ Broude and Garrard.

⁷⁵ Barbara Drygulsky Wright, «Feminist Transformation of Foreign Language Instruction: Progress and Challenges,» Working Papers series, no. 117 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983).

ределенных семантических и синтаксических приемов в язык, а, следовательно, дают представление о том, как гендерные, расовые и классовые предрассудки фиксируются в языке, в культуре и в преподавании иностранного языка. Феминистская критика признает, что «условия создания и усвоения культурных норм, функции культуры, специфические исторические и формальные традиции, формирующие и утверждающие культуру меняются в зависимости от социальной группы и класса. В этом отношении проблема изменения содержания учебных программ связана, в первую очередь, с умением понять, оценить и научить разнообразию культурных традиций»⁷⁶.

Каролин Хейлбран пишет: «Филология не сможет выжить, если ... не исключить из нее человеческий опыт. А человеческий опыт нельзя полностью исключить из изучения литературы, не обозначив место женщины в литературе, в текстовом наполнении нашей жизни, как сейчас, так и ранее»⁷⁷. Феминистская критика позволяет взглянуть на прошлое и настоящее культуру как на «сложное многоуровневое образование, состоящее из опыта женщин и мужчин, насыщенное конфликтами»⁷⁸. Подобное понимание культурного многообразия в сочетании с гендерным подходом поможет гуманитарным наукам создать целостную картину человеческого бытия.

Общественные науки.

Как и в гуманитарных науках, исключение женщин как группы из общественных наук ведет к искажению и ложному представлению их жизни в обществе и места в культуре⁷⁹. Общественные науки претендуют на точное описание социальной действи-

---

⁷⁶ Lauter, ed., *Reconstructing American Literature*, xxi.

⁷⁷ Carolyn G. Heilburn, «Feminist Criticism in Departments of Literature,» *Academe* 69 (September-October 1983): 14.

⁷⁸ Carol Smith-Rosenberg, «The Feminist Reconstruction of History,» *Academe* 69 (September-October 1983): 26–27.

⁷⁹ Marcia Millman and Rosabeth Moss Kanter, eds., «Editorial Introduction,» *Another Voice* (Garden City, N.Y.: Doubleday and Co., Anchor Press, 1975); Margaret L. Andersen, *Thinking about Women: Sociological and Feminist Perspectives* (New York: Macmillan Publishing Co., 1983); Carolyn Sherif, «Bias in Psychology,» in Sherman and Beck, eds., (n. 62 above), 93–134.

тельности. Однако исключение из них женщин приводит к разработке теории и концепции, которые внешне универсальны, а на самом деле основаны на гендерно-специфическом опыте. Поэтому такие теории способствуют усвоению студентами мужских стандартов и устоев западной культуры⁸⁰.

В результате феминистки пришли к выводу, что основные категории, которыми оперируют общественные науки, гендерно пристрастны. Например, принятое разделение на частную и публичную сферы воспроизводится в категориях общественных наук, которые зачастую происходят именно из публичной сферы. Следовательно, эти категории не учитывают частный опыт, а также взаимоотношения между частным и публичным. Фокусирование на публичной сфере как основной арене социального взаимодействия ведет к исключению женского и большей части мужского опыта⁸¹. К примеру, считается, что экономическая деятельность протекает только в публичной сфере, что ведет к полному исключению работы по дому как категории экономической деятельности. Таким образом, уход за стариками, больными или детьми экономически продуктивная деятельность, когда она оплачивается, и не продуктивная в домашних условиях. Более того, ориентируясь на белого западного мужчину, большинство экономистов считают, что экономическая деятельность всегда подразумевает рациональный выбор и свободу действий. Феминистский подход, однако, предлагает такой тип экономического анализа, где исследуются различные способы принуждения и ограничения выбора⁸².

Сходная ситуация складывается и в политологии. Учебники описывают только ту политическую деятельность, которая происходит в формальных публичных политических институтах. Обычно сюда включаются сведения о наличии женщин и представителей различных меньшинств в органах власти в знак уважения к федеральному законодательству о правах человека. Но в сферу интересов такой науки никогда не входит проблемы уча-

---

⁸⁰ Rayna Reiter, ed., *Toward an Anthropology of Women* (New York: Monthly Review Press, 1975).

⁸¹ Millman and Kanter, vii–xvi.

⁸² Barbara Bergmann, «Feminism and Economics,» *Academe* 69 (September–October 1983): 22–25.

ствия женщин в локальной политике, этнической идентичности как измерения политической активности, сексуальности как критерия образования политических движений. Если бы наше представление о политической системе и процессах основывалось только на текстах учебников, как происходит с большинством студентов и преподавателей, то мы бы считали, что ни раса, ни класс, ни гендер, ни этничность не влияют на формирование политических систем и политического поведения⁸³.

Локализация категорий общественных наук в сфере мужского и публичного отражает дихотомию в методах и содержании общественных наук. В работе Дороти Смит по социологии знания рассматриваются последствия отделения мужского знания в публичной сфере и женского знания в частной сфере. Она говорит о том, что мужчины имели возможность сконцентрироваться на создании абстрактных теорий, потому что женщины брали на себя обеспечение их материальных и духовных потребностей. В результате, концепции в общественных науках построены без учета опыта женщин и не отражают женского мировоззрения⁸⁴. Многие ученые также считают, что методы исследования общественных наук, когда респондентам предлагается выбрать одно из двух, ведут к поляризации человеческого опыта. Особенно актуально это замечание для экспериментальных обзорных исследований и для исследований о разнице между полами⁸⁵. Далее, исследовательские методы в общественных науках обычно изучают человека вне связи с его социальным контекстом. А такие категории, как раса и пол, если они вообще упоминаются в ходе исследований, рассматриваются как

---

⁸³ James Soles, «Recent Research on Racism» (paper presented at the University of Delaware, 1985 Lecture Series on Racism, Newark, January 1985).

⁸⁴ Dorothy Smith, «Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology,» *Sociological Inquiry* 4 (1974): 7–13; «Toward a Sociology for Women» in Sherman and Beck, eds., 135–88; Sandra Harding and Merrill B. Hintikka, eds., *Discovering Reality: Feminist Perspectives of Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science* (Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1983).

⁸⁵ Michelle Hoffnung, «Feminist Transformation: Teaching Experimental Psychology,» Working Papers Series, no. 140 117 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1984); Sherif, 93–134.

абстрактные категории. Редкое исследование представляет свои результаты с учетом расы и пола. Но и в этом случае данные разделяются. Например, социологи, сравнивающие доходы белого и чернокожего населения Америки, обычно приводят отдельно сопоставление доходов черных и белых и отдельно доходы мужчин и женщин. Подобные методы приводят к деперсонализации результатов, к неверным обобщениям, к отказу от рассмотрения афро-американок как отдельной группы с особым историческим и современным статусом.

Наиболее серьезным препятствием для преобразования учебных программ в общественных науках, является тяга этих дисциплин к точным наукам. Естественнонаучные методы, заимствованные общественными науками, порождают иерархические методологии, где человек, обладающий определенным знанием, провозглашается экспертом. Другой проблемой является непризнание наличия социальных связей между изучаемым и изучаемыми. Поскольку связь между человеком, получившим знание, и полученным знанием является частью системы знания, то отрицание подобной связи ведет к искажению результатов исследований общественных наук. Д. Стейси и Б. Торн приходят к выводу, что в социологии позитивистская эпистемология запрещает внедрение гендерного подхода, поскольку позитивизм рассматривает знание как абстрактное и универсальное, не зависящее от исследователя. Феминистское преобразование содержания образования имеет больше шансов на успех в тех дисциплинах, где используются интерпретативные методы. Таким методам свойственна рефлексия об условиях производства знания, а исследователю приписывается активная позиция. Поэтому подобные методы гораздо эффективнее для построения парадигмы знания общественных наук они дают более полную картину действительности⁸⁶.

Феминистская методология в общественных науках исходит из предпосылки, что отношения между знанием и исследователем являются социально организованной практикой. По мнению феминисток, предполагаемая беспристрастность исследо-

---

⁸⁶ Judith Stacey and Barrie Thorne, «The Missing Feminist Revolution in Sociology,» *Social Problems* 32 (April 1985): 301–16.

вателя стала возможной вследствие иерархической организации науки, когда женщинам отводится роль посудомоек, продавцов и секретарей⁸⁷. Более того, феминистки считают, что беспристрастность исследователя требование мужской науки и что этого можно достичь только игнорируя роль женщин. Ш. Рейнхарц пишет, что феминистские исследования в общественных науках должно быть нацелено на пересмотр роли исследователя, поскольку смешно рассматривать процесс сбора данных отдельно от процесса их обработки⁸⁸.

Преобладание точных методов исследования в общественных науках натолкнуло феминисток на мысль, что первым шагом в преобразовании содержания учебных программ в общественных науках должен быть отказ от этих методов. Развивая феминистский подход в методике преподавания психологии, М. Хоффнунг пишет о необходимости вооружения исследователя разнообразными методами и о разработке каждого отдельного случая с учетом личности исследователя⁸⁹. Точно также в курсе истории психологии, например, необходимо говорить о том, что женщины сыграли более активную роль в истории психологии и других общественных наук, нежели об этом упоминается в учебниках. Когда в специальной литературе внимание фокусируется исключительно внутреннему развитию науки, несправедливо игнорируются внешние социальные и исторические условия, в которых протекали исследования⁹⁰. Как и в гуманитарных науках, интеграция гендерного компонента в содержание учебных курсов требует более обдуманного подхода, который бы поместил и женщин, и мужчин в целостный контекст исторического и культурного опыта и не стремился бы выработать один универсальный подход к изучению общества.

---

⁸⁷ Marian Lowe and Ruth Hubbard, eds., *Woman's Nature* (New York: Pergamon Press, 1983).

⁸⁸ Shulamit Reinharz, «Experiential Analysis: A Contribution to Feminist Research,» in Bowles and Duelli-Klein, eds., (n. 19 above), 162–91.

⁸⁹ Michelle Hoffnung.

⁹⁰ Laurel Furumoto, «Placing Women in the History of Psychology Courses,» Working Papers Series, no. 139 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1984).

Естественные и точные науки.

Из всех дисциплин, именно естественные и точные науки наиболее сильно связаны с политической и экономической системой. Тем не менее, это не мешает им претендовать на академическую нейтральность. Для феминисток, занятых в сфере точных наук, осознание того, как научные исследования отражают культурные ценности, способствует пониманию взаимосвязи между миром науки, капитализмом и патриархатом.

Начнем с того, что научные описания проецируют культурные ценности в окружающий мир. Р. Хаббард полагает, что стремление к подчинению себе подобных не заложено в человеческой природе; оно развилось в обществе, где ценится иерархия и патриархат⁹¹. Хотя считается, что научные объяснения часто противоречат принятой в обществе системе верований, верно и то, что научные объяснения зачастую полностью согласуются с социальной и политической идеологией того общества, где они появились⁹². Исследования функций полушарий мозга являются ни чем иным, как попыткой биологического объяснения различий между полами, проявляющимися в образах мышления, зрительно-пространственной ориентировке и интуиции⁹³. Возможно, сексистские ценности культуры, закрепленные в научных описаниях и анализе, проявляются наиболее ярко в дискуссиях о половом отборе, человеческой сексуальности и воспроизведении⁹⁴.

Как и в гуманитарных и общественных науках, феминистской критике подвергается культурная оппозиция «мужской —

---

⁹¹ Ruth Hubbard, «Feminist Science: A Meaningful Concept?» (paper presented at the annual meeting of the National Women's Studies Association, Douglass College, New Brunswick, N.J., June 1984).

⁹² Ruth Hubbard, «Have Only Men Evolved?» in *Biological Woman: The Convenient Myth*, ed. Ruth Hubbard, Mary Sue Henifin, and Barbara Fried (Cambridge, Mass.: Schenckman Publishing Co., 1982), 17–46; Ethel Tobach and Betty Rosoff, eds., *Genes and Genders*, vol. 1 (New York: Gordian Press, 1979); см. также следующие четыре выпуска *Genes and Gender*.

⁹³ Ruth Bleier, *Science and Gender* (New York: Pergamon Press, 1984).

⁹⁴ Mina Davis Caulfield, «Sexuality in Human Evolution: What Is 'Natural' about Sex?» *Feminist Studies* 11 (Summer 1985): 343–63.

женский», пронизывающая научную мысль и дискурс⁹⁵. Некоторые ставят под сомнение и саму способность научного метода описывать коллективное поведение, так как он разделяет поведение, клетки, категории и события. В точных науках, равно как в гуманитарных и общественных, общепризнанные теории рассыпаются, если только начать их рассматривать с позиции женщин. Например, если в медицине климакс обычно приписываются симптомы некоторых болезней, то исследование, проведенное феминистками-биологами, полностью опровергает эти данные: опрошенные женщины не отметили никаких симптомов, характерных для климактерического периода⁹⁶.

Феминистскую критику естественных наук можно разделить на пять стадий:

1. Исследование борьбы женщин за право заниматься естественными науками;

2. Исследование использования науки (в том числе и для реализации расистских, сексистских, гомофобных и классово-предвзятых проектов);

3. Эпистемологические исследования;

4. Исследования, вышедшие из литературной критики, исторической интерпретации и психоанализа и рассматривающие науку как текст, а, следовательно, нацеленные на выявление социальных значений, скрытых за претензией на нейтральность;

5. Споры о конечной цели: построение гендерно корректной естественнонаучной парадигмы или просто поиск «лучшей» науки, не искаженной гендерными, расовыми, классовыми и гетеросексуальными предубеждениями⁹⁷.

---

⁹⁵ Helene Longino and Ruth Doell, «Body, Bias, and Behavior: A Comparative Analysis of Reasoning in Two Areas of Biological Science,» *Signs* 9, no. 2 (Winter 1983): 206-27; Nancy Hartsock, «The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism,» in *Money, Sex and Power*, ed. Nancy Hartsock (New York: Longman, Inc., 1983), 231-51; Elizabeth Fee, «Woman's Nature and Scientific Objectivity,» in *Lowe and Hubbard*, eds., 9-28.

⁹⁶ Anne Fausto-Sterling, *Myths of Gender: Biological Theories about Women and Men* (New York: Basic Books, 1985), 117.

⁹⁷ Sandra Harding, *The Science Question in Feminism* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986).

Феминистская критика естественных наук может, таким образом, исходить из нескольких проблем. В числе таковых могут быть, например,

- Почему женщинам закрыт доступ в естественные науки?
- Как преподаются эти науки?
- Ответы на какие вопросы должны искать представители феминизма в точных науках?
- Как преподносится категория «различие» в естественно-научной среде?
- Как отстранение женщин от занятий точными науками повлияло на развитие и современное состояние этих наук?

Некоторые из этих вопросов совпадают с направлениями поиска в сфере общественных наук. Но специфической задачей феминизма в естественных и точных науках является рассмотрение феномена, который Э. Фокс Келлер называет система «наука/гендер» (science/gender system). Под этим термином подразумевается система сходств и различий между общественным и частным, личным и неличным, мужским и женским, проявляющаяся в базовой структуре науки и общества. Келлер считает, что, задавая вопрос «как гендерная и научная идеология способствуют созданию друг друга, как эти конструкты функционируют в обществе, и как они влияют на мужчин и женщин, науку и природу?» мы сможем выявить корни, динамику и оценить последствия функционирования системы «наука/гендер»⁹⁸.

Наука несет на себе отпечаток того, что исторически учеными были мужчины. Поэтому, задать вопрос, как и почему женщинам был закрыт доступ в естественные науки, — один из способов выявить глубоко укоренившиеся гендерные, расовые и классовые стереотипы в профессиональной организации науки и, следовательно, в характере научной мысли. В результате, участие женщин в занятии естественными и точными науками является, несомненно, вопросом равенства. Более того, это еще и глубинное изменение структуры науки, и ответ на вопрос, почему одни теории получают широкое признание, а другие нет. Здесь следует упомянуть, что женский опыт не исследовался биологами, поскольку считался субъективным, а, следовательно, находящимся за пределами области научных интересов.

---

⁹⁸ Keller (n. 50 above).

Кроме того, поскольку его нельзя оценить научно, то предмет, а не метод, признавался дефективным⁹⁹.

Собранные вместе работы феминисток открывают новые возможности для преподавания¹⁰⁰ и понимания естественных наук. Раскрывая зависимость между гендером и наукой, данная работа подчеркивает связь между наукой оппозицией «пол/гендер». Кроме того, с точки зрения феминизма, естественные науки — это только один из подходов к пониманию и объяснению окружающего мира. Поэтому перед нами открывается возможность развивать другие, более плюралистические теории.

Методическое обеспечение

Новая феминистская теория не может автоматически стать частью содержания учебных дисциплин. Поэтому несколько институтов профинансировали проекты, которые были нацелены на создание практических пособий по включению гендерных исследований в структуру высшего образования. Подобные проекты особенно полезны преподавателям, читающим базовые курсы, а также тем, чья деятельность связана с гендерным образованием. Американской политологической ассоциацией опубликован пятитомный сборник, в котором содержатся обзорные статьи, примерные программы курсов, упражнения и списки литературы¹⁰¹. Особое внимание авторы уделяют объяснению низкого процента женщин в управленческих структурах, а также анализируют способы дискриминации женщин-адвокатов, судей, правонарушительниц и жертв. Более того, авторами опровергается тезис о традиционной аполитичности женщин: они

---

⁹⁹ Patsy Schweickart, lecture presented at Mellon Faculty Development Seminar, Wellesley College Center for Research on Women, Fall 1985.

¹⁰⁰ Dorothy Buerk, «An Experience with Some Able Women Who Avoid Mathematics,» For the Learning of Mathematics 3 (November 1982): 19–24; Anne Fausto-Sterling, «The Myth of Neutrality: Race, Sex, and Class in Science,» Radical Teacher 19: 21–25, and Myths of Gender; см. также специальный выпуск «Women in Science,» ed. Pamela Annas, Saul Slapikoff, and Kathleen Weiler, Radical Teacher, vol. 30 (1986), в которых приводятся несколько замечательных работ по феминистской критике естественных наук.

¹⁰¹ American Political Science Association, Citizenship and Change: Women and American Politics, 9 vols. (Washington D.C.: American Political Science Association, 1983).

детально рассматривают участие женщин в локальной политике и их борьбу за изменение общественного мнения в вопросах сексуальных домогательств, здоровья женщин и насилия, направленного против женщин.

Другие группы исследователей разработали материалы, способствующие созданию учебных программ для вводных курсов, особенно в таких дисциплинах, как социология, психология, история США и микроэкономика¹⁰². Подобные сборники обычно состоят из программ для вводных курсов с указанием новых тем, примерами и списками литературы по разным разделам, которые обычно входят во вводные курсы. К примеру, сборник *Reconstructing American Literature* (Другая американская литература), включает 67 программ курсов по американской литературе. Американская социологическая ассоциация недавно выпустила прекрасный сборник, в котором приводятся программы курсов гендерной ориентации с примерными заданиями и упражнениями, со списком видеофильмов по темам. Сюда же входит и обзор литературы по преподаванию курсов по гендерным исследованиям, по проблемам гомофобии в учебной среде, по включению гендерной и расовой проблематики в образовательный контекст, а также по положению афро-американок в высшем образовании¹⁰³.

---

¹⁰² Judith M. Gappa and Janice Pearce, «Sex and Gender in the Social Sciences: Reassessing the Introductory Course: Principles of Microeconomics» (San Francisco: San Francisco State University, 1982, mimeographed); Barrie Thorne, ed., *Sex and Gender in the Social Sciences: Reassessing the Introductory Course: Introductory Sociology* (Washington, D.C.: American Sociological Association, 1983); Nancy Felipe Russo and Natalie Malovich, *Sex and Gender in the Social Sciences: Reassessing the Introductory Course: Introductory Psychology* (Washington, D.C.: American Psychological Association, 1982); Bonny Lloyd and Arlene Rengert, «Women in Geographic Curricular,» *Journal of Geography* 77 (September–October 1978): 164–91; Organization for American Historians, *Restoring Women to History: Materials for U.S. I and II*, 2 vols. (Bloomington, Ind.: Organization of American Historians, 1983).

¹⁰³ Barrie Thorne, Mary McCormack, Virginia Powell, and Delores Wunder, eds., *The Sociology of Sex and Gender: Syllabi and Teaching Materials* (Washington, D.C.: American Sociological Association Teaching Resources Center, 1985).

Особенно следует отметить приложение к книге М. Шустер и С. Ван Дайн *Women's Place in the Academy: Transforming the Liberal Arts Curriculum*. Оно организовано по разделам, в каждом из которых дается не просто список литературы по предметам, но и разделяются книги, рекомендуемые студентам, и книги, более интересные для подготовки самого лектора. Преподаватели, заинтересованные во включении гендерных исследований в структуру высшего образования, могут воспользоваться различными статьями, опубликованными в журнале *Signs*. В них приводятся данные наиболее масштабных исследований, а также дается обобщенный анализ теорий развития высшего образования. Другим ценным источником информации подобного рода являются материалы, публикуемые Центром Женских Исследований Колледжа Уэллесли (*Wellesley College Center for Research on Women*). Информационные бюллетени университетов, в которых рассказывается о проектах по включению гендерных исследований в структуру высшего образования, часто содержат рекомендации по организации курсов, составленные преподавателями, занятыми в этой сфере¹⁰⁴. Наконец в ходе совещаний, проводимых женскими профессиональными ассоциациями, можно получить библиографию и другие материалы, необходимые для изменения содержания программ вузовского обучения.

Существует много пособий и для включения информации о **женщинах с небелым цветом кожи** в программы гендерных и основных курсов. Глория Халл, Патриция Белл Скотт и Барбара Смит выпустили великолепный сборник «*All Women Are White, All the Blacks Are Men, But Some of Us Are Brave*». В него вошли не только статьи, посвященные разностороннему анализу опыта афро-американок и их вкладу в развитие науки и культуры, но и примерный список программ курсов, нацеленных на включение расового компонента в структуру курсов и методические разработки¹⁰⁵.

¹⁰⁴ См. например бюллетени центра Женских Исследований Университета штата Мемфис и «*Re-vision*» бюллетень проекта Тоусон, разрабатываемый по инициативе Фонда Развития высшего и профессионального образования.

¹⁰⁵ Gloria Hull, Barbara Smith, and Patricia Bell Scott, eds., *All the Women Are White, All the Blacks Are Men, but Some of Us Are Brave* (Old Westbury, N.Y.: Feminist Press, 1983).

Центр Женских Исследований Университета г. Мемфис публикует библиографию по общественным наукам по темам исследований положения **женщин с небелым цветом кожи**¹⁰⁶. Этим же Центром проводятся летние школы, на которых обсуждаются вопросы включения **женщин с небелым цветом кожи** в программы курсов ВУЗов, семинары по повышению квалификации преподавателей и издается собственный вестник. В статье Максина Бака Зинн, опубликованной в *Signs*, приводится библиография, необходимая для разработки проектов по включению мексиканок в программы дисциплин общественных наук¹⁰⁷. С той же целью можно использовать работу М. Труилло *Estudios Femeniles de la Chicana*¹⁰⁸. Под руководством А. Фаусто-Стерлинг и Л. Инглиш в Университете Браун был осуществлен проект по женским исследованиям и изучению представителей национальных меньшинств в науке. Результатом этой работы стал выпуск комплекта методических рекомендаций по изучению роли женщин и представителей меньшинств в развитии науки. В комплект вошли также студенческие эссе, посвященные их опыту научной работы. Авторы приводят и списки книг, статей, видеоматериалов и т.д. по данной проблематике¹⁰⁹.

Еще одним незаменимым источником для составления новых учебных программ является журнал *Sage*. В нем публикуется много работ междисциплинарного характера по исследованию положения **женщин с небелым цветом кожи**. В последних номерах особое внимание было уделено проблемам образования, женщин-литераторов, а также взаимоотношениям поколений¹¹⁰. Данный журнал не единственный, обращающийся к

---

¹⁰⁶ Memphis State University Center for Research on Women, «Selected Bibliography of Social Science Readings on Women of Color in the U.S.» (Memphis, Tenn.: Memphis State University Center for Research on Women, n.d.).

¹⁰⁷ Maxine Baca Zinn, «Mexican-American Women in the Social Sciences,» *Signs* 8, no. 2 (Winter 1982): 259–72.

¹⁰⁸ Marcela Trujillo, *Estudios Femeniles de la Chicana* (Los Angeles: University of California Press, 1974).

¹⁰⁹ Anne Faustu-Sterling and Lydia L. English, *Women and Minorities in Science: Course Materials Guide*.

¹¹⁰ *Sage: A Scholarly Journal on Black Women*, Box 42471, Atlanta, Ga. 30311.

подобной тематике¹¹¹. Кроме того, уже появилось много статей-обзоров литературы по данной проблематике¹¹².

Подобное разнообразие материалов по вопросам положения **женщин с небелым цветом кожи** опровергает многие претензии преподавателей, суть которых сводится к тому, что включить эту проблематику в содержание учебных курсов невозможно, потому что нет методического обеспечения. Отсюда следует и необходимость пересмотра содержания курсов с точки зрения тех, кто обычно был из него исключен, а для этого нужно изменить материалы и подход, применяемые создании учебных курсов. Включение изучения **женщин с небелым цветом кожи** в структуру курсов соответствует основным принципам гендерных исследований: человеческий опыт бесконечно разнообразен, и образование должно быть нацелено на понимание этого разнообразия. Хотя, как отмечает Д. Батлер, стремление преподавателей к сжатоному представлению материала усложняет данную задачу¹¹³, можно сказать, что установление в классе более демократичной атмосферы будет способствовать пониманию многообразия мира, как со стороны студентов, так и преподавателей.

Методических материалов по включению гендерных исследований в структуру гендерного образования так много, что перед преподавателями встает еще одна проблема: если они в последние два десятилетия не следили за развитием феминистской теории, то теперь им предстоит заняться абсолютно новой деятельностью. Очевидно, что данный процесс требует времени, и хотя по началу широта поля деятельности может и обескуражить, необходимо помнить, что наша цель изменение структуры знания, которая складывалась веками. Небольшие и неполные изменения ведут к более значимым переменам не толь-

---

¹¹¹ См. Journal of Social Issues, vol. 39 (Fall 1983); Conditions, vol. 5 (1979); Spelman Messenger, vol. 100 (Spring 1984); sinister wisdom, vols. 22–23 (1983).

¹¹² Marilyn Jimenez, «Contrasting Portraits: Integrating Materials about the Afro-Hispanic Woman into the Traditional Curriculum,» Working Papers Series, no. 120 (Wellesley, Mass.: Wellesley College Center for Research on Women, 1983); Baca Zinn (n. 107 above).

¹¹³ Jonella Butler, «complicating the Question: Black Studies and Women's Studies,» in Schuster and Van Dyne, eds. (n. 20 above), 73–86.

ко в содержании образования, но и в политической, интеллектуальной и личной сфере. Хотя иногда трудно представить, какой будет измененная программа обучения, Д. Батлер считает, что сам процесс по ее созданию требует необыкновенной самоотдачи.

Все вышеуказанные материалы также оценивают готовность той или иной дисциплины к подобного рода переменам. Они также предлагают различные стратегии для разных направлений исследований. Эта информация, а также философский подтекст каждого проекта по изменению содержания программ вузовского обучения помогают нам проанализировать современное состояние высшего образования и разработать различные способы реализации поставленной цели.

Выводы.

Адриен Рич обозначила направление для пересмотра содержания образования, разграничив категории «получение образования» и «получение знаний». Под «получением образования» подразумевается пассивное восприятие предлагаемого материала без какого-либо анализа. «Получить знания» означает быть их полноправным владельцем, уметь применять их для разрешения противоречий¹¹⁴. По мнению А. Рич, применительно к женщинам данная оппозиция трактуется так: «Не позволяйте другим думать, говорить и объяснять окружающий мир за вас»¹¹⁵.

Воплощение данного тезиса А. Рич требует от женских исследований пересмотра в первую очередь собственного содержания. Создания интегрированных учебных программ подразумевает как включение в них гендерных исследований, так и придание самим гендерным исследованиям междисциплинарного характера. Эти два направления будут способствовать укрупнению гендерных исследований как научной дисциплины, поскольку они предполагают пересмотр научных методов, базовых положений и отношения к обществу, в котором мы живем. В этом смысле в изменении содержания программ вузовского обучения можно выделить три момента: изменение нас самих, изменение нашей работы и изменение общества.

---

¹¹⁴ Adrienne Rich, «Claiming an Education,» in *Our Lies, Secrets, and Silence* (n. 7 above), 231.

¹¹⁵ *Ibid.*, 231.

Данные преобразования помогут и тем исследователям, которые стремятся выявить в системе образования элементы несправедливости и дискриминации, типичные для нашей культуры. В современных политических условиях, когда любое изменение образовательной системы подвергается резкой критике, гендерные исследования, равно как и женское движение в целом, столкнется с сильным сопротивлением¹¹⁶. Нынешние призывы к возвращению к истокам и к стабилизации учебных программ угрожают навсегда исключить женщин, **людей небелого цвета кожи** и гомосексуалистов из области исследований высшего образования. Однако Хоув оставляет нам надежду; она пишет: «Для построения новых систем знания необходимо очень четко осознавать свои цели.... Только в этом случае наша работа будет успешной»¹¹⁷.

Факультет социологии.
Университет штата Делавэр.

---

¹¹⁶ Banner (n. 44 above).

¹¹⁷ F. Howe (n. 9 above), 28.

Дороти Смит

ЖЕНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК РАДИКАЛЬНАЯ КРИТИКА СОЦИОЛОГИИ¹

1. Женское движение помогло нам осознать свое право представлять в социологии [собственные] интересы женщин, а не просто воспринимать в качестве директив интересы, традиционно представленные в социологии, скомпилированной мужчинами. Что же мы можем предпринять в связи с открывшимся доступом к социальной реальности, ранее недоступной и, по сути, подавленной? Что произойдет, если мы начнем относиться к ней с позиций нашей науки? Как и многие, мы, безусловно, можем подумать всего лишь о включении [новых] курсов в существующий репертуар — курсов о половых ролях, о женском движении, о женщинах на рабочем месте, о социальной женской психологии и, возможно, каких-то новых версий социологии семьи. Однако если мы помыслим более дерзновенно или, возможно, просто подумаем о проблеме целиком в более отдаленной перспективе, это может привести нас в первую очередь к постановке следующего вопроса: как бы выглядела социология, если бы она начиналась с точки зрения традиционного места в ней женщин, и что произойдет с социологией, которая постарается серьезно подойти к этой проблеме? Я обнаружила, что дальнейшие рассуждения в подобном ключе приведут к последствиям гораздо большим, нежели это может показаться на первый взгляд.

С точки зрения «места женщины» ценности, закрепленные за различными сферами жизни, не стоят на месте. Одни выхо-

---

¹ Smit, D. Women's Perspective as a Radical Critique of Sociology // *Feminism and Methodology. Women's Perspective*. New York, 1987. Перевод с английского Анны Бородиной. Для семинаров, Тверского Центра Женской Истории и Гендерных Исследований по проекту «научно-методическое обеспечение интеграции гендерного подхода в преподавание социально-гуманитарных дисциплин».

дят на первый план, тогда как значение других стандартных социологических установок уменьшается. В качестве модели мы могли бы взять тот мир, который предстает перед нами в полуденных сериалах «мыльных операх». Их сюжеты, как правило, определяются (хотя и не ограничиваются) домашними событиями, домашними интересами и деятельностью. Мужчины в этом мире появляются как необходимые и жизненно важные компоненты. Это не есть женский мир в смысле исключения из него мужчин. Однако это мир женщин в том смысле, что правят бал в нем особенности, относящиеся к месту женщины. Мужчины демонстрируются нам лишь с их домашней, частной стороны или же как точки пересечения публичного и частного доктора в больницах, юристы в своих офисах, обсуждающие условия завещаний и разводов. Мир их профессии и политики представлен в незначительной степени...

Однако было бы недостаточно всего лишь дополнить традиционную социологию, переключая исследовательский фокус на то, что ранее опускалось либо не принималось во внимание, или же формулируя все, что относится к миру женщин, как исследовательскую проблему для социологов. Это лишь укрепит власть существующих социологических процедур и сделает женскую социологию всего-навсего приложением [к основному корпусу социологии]. Мы не можем на этом успокоиться, поскольку все это не объясняет границы между двумя мирами, а также не анализирует и не объясняет нам отношений между ними (попытки проработать эти вопросы в категориях биологии оперируют в рамках существующих структур как фундаментальной аксиомы и, следовательно, являются открыто идеологическими по своему характеру).

Первая трудность состоит в том, что понимание социологии ее методов, концептуальных схем и теорий — основано и построено в рамках мужской социальной вселенной (даже несмотря на женское в ней участие). Не только схема того, что относится к социологии — в виде перечня определенных проблем или подразделений (промышленная социология, политическая социология, социальная стратификация и т.д.), но и фундаментальные социальные и политические структуры, в рамках которых все это востребуется и воспроизводится, все еще воспринима-

ются как само собой разумеющиеся. Трудность здесь, в первую очередь, заключается в разъединении того, каким образом женщины воспринимают и познают мир, начиная (хотя и не обязательно заканчивая) со своего места [в нем], и заканчивая теми концепциями и теоретическими схемами, которые доступны им для осмысления этого. Так, на одном из семинаров для студентов старших курсов мы обсуждали возможность существования женской социологии, и две студентки сказали, что, на их взгляд и с точки зрения их опыта работы в экспериментальных групповых ситуациях, теории возникновения лидерства в малых группах и т.п. просто-напросто не срабатывали по отношению к тому, что происходило на самом деле. Студентки не смогли обнаружить соответствия теории своим практическим опытам.

Вторая трудность заключается в том, что два мира и две основы (по) знания и опыта не равны по своему статусу. Мир в том виде, в котором он конституируется мужчинами, находится в позиции власти по отношению к миру женщин. С позиций именно мужского мира наше общество управляется, именно с них начинается все происходящее с нами. Домашний мир пребывает в состоянии зависимости от мира мужского, которому подчинен и сам характер женского мира.

Две трудности соотносятся друг с другом особым образом. Последствия взаимодействия второй с первой состоят в преподнесении концепций и категорий, в которых осмысливается мир мужчин, в качестве тех, в которых женщины должны осмысливать свой мир. Следовательно, за счет этих категорий женщины отчуждаются от своего собственного опыта.

Профессия социолога основывается на вселенной, занятой мужчинами, и все еще во многом присваивается мужчинами как их «территория». Социология есть часть той практики, посредством которой всеми нами управляют, и эта практика устанавливает свои соответствия и взаимосвязи. Так, институты, запирающие социологию в структурах, оккупированных мужчинами, — это те же самые институты, которые запирают женщин в ситуациях, в которых они оказываются угнетенными. Чтобы выпустить вторых, логически необходимо освободить и первых. То, что за этим последует, или же, скорее, станет возможным в связи с этим, — поскольку, безусловно, ни в коей мере не явля-

ется неизбежным, — это не столько сдвиг в субъекте, сколько [принципиально] иная концепция того, как социология будет либо сможет понимать и осмысливать наш опыт (общий как для женщин, так и для мужчин) и условия его возникновения в корпоративном капиталистическом обществе.

2. Когда я говорю о руководстве или управлении, то имею в виду нечто более общее, чем понятие правительства как политической организации. Я, скорее, отношу это к тому тотальному комплексу действий, различных для разных сфер, посредством которых наше общество управляется и контролируется. Этот комплекс включает в себя целую область того, что в деловом мире называют «менеджментом». Он включает в себя профессии. Он, безусловно, подразумевает и правительство в его общепринятой формулировке, а также деятельность тех, кто отбирает, обучает и индоктринирует будущих правителей. К ним также относятся те, кто обеспечивает и вырабатывает процедуры, в соответствии с которыми общество управляется, развивает методы отчетности за свою деятельность, прогнозирования и анализа характерных последствий и последовательностей событий, а именно школы бизнеса, социологи, экономисты и т.д. Всё это институты, через которые нами управляют и посредством которых мы, и я подчеркиваю это *мы*, участвуем в управлении.

В этом смысле я представляю себе социологию как нечто гораздо большее, чем идеология либо часть оправдывающих и рационализирующих идеологию институтов, и в то же время гораздо меньшее, чем «наука». Управление нашим обществом производится через концепции и символы. Вклад социологии в этот процесс состоит в разработке концептуальных процедур, моделей и методов, посредством которых непосредственные и конкретные черты опыта можно преобразовывать в концептуальные схемы, через которые и осуществляется управление. То, что на самом деле наблюдается либо систематически извлекается социологами из фактических материалов о том, что люди говорят или делают, должно приобрести некий абстрактный образ. Социология, таким образом, участвует и вносит свой вклад в формирование и [дальнейшее] продвижение этого образа действия и играет особую роль в работе по преобразованию реаль-

ных фактов жизни и опыта людей в концептуальную валюту, с помощью которой он должен и может управляться.

Таким образом, положения социологии организуются в категориях такой перспективы видения мира, которая представляет собой взгляд сверху и принимает как данность прагматические процедуры управления, подобные тем, что создают и идентифицируют ее предмет. Исследовательские вопросы формулируются как проблемы, ставшие административно релевантными, а вовсе не в связи с их значением в первую очередь для опыта тех, кто сталкивается с этими проблемами и живет ими. Те факты и события, которые являются фактами для нас, уже подверглись изменениям, им придали характер и суть фактов, отношений и так далее за счет методов и практик управления. Душевные болезни, преступления, бунты, насилие, удовлетворение, получаемое от своей работы, соседи и окружающие нас сообщества, мотивация и т. д. все это конструкции, результат практик управления. Многие из приведенных выше случаев к примеру, душевные болезни, преступления, окружающие нас сообщества — с самого начала конструируются административными процедурами как дискретные феномены, тогда как другие создаются как проблемы в их отношении к фактическим практикам управления — как, например, концепции мотивации, удовлетворенность своей работой и т.п.

Процессы управления в нашем обществе организованы как социальные объекты, сконструированные извне по отношению к их участникам и исполнителям. Менеджеры, бюрократы, администраторы все это работники по найму, это люди, которых *используют*. Они не владеют предприятиями и не присваивают их тем или иным образом. Социологи изучают эти объекты под заголовком социологии [формальных] организаций. Объекты эти исследуются как объективные структуры со своими целями, видами деятельности, обязательствами и т.д., отличающимися от тех, которые могут иметь работающие в них лица как индивиды. Академические профессии также учреждаются через механизм, который облекает их в форму организаций по отношению к тем, кто получает эти профессии. Тот корпус знания, который аккумулируют члены [этих организаций], присва-

ивается самой наукой как часть ее самоё. Работа членов направлена на то, чтобы внести вклад в корпус знания самой науки.

Будучи студентами старших курсов, собирающимися стать социологами, мы приучаемся думать о социологии так, как она уже осмысливается, и практиковать ее так, как она уже практикуется. Мы узнаем, что одни темы уместны, а другие нет. Мы учимся отказываться от познанного нами мира как источника надежной информации либо от наших предположений о характере этого мира; ограничивать наши взгляды и сосредоточивать их на концептуальных рамках и установках, которые задаются изучаемой нами наукой. Вздумай мы помыслить или познать мир по-иному, так, чтобы границы и горизонты установленных концепций раздвинулись, мы все равно должны практиковать учебную дисциплину, которая отбрасывает эти мысли как ненужные, либо искать некие процедуры, позволяющие тайком включить их в эту дисциплину. Мы приобретаем к способу осмысления мира, определяемому специалистами как социологическое мышление.

Мы учимся практиковать категоризацию фактов и опытов нас самих и других людей, как это делает социология. Мы выясняем, как надо смотреть на мир через призму социологического корпуса знаний. [Данная] процедура действует подобно концептуальному империализму. Когда мы пишем дипломную работу или курсовую, мы узнаем, что первым делом ее нужно тем или иным образом вписать в [надлежащую] учебную дисциплину. Это можно сделать, показав, насколько тема является проблемой в контексте существующих теоретических и концептуальных рамок. Границы исследования, таким образом, устанавливаются в рамках того, что заранее установлено. Даже если это станет, как, к счастью, зачастую и происходит, формальной авторизацией проекта, который имеет очень мало общего с теорией, использованной для его авторизации, мы, тем не менее, продолжаем работать с терминологией и в рамках концептуальных границ того, что нас научили воспринимать как «социологическую перспективу».

Совокупность важных процедур, конструирующих корпус знаний научной дисциплины как нечто отделенное от своих создателей и исполнителей, известна под именем «объективность». Этика объективности и методы, используемые для ее достижения, изначально связаны с отделением знающего от того, что

он знает, и, в частности, с отделением того, что знают, от любых интересов, «уклонов» и т.д., которые могут у него [знающего] быть и которые не авторизированы дисциплиной. Я должна подчеркнуть, что быть заинтересованным в познании чего-либо, отнюдь не означает обесценивания того, что познают. В общественных науках стремление к объективности делает возможным то, чтобы людям платили за получение знания, в котором они иначе не были бы заинтересованы. То, что они чувствуют и думают об обществе, может отделяться и удерживаться в стороне от их профессиональных и академических интересов.

3. Когда социолог идет на работу, он попадает в концептуально организованное общество. Он входит в него как его член, а также как способ, которым он будет исследовать это общество. Он наблюдает, анализирует, объясняет и изучает, как будто [для него] не существует проблемы того, как этот мир становится доступным для его наблюдений. Он передвигается среди организаций, процессов управления, бюрократий и т.п. как лицо, чувствующее себя в этой среде как рыба в воде. Природа этого мира как такового, то, каким образом он становится известен социологу, условия существования этого мира и отношение к нему социолога не подвергаются сомнению. Его методы наблюдения и исследования простираются на новый объект, уже будучи процедурами принципиально того же порядка, что и те, которые применяются для исследуемых им феноменов, либо социолог намерен подвести их под юрисдикцию указанного порядка. Его перспективы и интересы могут различаться, однако суть остается неизменной. Он работает с фактами и информацией, разработанными на основе реальности и появляющимися в форме документов, которые сами по себе являются производными от организационных процессов, его собственных либо контролируемых им либо кем / чем-либо другим. Он втискивает эту информацию обратно в рамки организаций и организационных процессов, которые он заранее воспринимает как познанные, не задавая себе вопроса о том, как случилось, что он их знает, либо что представляют собой социальные процессы, посредством которых можно узнать феномены, соответствующие либо предусматривающие те или иные эмпирические события, акты, решения и т.п. Он покидает пределы конкретных и непосредственных мест, в которых только что

находилось его тело (офис, где он работает, библиотеки, в которых он занимается, улицы, по которым он идет, дом, куда он возвращается), не ощущая своего перемещения. Он работает в той же среде, которую изучает.

Однако, подобно любому человеку, он существует в своем теле и в том месте, в котором оно находится. Это также вместилище его сенсорной организации непосредственного опыта, место, в котором он находится в центре системы координат здесь и сейчас, до и после; место, где он сталкивается с другими людьми лицом к лицу в физическом плане, представляя себя перед другими и воспринимая представления других о себе, в большей и иной степени, чем это можно выразить словами. Именно в этом месте вещи пахнут. За окном беспечно порхают птички. Здесь он испытывает несварение желудка. Это место, в котором он умрет. В это пространство должны проникать, как факты, [все] материальные события, будь то звуки человеческой речи, росчерки пера на поверхности бумаги, которую он конструирует как документ, либо вообще все, что он знает о мире. Каким-то образом это должно происходить, если он вообще способен все это испытывать.

Проникновение в способ управления нашим обществом изымает актора из непосредственного местного и конкретного окружения, в котором он пребывает телесно. То, что является ему в этом месте, он использует как средство выйти за его пределы и перейти к концептуальному порядку. Этот образ действия создает раздвоение сознания — раздвоение, свойственное всем, кто разделяет этот образ действия. Последний устанавливает два вида познания, опыта и действия: один привязан к телу и тому пространству, в которое оно входит и занимает, другой выходит за их пределы. Социология пишется и ставит перед собой цели и задачи, исходя из второго варианта. См. у Байерстедта: «Социология может освободить ум от времени и пространства как таковых и переместить его в новое и трансцендентальное царство, где он не будет зависеть от этих аристотелевских категорий»². Даже работа по наблюдению направлена на описание его

---

² Bierstedt R. Sociology and general education // Sociology and Contemporary Education / Ed. C. H. Page. New York, 1966.

результатов в категориях, а следовательно, и концептуальных формах — «трансцендентального царства».

4. Женщины находятся вне этой структуры и подчинены ей. Они находятся в особом к ней отношении, привязывающим их к местной и конкретной фазе раздвоенного мира. Как традиционно, так и в результате практик занятости в нашем обществе правящий образ жизни присвоен мужчинами, а мир, организованный согласно естественным установкам, — дом — присвоен женщинами (или приписан им)³.

Именно то, что мужчина не должен сосредоточивать деятельность и интересы на своем телесном существовании, обуславливает ему возможность войти в концептуальную модель и абсорбироваться ею. Если он собирается более полно участвовать в абстрактном образе действия, то он должен быть освобожден от необходимости уделять внимание своим нуждам и т.п. в конкретном и частном плане. Организация труда и ожиданий в управленческих и профессиональных кругах одновременно конструирует и зависит от отчуждения мужчины от его телесного и местного бытия. Структура работы и структура карьеры принимают как данность то, что эти житейские проблемы решаются так, чтобы не мешать мужчинам действовать и участвовать в этом [концептуальном] мире. За освобождение мужчин от аристотелевских категорий, о которых говорит Байерстедт, отвечает женщина, которая ведет хозяйство в его доме, заботится о его детях и воспитывает их, стирает его одежду, ухаживает за ним, когда он болен, и вообще решает все проблемы, связанные с его телесным существованием.

Таким образом, место женщин в отношении к этому образу действия находится там, где выполняется работа по созданию условий, способствующих тому, чтобы мужчина завладел концептуальным образом сознания. Удовлетворение физических потребностей мужчины, организация его повседневной жизни, даже постоянство эмоционального фона максимально подстраиваются под его обязательства. Схожие отношения существуют и для женщин, которые работают внутри и вокруг профессиональной и управленческой сфер. Они выполняют то, что при-

---

³ Smith D. Women, the family and corporate capitalism // Women, in Canada / Ed. M.L. Stephenson. Toronto, 1973.

дает конкретную форму концептуальной деятельности. Они выполняют канцелярскую работу, занимаются компьютерным программированием, проводят интервью и опросы, выполняют секретарскую работу. Практически в каждом случае женщины служат посредниками для мужчин в их отношениях между концептуальным образом действия и фактическими конкретными формами, в которых он может и должен быть реализован, а также фактическими материальными условиями, от которых он зависит.

Марксова концепция отчуждения применима здесь в несколько модифицированном виде. Простейшая формулировка отчуждения постулирует связь между работой, выполняемой индивидами, и тем внешним порядком, который их угнетает, так что чем больше они работают, тем сильнее порядок, угнетающий их. Такова ситуация с женщинами в этом отношении. Чем успешнее выполняют женщины посредническую функцию в мире конкретных частностей — с тем, чтобы мужчинам не приходилось вовлекаться в этот мир (а следовательно, и думать о нем), поскольку в этом залог их абстрактной деятельности, — тем полнее погружаются мужчины в мир абстрактный, тем сильнее становится их власть и тем больше подчиняются им женщины. Кроме того, углубляется дихотомия между двумя мирами и разрыв между ними.

5. Женщины-социологи находятся в центре противоречия отношений между нашей наукой и нашим опытом познания мира. Преодолеть это противоречие — значит установить [принципиально] иные формы отношений, отличные от тех, которые мы обнаруживаем в рутинной практике наших миров.

Теории, концепции и методы нашей науки претендуют на объяснение или по крайней мере на обладание способностью объяснить и проанализировать в точности такой же мир, который мы знаем по своему опыту. Однако эти теории, концепции и методы организованы вокруг и построены на том способе познания мира, который принимает как должное ограничения опыта для той среды, в которой он конструируется. Этот способ познания мира, следовательно, принимает как должное условия его существования и выводит из них категории, никоим образом не изучая эти условия. Он не способен проанализировать и свое соб-

ственное отношение к этим условиям, поскольку социолог как реальное лицо в реальной конкретной ситуации растворился в процедурах, объективирующих и отделяющих его от знания. Таким образом, пропадает связь, отсылающая к условиям [возникновения того или иного знания и опыта].

Для женщин эти условия являются центральной и непосредственной практической проблемой, требующей своего решения в случае избрания ими социологической карьеры. Связь между нами как социологами-практиками и нами как работающими женщинами постоянно стоит у нас перед глазами как главная черта познания мира, так что раздвоение сознания становится для нас ежедневной пропастью, которую необходимо перейти: на одной стороне ее находится эта особая концептуальная деятельность мысли, исследования, преподавания, руководства, а на другой мир конкретной практической деятельности по поддержанию чистоты в доме, попыткам успешного совмещения работы по дому, хозяйству и уходу за детьми; мир, в котором неизбежны проявления специфики людей в их чисто физиологической непосредственности (уборка следов рвоты, смена подгузников, кормежка). Даже если указанный выше случай нас пока не касается, мы все же знаем, что можем со временем оказаться в подобной ситуации.

Для нас настало время понять, что в науке мы действуем с мужчинами отнюдь не на равных. Мы не получили полный доступ к ее властному аппарату, т.е. праву наделять [своим] авторством и контролировать действия, знание и мышление, которые, как считается, являются действиями, знанием и мыслями науки. Мы, следовательно, не можем управлять внутренними принципами наших действий. Это по-прежнему находится вне нас. Теоретические рамки, заказывающие категории, в которых проводятся исследование и обсуждение, изначально формулируются мужчинами. Субъектами социологических изречений (если у них вообще есть субъект) являются мужчины. Социолог это «он». И даже еще не убедившись, что наш пол есть основание для исключения (*они* не говорят о *нас*), мы, тем не менее, не можем свободно действовать как субъекты социологических высказываний, потому что должны временно отстраниться от своего пола и своего знания о том, кто мы есть, кто вообще го-

ворит и о ком. Следовательно, мы не можем полноценно участвовать в декларациях и формулировках этого вида сознания. Экстернализация социологии как профессии, о чем я говорила выше, становится для женщин двойным отчуждением.

Таким образом, для женщин существует базовая организация их опыта, которая демонстрирует им структуру раздвоенного сознания. В то же время она ослабляет их приверженность социологии, которая направлена на создание экстернализованного корпуса знаний, основанного на такой организации опыта, которая исключает женский опыт и отказывает женщинам в любом другом статусе, кроме подчиненного.

6. Альтернативный подход должен каким-то образом преодолеть это противоречие, избегая, однако, повторного попадания в «трансцендентальное царство» Байерстедта⁴. Женская перспектива в том смысле, в каком я ее анализирую в настоящей статье, дискредитирует притязание социологии на конструирование объективного знания, независимого от конкретной ситуации социолога. Представляется, что концептуальные процедуры, методы и установки социологии организуют свой субъект с точки зрения определенных позиций в обществе. Подобное критическое разоблачение становится, таким образом, основой для альтернативного способа социологического мышления. Если социология не может избежать привязки к ситуациям, то ей следует использовать это как отправную точку и встроить ее в свои методологические и теоретические стратегии. В том виде, в котором это происходит сейчас, теории и методы отделяют социологически сконструированный мир от того, что познается непосредственным опытом, именно этот разрыв и необходимо преодолеть.

Я вовсе не предлагаю немедленной и радикальной трансформации субъекта и методов науки или отбрасывания за ненадобностью всего, что было ею ранее достигнуто. То, что я предлагаю, больше связано с природой реорганизации, которая изменит отношения социолога-женщины к объекту ее знания, изменив также ее [исследовательскую] проблематику. Подобная реорганизация подразумевает в первую очередь размещение социолога там, где она фактически и находится, а именно в от-

---

⁴ Bierstedt R. Op.cit.

правную точку тех действий, посредством которых она получает знания или собирается их получить; а во-вторых, необходимость сделать ее непосредственный повседневный опыт основой ее знания.

Мне представляется, что нам следует отказаться от социологии ради социологии. Нам вовсе не интересно вносить свой вклад в корпус знания, использование которого нам недоступно, а сами знатоки — неизвестно кто, но, как правило, все же мужчины — особенно когда нет полной ясности в том, что же в этом смысле конструируется как знание. От обыкновения профессионального социолога осмысливать знание так, как его должно осмысливать, нужно отказаться. Она [социолог] будет ограничиваться лишь тем, как это происходит в ее непосредственном опыте. Социология предложит каждому знание общественного устройства и определений свойств и событий непосредственно познаваемого мира. Социологический анализ станет частью наших обычных интерпретаций пережитого опыта, так же как и наш опыт въедания того, как солнце садится за горизонт, трансформирован нашим знанием о том, что земля вращается вокруг своей оси (хотя с того места, где мы находимся, все же кажется, что именно солнце садится, и этому также должны быть даны объяснения).

Единственный способ познания социально сконструированного мира познание его изнутри. Мы никогда не сможем позиционировать себя вне его. Те рамки, в которых социологические феномены объясняются объективными причинами и репрезентируются как внешние по отношению к наблюдателю и независимые от него, сами по себе являются социальной практикой, также познаваемой изнутри. Взаимоотношения наблюдателя и объекта наблюдения, отношение социолога к «предмету» [своего исследования] представляют собой особые социальные отношения. Даже быть посторонним означает войти в мир, сконструированный как посторонний. Сама по себе отстраненность есть способ, посредством которого мир познается.

Когда Джин Бриггз⁵ проводила этнографическое исследование способов структурирования и выражения эскимосами своих эмоций, то, что она узнавала и наблюдала, прояснилось

---

⁵ Briggs J. Never in Anger. Harvard University Press, 1970.

для нее в контексте реальных развивающихся отношений между нею и семьей, в которой она жила, а также другими членами группы. Ее объяснение помещает ее знание в контекст этих взаимоотношений. Чувство привязанности, трения и ссоры были живой фактурой, из которой она почерпнула то, что впоследствии описала [в своих трудах]. Она разъясняет нам, как этот контекст структурировал ее знание, и как то, что она узнала... стало доступным ее наблюдению. Бриггз говорит нам о том, что, как правило, отбрасывается за ненадобностью [традиционным] антропологическим или социологическим нарративом. Несмотря на то, что социологическое исследование необходимо является социальным отношением, мы научились не обращать внимания на свое собственное в нем участие. Мы возвращаем себе лишь объект [полученного в результате этого исследования] знания, как будто, все образовалось само собой. Социология не дает нам возможности увидеть, что указанное выше отношение двустороннее. Альтернативная социология должна быть рефлексивной⁶, т.е. сохранять в себе присутствие, заботы и опыт социолога как носителя знаний и первооткрывателя.

Начать с непосредственного опыта и вернуться к нему как ограничению, или «тесту» на адекватность систематического знания, означает начать с того [места], где мы размещаемся телесно. Реальность нашего повседневного мира уже социально организована. Окружающая нас обстановка, оборудование, «окружающая среда», расписания, события и так далее, наряду с предприятиями и рутинами акторов, социально сконструированы, конкретны и символически организованы еще до начала наших практических действий. Начав с нашего исходного и непосредственного знания о мире, социология предлагает способ сделать его социально организованные реквизиты доступными наблюдению, а затем проблематизировать их.

Здесь мне хотелось бы пояснить: когда я говорю об «опыте», то использую этот термин вовсе не в качестве синонима для термина «перспектива». Предлагая социологию, основанную на фактическом опыте социолога, я отнюдь не ратую за потакание своим внутренним впечатлениям или еще чему-либо, что делает себя самого единственным фокусом и объектом [исследова-

---

⁶ Gouldner A. The Coming Crisis in Western Sociology. London, 1971.

ния]. Подобные субъективистские интерпретации «опыта» сами по себе являются аспектами той организации сознания, которая его раздваивает, перенося нас в царство разума и пряча при этом конкретные условия и практики, от которых оно зависит. Мы никогда не выйдем за пределы наших голов, если примем это [царство] как нашу единственную территорию. Исследование социологом нашего непосредственно познаваемого мира как исследовательской проблемы, скорее всего, и есть тот самый способ, за счет которого мы сможем открыть и по-новому взглянуть на общество изнутри. Она [социолог] начинает со своего первоначального, еще не выраженного словами знания и внутреннего анализа тех действий, посредством которых делает его достигаемым, доступным для наблюдения и понимания того, как оно работает. Ее цель состоит не в многократном повторении того, что она уже (по умолчанию) знает, но в изучении с его помощью того, что происходит извне и самым тесным образом связано с реальностью.

7. Наше знание о мире дается нам теми способами, посредством которых мы вступаем в отношения с объектом познания. Однако в этом случае объект нашего знания есть [его] «субъект» или от него проистекает. Конструирование объективной социологии как авторитарной версии того, каким образом происходят те или иные вещи, делается с позиции и как часть практик управления нашим обществом. Оно до сих пор зависит от классовых и половых оснований, которые дают социологии возможность уйти от проблемы различного восприятия и познания нашего общества с разных точек зрения внутри этого общества. Наша профессиональная подготовка учит нас игнорировать напряжение, возникающее в тот момент, когда проводится промежуточная работа: например, обычные проблемы, с которыми сталкиваются респонденты, когда им приходится подгонять свое собственное знание о мире под вопросы, задаваемые в ходе интервью. Женщина-социолог не может спокойно переносить подобное игнорирование, поскольку обнаруживает, если угодно, в точности такое же напряжение в своем отношении к науке в целом. Живучесть привилегированной социологической версии (или версий) зиждется на субструктуре, заранее дискредитировавшей и лишившей права голоса тех, кто познает общество по-

другому. Объективность социологической версии зависит от особой связи с другими [субструктурами], которые помогают социологу оставаться вне опыта других и не требуют от нее осмыслить этот опыт как имеющий ценность для исследования.

Не так давно, проезжая в поезде по Онтарио, я увидела семью индейцев женщину, мужчину и трех детей, которые стояли на горном отроге над рекой и смотрели на проносившийся мимо поезд. В этот момент... — меня осенило. Я поняла, что могу рассказать об этом случае, как он был на самом деле, без прикрас, однако мой рассказ как описание строился бы целиком на моей позиции и интерпретации. Я назвала их семьей; я сказала, что они наблюдали за движением поезда. Мое понимание заранее отнесло их опыты к определенным категориям. Для них самих все могло быть совсем по-другому. Мое описание становится привилегированной точкой зрения по отношению к тому, что происходило на самом деле, поскольку их описания не слышны в контекстах, в которых могу говорить я. Если мы начнем с мира в том виде, как мы его фактически воспринимаем, то, по крайней мере, сможем увидеть, что мы локализованы, и то, что мы знаем о другом, обусловлено этой локализацией как частью отношений, включающих также месторасположение других. Есть и должны быть разные опыты познания мира и различные основания для этих опытов. Мы не должны отделяться от них, воспользовавшись нашей привилегированной позицией для конструирования социологической версии, которую мы затем навязываем другим как их реальность. Нам не следует переписывать мир других либо налагать на него концептуальные рамки, извлекающие из него то, что подходит под наши концепции. Наши концептуальные процедуры должны объяснить и проанализировать достояние познаваемого ими мира, а не контролировать его. Их реальность, разнообразие их опытов должны, вне всякого сомнения, стать признанными фактами.

8. Мой опыт в поезде содержит в сжатом виде социологическое отношение как таковое. Наблюдатель заранее отделена от мира в том виде, в каком его познают те, за кем она наблюдает. Поняв, наконец, каким образом ее мир создается как повседневная практика и как складываются ее отношения благодаря конкретным условиям этого мира (даже в том простом случае,

когда она сидит в поезде, он движется, а люди, стоящие на холме, нет), социолог неизбежно обнаруживает, что не сможет понять природу познаваемого ею мира, находясь в пределах его обычных ограничений на предположения и знание. Чтобы объяснить тот момент в поезде и отношения между двумя (или больше) опытами и двумя позициями, от которых отталкиваются эти опыты, необходимо поместить «в основание» того момента всеобщий социально-экономический порядок...

Далее для нас становится проблемой то, каким образом наше знание о мире служит посредником [между нами и миром]. Проблема заключается в понимании того, каким образом этот мир организован для нас еще до нашего участия в этом процессе как носителей знаний [об этом мире]. Будучи интеллектуалами, мы, как правило, получаем его как мир средств массовой информации, состоящий из документов, образов, книг и журналов, разговоров и других символических средств. Мы не признаем другие пути познания как существенную часть наших практик. Попытки объяснить этот способ познания и социальную организацию, которая устанавливает его для нас, вновь возвращают нас к анализу всеобщего социально-экономического порядка, частью которого они являются. Находясь в пределах этого порядка, невозможно объяснить чей-либо непосредственно познанный мир либо его отношение к мирам, непосредственно познаваемым другими, теми, кто локализован по-другому.

Если мы обратимся к проблеме условий, а также осознанных форм и организации непосредственного опыта, нам следует включить в него события в том виде, как они на самом деле происходят, или же обычный материальный мир, который мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся: новый проект городской застройки, сгоняющий со своих мест 400 семей; вопрос о том, как прожить на пособие в качестве обычной повседневной практики; города как фактические физические структуры, в рамках которых мы движемся; создание академических возможностей, подобных той, в результате которой увидела свет настоящая статья. Изучая все это, мы обнаруживаем, что существует множество аспектов того, как все эти события происходят, и о которых мы как социологи не имеем ни малейшего представления. Мы чувствуем, что события, входящие в

наши опыты, каким-то образом исходят из той или иной человеческой интенции, но не можем пойти по ее следам назад, чтобы найти ее и обнаружить, как она прошла свой путь от того момента до сего времени. Или возьмем комнату, в которой я работаю, или любое помещение, в котором вы читаете, и посмотрим на нее как на проблему. Если мы подумаем об условиях нашей деятельности в этой комнате, то сможем помыслить, как случилось, что в ней находятся стулья, стол, стены, наша одежда, мы сами; как эти места (ваше и мое) убираются и поддерживаются в надлежащем виде и т.д. Существуют разные виды человеческой деятельности, интенций и отношений, которые сами по себе не различимы в фактических материальных условиях нашей работы. Не все проявления социальной организации этого места видимы нашему глазу. В связи с безотлагательностью нашей конкретной практической деятельности мы пренебрегаем сложным разделением труда, являющимся неперенным условием ее существования. Для нас подобные предпосылки открыты мраком тайны, но они ставят перед нами необходимость охватить и осмыслить такие социальные отношения в нашем обществе, с которыми [традиционная] социология вряд ли справится. Говоря о нашем опыте восприятия мира, мы подразумеваем такой мир, который по большому счету можно понять лишь в пределах того, что мы называем здравым смыслом. Никакое количество наблюдений за ситуациями взаимодействия, никакое количество анализа разумного знания о повседневной жизни не выведет нас за пределы присущего нам неведения о том, как же все сводится в один мир. Наш непосредственный опыт конструирует его, если угодно, как проблему, но не предлагает никаких ответов. Матрица прямого опыта, того, в котором социология могла бы брать свое начало, — раскрывает это начинание как «проявление» лежащих вне его детерминантов.

Мы можем помыслить «проявления» нашего непосредственного опыта как множество поверхностей, причем реквизиты и отношения в рамках этого опыта генерируются социальной организацией, действия которой не поддаются наблюдению. Структуры, лежащие в основе характеристик нашего собственного непосредственно познаваемого мира и генерирующие их, — это социальные структуры, они вводят нас в невидимые отноше-

ния с другими. Опыт других необходимо отличается от нашего. Отталкивание от познаваемого нами мира и попытки проанализировать и объяснить, что он есть такое, неизбежно вовлекают в этот процесс других, чей опыт отличается от нашего.

Женская ситуация в социологии раскрывает перед социологом типичную раздвоенную структуру с абстрагированными концептуальными практиками, с одной стороны, и конкретными [их] реализациями, воспроизводством рутины и т.д. — с другой. Восприятие каждой из них как данности, само собой разумеющейся, зависит от полного погружения в ту или другую часть структуры, так чтобы оставшаяся часть не противоречила той, в которой мы локализованы. Непосредственный опыт женщин уводит ее [социолога] на один шаг назад, где мы можем распознать напряжение, возникающее в социологии в связи с притязанием последней на то, чтобы заниматься миром, в котором мы живем, и ее неспособностью объяснить или хотя бы описать его реальные черты в том виде, в котором их обнаруживаем мы сами, живя ими. Цель альтернативной социологии — развить именно такую способность, идущую от упомянутого выше начинания [с собственного непосредственного опыта познания мира], так чтобы для любого человека социология могла стать средством понимания того, каким становится мир вокруг нее⁷, и как он организован в том виде, в котором является ей в ее опыте [познания мира].

9. Хотя подобная социология не будет существовать исключительно для женщин либо создаваться одними женщинами, она непременно начинается с анализа и критики, возникающими в их ситуации. Следовательно, развитие социологии зависит от возможности ухватить эту ситуацию, которая возникла задолго до ее формулирования и представляет собой более полную картину по сравнению с тем, что подразумевает подобная формулировка. Это немного похоже на проблему создания формального описания грамматики языка. Лингвист зависит от языкового чутья компетентных носителей языка и всегда с ним свеяется. В родном языке лингвист во многом зависит от своей

---

⁷ Речь идет о «любом человеке» — anyone, говоря о котором Д.Смит употребляет местоимение женского рода (прим. перев.).

собственной компетентности, умений и способностей. Женщины это носительницы языка по отношению к своей ситуации; объясняя ее или ее смыслы и осмысливая их концептуально, женщины обладают особым к ней отношением, зная о ней еще до того, как она была высказана.

Непостижимость детерминаций нашего непосредственного локального мира стала для женщин особенно яркой метафорой. Она регенерирует внутреннюю организацию заодно с их типичным отношением к миру. Женская деятельность и существование детерминированы извне и за пределами мира, являющегося их «местом». Посредством обучения и повседневных практик, подтверждающих это обучение, их ориентируют на запросы, инициации и контроль со стороны других. Более того, сама организация мира, приписанного им как основной локус их существования, детерминируется и подчиняется корпоративной организации общества⁸. Таким образом, как я уже говорила о ее (женщины) отношении к социологии, подобная логика встречается повсюду. Ей [женщине-социологу] не хватает внутреннего принципа своей деятельности. Она не может уловить, как все это состыкуется, поскольку все предопределено где-то и откуда угодно, но не с того места, где находится она сама. Таким образом, понимание и изучение ее собственного опыта как метода исследования общества возвращает ей точку опоры, которая во всем этом предприятии, по крайней мере, принадлежит лишь ей одной.

---

⁸ Smith D. Op.cit.

Джоан Уоллах Скотт

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ИСТОРИИ*

Что необходимо, подумала я, — и почему это не придет в голову какому-нибудь сообразительному студенту в Ньюхэме или Гертоне? — так это масса информации; в каком возрасте ее выдавали замуж; сколько детей она обычно рожала; как выглядел ее дом; была ли у нее своя комната; занималась ли она готовкой либо, что весьма вероятно, держала прислугу? Все эти факты где-то содержатся, скорее всего, в приходских книгах и реестрах; факты из жизни среднестатистической женщины елизаветинской поры разбросаны то там, то сям, кому-то следует собрать их и написать книгу. Это превзошло бы мои самые смелые фантазии, думала я, оглядывая книжные полки в поисках книг, которых там не было, — предложить студентам тех знаменитых колледжей переписать историю, хотя я и допускаю, что это зачастую выглядит, по меньшей мере, странным, нереальным и односторонним; но почему бы им все же не внести некоторые дополнения в историю? назвав это, конечно же, так, чтобы не слишком бросалось в глаза, — так, чтобы женщины вошли в историю, не нарушая правил приличия?¹

В течение последних десятилетий призыв Вирджинии Вулф написать историю женщин, — брошенный более полувека назад, — был, наконец, услышан. Вдохновляясь напрямую либо косвенно политической программой женского движения, историки не только собрали документы о жизни среднестатистической женщины в различные исторические периоды; они также запротоколировали изменения в экономических, образовательных и политических статусах женщин разной классовой принадлежности в городе и сельской местности, а также в национальных государствах. Сейчас полки заполняются биогра-

---

* Статья опубликована в: *Past and Present: A Journal of Historical Studies*, vol.# 101, November, 1983. P. 142-157. Перевод Анны Бородиной, Тверской Центр Женской Истории и Гендерных Исследований, 2002. Перевод выполнен в учебных целях.

фиями забытых выдающихся женщин, хрониками феминистских движений и собраниями писем авторов-женщин; книжные заголовки охватывают такие, казалось бы, несоизмеримые темы, как избирательное право и контроль над рождаемостью. Появились журналы, посвященные непосредственно женским исследованиям и, в том числе, еще более специализированной области женской истории². Кроме того, по крайней мере в Соединенных Штатах проводятся большие ежегодные конференции, полностью посвященные презентации научных работ в области женской истории³.

Производство материалов в этой области отличается поразительным разнообразием тем, методов и интерпретаций. В самом деле, было бы глупо пытаться, как недавно сделали некоторые историки, свести все обширное исследовательское поле к единичной интерпретации или теоретической позиции. Подобного рода редукционизм создает впечатление, что обзоратель-историограф владеет, а, по сути, доминирует над большим количеством разных и порой несопоставимых текстов [написанных другими авторами]. В то же время данная иллюзия затуманивает очевидную цель подобных историографических обзоров: дать по возможности точный срез «положения вещей» и учесть значение и важность его сложности и многообразия. Именно в признании всей сложности и запутанности и заложено понимание женской истории, а также ее критическое осмысление⁴.

Вышеупомянутая сложность частично обусловлена разнообразием исследуемых тем. Путаница проистекает из распространенности исследований случая (case-studies) и многократных интерпретационных попыток, которые не соотносятся ни друг с другом, ни со схожей исследовательской проблематикой, а также в связи с отсутствием поддающейся определению историографической традиции, в рамках которой принято обсуждать и пересматривать те или иные интерпретации. Вместо этого женщина как субъект была привита к другим традициям или же изучалась изолированно от каких бы то ни было традиций вообще. В то время как одни работы по женской истории, к примеру, обращаются к современным феминистским вопросам о взаимосвязи зарплаты и статуса, другие изучают схожие проблемы в контексте дискуссий среди марксистов и между марксистами и

теоретиками модернизации о воздействии промышленного капитализма. Проблемы репродукции занимают обширное пространство, в котором вопросы фертильности и контрацепции порой рассматриваются в пределах исторической демографии как аспекты «демографического перехода». В качестве альтернативы данные вопросы изучаются в контексте дискуссий конфликтующих политических анализов политэкономистов-малтузианцев и социалистов или же в рамках совершенно иной схемы — осмысления воздействия возникшей в девятнадцатом веке «идеологии семейной жизни» на власть женщин в их собственных семьях. Еще один подход фокусируется на феминистских дискуссиях о сексуальности и истории истребования женщинами права контролировать свои собственные тела. В дополнение к вышесказанному некоторые феминистки-марксистки переопределили репродукцию как воспроизводство функциональный эквивалент производства в попытке инкорпорировать женщин в марксистскую теорию. Исследования политики стремились либо просто продемонстрировать, что женщин можно найти «на публике» [в публичной сфере], либо проиллюстрировать историческую несовместимость между феминистскими требованиями и структурой и идеологией профсоюзов и политических партий (к примеру, «неспособность» социализма принять требования феминизма). Другой, прямо противоположный подход к политике исследует внутреннюю организацию женских политических движений как способ подтверждения существования чисто женской культуры.

Однако существует некое общее измерение научной деятельности представителей разных школ, и заключается оно в том, чтобы поместить женщину в фокус исследования, сделать ее субъектом изложения, агентом нарратива вне зависимости от того, является ли нарратив знакомой хроникой политических событий (Французская революция, Первая и Вторая мировые войны и т.п.) и политических движений (чартизм, утопический социализм, феминизм, суфражизм) или же более современным аналитическим отчетом о функционировании и развертывании крупномасштабных процессов социальных изменений (индустриализация, капитализм, модернизация, урбанизация, образование национальных государств). Названия некоторых книг, за-

пустивших «движение женской истории» в начале 1970-х гг., не посредственно передавали концепции авторов: бывшие ранее *скрытыми от истории становились видимыми*⁵. Несмотря на то, что нынешние книжные заголовки более осторожны (отчасти с целью легитимизировать претензии на серьезные академические труды), миссией их авторов по-прежнему остается конструирование женщин как субъектов истории. Подобные попытки ведут гораздо дальше наивного поиска героических прародительниц современного женского движения а именно, к переосмыслению ранее установленных стандартов исторической важности. Кульминацией становится дискуссия, суть которой передана в цитате из Вирджинии Вульф: может ли фокусирование на женщинах «внести некоторые дополнения в историю», избегая при этом ее переписывания? И, помимо этого, — что повлечет за собой феминистское переписывание истории?

В дискуссии, которая похожа не столько на дискуссию, сколько на совокупность разных подходов к «переписыванию истории», существует несколько позиций. Большинство ученых, работающих в области женской истории, допускают, что их труды трансформируют историю в том смысле, в котором она была написана и понималась ранее; они расходятся в вопросе о том, как достигнуть этой трансформации. Некоторые исследователи считают своей ключевой задачей восстановление утраченной информации и фокусирование на женщинах как субъектах. Другие используют результаты своих исследований для оспаривания устоявшихся интерпретаций о прогрессе и регрессе. В этом смысле, к примеру, накоплен огромный массив доказательств того, что Возрождение не являлось таковым для женщин⁶, что развитие технологий не привело к освобождению женщин ни на работе, ни дома, что «Век Демократических Революций» исключил женщин из сферы политического участия, что «эмоциональная нуклеарная семья» ограничила эмоциональное и личностное развитие женщин, и что подъем медицинской науки лишил женщин автономии и чувства женской общности. Отдельные исследователи в последнее время их число существенно поубавилось — по-прежнему стараются вписать полученные данные непосредственно в «основное русло» социальной и политической истории. Данные о женщинах прокладывают путь к

изучению социальных, экономических и политических отношений, а выводы делаются уже не столько о самих женщинах, сколько об организации обществ, динамике власти, содержании и значении политики в конкретных исторических условиях. В рамках этого подхода фокусирование на женщинах ведет к артикулированию гендера (полового различия) как категории исторического анализа, к включению гендера в набор инструментов историка и к концептуальной перспективе, делающей возможным истинное «переписывание истории».

В данной работе я исследую упомянутые выше различные подходы не столько с позиции их выводов, сколько с позиции гипотез и методов. Я буду в основном опираться на исследования североамериканских ученых не только потому, что я лучше всего знакома именно с этой литературой, но и в связи с тем, что за последние десять двенадцать лет именно в Соединенных Штатах написано наибольшее количество работ, в которых представлены наиболее разнящиеся примеры субъектов и интерпретаций и дана наиболее полная картина дискуссий по женской истории.

Первый подход рассматривает женскую историю как «ее историю» — нарратив женских опытов, происходящих либо бок о бок, либо полностью за пределами общепринятых исторических рамок*. Исходная посылка состоит в том, что женские опыты отличались и отличаются от мужских, и что эти различия важны при написании истории. Целью данного подхода является придание исторической ценности опытам, которые игнорировались и, вследствие этого, обесценивались, а также отстаивание активного участия женщин в «творении истории». Исследования, которые стремятся раскрыть участие женщин в главных политических событиях и написать женскую политическую историю, пытаются ввести нового субъекта женщин в ранее установленные исторические категории, интерпретируя их действия понятным для политических и социальных историков

---

* Слово history «история» — рассматривается феминистками в рамках данного подхода как his-story (его история). Тем самым подчеркивается, что общепринятые «человеческие» нормы и каноны отнюдь не нейтральны, но андроцентричны. В противовес этому предлагается категория herstory «ея история». Прим. пер.

образом. Книга Стивена Хоза (Steven Hause) по истории суфражизма во Франции является прекрасной иллюстрацией данного подхода. Автор интерпретирует слабость и малочисленность движения (по сравнению с Великобританией и США) как результат идеологий и институтов французского католицизма, наследия римского права, консерватизма французского общества и своеобразной политической истории французского республиканизма, особенно в отношении радикальной партии Третьей республики. Хоз также анализирует различия среди феминисток и повествует обо всем в категориях идей и организаций женщин-лидеров. В другом примере подобного подхода женское политическое движение изучается с точки зрения скорее рядовых участниц, чем лидеров. В лучших традициях социальной истории труда (вдохновленной работами Э.П. Томпсона) Джилл Лиддингтон (Jill Liddington) и Джилл Норрис (Jill Norris) подробно и ярко излагают факты участия женщин-работниц в движении суфражисток в Англии. Материалы этих авторов, взятые в основном из Манчестерских архивов и устных историй, которые они собрали, документируют вовлечение женщин-работниц в кампанию за предоставление женщинам избирательного права (предыдущие исторические исследования описывали данный феномен как движение среднего класса) и связывают требования этих женщин о предоставлении избирательного права с их работой и семейной жизнью, а также с профсоюзными деятелями и лейбористами. Преобладание и мудрость крыла Панхерст в движении поставлены под вопрос в связи с его элитизмом и настаиванием на женском сепаратизме (позицией, отвергнутой большинством суфражисток).

Иного рода исследование, хотя и по-прежнему в рамках позиции «ее истории», исходит из рамок общепринятой истории и предлагает новый нарратив, другую периодизацию и другие причины. Оно стремится высветить, наряду с жизнью аристократок, структуры жизни простых женщин и раскрыть природу феминистского или женского сознания, мотивировавшего их поведение. Патриархат и класс, как правило, рассматриваются как контексты, относительно которых женщины девятнадцатого и двадцатого веков определяли свои опыты, однако и то, и другое редко конкретизируют и детально изучают. Тем не менее,

поскольку эти контексты рассматриваются как данность, многие историки склонны подчеркивать моменты межклассового сотрудничества среди женщин и те действия, которые напрямую направлены на угнетение женщин, но подобные темы не являются определяющей характеристикой данного подхода. Его центральным аспектом скорее является акцент исключительно на женском действии, на каузальной роли, которую женщины сыграли в своей истории, и на гендерных детерминантах этой роли. Свидетельства состоят из способов женского самовыражения, идей и деятельности. Объяснение и интерпретация даются в рамках женской сферы: посредством изучения личного опыта, брачно-семейных структур, коллективного (женского) переосмысления социальных определений женской роли и сетей женской дружбы, обеспечивавших как эмоциональную, так и физическую поддержку. Изучение женского мира привело к блестящим проникновениям Кэрролл Смит-Розенберг (Carroll Smith-Rosenberg) в «женский мир любви и ритуала» Америки девятнадцатого века, к настаиванию на позитивных аспектах семейной идеологии того же периода, к диалектическому прочтению отношений между политическими действиями женщин среднего класса и идеями женственности и женского предназначения, привязывавшими женщин к домашнему очагу, а также к анализу «репродуктивной идеологии», которая сконструировала мир женщин буржуазного сословия (*bourgeoises*) северной Франции в середине девятнадцатого века. Это также привело Карла Деглера (Carl Degler) к утверждению о том, что американские женщины сами создали идеологию своей отдельной сферы, чтобы усилить свою автономию и статус. В его толковании истории женщины создают мир ни внутри, ни в оппозиции к структурам либо идеям угнетения, навязанным другими, но с целью установления групповых интересов, определяемых и артикулируемых самой группой. Хотя Деглера и обвинили в неправильном толковании материалов, на которые он опирался в своем повествовании, его концептуализация логически следует как из каузальности, подразумеваемой «ее историей», конструирующей женщину как исторический субъект, так и из частой неспособности различать осмысление женских опытов (призна-

вая их достойными изучения) и положительную оценку всего, что женщины сказали либо сделали.

Подобный подход к женской истории заменяет мужчин женщинами, но отнюдь не переписывает сложившуюся историческую канву. Безусловно, он поднимает вопросы, требующие ответов, найти которые можно в документах о женской деятельности в публичной и приватной сферах, — которая имела место, но не была включена в общепринятую версию истории. Он также настаивает на том, что «субъективный личный опыт» не только обладает не меньшим значением, чем «публичная и политическая деятельность», но и обуславливает последнюю. Он демонстрирует, что пол и гендер необходимо концептуализировать в исторических категориях, — по крайней мере, в том случае, когда необходимо осмыслить мотивацию женских действий. Однако данный подход все же не делает последующий шаг к непосредственному оспариванию общепринятой истории. Хотя мужчины как субъекты исторических событий и заменяются женщинами, история последних все же рассматривается обособленно вне зависимости от поставленных исследовательских вопросов, применяемых для анализа категорий и исследуемых документов. Для интересующихся этим подходом сообщая, что в настоящее время число исследований по женской истории достаточно велико и продолжает расти, однако они по-прежнему укладываются лишь в «отдельную сферу», которую долгое время ассоциировали исключительно с женским полом.

Второй подход к «переписыванию истории» наиболее тесно связан с историей социальной. Последняя оказала важную поддержку женской истории в следующем. Во-первых, социальная история обеспечила женскую историю методологией в использовании количественных исследований, деталей повседневной жизни и междисциплинарных заимствований из социологии, демографии и этнографии. Во-вторых, социальная история концептуализировала семейные отношения, фертильность и сексуальность как исторические явления. В-третьих, социальная история бросила вызов ведущему нарративу политической истории («историю делают лидеры-мужчины»), выбрав в качестве исторического субъекта крупномасштабные социальные процессы в их разнообразных проявлениях в человеческом опыте.

Это привело к четвертому способу влияния социальной истории на женскую историю, — легитимации исследовательского фокуса на группах, традиционно исключавшихся из политической истории. Содержание социальной истории, главным образом, сводится к изучению процессов или систем (таких, как капитализм или модернизация, в зависимости от теоретических позиций историков), но о них повествуется в контексте жизни различных групп людей, которые предстают явными, хотя и не всегда фактическими, субъектом нарратива. Поскольку социальный опыт либо отношения власти присутствуют в обществе повсеместно, можно выбрать любую из множества тем; кроме того, относительно просто расширить список групп рабочих, крестьян, рабов, элит, различных профессиональных и социальных групп и включить в него женщин. Таким образом, к примеру, были предприняты исследования женского труда, построенные во многом по модели исследований рабочих, — посредством оценки влияния либо осмысления воздействия капитализма на женский труд.

Эти исследования привели к разрастанию той самой «массы информации», о которой писала Вирджиния Вульф. Мы знаем, какого рода работу женщины выполняли, по каким схемам строилось их участие в рынке рабочей силы, какая стадия жизненного цикла совпадала с работой вне дома, при каких условиях они образовывали профсоюзы либо участвовали в забастовках, сколько им платили и как все это изменилось за последние сто пятьдесят лет. Более того, полученная масса информации способствовала признанию важности включения вопросов об организации семьи и разделении труда по половому признаку в анализ истории рабочего класса, однако она не перешла той грани, за которой начиналось «переписывание истории». Этого не произошло потому, что большая часть социальной истории по труду женщин написана в рамках социальных теорий, основанных, в первую очередь, на экономических аналитических категориях. Существует множество аргументов о проблеме женщин и труда. Одни настаивают на том, что получение заработной платы усиливает половую идентичность женщин. Другие — на том, что женщин эксплуатируют как дешевую рабочую силу, в результате чего мужчины воспринимают женщин как угрозу обесценивания их соб-

ственного мужского труда. Третьи указывают на то, что разделение по половому признаку подрывает контроль женщин над своей работой и, следовательно, ограничивает их возможность организовываться в профсоюзы и бастовать. Некоторые историки утверждают, что разделение труда в семье придает экономическую ценность семейной роли жены, другие же что семейные конфликты разгораются именно в связи с контролем за заработной платой. В одной недавней статье говорится, что, когда женщины владеют значительными ресурсами, они вовлекаются в коллективные действия наподобие мужских. Во всех подобных исследованиях объяснения в конечном итоге даются, исходя из экономических переменных, но не гендера. Разделение по половому признаку, его определение и изучение осмысливаются как результат действия экономических сил, тогда как, по сути, было бы в равной степени вероятным и, пожалуй, более точным предположить, что именно культурные определения гендерных различий делают возможным внедрение тех или иных экономических практик, — таких, как разделение труда по половому признаку или использование труда женщин с целью урезывания оплаты труда квалифицированных ремесленников.

Некоторые историки женского труда использовали категорию патриархата как способ включения гендера в свой анализ, однако этот термин представляется недостаточно теоретически разработанным. В большинстве случаев политические, классовые и семейные системы описываются как формы мужского доминирования, которое либо находится вне пределов конкретных исторических ситуаций, либо обуславливается непосредственно теми или иными экономическими причинами.

Если социальная история и предоставила историкам возможность свободно писать о женщинах и некоторые методы документирования опытов и действий женщин в прошлом, то она также и ограничила возможности женской истории «переписать историю». Однако отдельные исследования социальных процессов или общественных движений все же были существенно пересмотрены в результате исследований, фокусированных на женщинах. Женщины стали частью социальной истории; они рассматриваются как группы мобилизующие ресурсы, подвергающиеся модернизации или эксплуатации, борющиеся за

власть либо исключаемые из политики; другими словами, их осмысливают в категориях бихевиористской, марксистской либо модернизационных моделей. История женщин обогащает и добавляет новые перспективы, но все же не становится центральной в во многом успешной попытке социальной истории реконцептуализировать историю политическую. Это связано с тем, что вопросы гендера имплицитно присутствующие в исследованных материалах — еще недостаточно выделяются с точки зрения обеспечения качественно иного подхода и постановки иных исследовательских задач. Половое различие в рамках социально-исторического подхода не представляется проблемой, требующей самостоятельного изучения. Можно сказать, что если «ее история» склонна к чересчур сепаратистской позиции, то большинству исследований по социальной истории свойственен интеграционизм, описывающий женщин в рамках традиционных категорий анализа. Иными словами, подход «ее истории» допускает, что половое различие создает разные опыты женщин и мужчин, не проблематизируя при этом конструирование полового различия и не проявляя интереса к тому, как работают категории гендерного различия. Напротив, социально-исторический подход предполагает, что половое различие является побочным продуктом других факторов. Оба подхода вносят дополнения в историю, но они не нашли способа убедить других историков или продемонстрировать им, что эти дополнения следует принимать в расчет. Другими словами, истории они «не переписали». Данное «переписывание» представляет собой проект третьей позиции в «дискуссии», которую я сконструировала, и он строится на том, благодаря чему вообще стал возможным, — на объединении усилий как «ее истории», так и социальной истории женщин.

Вышеуказанная третья позиция была артикулирована в рекомендациях для женской истории, сделанных некоторыми из наиболее важных представительниц этого направления в Америке, однако ее оказалось довольно сложно реализовать на практике. Начинаясь, как правило, с исследовательского фокуса на женщинах, ее субъектом, тем не менее, является гендер. Покойная Джоан Келли поставила цель перед женской историей сделать категорию пола «столь же фундаментальной для нашего

анализа социального порядка, сколь и другие классификации такие, как класс и раса»⁷. Для Натали Земон Дэвис эта цель заключается в том, чтобы «понять важность взаимоотношений полов, гендерных групп в историческом прошлом. Наша задача состоит в том, чтобы раскрыть иерархию в половых ролях и половой символике в разных обществах в разные периоды времени, установить значение, которое они имели, и механизмы их действия для поддержания или изменения общественного порядка»⁸. В рамках этой позиции следует изучать социальные определения гендера в том виде, в котором они производятся женщинами и мужчинами, подвергаются воздействию и конструируются экономическими и политическими институтами, а также выражают иерархию отношений за счет не только категорий пола, но также класса и власти. Результаты помогают увидеть в новом свете не только женские опыты, но и социальные и политические практики как таковые. Кроме того, изучение гендера дает возможность историкам поставить те критические вопросы, которые ведут к «переписыванию истории».

Исследование гендера состоит в изучении женщин и мужчин в их отношениях друг с другом, в постановке вопроса о том, чем дефиниции или законы, применимые к одним, оборачиваются для других, какие аспекты взаимоотношения полов может вскрыть сопоставление месторасположения и деятельности женщин и мужчин, что могут нам сказать репрезентации полового различия о структурах социальной, экономической и политической власти. Нам необходимо не столько исходить из того, что мы знаем, что такое гендер, сколько задаться вопросом, каким образом конструируются значения полового различия. Именно в указанном ракурсе в работе Теммы Каплан (Temma Kaplan) «Анархисты Андалусии» анализируются различия в воззрениях этого политического движения к мужчинам и женщинам и те разные, но дополняющие друг друга способы, посредством которых крестьян и крестьянок и рабочих и работниц вовлекали в революционную борьбу. Сопоставление автором мужчин и женщин в рамках анархизма иллюстрирует гендерные отношения в андалусийском обществе в отношении к природе и значению атаки данного конкретного политического движения на капитализм и государство. Тим Мэйсон (Tim Mason) развил

важный тезис о «примиряющей функции семьи» в нацистской Германии как результат изучения положения женщин и политики в отношении женщин. Те фактические материалы, которые он собрал о женщинах, бывших в основном «не-актерами» в политике того периода, «дали исключительно плодотворную новую удобную позицию, с которой можно да и нужно реинтерпретировать поведение акторов». Исходя из аргументов Фуко в его «Истории сексуальности», Джудит Валковиц (Judith Walkowitz) изучала кампанию Джозефины Батлер против Акта об инфекционных заболеваниях в поздневикторианской Англии. Избежав искушения написать простую героическую поэму об успехе женского движения в борьбе против двойного стандарта сексуальной морали, Валковиц использовала собранные материалы для исследования экономических, социальных, религиозных и политических различий в английском обществе. Хотя она и не подвергла прямой критике устоявшуюся версию того периода истории, ее книга в целом подразумевает критицизм именно такого рода. Исследование показывает, что дискуссии о половом поведении велись открыто, как в рамках парламента, так и за его пределами, что проблема рассматривалась женщинами (и поддерживалась мужчинами) в категориях их моральных и религиозных предпочтений и выносилась «на публику», что это привело к институциональным и юридическим изменениям, — короче говоря, что в течение, по крайней мере, нескольких десятилетий пол открыто признавался вопросом политическим. Данные находки не только оспаривают общепринятую характеристику того периода как «затишья», но и предполагают необходимость переписать политическую историю, фокусировавшуюся главным образом на противостоянии между Дизраэли и Гладстоном и о праве Ирландии на самоуправление. Каким образом дискуссии о проституции и половых стандартах можно вписать в такую политическую историю? Какую критическую перспективу можем мы почерпнуть из того факта, что подобные дискуссии вплоть до сегодняшнего времени остаются за бортом официальной истории? На моментах, подобных вышеизложенным, история гендера строит критику политической истории, изыскивая средства ее переписывания.

Представляется неслучайным, что многие из удачных попыток вписать женскую историю в официальную историческую канву имеют место в сфере исследований политики в широком смысле этого слова. Политические структуры и политические идеи — структуры и идеи, создающие и осуществляющие властные отношения, — формируют и устанавливают границы политического дискурса и всех аспектов жизни. Ими определяются даже те, кто исключен из участия в дискурсе и политической деятельности; «не-акторы», по выражению Мэйсона, действуют в соответствии с правилами, установленными политическими структурами; частная сфера является порождением публичной; отсутствующие в официальных хрониках также творят историю; те, кто молчат, красноречиво говорят о значениях и употреблении власти. Желания феминисток сделать женщину субъектом истории нельзя реализовать, просто сделав ее агентом или главным действующим лицом исторического нарратива. Раскрыть место женщин в истории необходимо для того, чтобы понять, что общего имели гендер и половые различия с проявлениями власти. Идя по этому пути, историки и найдут женщин, и трансформируют политическую историю.

На этом этапе подход, который я предлагаю, наилучшим образом проявляется в исследованиях отдельных периодов, движений или событий. В качестве примера можно было бы привести исследования кампаний суфражисток в контексте выяснения отношений между гендером и властью в Америке или Англии конца девятнадцатого века. Брайан Харрисон (Brian Harrison) описал оппозицию суфражизму, другие же проанализировали идеи движения и его сторонников. Однако пока еще нет исследования, которое в более широком контексте, чем просто вопрос о предоставлении избирательного права, свело бы воедино всех участников борцов за идею, умеренных и противников, членов правительства и парламента. Что означали дискуссии о предоставлении женщинам права голоса для концепции власти и политических прав? Как и в каких категориях артикулировались патриархальные идеи? Каким образом конфликты по поводу женщин (а на самом деле по поводу половых различий) вписываются в систему распределения социальной, экономической и политической власти в государстве? Что и для

каких групп в обществе ставится на карту, когда вопросы гендерного различия становятся центром дискурса, законодательного обсуждения и идеологического конфликта?

Еще один пример взят из литературы по Французской революции. Фокус исследований об участии женщин в той революции сместился с документального подтверждения женского участия к рассмотрению иконографии и вопроса о том, когда и почему половое различие стало предметом дискуссий. Дарлин Леви (Darlene Levy) и Харриет Эпплвайт (Harriet Applewhite) сосредоточили на дебатах 1793 г., которые поставили женские клубы вне закона во имя защиты женственности и семейного очага. Почему гендер оказался средством возведения политических границ? Какие вопросы помимо непосредственно связанных с женскими правами затронуло запрещение женских политических организаций? Что означал выбор революционеров — женская фигура как символ свободы и республики? Была ли какая-либо связь между иконографическими репрезентациями и политическими правами женщин? В чем было отличие женщин и мужчин в рассуждениях по поводу политической роли женщин? Что могут добавить политические дебаты о половом различии к нашему пониманию легитимации власти и ее защиты во время Французской революции? На эти вопросы нельзя ответить, не получив информацию о женщинах, но они отнюдь не сводятся к женщине как субъекту или агенту. Подобные вопросы включают в себя гендер как способ переосмысления политики и социально-политического влияния Французской революции.

Исследования политики в том смысле, в котором я использую этот термин, не обязательно должны сводиться лишь к вопросам власти на уровне национальных государств, ибо мое понимание термина распространяется на споры (как на языковом, так и на институциональном уровнях) по поводу власти, охватывающие все аспекты социальной жизни. Работа Деборы Валенз (Deborah Valenze) о женщинах-проповедницах в английской «простонародной» религии демонстрирует взаимосвязь между религиозными идеями и гендером в проявлениях неприятия перемен в сообществе и домохозяйстве. Леонор Давидофф (Leonor Davidoff) в одной из своих статей изучает то, как индивиды играли с культурно определяемыми категориями гендера

и класса; она напоминает нам о тех сложных механизмах, посредством которых личные отношения превращаются в вариации на социальные темы власти и статуса. Некоторые недавние рассуждения о труде и социалистических движениях использовали вопросы о гендере, чтобы вынести дискуссию за пределы документального подтверждения мизогинии и обвинения мужчин-лидеров, а также редуционистских экономических интерпретаций идей и действий рабочих. Параллельные обсуждения дискурсов и опытов работающих женщин и мужчин привели к новым интерпретациям, в одном из случаев подчеркнувших относительную открытость утопического социализма для феминизма в отличие от маргинализации женщин в марксистском социализме. Помимо этого, изучение важности полового различия привело к прочтению репрезентаций труда, включившему в себя половое, семейное и религиозное измерения. В этом контексте труд приобретает дополнительное значение помимо непосредственного описания производственной деятельности, а исследования о месте женщины среди рабочей силы и в рабочем движении предлагают двойную перспективу наблюдения: женщин и половой политики в отношении работниц и рабочих *и* (курсив авт. Прим. пер.) природы, значения и цели их организаций и коллективных действий. Анализ должен включать в себя действия и опыты женщин, идеи и политики, определяющие их права, а также метафорические и символические репрезентации фемининного и маскулинного. Проблема для эмпирического исторического исследования состоит в выборе моментов, когда все вышесказанные факторы тем или иным образом пересекаются, и постановке вопроса о том, как они иллюстрируют не только женские опыты, но и политику в целом.

Игнорировать политику в восстановлении женского субъекта значит принять как должное реальность деления на публичное / приватное и особые или отчетливые качества женского характера и опыта. Такой подход упускает шанс не только оспорить правильность бинарных оппозиций между женщинами и мужчинами в прошлом и настоящем, но и обнаружить политическую природу истории, написанной в подобных категориях. Однако просто утверждать, что гендер обладает политическим значением, также недостаточно. Реализация радикального потен-

циала женской истории выражается в написании нарративов, фокусирующихся на женском опыте *и* (курсив авт. Прим. пер.) анализирующих способы, которыми политика конструирует гендер, а гендер политику. Женская деятельность становится не перечнем великих поступков, совершенных женщинами, но выявлением зачастую молчащих и скрытых действий гендера, которые тем не менее являются существующими и определяющими силами политики и политической жизни. Благодаря данному подходу женская история вступает на территорию истории политической и начинает ее переписывать⁹.

Примечания

¹ Вирджиния Вулф. Своя комната, Лондон, 1929. С. 68.

² Из американских журналов можно назвать *Signs*, *Feminist Studies*, *The Women Studies Quarterly* и *Women and History*. Во Франции журнал Пенелопа (Рейнлопе) публиковал научные работы по женской истории с 1979 по 1986 гг. В Великобритании исторические исследования публикуются в *Feminist Review*, существует также журнал историков-социалистов и феминистов *History Workshop*. В Канаде выходит журнал RFD/DRF (*Resources for Feminist Research / Documentation sur la Recherche Feministe*).

³ Наикрупнейшей из этих конференций является Беркширская конференция по женской истории (*Berkshire Conference on the History of Women*).

⁴ Ричард Эванс в своей работе «Теория модернизации и женская история» (Richard Evans, “Modernization Theory and Women’s History”, *Archiv für Sozialgeschichte*, xx (1980), 492 – 514) применяет тот же самый редуционистский подход, что и Тони Джадт в своем обзоре литературы по американской социальной истории, загоняя всех исследователей в единую «девиацию», общим знаменателем которой в конечном итоге является отнюдь не теория, метод либо предмет исследования, но национальный характер. См. также работу этого же автора «Женская история: пределы рекламации» (Richard Evans, «Women’s History: The Limits of Reclamation», *Social Hist.*, v (1980), 273–81), которая заканчивается обобщающей сентенцией «так много американских исследователей женской истории» по сравнению со своими британскими коллегами.

⁵ Имеются в виду следующие книги: Шейла Роуботэм «Скрытые от истории» и сборник «Становящиеся видимыми» под редакцией Ренаты Брайденталь и Клаудии Кунц (Sheila Rowbotham, *Hidden from History*, London, 1973; *Becoming Visible: Women in European History* (ed. by Renate Bridenthal and Claudia Koontz, Boston, 1977). прим. пер.

⁶ См. Джоан Келли «Были ли у женщин Ренессанс?» (Joan Kelly. Did Women Have a Renaissance? In: Bridenthal and Koontz (ed.), *Becoming Visible: Women in European History*, Boston, 1977. P. 137 – 64.

⁷ Joan Kelly-Gadol, «The Social Relations of the Sexes: Methodological Implications of Women's History», *Signs*, i (1975-76), 816. См. также ее работу «The Doubled Vision of Feminist Theory: a Postscript to the 'Women and Power' Conference», *Feminist Studies*, v (1979), 216 – 27.

⁸ Natalie Zemon Davis, «'Women's History' « in Transition: The European Case», *Feminist Studies*, iii, nos. 3 – 4 (1976), 90.

⁹ То же самое можно сказать о других темах социальной истории, которые посредством раскрытия информации о до сих пор «невидимых» группах ставят вопросы о причинах их невидимости, об экономических и социальных конфликтах, ранее замаскированных, и так далее. Точно так же, как многие из так называемых аполитичных социальных историков обеспечили документальное подтверждение, концептуализацию и исследовательские вопросы для оспаривания общепринятой политической канвы, разные подходы к женской истории те, которые я назвала «ее историей», и те, которые можно отнести с определенным отраслям социальной истории, — готовят почву для той политической женской истории, за которую я выступаю. Как мне кажется, дело не в отрицании и осуждении разных подходов как неверных в манере, свойственной апологетам политической социальной истории в узком смысле,.. но в использовании их всех для продвижения дела. Переписанный нарратив таким образом представит как совместное усилие, а не победа одной школы над другой.

Джоан Келли

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛОВ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН*

У истории женщин двойная цель: вернуть женщин в историю и вернуть нашу историю женщинам. За последние несколько лет появилось значительное количество исследований, а также множество конференций и курсов по изучению деятельности и положения женщин, взглядов на женщин и точек зрения женщин. Междисциплинарный характер нашего интереса к истории женщин по-новому обогатил жизненно важную работу историков. Но есть и другой аспект истории женщин, который необходимо принять во внимание: ее теоретическую значимость, ее причастность к истории в целом. Стремясь присоединить женщин к фонду исторического знания, история женщин заново оживила теорию, так как она расшатала концептуальные основы изучения истории. Она добилась этого, подвергнув сомнению три основных «кита» исторической мысли: 1) периодизацию; 2) категории общественного анализа; 3) теории социального изменения.

<...>Я хотела бы показать, как концепция этих трех проблем выражает понятие, которое является важнейшим для феминистского сознания, а именно, что отношение между полами есть общественное, а не естественное явление. Осознание этого формирует основную идею, которая разрушает традиционное мышление во всех трех случаях.

Периодизация

Если уж мы обратились к истории за пониманием положения женщин, то, разумеется, готовы признать, что положение женщин — это общественный вопрос. Но история на первый

---

* Kelly J. The Social Relation of the Sexes: Methodological Implications of Women's History // Women, History, and Theory. Chicago&London. 1984. P. 1-18. Перевод Е.Лучининой и В.Успенской.

взгляд, кажется, не подтверждает этого. В ходе человеческой истории женщин в значительной степени не допускали к ведению войн, финансам, изданию законов, управлению государством, искусству и науке. Мужчины рассматривали в качестве создающих цивилизацию только такие сферы деятельности, как история дипломатии, экономическая история, конституционная история, политическая история и история культуры. Женщины фигурировали в основном как исключения, о ком говорили, что они так же безжалостны как мужчины, или они писали, как мужчины, или у них был «мужской ум». Восстанавливая справедливость в этом вопросе, история женщин с самого начала признала, что так называемой «компенсирующей» истории недостаточно. Это не должно быть историей выдающихся женщин, хотя и их тоже необходимо вернуть на заслуженные ими места. Это также не может быть историей женщин, помещенной рядом со списком дипломатической истории, экономической истории и т.д. Феминистская наука в истории, как и в антропологии, сфокусировалась прежде всего на вопросе статуса женщин. Здесь и во всей работе я использую «статус» в расширенном смысле по отношению к положению и власти женщины, т.е. роли и положению женщины в обществе по сравнению с мужчиной.

Выражаясь исторически, это означает посмотреть на эпохи и великие социальные движения с точки зрения освобождения или подавления потенциала женщин, их значения для прогресса «ее», а также «его» личности. Когда это будет сделано, когда человек признает, что женщины — часть человечества во всех смыслах этого слова, тогда период или ряд событий, с которыми мы имеем дело, приобретет полностью иной характер. Действительно, мы видим постоянный пример относительной потери статуса женщинами как раз в периоды так называемых прогрессивных изменений. Так как новые драматические перспективы, которые открываются вследствие изменения точки наблюдения, уже обсуждались на нескольких конференциях, я буду краткой¹. Позвольте мне просто показать, что если мы обратимся к известному изречению Фурье, что эмансипация женщин есть показатель общей эмансипации эпохи, то наши представления о так называемых прогрессивных изменениях, таких, как классическая афинская цивилизация, Возрождение и Французская

революция, переживают поразительную переоценку. Для женщин в Афинах «прогресс» означал конкубинат и затворничество жен в гинекеях. В Европе эпохи Возрождения он означал «прикрепление» жены буржуа к дому и усиление охоты на ведьм, преследование черной магии, которое перешло классовые границы. И Великая французская революция быстро закрыла женщинам доступ к свободе, равенству и братству. Внезапно мы видим данные эпохи с новой стороны, и каждый взгляд видит картину по-своему.

Только один из этих взглядов был представлен историей до настоящего момента. Указанные периоды в истории оценивались с наиболее удобной для мужчин точки зрения. В частности, либеральная историография, которая рассматривает все три периода как стадии прогрессивной реализации индивидуалистического общественного и культурного порядка, утверждает, не принимая во внимание доказательства, что женщины разделяли эти достижения прогресса с мужчинами. Например, почти все историки, занимавшиеся эпохой Возрождения, довольствовались помещением женщин именно туда, куда их поставил Яков Буркхардт в 1890 г.: «на фундамент полного равенства с мужчинами». Потому что в период, который отвергал иерархию классов и иерархию церковных ценностей в восстановлении классической, вечной культуры, не было даже, как заявляют ученые, и «разговора о «правах женщин» или эмансипации просто потому, что это было само собой разумеющимся»². Хотя два десятка женщин могли быть приравнены к гуманистическим стандартам культуры Возрождения, главное здесь то, что *только* два десятка женщин могли быть к ним приравнены. Разрабатывать эту проблему — значит осознать тот факт, что «возрождения» для женщин не было, по крайней мере в эпоху «Возрождения». Наоборот, было отчетливое ограничение возможностей для женщин. Более того, это ограничение является следствием того самого развития, которым славится эпоха³.

Феминистская историография нарушила принятую оценку исторических периодов. Она вывела нас из заблуждения о том, что история женщин и история мужчин — это одно и то же и что значительные точки поворотов истории имеют одинаковое значение для обоих полов. Сейчас некоторые историки доходят до

того, что утверждают, будто из-за особенной связи женщин с репродуктивной функцией история могла бы (а история женщин и должна бы) быть переписана и должна появиться новая периодизация с этой точки зрения, согласно основным поворотным моментам, касающимся деторождения, сексуальности, структуры семьи и т.д. В этом отношении Джулиет Митчелл оценивает современную контрацепцию как «всемирно-историческое событие», хотя логика ее (и моей) мысли протестует против периодизации, которая в первую очередь приспособлена к изменениям в рождаемости. Подобный критерий грозит оторвать психологическое развитие и семью от изменений в общем социальном строе или полностью поменять местами причину и следствие. Таким образом, я вижу в них потенциальную изоляцию истории женщин от того, что до сих пор рассматривалось как основное направление социальных изменений.

По-моему, более обещающим в смысле периодизации истории женщин является то, что она становится *относительной*. Она устанавливает связь между историей женщин и историей мужчин, как это показал Энгельс в «*Происхождении семьи, частной собственности и государства*», увидя в обычных социальных изменениях причины для продвижения одного пола и подавления другого. Трактованная таким образом традиционная концепция периодизации может быть запросто сохранена, и, более того, должна быть сохранена, так как она отражает основные структурные изменения в обществе. Но, оценивая эти изменения, нам необходимо рассмотреть их воздействие на женщин отдельно от мужчин. Теперь мы ожидаем, что воздействие может быть не просто другим, а прямо противоположным, и эта противоположность будет общественно объяснимой. Когда женщинам не позволяют пользоваться плодами экономического, политического и культурного прогресса, полученными в определенные периоды, ситуация дает женщинам исторический опыт, отличный от того, который получают мужчины. Именно на эти «периоды прогресса» мы должны обратить внимание, чтобы найти причины для такого разделения полов.

Пол как социальная категория

Два убеждения скрыты в этом — более полным и более сложном — смысле периодизации. Первое — женщины действительно формируют особую социальную группу. Второе — незаметность этой группы в традиционной истории нельзя приписывать женской натуре. Эти два утверждения, которые четко проявляются в феминистском сознании, совершают другое родственное изменение в концептуальных основах истории, вводя пол как категорию общественной мысли.

Феминизм сделал очевидным то, что один только факт бытия женщиной означает особенный тип социального и, следовательно, исторического опыта, но точное значение слова «женщина» в этом историческом и социальном смысле не было совсем ясно. Чем объяснить «другое» положение женщин и что сохраняет его исторически? Манифест «Красных чулок» 1969 г. утверждал, что «женщины — угнетаемый класс» и что отношения между мужчинами и женщинами это классовые отношения, что «сексуальная политика» — это политика классового господства. Наиболее плодотворным последствием концепции «женщины- общественный класс» стало расширение классового анализа применительно к женщинам со стороны таких марксисток — феминисток, как Маргарет Бенстон и Шейла Роуботэм⁴. Они проследили корни второстепенного статуса женщины в истории, поскольку женщины как группа имели особое отношение к производству и собственности почти во всех обществах. От подобного отношения к работе и происходят персональные и психологические последствия вторичного статуса. Как проясняют сами Роуботэм и Бенстон, одно дело применить инструменты классового анализа к женщинам, а другое дело утверждать, что женщины *являются* классом. Женщины принадлежат к общественным классам, и новая история женщин, и истории феминизма подтвердили это, демонстрируя, например, как разделение на классы подорвало и расшатало «первую волну» феминистского движения в несоциалистических странах и как феминизм быстро подчинился классовой борьбе в социалистическом феминизме⁵.

С другой стороны, если женщины и могут разделять интересы и убеждения мужчин их класса, то как группа они не вписы-

ваются в мужскую систему классов. Хотя я бы поспорила с высказыванием, что женщины всех классов, во всех культурах и во все времена имели вторичный статус, существует достаточно доказательств, что это было обычным в большинстве культур, если не везде. С рождения цивилизации и, следовательно, истории правильным — отличным от доисторических обществ — общественным строем считался патриархат. Делает ли это женщин кастой, родом, низшим по происхождению? В этом утверждении есть свой смысл, как и в другом, полученном в основном из американского опыта, который рассматривает женщин как меньшинство (minority group)⁶. Ощущение «непохожести», которое содержат обе эти идеи, необходимо для нашего исторического понимания женщин как подавляемой социальной группы. Они помогают нам оценить социальное формирование «женственности» как средство «интернализации» предписанного низшего положения, что одновременно служит для манипуляции тем, у кого есть власть, недоступная женщинам. В качестве объясняющих концептов понятия «каста» и «социальная меньшинство» по отношению к женщинам непродуктивны. Почему большинство должно быть меньшинством? И почему так, что члены конкретной касты (женской), в отличие от всех остальных каст, не находятся на одном уровне в обществе? Женская психология как психология меньшинства, так же как и их статус касты и полуподавляемого класса, необходимо связаны с универсальной отличительной чертой всех женщин — их полом. Любое усилие определять женщин в терминах социальных категорий, которые затемняют этот фундаментальный факт, обречено на провал. Как резко заявила Герда Лернер, «Все аналогии — класс, меньшинство, группа, каста лишь приблизительно передают позицию женщин, но не могут определить ее адекватно. Женщины — это категория в себе, и адекватный анализ их позиции в обществе требует концептуально новых приемов»⁷. Короче говоря, женщин следует определять как женщин. Мы социальная оппозиция, но не класса, не касты или большинства (ибо мы и есть большинство), а пола мужчин. Мы есть пол, и категоризация по роду подразумевает материнство или подчинение мужчинам не более как социальную роль и отношения, сконструированные и наложенные обществом.

Большая часть первоначального возбуждения в women's studies состояла в этом открытии: то, что принималось за «естественное», оказалось на самом деле придумано мужчинами: и социальный строй, и описание этого строя как естественного и физически обусловленного. Примеры такой идеологической аргументации восходят к истории Евы, но общественные науки шли тем же путем, продолжая оправдывать патриархат. Феминистский психолог говорит: с точки зрения науки неприменимо пропагандировать естественное превосходство женщин как рождающих и воспитывающих детей, когда было проведено так мало исследований о влиянии взаимодействия мужчины и ребенка или отца и ребенка, на последующее развитие ребенка⁸. Антрополог воздержится поддержать так называемое научное утверждение, что моногамная семья и мужское доминирование свойственны всем приматам. На самом деле она подчеркнет, что «эти черты не повсеместны среди приматов, включая и тех приматов, которые являются очень близкими родственниками человека». А когда мужское превосходство и иерархия действительно появляются, это «может оказаться адаптацией к особенностям окружающей среды»⁹.

Историки не могли претендовать на некое особое знание «естественных» ролей и отношений полов, но они знали, каким был (или должен был быть) порядок. История просто имеет тенденцию подтверждать это. «Словарь художников и граверов» Брайана, вышедший в 1904 г., рассказывает об одной художнице эпохи Возрождения по имени Пропертия Росси: «Леди из Болоньи, известная как скульптор и резчик по дереву, но также занимавшаяся гравюрой по меди; училась рисованию и композиции у Марка Антонио. Славилась своей красотой, добродетелями и талантами; умерла в молодом возрасте в 1530 г. от неразделенной любви. Ее последней работой был барельеф «Иосиф и жена Потифара!» Восклицательный знак, как тычок в ребро, заканчивает словарную статью, обращая внимание на то, что «леди» (что здесь не является титулом), которая была красива и несчастлива в любви, от природы заинтересована именно этим. На самом деле историки *знали*, почему среди женщин не было великих художниц. Данная проблема не была исторической, пока историк искусств, феминистка Линда Ноклин не поставила вопрос

по-другому и стала искать причину не в природном даре, а в условиях жизни¹⁰.

Когда же вопрос о месте женщин встал открыто и историки-мужчины, например Х.Д. Китто, поднялись на защиту «их» общества (в его случае — греческого общества), естественный порядок вещей снова пришел на помощь¹¹. Если в Афинах женам запрещалось выходить без разрешения, то не потому ли, что они были слишком нежны для трудностей, связанных с путешествиями в те дни? Если они не играли никакой роли в политической жизни деятельности, которая была предметом гордости грека, то не потому ли, что управление — это «вопросы, которые, несомненно, могли решать только мужчины с их опытом, и только мужчины могли претворить их в жизнь своими силами»? Если девочек не учили в школе, не потому ли, что их обучали искусству быть женой гражданина, матерью? («Если мы скажем «домоводство», утверждает Китто, это будет звучать унижительно, но если мы скажем Наука о доме, то это будет звучать вполне респектабельно, и мы увидим, насколько разнообразна и сложна была эта наука»). Но главный аргумент Китто — это семья: ее религиозная и общественная важности в Афинском обществе. Его рассуждения по этому вопросу звучат для нас, как незаконченное предложение. Он справедливо показывает, что вымирание рода или растрата наследства считались бедствием. Но для него данный факт является аргументом, так как он считает, что данная позиция для женщины «естественна», она должна служить семье и продолжать род, воспитывая законных наследников, к которым перейдут наследство и семейные традиции. Если в условиях греческого общества выполнение этих обязанностей требовало полной отдачи себя хозяйству, то это оправдывает правовую неспособность жен. Что касается других порядков по отношению к женщинам, установленных законом в Афинах, то внебрачное сожитительство (конкубинат) не упоминается, а гетеры — это «авантюристки, которые сказали «нет» серьезной жизни. Разумеется, они забавляли мужчин, но, друг мой, никто *не женится* на такой женщине».

Китто писал свою работу в 1951 г.

Если нашему пониманию вклада Греции в развитие общественной жизни и сознания требуется адекватное представле-

ние жизненного опыта женщин, то и порядок отношений между полами, сформированный институтами семьи и государством, является вопросом, к которому мы сейчас относимся не просто как к достойному исторического рассмотрения, но как центральному в истории. Я считаю, что это второй серьезный вклад, который история женщины сделала в теорию и практику истории в целом. Мы сделали из пола категорию столь же фундаментальную для нашего анализа общественного строя, как и другие классификации, например класс и раса. И мы считаем отношения полов, как и отношения рас и классов, скорее общественно, нежели естественно установленными: у них есть свое развитие, варьирующееся в общественной организации. Воплощенные и сформированные общественным строем отношения полов должны быть цельными в любом их изучении. Наша новая периодизация отражает оценку исторических изменений с выгодной стороны, как для позиции мужчин, так и для позиции женщин. Использование нами пола как социальной категории означает, что сама наша концепция исторических изменений, как изменений в общественном строе, расширена, настолько, чтобы включить туда изменения в отношениях полов.

Я нахожу идею общественных отношений полов, которая является центром развития данной концепции, одновременно новой и центральной в феминистской науке и работах, ею стимулированных. Историк искусства Кэрол Дункан, относясь с уважением к современному эротическому искусству, задает вопрос, «какие отношения между мужчиной и женщиной оно подразумевает», и находит, что об отношениях господства и подчиненности начинали больше говорить как раз в тот период, когда требования женщин о равенстве находили признание¹². Мишель Розалдо, соредатор сборника научных работ феминистских антропологов, говорит о необходимости для антропологии развивать теоретический контекст, «внутри которого могут быть исследованы и поняты социальные отношения полов»¹³. В самом деле, почти все статьи в этой коллективной работе о структуре порядка отношений между полами — патриархальными, матрифокальными или другими об обществах, к которым они обращались. В истории искусств, антропологии, социологии и истории изучение статуса женщин неизменно ведет к усилению

социального и относительного характера идеи пола. Оценка деятельности, власти и культуры женщин может быть определена только в относительных терминах: в терминах сравнения и противопоставления оценки деятельности, власти и культуры мужчин в отношении к общественным институтам и общественному развитию, которые формируют порядок отношений между полами. Чтобы закончить эту тему, позвольте мне процитировать приветствие Натали Земон Дэвис участникам Второй Беркширской конференции по истории женщин в октябре 1975 г.: «Мне кажется, что нам следует заниматься и историей женщин, и историей мужчин, что нам не следует работать над проблемами данного пола больше, чем историк может сфокусироваться над проблемой класса крестьян. Наша цель — понять значение *полов*, гендерных групп в историческом прошлом. Наша цель — открыть диапазон половых ролей в различных обществах и периодах; понять, какое значение они имели и как функционировали, чтобы поддержать общественный строй или обеспечить его изменение»¹⁴.

Теории социальных изменений

Если отношения между полами так же важны для понимания человеческой истории, как и общественные отношения между классами, то сейчас необходимо проработать взаимосвязь между изменениями в классах и отношениях полов. Для этого я предлагаю рассмотреть значительные изменения в ролях мужчин и женщин в свете фундаментальных изменений в способе производства. Я не предлагаю простую социоэкономическую схему. Теория социальных изменений, включающая в себя отношения между полами, должна принимать во внимание то, каким образом общие изменения в производстве влияют на производство в семье и, следовательно, формируют соответствующие роли мужчин и женщин. Необходимо также рассмотреть течения в других направлениях: влияние семейной жизни и отношений между полами на духовную и общественную формацию.

Изучение изменений в общественных отношениях между полами довольно ново, даже если мы проследим его до Баховена, Моргана и Энгельса. Энгельс, в частности, прочно утвердил социальную природу отношения женщины к мужчине. Единственное изменение в этом отношении, которое интересовало его

(хотя и главное): переход к патриархату с продвижением от родовой общины к цивилизации и низвержение патриархата с приходом социализма. Его анализ подчинения женщин в условиях появления частной собственности и классового неравенства является сегодня базовым для феминистской науки. Энгельс не оказал почти никакого влияния на историческую науку, за исключением влияния на такого теоретика-социалиста, как Август Бебель и некоторых историков, занимающихся вопросами женщин, таких как Эмили Джеймс Патнэм и Симона де Бовуар, но современные усилия понять социальные причины патриархата и причины, по которым патриархат принимает различные формы, имеют тенденцию подтверждать его идеи об общественных отношениях между полами. Определенные выводы, которые, в свою очередь, открывают новые направления исторических и антропологических исследований, могут быть сделаны из этой работы. Первый: «...социальное положение женщин не всегда и не везде или не во всех отношениях было подчинено мужчинам»¹⁵. Здесь я цитирую антрополога, потому что в историческом плане любой другой порядок, кроме патриархата, изучен гораздо меньше. Доминирующий причинный вопрос, возникающий в ходе антропологических исследований организации отношений между полами (в сборнике Розалдо и Ламфер, о котором я упоминала), таков: так ли и если так, то до какой степени домашняя и общественная сферы деятельности отделены друг от друга. Хотя то, что составляет «домашнее» и «общественное», различается от культуры к культуре и линии демаркации размечены по-разному; закономерность появляется, когда общества поставлены на весы, где на одной чаше семейная и общественная деятельность соединены, а на другой — домашняя и общественная деятельность резко отличаются друг от друга.

Там, где семейная деятельность совпадает с общественной, статус женщин сравним или даже выше статуса мужчин. Такая структура хорошо согласуется с идеями Энгельса, потому что в подобной ситуации средства к существованию и средства производства общие, и коммунальный тип ведения хозяйства является центром домашней и общественной жизни. Так, в данном типе общества, где производство для обмена невелико и где частная собственность и классовое неравенство не развиты, не-

равенство полов наименее заметно. Роли женщин так же разнообразны, как и роли мужчин, хотя полоролевые различия все же существуют; власть скорее разделена между мужчинами и женщинами, нежели отдана полностью мужчинам, женщины высоко ценятся культурой; и мужчины, и женщины имеют сравнимые сексуальные права.

Самое большое, что можно сказать о разделении труда по полу в обществах, находящихся на этой чаше весов, это то, что существует тенденция к группировке мать/ребенок или женщины/дети и тенденция предоставлять охоту и ведение войн мужчинам. Такое «естественное» разделение труда, если оно существует, еще социально не обусловлено. То есть мужчины, как и женщины, заботятся о детях и занимаются домашним хозяйством, а женщины, как и мужчины, охотятся. Общественная организация работы, а также ритуалы и ценности, выходящие из нее, не нацелены на разделение полов и на подчинение одного пола другому. Они нацелены на это только на другой чаше весов, где домашняя и общественная деятельность четко отделены друг от друга. Женщины продолжают активно участвовать в производстве по всей длине шкалы (и должны продолжать до тех пор, пока существует значительное классовое и материальное неравенство), но они постепенно теряют контроль над собственностью, произведенной продукцией и самими собой по мере увеличения излишков. Развивается частная собственность, и общественное (communal) домашнее хозяйство становится частной экономической ячейкой, а семью (расширенную или нуклеарную) представляет мужчина. Сама семья, сфера деятельности женщин, в свою очередь, подчинена более широкому социальному или общественному порядку и управляется государством, которое стремится стать сферой деятельности мужчин. Вот самая обычная картина, представленная историей.

По мере нашего продвижения по шкале в данном направлении становится ясно, что неравенство полов связано с контролем над собственностью. Интересно заметить в этом отношении, что в некоторых обществах классовое неравенство проявляется через половое. Женщины, имеющие в собственности, например, домашний скот, могут использовать его, чтобы купить «жен», которые будут им прислуживать¹⁶. Этот пример,

который, кажется, смешивает пол и класс, на самом деле показывает, как отличаются отношения полов и классов. Хотя собственность устанавливает классовое неравенство среди таких женщин, тем не менее именно «жены», т.е. женщины как группа, составляют не имеющий собственности обслуживающий слой общества, прикрепленный к домашней работе, включая работу в саду и огороде.

Как же развивается это прикрепление женщин к домашней работе и какие формы оно принимает? Этот процесс является одним из основных вопросов, стоящих перед феминистской антропологией и историей. По определению, данный вопрос отвергает традиционные, простые биологические «причины» для определения женщин как домашних человеческих существ. Приватизация воспитания детей и домашней работы, как и разделение труда по полу, — это общественные, а не естественные процессы. Я предполагаю, следовательно, что, разбирая данную проблему, мы продолжаем считать *отношения собственности* как основополагающий фактор разделения труда по полу и организации отношений между полами. Чем больше домашняя и общественная сферы отделены друг от друга, тем больше работы, а следовательно, и собственности двух различных видов. Существует продукция для собственного потребления и продукция обмена. Однако производительная система общества организована, работает, как писал Маркс, как постоянный процесс, воспроизводящий себя: его материальные средства и инструменты, людей и социальные отношения между ними. В этом постоянном процессе (воспроизводства, по Марксу) производительная работа общества включает рождение потомства и последующую социализацию детей, которые должны найти свои места в данном общественном строе. Я предполагаю, что на формирование отношений между полами влияет способ организации рождения детей и их социализации, как они организованы по отношению к организации труда, результатом которого являются продукты для внутреннего потребления и /или обмена. В общем, патриархат как общественный строй означает, что женщины — собственность мужчин в содержании и воспроизводстве новых членов общества; что данные отношения производства выработаны в организации семьи и родственников

связей; что другие виды деятельности, такие, как производство товаров и услуг для немедленного пользования, в основном, хоть и не всегда, прикреплены к этим функциям деторождения и воспитания.

Неравенство полов, подобно неравенству классов, восходит к отношениям собственности и формам труда в этой схеме, но существуют явные различия между ними. В общественной сфере, под которой я подразумеваю общественный строй, который вырастает из организации труда в обществе и общих материальных ценностей, классовое неравенство первостепенно. Для отношений между полами контроль или отсутствие контроля над собственностью, разделяющие людей на владельцев и рабочих, не столь значимы. Что здесь *важно*, так это следующее: есть ли у женщин равные возможности по отношению к труду и собственности по сравнению с мужчинами *их же класса*.

В домашнем хозяйстве или в семье, с другой стороны, где владение собственностью имеет частный характер, неравенство полов первостепенно и пронизывает все классы. Что примечательно для отношений в семье — это то, что женщина в семье, подобно крепостным в феодальной Европе, могла обладать собственностью и могла сама быть собственностью. В подтверждение — цитата из античного описания раннего римского закона: «женщина, присоединенная к своему мужу священным браком, должна участвовать во всех его владениях и священных обрядах... Этот закон обязует как замужних женщин, не имеющих другого пристанища, полностью подчиняться праву своих мужей, так и мужей управлять своими женами, как необходимой и неотделимой собственностью. Соответственно, если жена добродетельна и во всем послушна мужу, она становится хозяйкой дома в равной степени с мужем — хозяином и после смерти мужа она становится наследницей, так же как и дочь. Но если она непослушна, пострадавшая сторона будет ей судьей и определит меру наказания.»¹⁷

Независимо от класса и права собственности (хотя они интересным образом меняют ситуацию) женщины в основном функционировали как собственность мужчин в аспектах производства и воспитания потомства для продуктивной работы

общества. Женщины составляют часть средств производства в частном семейном способе труда.

Короче говоря, патриархат чувствует себя дома «как дома». Отдельная семья его собственное владение. Но исторические формы, которые принимает патриархат, как и само его происхождение, должны быть прослежены до способа производства в обществе. Отношения между полами варьируются в зависимости от организации собственности и труда, потому что эта организация формирует и семью, и общественную сферу и устанавливает их приближения и расхождения.

Эти отношения между домашним и общественным порядком, в свою очередь, объясняют множество неожиданных противопоставлений и сопоставлений, выраженных в нашей новой исторической периодизации. Размывая границы между семьей и обществом, мы уменьшаем список проявлений неравенства полов, включая двойной стандарт, например, как для женщин класса феодалов, так и для знатных женщин в развитых капиталистических обществах. Статус знатной женщины в период феодализма был высоким до подъема государства, когда семейный уклад был *общественным* для ее класса; простор, который давала женщине-аристократке семейная политическая власть, включал церковь, где у нее в распоряжении были свои сферы. Сегодня снова две данные области сближаются по мере того, как частные домашние обязанности (воспитание детей, производство продуктов питания и одежды и т.д.) становятся социально организованы. Женщины снова могут работать и общаться вне дома, а разделение труда по полу, хотя еще и не полностью преодоленное, кажется все более неразумным.

Там, где домашняя и общественная сферы отделены друг от друга, половое неравенство становится явным, одновременно появляются требования женского целомудрия и проституции. Именно так было в Афинах классического периода, где частное домашнее хозяйство было основной формой производства, а общественный уклад полиса составляло множество таких хозяйств, которые подчинялись ему. Жены горожан были привязаны к своему домашнему хозяйству: к рождению законных наследников и наблюдению за работой домашних рабов. Жены, будучи необходимыми для общественного строя, не принимали участия

в общественной жизни, а свободные женщины, выпавшие из домашнего уклада, выпадали и из общества. Положение женщин сильно напоминало положение женщин среднего класса в Европе Нового времени, хотя здесь капиталистическое товарное производство вышло из границ дома и стало общественно организованным. Капиталистическое производство превратило семью рабочих — после первоначального, почти катастрофического нападения на нее — в часть общественного производства. В современном обществе семья стала сферой производства и обучения рабочего класса. Она же стала надуманной причиной, по которой женщины получали меньшую зарплату, работали на непостоянной основе, и заработки их должны были быть добавлены к заработкам мужчин, к которым они были сексуально прикреплены, неважно где, в семье или вне семьи. Семья также служила компенсацией рабочему, чьи средства были отчуждены от него, но чьей частной собственностью была жена.

Такова была общественно обусловленная роль семьи при капитализме, и женщины, как из рабочего класса, так и из класса собственников, как в семье, так и вне ее, жили жизнью, сформированной структурой общественных отношений.

Разумеется, основная причина изучения общественных отношений полов — политическая. Понимание интересов, за исключением личных интересов отдельных мужчин, стремящихся сохранить неравенство полов, уже само по себе несет освобождение. Оно отрывает многовековую несправедливость от слепых операций общественных сил и открывает нам возможность выбора. Вот почему мы пытаемся понять форму и структуру домашнего уклада, к которому женщины были привязаны, главным образом через организацию производительных сил общества.

Но история женщин открывает новую половину истории, рассматривая их как действующих лиц, а семью — как производительную и общественную силу. Самая волнующая и новая задача изучения отношений между полами все еще перед нами: оценить, как все мы, мужчины и женщины, изначально очеловеченные, превратились в общественные существа с помощью того домашнего уклада, к которому были прикреплены в первую очередь женщины. Его характер и структура управляют на-

шим сознанием, и именно через призму этого сознания мы впервые видим, толкуем наш мир. Понимание исторической важности женщин, семьи и отношений между полами для общества является менее очевидной политической целью, но возможно, более феминистской. Поэтому, если можно показать, что историческая концепция цивилизации включает психологические функции семьи, то с пониманием этого факта мы можем настаивать, что любая перестройка общества ведет за собой перестройку семьи, семьи любого типа; и все эти семьи существуют не как отношения собственности, а как личные отношения свободно объединенных людей.

Примечания

¹ Дж.Келли ссылается на ряд конференций и симпозиумов женщин-историков в США в середине 70-х гг. См.: Kelly J. Op.cit. P. 16 (прим. редактора).

² The Civilization of the Renaissance in Italy. London, 1950. P.241.

³ Келли упоминает несколько современных работ о женщинах эпохи Ренессанса, среди которых: Bell S. Christine de Pizan /Feminist Studies. Winter 1975/1976; King M.L. The Religious Retreat of Izotta Nogarola, 1418-66 //Signs. 1978. #3. P.807-822; Kelly J. Did Women Have a Renaissance? // Kelly J. Op.cit.

⁴ Redstockings Manifesto //Sisterhood is Powefull / Ed. by R.Morgan. New York, 1970. P.533-536; Benston M. The Political Economy of Women's Liberation. New York, 1970\$ Rowbotham S. Woman's Consciousness, Man's World. Middlesex, 1973.

⁵ Flexner E. Century of Struggle. New York. 1970; Rowbotham S. Women, Resistance, and Revolution. New Yor, 1974.

⁶ См.: Hacker H.M. Women as a Minority Group //Social Forces. 1950. №30. P.60-69.

⁷ Lerner G. The Feminists: A Second Look //Columbia Forum. 1970. №13. P.24-30.

⁸ Wortis R.P. The Acceptance of the Concept of Maternal Role by Behavioral Scientists:Its Effects on Women // American Journal of Orthopsychiatry. 1971. №41. P.743-746.

⁹ Gough K. The Origin of the Family // Journal of Marriage and the Family. 1971. №33. P.760-771.

¹⁰ Nochlin L. Why Have There Been No Great Women Artists?// Art News. 1971. №9.P.22-39; 67-71.

¹¹ Kitto H.D. *The Greeks*. Baltimore. 1962. P.219–236.

¹² См.: Duncan C. *Virility and Domination in Early 20th Century Vanguard Painting* // *Artforum*. 1973. №12. P. 30–39.

¹³ *Women, Culture and Society*. Ed. by M.Z. Rosaldo. L. Lamphere. Stanford Univ.Press. 1974. P. 17.

¹⁴ Davis N.Z. *Women's History in Transition: The European Case* // *Feminist Studies* Winter 1975/76. № s. P. 90.

¹⁵ Sacks K. *Engels Revisited* // *Women, Culture and Society*. P.207.

¹⁶ *Women, Culture and Society*. P.149, 216.

¹⁷ Dionysius of Halicarnasus. *The Roman Antiques*. Cambridge. 1971. P.381–382.

Приложение

Центр женской истории и гендерных исследований в Тверском государственном университете

Среди пионеров движения за развитие женских и гендерных исследований в России и их интеграцию в систему высшего образования — преподаватели и аспиранты Тверского государственного университета, объединенные ныне в Центр Женской Истории и Гендерных Исследований. Выросший из кружка женщин — ученых, преподавательниц, студенток и активисток женского движения — Тверской центр был создан в мае 1998 года при кафедре социологии и политологии на факультете управления и социологии. Инициаторами его создания и участниками в работе по распространению гендерных знаний были также преподаватели и аспиранты других университетских кафедр и факультетов: истории, филологии, романо-германской филологии, истории и теории культуры, истории русской литературы, психологии и социальной работы, физического факультета.

Центр образован с целью координации научных исследований, разработки учебных курсов и продвижения гендерного анализа в традиционные учебные дисциплины по гуманитарным и общественным наукам в ТГУ, а также с целью гендерного просвещения общественности в Тверском регионе. В декабре 1999 г. решением Ученого Совета Центр приобрел официальный статус научно-образовательного учреждения в ТГУ. Директором Центра назначена доцент кафедры социологии и политологии В.И. Успенская.

Основные направления работы

Тверской Центр женской истории и гендерных исследований накопил большой опыт в продвижении идеи гендерного равенства через образование населения (гендерные курсы для студентов в официальном расписании университета и в рамках Вечерней школы для общественности города); через проведение гендерных исследований и публикация их результатов (в том числе, в местных СМИ), а также проведение международных, российских, городских, студенческих конференций по проблемам гендерного равенства; через просвещение обществен-

ности (проведение школ женского лидерства, семинаров-тренингов по правам женщин; семинаров-тренингов для социальных работников; организация Недели женской истории с 1993 г.; участие в работе Женской ассамблеи Тверской области).

С осени 1997 г. постоянным проектом ЦЖИГИ стала Вечерняя школа по женским и гендерным исследованиям. Бывшие слушательницы Вечерней школы и участницы семинаров-тренингов по женскому лидерству есть среди депутатов Тверской Городской думы, в ряде городских и областных газет и на местном ТВ, где ведут женскую тему, а также среди создателей и сотрудниц городского Кризисного центра для женщин. Как показали наши опросы выпускниц Школы, женщины считают, что участие в программах гендерного образования во многом способствовало повышению их гражданской активности и *сознательному* участию в женском движении. Некоторые отмечали, что в результате знакомства с гендерной проблематикой и материалами по правам женщин сумели справиться с кризисной и стрессовой ситуацией, в которой оказались, и добиться справедливости.

Хорошие возможности для продвижения гендерного равенства появились у Центра в связи развитием издательской деятельности, тем более что Центр постепенно собрал вокруг себя специалистов не только в области женских и гендерных исследований и преподавания, но и профессиональных издателей, переводчиков с гендерными знаниями, а также «гендерно продвинутых» программистов. Начиная с 1997 г., в Центре существует традиция публиковать сборники научных статей под общим названием «Женщины. История. Общество», учебно-методических материалы к учебным курсам, собственные переводы значимых феминистских текстов с английского и немецкого языков, «забытые» тексты российских авторов-женщин, документы по истории женской эмансипации (см. на сайте страницы: «Публикации» и «Феминистская коллекция» — <http://tvergenderstudies.ru>)

В этих изданиях мы впервые познакомили российскую общественность с неизвестными современным читателям текстами участниц дореволюционного женского движения в России (таких как О. Закута, Е. Щепкина, А. Коллонтай); опубликовали

переводы текстов известных западных теоретиков феминизма XX в. Впервые издали на русском языке полный текст одного из самых ранних документов истории женского движения за равноправие — Декларацию прав женщины-гражданки Олимпии де Гуж 1792 года.

К печати готовятся следующие издания: Е.Н.Щепкина. «Из истории развития женской личности в России»; «Тверская женская история», «Победа женскими глазами: Опыт коллективной памяти», автобиография Лидии Чарской «Моя повесть о самой себе», антология «Мужские ответы на женский вопрос в России», «Пол и гендер в науках о человеке и обществе», «Гендер по-русски: преграды и пределы», третий выпуск научного сборника «Женщины. История. Общество».

Контактная информация

- *Адрес:* 170100, Тверь, Студенческий пер., 12., комн.313
- *Телефон:* (0822) 34 70 17
- *Факс:* (0822) 34 43 73
- *Электронная почта:* tcwhgs@yahoo.com
- *Адрес в Интернете:* <http://tvergenderstudies.ru>

В. Успенская

Центр изучения и пропаганды женского творчества (Тверская региональная общественная организация)

Для чего мы объединились

Региональная общественная организация «Центр изучения и пропаганды женского творчества» официально существует с мая 2003 г., но деятельность ее началась гораздо раньше и была инициирована филологами, изучающими творчество русских писательниц XIX века. В процессе своих занятий мы имели возможность наглядно убедиться в том, что история творческой деятельности женщин в разных областях искусства до сих пор не изучена и практически никому не известна. Так возникла мысль о создании организации, объединяющей тех, кто внутренне не согласен с ситуацией «неприсутствия» женщин в истории. Реальная роль женщин в культуре во все времена была гораздо более значительна, чем это представляется поверхностному взгляду. Концепция нашей деятельности основана на убежденности в том, что женская креативность как в прошлом, так и в настоящем, обладает огромным эстетическим и социальным потенциалом. В задачи организации входит научно-исследовательская и информационно-просветительская работа, а также поддержка творческой деятельности женщин Тверского региона, включая социальную реабилитацию с помощью искусства.

Что нами сделано пока

Контакты с населением

В Тверской областной специальной библиотеке для слепых им. М.И. Суворова организованы периодические встречи в литературной гостиной, на которых сотрудницы Центра знакомят читателей библиотеки с произведениями писательниц XIX века. Начато создание аудиобиблиотеки.

Налажено сотрудничество со средней школой № 34 на предмет интеграции в учебную программу произведений русских писательниц XIX века (учительница Галина Евгеньевна Бубнова). Основой занятий являются предложенные Центром мето-

дические разработки, рекомендации и материалы; сотрудницы Центра участвуют в проведении занятий.

На филологическом факультете проведены встречи с тверскими поэтессами М. Батасовой и А. Ключиной (2003 г.) и Д. Родиной (2004 г.).

Подготовлена музыкальная программа «Романсы на стихи русских поэтесс XIX века».

Подготовлена программа «Хранительницы традиций: тверские исполнительницы музыкального фольклора».

Выставки

В сотрудничестве с научной библиотекой Тверского государственного университета организована книжно-журнальная выставка произведений писательниц XIX в. Издан каталог выставки (2002 г.).

По нашей инициативе в Тверской областной картинной галерее подготовлена выставка «Глазами женщины: Произведения русских художниц XIX века в собрании Тверской областной картинной галереи». Издан каталог выставки (2003 г.).

Опубликовано и готовится к печати

При поддержке Центра семейного и детского чтения и Комитета по культуре Тверской области издан сборник «Задушевное слово: Произведения детских писательниц второй половины XIX начала XX века для детей младшего и среднего возраста». Тверь, 2004 (*Составитель Е.Н. Строганова*).

В сборниках научных работ, изданных в Твери, Москве, Коломне, Пскове, Берлине, опубликовано более 20 статей.

Подготовлен к изданию каталог «Прошлое и настоящее тверского народного костюма» (*Составитель С.Н. Лебедева*).

Находится в печати учебная книга «Русские писательницы первой половины XIX века. Пособие для факультативных занятий по литературе в 10 классе» (*Составители С.Н. Воробьева и Е.Н. Строганова*).

Подготовлен к печати сборник студенческих и аспирантских работ «Русская литература XIX века в гендерном измерении».

Учебные материалы

Подготовлен и используется в учебном процессе сборник художественных текстов для студентов филологического факуль-

тета и слушателей вечерней школы Центра женской истории и гендерных исследований «Русская женская проза XIX века» (2001 г.).

Подготовлен и используется в учебном процессе сборник научных статей «Женские авторы и женские персонажи в русской литературе XIX века» (2002 г.).

Организация и проведение конференций

Организовали и провели две международные научно-практические конференции: «Другая литература: женская проза в русском литературном каноне XIX века» (2002 г.) и «Женское письмо в дискурсах русской культуры XIX века» (2003 г.).

В рамках конференции, посвященной М.Е. Салтыкову-Щедрину, организовали секцию «М.Е. Салтыков и русские писательницы» (2003 г.).

В сотрудничестве с педагогическим факультетом в рамках международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание» организовали работу секции «Забытые имена: авторы XIX века о детях и для детей» (2004 г.).

Приняли участие в организации и проведении двух научных студенческих конференций с приглашением тверских поэтов: секция «...Она не просто женщина, а женщина-писательница...» (2003 г.); секция «Женские авторы в литературном процессе XIX века» (2004 г.).

Выступления на научных конференциях

На конференциях, прошедших в Твери, Москве, Коломне, Курске, Пскове, Иваново, Фрайбурге, Берлине и др., прочитано более 40 докладов.

Е.Н. Строганова